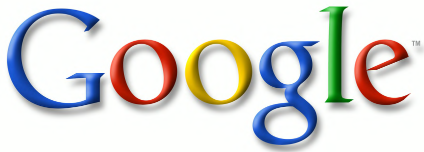
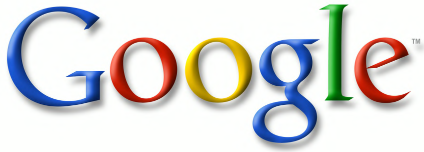

Bayard L. Kilgour, Jr.

VE
RI
TAS

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

Профессора ПЛАТОНОВА.

Читанныя въ 1898—99 учебн. году на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Юридической Академіи.

Выпускъ II-й.

Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи

поручики

Блиновъ и фонъ-Раупахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня». Гороховая, 12.
1899.

ЛЕКЦІИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРІИ

Профессора ПЛАТОНОВА.

Читанныя въ 1898—99 учебн. году на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Юридической Академіи.

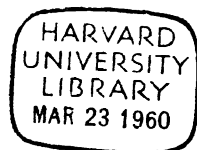
Выпускъ II-й.

Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи

ПОРУЧИКИ

Блиновъ и фонъ-Раупахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня». Гороховая, 12.
1899.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 23 1960

Первою темою настоящаго курса должны служить событія Московской исторіи второй половины XVI вѣка, иначе говоря, времени Іоанна Грознаго. Отсылая желающихъ ознакомиться съ внѣшнею исторіею этого періода къ соотвѣтствующимъ главамъ «Русской Исторіи» Бестужева-Рюмина, мы прямо обратимся къ характеристикѣ тѣхъ основныхъ явленій московской государственной и общественной жизни, которыми опредѣлилось содержаніе труднѣйшаго кризиса, пережитаго Московскимъ государствомъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій.

Въ основаніе московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: «это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи привелъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частно-владѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія, въ своемъ раскрытіи во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое «Смутное время». Нельзя, по нашему разумѣнію, приступить къ изложенію этого времени, не ознакомясь съ условіями, его создавшими, и не сдѣлавъ хотя краткаго отступленія въ эпоху сложенія Московскаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ понятіе власти московскаго государя входили два признака, одинаково существенныхъ и харктерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть московскаго государя имѣла патримоніальный характеръ. Происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчин-

ныхъ правъ и понятій, отличавшихъ власть московскихъ князей XIV—XV вѣка. Какъ въ старое время всякій удѣлъ былъ наслѣдственною собственностью, вотчиною своего «государя» удѣльнаго князя, такъ и все Московское государство, ставшее на мѣстѣ старыхъ удѣловъ, признавалось «вотчиною» царя и великаго князя. Съ Московскаго государства это понятіе вотчины переносилось даже на всю Русскую землю, на тѣ ея части, которыми московскіе государи не владѣли, но надѣялись владѣть: «не то одно наша отчина», говорили московскіе князья литовскимъ, «кои городы и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля..., изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». Вся полнота владѣльческихъ правъ князя на наслѣдственный удѣлъ была усвоена московскими государями и распространена на все государство. На почвѣ этой удѣльной преемности и выросли тѣ понятія и привычки, которыя Грозный выражалъ словами: «жаловати есмы своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмы». И самъ Грозный считалъ себя собственникомъ своей земли, и люди его времени смотрѣли на государство какъ на «домъ» или хозяйство государя. Любопытно, что одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ и непосредственныхъ, несмотря на вычурность слога, писателей конца XVI и начала XVII вѣка, Иванъ Тимоѳеевъ, обсуждая послѣдствія прекращенія московской династіи, всегда прибѣгалъ къ сравненію государства съ «домомъ сильножителя»: очевидно, такая аналогія жила въ умахъ той эпохи. Во-вторыхъ, власть московскаго государя отличалась національнымъ характеромъ. Московскіе великіе князья, распространяя свои удѣльныя владѣнія и ставъ сильнѣйшими среди сѣверно-русскихъ владѣтелей, были призваны исторіею къ дѣятельности высшаго порядка, чѣмъ ихъ прославленное удѣльное «скопидомство». Имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ, пришлось взять на себя задачу народнаго освобожденія отъ татаръ. Рано стали они копить силы для борьбы съ татарами и гадать о томъ, когда «Богъ перемѣнитъ Орду». Во второй половинѣ XIV вѣка борьба съ Ордою началась и на Куликовомъ полѣ, московскій князь впервые выступилъ борцомъ не только за свой удѣльный интересъ, но и за общее народное дѣло. Съ той поры значеніе московскихъ великихъ князей стало измѣняться: народное чувство превратило ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ народныхъ вождей, и уже Димитрій Донской заслужилъ отъ книжниковъ эпитетъ «царя русскаго». Пріобрѣтеніе Москвою новыхъ земель перестало быть простымъ собираніемъ «примысловъ» и пріобрѣло характеръ объединенія великорусскихъ земель подъ единою національною властью. Трудно рѣшить, что шло впередъ: политическая ли прозорливость московскаго владѣтельнаго рода, или же самосознаніе народныхъ массъ; но только во второй половинѣ XV вѣка національное государство уже сложилось и вело сознательную политику; ко времени же Грознаго готовы были и всѣ тѣ политическія теоріи, которыя провозгласили Москву «новымъ израилемъ», а московскаго государя «царемъ православія». Обѣ указанныя черты—вотчинное происхожденіе и національный характеръ—самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на положеніе царской власти въ XVI вѣкѣ. Если государь былъ вотчинникомъ своего

царства, то ему оно принадлежало, какъ собственность, со всею безусловностью владѣльческихъ правъ. Это и выражалъ Грозный, говоря, что онъ «родителей своихъ благословеніемъ, *свое* взялъ, а не чужое восхитилъ». Если власть государя опиралась на сознаніе народной массы, которая видѣла въ царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ національной независимости, то очевиденъ демократическій складъ этой власти и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ. Такимъ образомъ, московская власть была властью абсолютною и демократическою

Рядомъ же съ этою властью въ XV—XVI вѣкахъ, во главѣ административнаго и соціальнаго московскаго порядка, находилось московское боярство, котораго исторія съ такимъ интересомъ и успѣхомъ изучалась въ послѣднія десятилѣтія. Однако, это изученіе не привело еще изслѣдователей къ единомыслію. Не всѣ одинаково смотрятъ на положеніе боярства въ XVI вѣкѣ. Однимъ оно представляется слабою политически средою, которая, внѣ служебныхъ отношеній, не имѣла ни внѣшняго устройства, ни внутренняго согласія, ни вліянія на массы, и, стало быть, не могла выступить на борьбу съ властью за какой-либо сословный интересъ. Съ этой точки зрѣнія гоненіе Грознаго на бояръ объясняется проявленіемъ ничѣмъ не оправдываемаго тиранства. Другимъ наблюдателямъ, напротивъ, боярство представляется какъ олигархическій, организованный въ партіи кругъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя стремятся къ господству въ государствѣ и готовы на явную и тайную борьбу за вліяніе и власть. Такая точка зрѣнія освѣщаетъ политику Грознаго относительно бояръ совершенно иначе. Грозный только оборонялся отъ направленныхъ на него козней, «за себя сталъ» по его собственному выраженію. Наконецъ, третьи не считаютъ возможнымъ ни отрицать политическихъ притязаній боярства, ни преувеличивать значеніе происходившихъ между властью и боярами столкновеній до размѣровъ правильной политической борьбы. Боярство, по этому послѣднему взгляду, было родовою аристократіею, которая притязала на первенствующее положеніе при дворѣ и въ государствѣ именно въ силу своего происхожденія. Но эти притязанія не имѣли въ виду ограничить державную власть или вообще измѣнить государственный порядокъ. Въ свою очередь, и власть до середины XVI вѣка не противоставляла ничего опредѣленнаго боярскимъ притязаніямъ, не подавляла ихъ систематично и круто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не считала для себя обязательнымъ ихъ удовлетворять или даже признавать. Неопредѣленность стремленій и взглядовъ вела къ отдѣльнымъ, иногда очень крупнымъ недоразумѣніямъ между государемъ и слугами; но принципіально вопросъ о взаимномъ отношеніи власти и боярства не поднимался ни разу до того времени, пока дѣло не разрѣшилось опричниною и казнями Грознаго. Это послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ прочія.

Въ XVI вѣкѣ московское боярство состояло изъ двухъ слоевъ. Одинъ, болѣе древній, но не высшій, состоялъ изъ лучшихъ семей стариннаго класса «вольныхъ слугъ» московскаго княжескаго дома,

издавна несшихъ придворную службу и призываемыхъ въ государеву думу. Другой слой, позднѣйшій и знатнѣйшій, образовался изъ служилаго потомства владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, которое перешло на московскую службу съ удѣловъ сѣверо-восточной Руси и изъ-за Литовскаго рубежа. Такую сложность, составъ высшаго служилаго класса въ Москвѣ получилъ съ середины XV вѣка, когда политическое торжество Москвы окончательно сломило удѣльные дворы и стянуло къ московскому дворцу не только самихъ подчиненныхъ князей, но и слугъ ихъ—боярство удѣльныхъ дворовъ. Понятно, что въ Москвѣ именно съ этого времени должно было пріобрѣсти особую силу и важность мѣстничество, такъ какъ оно одно могло поддержать извѣстный порядокъ и создать болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія въ этой массѣ служилаго люда, среди новой для него служебной обстановки. Мѣстничество и повело къ тому, что основаніемъ всѣхъ служебныхъ и житейскихъ отношеній при московскомъ дворѣ XVI вѣка стало «отечество» лицъ, составлявшихъ этотъ дворъ. Выше прочихъ по «отечеству», разумѣется, стали титулованныя семьи, вѣтви старыхъ удѣльныхъ династій, успѣвшія съ честью перейти съ своихъ удѣловъ въ Москву, сохранивъ за собою и свои удѣльныя вотчины. Это, безспорно, былъ высшій слой московскаго боярства; до него лишь въ исключительныхъ случаяхъ служебныхъ отличій или дворцоваго фавора поднимались отдѣльные представители старыхъ не-княжескихъ боярскихъ фамилій, которыя были «искони вѣчные государскіе, ни у кого не служивали окромя своихъ государей» московскихъ князей. Эта-то избранная среда перворазрядныхъ слугъ московскаго государя занимала первыя мѣста вездѣ, гдѣ ей приходилось быть и дѣйствовать: во дворцѣ и на службѣ, на пирахъ и въ полкахъ. Такъ слѣдовало по «отечеству», потому что вообще, выражаясь словами царя В. Шуйскаго, «обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати». Такъ «повелось», и такой обычай господствовалъ надъ умами настолько, что его признавали рѣшительно всѣ: и сами бояре, и государь, и все московское общество. Быть совѣтниками государя и его воеводами, руководить политическими отношеніями страны и управлять ея областями, окружать особу государя постояннымъ «синклитомъ царскимъ»—это считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ княжеско-боярской среды. Она сплошь состояла изъ лицъ княжескаго происхожденія, о которыхъ справедливо замѣтилъ В. О. Ключевскій, что «то все старинныя привычныя власти Русской земли, тѣже власти, какія правили землею прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землею и всѣ вмѣстѣ». Поэтому правительственное значеніе этой среды представлялось независимымъ отъ пожалованія или выслуги: оно боярамъ принадлежало «Божіею милостію», какъ завѣщанное предками родовое право. Въ «государевѣ родословцѣ» прежде всего искали князья-бояре опоры для занятой ими въ Москвѣ высокой позиціи, потому что разсматривали себя какъ родовую аристократію. Милость московскихъ государей и правительственныя преданія, шедшія изъ первыхъ эпохъ Московской исторіи, держали по

старинѣ близко къ престолу нѣкоторыя семьи вѣковыхъ московскихъ слугъ не княжеской «породы», въ родѣ Вельяминовыхъ и Кошкиныхъ. Но княжата не считали этихъ бояръ равными себѣ по «породѣ», такъ какъ, по ихъ словамъ, тѣ пошли «не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей». Когда Грозный женился на Анастасіи, не бывшей княжною, то этимъ онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ княжатъ, ихъ «изтѣснилъ», «тѣмъ изтѣснилъ, что женился, у боярина своего дочерь взялъ, понялъ робу свою». Хотя говорившіе такъ князья «полоумы» и называли царицу-робу «своею сестрою», тѣмъ не менѣе съ очень ясною брезгливостію относились къ ея нетитулованному роду. Въ ихъ глазахъ боярскій родъ Кошкиныхъ не только не шелъ въ сравненіе съ Палеологами, съ которыми умѣлъ породниться Іоаннъ III, но не могъ равняться и съ княжескимъ родомъ Глинской, на которой былъ женатъ отецъ Грознаго. Грозный, конечно, сдѣлалъ менѣе блестящій выборъ, чѣмъ его отецъ и дѣдъ; на это-то и указывали князья, называя рабою его жену, взятую изъ простого боярскаго рода. Этому простому роду они прямо и рѣзко отказались повиноваться въ 1553 году, когда не захотѣли цѣловать крестъ маленькому сыну Грознаго Димитрію: «а Захарьинымъ намъ,—говорили они,—не служивать». Такая манера князей-бояръ XVI вѣка свысока относиться къ тому, что пошло не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей, даетъ основаніе думать, что въ средѣ высшаго московскаго боярства господствовалъ именно княжескій элементъ съ его родословнымъ гонором и удѣльными воспоминаніями.

Но кромѣ родословца государева, который давалъ опору притязаніямъ бояръ-князей на общественное и служебное первенство, у нихъ былъ и еще одинъ устой, поддерживавшій княжатъ на верху общественнаго порядка. Это—ихъ землевладѣніе. Родословная московская знать была и земельною знатью. Всѣ вообще старые и служилые князья московской Руси владѣли наслѣдственными земельными имуществами; нововыѣзжимъ князьямъ и слугамъ, если они пріѣзжали въ Москву на службу безъ земель, жаловались земли. Малоземельнымъ давали помѣстья, которыя нерѣдко, за службу, обращались въ вотчины. Можно считать безспорнымъ, что въ сферѣ частнаго свѣтскаго землевладѣнія московское боярство первенствовало и, замѣтимъ,—не только количественно, но и качественно. Въ XVI вѣкѣ еще существовали, какъ наслѣдіе болѣе ранней поры, исключительныя льготы знатныхъ землевладѣльцевъ. Представляя собою соединеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ правъ съ вотчинными, эти льготы сообщались простымъ боярамъ пожалованіемъ отъ государя. Но у княжатъ-землевладѣльцевъ льготы и преимущества вытекали не изъ пожалованія, а представляли остатокъ удѣльной старины. Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами, удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были

по-прежнему «государями». Зная это, Іосифъ Волоцкій и говорилъ о московскомъ великомъ князѣ, что онъ «всеа русскіа земли государямъ государь», такой государь, «котораго судъ не посужается». Подобное сохраненіе старинныхъ владѣтельныхъ правъ за княжатами—фактъ безспорный и важный, хотя и мало изученный. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ вотчинахъ они имѣли всѣ аттрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое «воинство», которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они «жаловали» монастырямъ въ вотчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстья. Пріобрѣтая къ старымъ вотчинамъ новыя, они и въ нихъ водворяли тѣ же порядки, хотя ихъ новыя земли не были ихъ родовыми и не могли сами по себѣ питать владѣльческихъ традицій. Когда, напримѣръ, князь Ѳ. М. Мстиславскій получилъ отъ великаго князя Василія Ивановича выморочную волость Юхоть, то немедленно же сталъ жаловать земли церквамъ и служилымъ людямъ. Такъ, въ 1538 году, онъ «пожаловалъ своего сына боярскаго» въ помѣстье нѣсколькими деревнями; далъ деревню священнику «въ домъ Леонтія чудотворца» «въ препитаніе и въ вѣчное одержаніе» и т. д. Естественно было, вслѣдъ за князьями, и простымъ боярамъ водворять на своихъ земляхъ тѣ же вотчинные порядки и «пожалованіемъ великаго государя» усваивать себѣ такія же льготы и преимущества. Уже въ самомъ исходѣ XVI вѣка (1598 г.) Иванъ Григорьевичъ Нагой, напримѣръ, «пожаловалъ далъ человѣку своему Богдану Сидорову за его къ себѣ службу и за терпѣнье старинную свою вотчину въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ Селеховѣ слободѣ, сельцо Оноѳреево съ деревнями и съ починки», и прибавлялъ, что до той его вотчины его женѣ и дѣтямъ, роду и племени «дѣла нѣтъ никому ни въ чемъ никоторыми дѣлы». Но въ то же время онъ ни въ жалованной грамотѣ на вотчинку, ни въ своей духовной не объявлялъ, что отпускаетъ своего стараго слугу на свободу.

Семья Романовыхъ, Ѳедоръ Никитинъ съ братьями, также имѣли у себя холопа-землевладѣльца, Втораго Никитина сына Бартенева. Въ 1589 году этотъ Бартеневъ, будучи «человѣкомъ» Ѳедора Никитича, искалъ деревни на властяхъ Троице-Сергіева монастыря, «отчины своей, отца своего по купчей»; а на одиннадцать лѣтъ позже, служа въ казначеяхъ у Александра Никитича, этотъ же самый «рабъ» довелъ царю Борису на «государей» своихъ Романовыхъ. Что землевладѣльцы-холопи, «помѣщики «своихъ» государей», были явленіемъ гласнымъ и законнымъ въ XVI вѣкѣ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1565 году самъ царь велѣлъ своему сыну боярскому Казарину Трегубову, бывшему въ приставахъ у литовскаго гонца, «сказыватися княжъ Ивановымъ человѣкомъ Дмитріевича Бѣльскаго» и говорить гонцу, что онъ, Казаринъ, никакихъ служебныхъ вѣстей не знаетъ по той причинѣ, что «онъ у своего государя князя Ивана въ его жалованьѣ былъ, въ *помѣстьѣ*».

Такимъ образомъ создался въ Московскомъ государствѣ особый типъ привилегированнаго землевладѣнія — «боярское» землевладѣніе.

Самыми рѣзкими чертами оно было отграничено отъ другихъ менѣе льготныхъ видовъ владѣнія. Тяглый землевладѣлецъ сѣвера, служилый помѣщикъ центра, запада и юга, мелкій вотчинникъ на своей куплѣ или выслуженной вотчинѣ—весь этотъ мелкій московскій людъ, отбывавшій всю мѣру государева тягла и службы съ своей земли, стоялъ неизмѣримо ниже землевладѣльца-боярина, вѣдавшаго свои земли судомъ и данью, окруженнаго дворнею «изъ дѣтей боярскихъ» или—что то же—«боярскихъ холопей», для которыхъ онъ былъ «государемъ», гордаго своимъ удѣльнымъ «отечествомъ», близкаго ко двору великаго государя и живущаго въ государевой думѣ. Общественное разстояніе было громадно, настолько громадно, что прямо обращало эту землевладѣльческую княжеско-боярскую среду въ особый правящій классъ, который вмѣстѣ съ государемъ стоялъ высоко надо всѣмъ московскимъ обществомъ, руководя его судьбами.

Это были «государи» Русской земли, судъ которыхъ «посужался» только «великимъ государемъ»; это были «удѣльніи великіе русскіе князи», которые окружали «московскаго великаго князя» въ качествѣ его сотрудниковъ-соправителей. Съ перваго взгляда кажется, что этотъ правящій классъ поставленъ въ политическомъ отношеніи очень хорошо. Первенство въ администраціи и въ правительствѣ обезпечено ему его происхожденіемъ, «отечествомъ»; вліяніе на общество могло находить твердую опору въ его землевладѣніи. На самомъ же дѣлѣ въ XVI вѣкѣ княжата-бояре очень недовольны своимъ положеніемъ въ государствѣ. Прежде всего, московскіе государи, признавая безусловно взаимныя отношенія бояръ такъ, какъ ихъ опредѣлялъ родословецъ, сами себя, однако ничѣмъ не желали стѣснять въ отношеніи своихъ бояръ, ни родословцемъ, ни традиціями удѣльнаго времени. Видя въ самихъ себѣ самодержавныхъ государей всея Руси, а въ княжатахъ своихъ «лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ», московскіе государи не считали нужнымъ стѣсняться ихъ мнѣніями и руководиться ихъ совѣтами. Великій князь Василій Ивановичъ обзывалъ бояръ «смердами», а Грозный говорилъ имъ, что «подъ повелительми и приставники намъ быти не пригоже»; «како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?» спрашивалъ онъ себя о себѣ же самомъ. Очень извѣстны эти столкновенія московскихъ государей съ боярами княжатами, и намъ нѣтъ нужды повторять разсказовъ о нихъ; напомнимъ только, что высокое мнѣніе государей московскихъ о существѣ ихъ власти поддерживалось не только ихъ собственнымъ сознаніемъ, но и ученіемъ тогдашняго духовенства. Въ первой половинѣ XVI вѣка для княжатъ-бояръ уже совершенно стало ясно, что ихъ политическое значеніе отрицается не одними монархами, но и той церковной интеллигенціей, которая господствовала въ литературѣ того времени. Затѣмъ, одновременно съ политическимъ авторитетомъ боярства, стало колебаться и боярское землевладѣніе, во-первыхъ, подъ тяжестью ратныхъ службъ и повинностей, которыя на него ложились съ особенною силою во время войнъ Грознаго, а во-вторыхъ, отъ недостатка рабочихъ рукъ, вслѣдствіе того, что рабочее населеніе стало съ середины XVI вѣка уходить со старыхъ мѣстъ на новыя земли. Продавая и закла-

дывая часть земель капиталистамъ того времени монастырямъ, бояре одновременно должны были принимать мѣры противъ того, чтобы не запустошить остальныхъ своихъ земель и не выпустить съ нихъ крестьянъ за тѣ же монастыри. Такимъ образомъ, сверху, отъ государей, боярство не встрѣчало полнаго признанія того, что считало своимъ неотъемлемымъ правомъ; снизу, отъ своихъ «работныхъ», оно видѣло подрывъ своему хозяйственному благосостоянію; въ духовенствѣ же оно находило въ одно и то же время и политическаго недоброхота, который стоялъ на сторонѣ государева «самодержавства», и хозяйственнаго соперника, который отовсюду перетягивалъ въ свои руки и земли и земледѣльцевъ. Таковы вкратцѣ обстоятельства, вызывавшія среди бояръ-князей XVI вѣка тревогу и раздраженіе.

Бояре-князья не таили своего недовольства. Они высказывали его и литературнымъ путемъ и практически. Противъ духовенства вооружались они съ особеннымъ пыломъ и свободою, нападая одинаково и на политическія тенденціи и на землевладѣльческую практику монашества извѣстнаго «осифлянскаго» направленія. Боярскими взглядами и чувствами проникнуто нѣсколько замѣчательныхъ публицистическихъ памятниковъ XVI столѣтія, обличающихъ политическую угодливость и сребролюбіе «осифлянъ» или «жидовлянъ», какъ ихъ иногда обзывали въ глаза. Разрѣшеніе вопроса объ ограниченіи права монастырей пріобрѣтать вотчины было подготовлено въ значительной мѣрѣ литературною полемикою, въ которой монастырское землевладѣніе получило полную и безпощадную нравственную и практическую оцѣнку. Крестьянскій вопросъ XVI вѣка также занималъ видное мѣсто въ этой литературѣ, хотя по сложности своей и не получилъ въ ней достаточнаго освѣщенія и разработки. Зато надъ политическимъ вопросомъ, объ отношеніи государственной власти къ правительственному классу, писатели боярскаго направленія задумывались сравнительно мало. Этому политическому вопросу суждено было прежде другихъ выплыть на поверхность практической жизни и вызвать въ государствѣ чрезвычайно важныя явленія, роковыя для политическихъ судебъ боярско-княжескаго класса.

Отношенія князей-бояръ къ государямъ опредѣлялись въ Москвѣ не отвлеченными теоретическими разсужденіями, а чисто житейскимъ путемъ. И полнота государевой власти, и аристократическій составъ боярства были фактами, которые сложились исподволь, исторически и отрицать которые было невозможно. Князья-бояре до средины XVI вѣка совершенно признавали «самодержавство» государево, а государь вполнѣ раздѣлялъ ихъ понятія о родовой чести. Но бояре иногда держали себя не такъ, какъ хотѣлось ихъ монарху, а монархъ дѣйствовалъ не всегда такъ, какъ пріятно было боярамъ. Возникали временныя и частныя недоразумѣнія, исходъ которыхъ однако, не измѣнялъ установившагося порядка. Боярство роптало и пробовало «отъѣзжать», государи «опалялась», наказывали за ропотъ и отъѣздъ, но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній. Первая мысль объ этомъ, какъ кажется, возникла только при Грозномъ. Тогда образовался кружокъ боярскій, извѣстный подъ названіемъ

«избранной рады», и покусился на власть подъ руководствомъ попа Сильвестра и Алексѣя Адашева. Самъ Грозный въ посланіи къ Курбскому ясно намекаетъ на то, чего хотѣли достигнуть эти люди. Они, по его выраженію, начали совѣщаться о мірскихъ, то-есть государственныхъ дѣлахъ тайно отъ него, а съ него стали «снимать власть», «приводя въ противословіе» ему бояръ. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно, возвращая князьямъ тѣ ихъ вотчины, «грады и села», которыя были у нихъ взяты на государя «уложеніемъ» великаго князя Ивана III; въ то же время они разрѣшали отчужденіе боярско-княжескихъ земель, свободное обращеніе которыхъ запрещалось неоднократно при Иванѣ Васильевичѣ, Василіи Ивановичѣ и, наконецъ, въ 1551 году: «которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися», писалъ Грозный о боярахъ Курбскому, «и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ» Сильвестръ. Этимъ Сильвестръ «примирилъ къ себѣ многихъ людей», то-есть, привлекъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ, которыми и наполнилъ всю администрацію: «ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша», говоритъ Грозный. Наконецъ, бояре отобрали у государя право жаловать боярство, «отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша».—писалъ Грозный,—«еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти». Они усвоили это право себѣ. Сильвестръ такимъ способомъ образовалъ свою партію, съ которою и думалъ править «ничто же отъ насъ пытая», по словамъ царя. Обративъ вниманіе на это мѣсто въ посланіи Іоанна къ Курбскому, проф. Сергѣевичъ находитъ полное ему подтвержденіе и въ «Исторіи» Курбскаго. Онъ даже думаетъ, что Сильвестръ съ «угодниками» провелъ и въ Судебникѣ ограниченіе царской власти. Осторожнѣе на этомъ не настаивать, но возможно и необходимо признать, что для самого Грознаго боярская политика представилась самымъ рѣшительнымъ покушеніемъ на его власть. И онъ далъ столь же рѣшительный отпоръ этому покушенію. Въ его умѣ вопросъ о боярской политикѣ вызвалъ усиленную работу мысли. Не одну личную или династическую опасность сулило ему боярско-княжеское своеволіе и противословіе: онъ понималъ и ясно выражалъ, что послѣдствія своеволія могутъ быть шире и сложнѣе. «Аще убо царю не повинуются подовластные», писалъ онъ, «никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ». Вступивъ въ борьбу съ «измѣнниками», онъ думалъ, что наставляетъ ихъ «на истину и на свѣтъ», чтобы они престали отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія «ими же царствія растлѣваются». Онъ ядовито смѣется надъ Курбскимъ за то, что тотъ хвалится бранною храбростью, а не подумаетъ, что эта добродѣтель имѣетъ смыслъ и цѣну только при внутренней государственной крѣпости, «аще строенія въ царствѣ слагая будутъ». Для Грознаго не можетъ быть доблести въ такомъ человѣкѣ, какъ Курбскій, который былъ «въ дому измѣнникъ» и не имѣлъ разсужденія о важности государственнаго порядка. Такимъ образомъ, не только собственный интересъ, но и заботы о царствѣ руководили Грознымъ. Онъ отстаивалъ не право на личный произволъ, а принципъ единовластія, какъ основаніе госу-

дарственной силы и порядка. Сначала онъ, кажется, боролся мягкими мѣрами: «казнію конечною ни единому коснухомся», говоритъ онъ самъ. Разорвавъ съ своими назойливыми совѣтниками, онъ велѣлъ всѣмъ прочимъ «отъ нихъ отлучитися и къ нимъ не пристояти» и взялъ въ томъ со всѣхъ крестное цѣлованіе. Когда же, несмотря на крестное цѣлованіе, связи у бояръ съ опальными не порвались, тогда Грозный началъ гоненія; гоненія вызвали отъѣзды бояръ, а отъѣзды, въ свою очередь, вызвали новыя репрессіи. Такъ мало-по-малу обострялось политическое положеніе, пока, наконецъ, Грозный не рѣшился на государственный переворотъ, называемый опричниною.

На исторіи опричнины намъ придется остановиться подолѣе.

Надъ вопросомъ, о томъ, что такое опричнина царя Іоанна Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что «учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ онъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ». Въ самомъ дѣлѣ, подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; официальная лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричнинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ивану Тимоѳееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на двѣ части; одну онъ далъ царю Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части «оную часть людей насиловати и смерти предавати». Къ этому Тимоѳеевъ прибавляетъ, что вмѣсто «добромыслимыхъ вельможъ», избитыхъ и изгнанныхъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ вліяніе до такой степени, что «вся внутренняя его въ руку варваръ быша». Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдались въ опричнинѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы «дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной». Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины да отдѣльныхъ упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

Конечно, легче всего объявить «нелѣпымъ» раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Соловьевъ объяснялъ опричнину, какъ попытку Грознаго формально отдѣлиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ боярскаго правительственнаго класса; устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, исказился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярской и всякой иной измѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, «высшею полиціей по дѣламъ государственной измѣны» представляетъ намъ опричнину В. О. Клю-

чевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и при томъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. К. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Однако такой, по нашему мнѣнію близкій къ истинѣ, взглядъ не раскрытъ съ желаемою полнотою, и это заставляетъ насъ остановиться на опричнинѣ для того, чтобы показать какими своими послѣдствіями и почему опричнина повліяла на развитіе смуты въ московскомъ обществѣ.

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учрежденіи опричнины; но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаетъ, что въ Александроневской лѣтописи находится не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не былъ только «наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ турецкихъ янычаръ», какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дьяки, особые бояре и окольничьи, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода «дворцахъ»: сытномъ, кормовомъ, хлѣбенномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими имя «земщины». Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства.

Для какихъ же надобностей давали ей такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ разсказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владиміра Андреевича. Но почему-то Грозный сталъ жить не въ Кремлѣ, а на Вздвиженкѣ, въ новомъ дворѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричнину тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель; мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ, но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устрой-

ства различныхъ службъ и для жилищъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ требовалъ обезпеченія и земельнаго испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричнинѣ были нужны земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы «помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человѣкъ». Теперь онъ также выбираетъ себѣ «князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ тысячу головъ»; но испомѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ другихъ такъ называемыхъ «Замосковныхъ» уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заоцкихъ городахъ, а съ 1571 года, вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производитъ мѣну земель: «вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городомъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ». Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе: вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, «съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ,—какъ государь взялъ городъ въ опричнину». За взятыя земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами пріищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опричнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на коренную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства, для опричнины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опричнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ въ извѣстныхъ указахъ о нихъ царскомъ 1562 года и, «земскомъ» 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году въ вѣдѣніи «земскаго» правительства остались только вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Мосальскія, Тверскія и Рязанскія; всѣ же остальныя, названныя въ «старомъ государевѣ уложеніи» 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины Ярославскія и Ростовскія, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ «дворъ». Такимъ образомъ мало-по-малу почти сполна собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ

землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщаніи Грознаго находимъ многочисленныя указанія на то, что государь бралъ «за себя» земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричнинѣ княжескимъ землевладѣніемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положеніи дѣлъ въ Заоцкихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князья Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе и другіе; «еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли», говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо княжатъ вторгся съ опричиною Грозный, онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную «тысячу головъ»: въ числѣ «воеводъ изъ опришнины» дѣйствовали, напримѣръ, князья Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько спустя послѣ учрежденія опричнины данъ былъ Стародубъ Ряполовскій вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другіе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропріятій были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключеніями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинные размѣры опричнины, мы увѣримся въ полной справедливости словъ Флетчера о княжатахъ (въ IX главѣ), что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ. По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На территоріи старыхъ удѣльныхъ владѣній еще жили старинные порядки и рядомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старые авторитеты. «Служилые» люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили съ своихъ земель не одному «великому государю», но и частнымъ «государямъ». Въ срединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе чѣмъ съ 53-хъ, владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ

Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службы. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ землевладѣніи, какія внесла опричнина. Частые авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ непосретственную зависимость отъ великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричниною должны были исчезнуть «воинства» въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми княжата раньше приходили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольности въ области служебныхъ отношеній. Такъ, захватывая въ опричнину старинныя удѣльныя территоріи для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній, новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его «особномъ обиходѣ», гдѣ уже не могло быть удѣльныхъ воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ порядковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го октября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: «чтобъ еси, государь, милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ: иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять;... а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и пріимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати;... и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ, государь, милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю, бити челомъ, и ты бъ... тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ». Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя «Ивана Васильевича» въ его обращеніи къ только что поставленному «великому князю» Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка.

Въ третьихъ, кромѣ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, «государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ». Это—вѣрное, но не полное указаніе лѣтописи на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленый окупъ—спеціальный сборъ, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что имъ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричнину поступали, съ одной стороны, прямыя подати вообще, а съ другой и разнаго рода косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричнину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить

въ опричнину «всякія подати» («и ямскія и приметныя деньги и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло»—обычная формула того времени). Когда въ опричнину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дьяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ, нѣкоторые города и волости были введены въ опричнину по соображеніямъ финансовымъ: назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ «земскихъ» доходы. Разумѣется, вся территорія опричнины платила искони существовавшіе на Руси «дани и оброки», особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупные городскіе посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразные и богатѣйшіе сборы. Интересно посмотрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленные центры. Къ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводамъ можетъ привести въ данномъ случаѣ простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятыя въ опричнину, убѣдимся, что въ опричнину попали всѣ главные пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распоряжалась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань, оставлены опричниною безъ вниманія, думаемъ потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ безпокойныхъ мѣстахъ южной украйны.

Изложенныя нами наблюденія надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на «великое море-окіанъ», опричныя земли врѣзывались въ «земщину», раздѣляя ее надвое. На востокѣ за земщиной оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западѣ—города порубежные: «отъ нѣмецкой украйны» (Псковскіе и Новгородскіе), «отъ литовской украйны» (Великія Луки Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы «земщины» связывались Украинными городами да «дикимъ полемъ». Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется были взяты изъ «земщины» только въ серединѣ 70-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ, огромное большинство городовъ и волостей въ московскомъ центрѣ

отошло отъ земщины и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ, въ концѣ концовъ, оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: тамъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легіоновъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себѣ въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территоріальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ Московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не «отрядъ царскихъ тѣлохранителей» и даже не «опричнина» въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился, чтоересталъ быть опричниною не только по существу, но и по офиціальному наименованію: около 1572 года слово «опришнина» въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ «дворъ». Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ.

Рядъ наблюденій, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполнѣ соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что вопреки обычному мнѣнію опричнина вовсе не стояла «внѣ» государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было «удаленія главы государства отъ государства», какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ «земскому» управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилаго землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не «противъ лицъ», какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнинѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы гр[illegible] ною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, за[illegible] вая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непо[illegible] ожесточеніе Грознаго, грубый произволъ его «кромѣшниковъ» [illegible]

болѣе затрогивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная дѣятельность опричнины, направленная на то, чтобы «людишекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ». Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности—разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вотчинъ, стяжаній и скарбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе «удѣльныхъ князей» послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо «земскихъ» бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно «перебиралъ» служилыхъ людишекъ, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же совсѣмъ губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть, это неумѣніе современниковъ разсмотрѣть за вспышками царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной дружины, опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины, было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Іоанна оставилъ по себѣ мала слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ московскихъ приказовъ, такъ и опричнина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричнину, Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ— «изъ двора», и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами «изъ земскаго». Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричнинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ-ли распоряженіемъ, или съ земскимъ. Далеко не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: «Большой дворецъ», «Большой приходъ», «Разрядъ» и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, въ родѣ: «изъ земскаго Дворца», «дворовый Рязрядъ», «въ дворовый Большой Приходъ». Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились: иногда говорилось, напримѣръ, «съ государемъ бояре изъ опришнины», «дворецкій Большого земскаго Дворца», «дворовые воеводы», «дьякъ Розряду двороваго» и т. д.; иногда же лица, завѣдомо принадлежащія къ опричнинѣ и «къ двору», именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ никакой возможности дать опредѣленное изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ «земщины» административныхъ

учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ Разрядъ, одинъ Большой Приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Изслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ, «приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины,.. и бояре обои, земскіи и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили» и пришли къ одному общему рѣшенью. Чрезъ мѣсяцъ такое же общее рѣшеніе «обои» бояре постановили по поводу необычнаго «слова» въ титулѣ литовскаго государя и «за то слово велѣли стояти крѣпко». Въ томъ же 1570-мъ и въ 1571 годахъ на «берегу» и украйнѣ противъ татаръ были земскіе и «опришнинскіе» отряды и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ «гдѣ случится сойтись» земскимъ воеводамъ съ опричнинскими воеводами. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ивана Тимоѳеева, произошелъ «земли всей великъ расколъ», то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Одинъ только эпизодъ съ вокняженіемъ въ земщинѣ Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить «земщину» въ особое «великое княженіе». Но, кажется, это была кратковременная и совсѣмъ невыдержанная проба раздѣленія власти. Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь «посадилъ на великое княженіе на Москвѣ», можетъ быть, и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго «царя и великаго князя всея Руси», а на грамоты «великаго князя Симеона Бекбулавича всея Руси» дьяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному «государю князю Ивану Васильевичу Московскому». Словомъ, это была какая то игра или причуда, смыслъ которой неясенъ, а политическое значенія ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали и о немъ говорили сбивчиво и уклончиво; если бы ему дана была дѣйствительная власть, врядъ ли возможно было бы скрыть этого новаго повелителя «земщины».

Итакъ, опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя. Она сокрушила зем-

левладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель, она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если вспомнимъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена «всеродно», поголовно; врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые; но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ погибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ «великимъ княземъ» Симеономъ Бекбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторые князья—Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины—заслужить и быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ затлючался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти сбылось то, чего при немъ такъ боялись бояре-княжата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ отъ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною.

Но это было лишь одно изъ послѣдствій опричнины. Другое заключалось въ необыкновенно энергичной мобилизаціи землевладѣнія, руководимой правительствомъ. Опричнина массами передвигала служилыхъ людей съ однѣхъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывалось на государя. Происходилъ какъ бы обшій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ. Результаты этой операціи имѣли безспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населенія. Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою. Этого требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы, болѣе общіе, государственной обороны. Стараясь о томъ, чтобы размѣстить на земляхъ, взятыхъ въ опричнину, «опришнинскихъ» служилыхъ людей, Грозный сводилъ съ этихъ земель ихъ старыхъ служилыхъ владѣльцевъ, не попавшихъ въ опричнину; но въ то же время онъ долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы не оставить безъ земель и этихъ послѣднихъ. Они устраивались въ земщинѣ» и размѣщались въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нуждались въ военномъ населеніи. Политическія соображенія Грознаго прогоняли ихъ съ ихъ старыхъ мѣстъ, стратегическія надобности опредѣляли мѣста ихъ новаго поселенія. Нагляд-

нѣйшій примѣръ того, что испомѣщеніе служилыхъ людей зависѣло одновременно и отъ введенія опричнины и отъ обстоятельствъ военнаго характера, находится въ такъ называемыхъ Полоцкихъ писцовыхъ книгахъ 1571 года. Онѣ заключаютъ въ себѣ данныя о дѣтяхъ боярскихъ, которые были выведены на Литовскій рубежъ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ, тотчасъ послѣ взятія этихъ двухъ пятинъ въ опричнину. Въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Себежѣ, Нещердѣ, Озерницахъ и Усвятѣ, новгородскимъ служилымъ людямъ были розданы земли каждому сполна въ его окладъ 500—400 четей. Такимъ образомъ непринятые въ число опричниковъ, эти люди совсѣмъ потеряли земли въ новгородскихъ пятинахъ и получили новую осѣдлость на той пограничной полосѣ, которую надо было укрѣпить для литовской войны. У насъ мало столь выразительныхъ образчиковъ того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною. Массовая конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель—все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Страхъ государевой опалы и казни смѣшивался съ боязнью выселенія изъ родного гнѣзда на пограничную пустошь безъ всякой вины, «съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ». Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые обязаны были мѣнять свою вотчинную или помѣстную осѣдлость, бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ; въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе, страдало особенно тогда, когда ему вмѣстѣ съ дворцовую или черною землею, на которой оно сидѣло, приходилось попадать въ частную зависимость. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно напряжены; опричнина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить.

Но вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ XVI вѣка переводитъ насъ уже въ иную область московскихъ общественныхъ затрудненій. Къ раскрытію ихъ теперь и обратимся.

Рядомъ съ политическимъ противорѣчіемъ московской жизни, получившемъ первое свое разрѣшеніе въ опричнинѣ, выше мы отмѣтили и другое—соціальное. Мы опредѣлили его какъ систематическое подчиненіе интересовъ рабочей массы интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ насчетъ этой массы. Къ такому подчиненію московское правительство было вынуждаемо неотложными потребностями государственной обороны. Оно дѣйствовало очень рѣшительно въ данномъ направленіи потому, что не вполнѣ отчетливо представляло себѣ послѣдствія своей политики. Борьба съ сосѣдями на окраинахъ Нѣмецкой, Литовской и Татарской въ XV—XVI вв. заставляла

во что бы то ни стало увеличивать боевыя силы государства. На границахъ протягивались линіи новыхъ и возобновленныхъ крѣпостей (у насъ уже шла о нихъ рѣчь). Въ этихъ крѣпостяхъ водворялись гарнизоны, въ составъ которыхъ поступали люди изъ низшихъ слоевъ населенія, мѣнявшія посадскій или крестьянскій дворъ на дворъ въ стрѣлецкой, пушкарской или иной «приборной» слободѣ. Этотъ вновь поверстанный въ государеву службу мелкій людъ въ большинствѣ своемъ извлекался изъ уѣздовъ, которые тѣмъ самымъ теряли часть своего трудоспособнаго населенія. На смѣну ушедшимъ, въ уѣздахъ водворялись иного рода «жильцы»; они не входили въ составъ тяглыхъ міровъ уѣзда и не принадлежали къ трудовой массѣ земледѣльческо-промышленнаго населенія, а становились выше этой массы, въ качествѣ ея господъ. То были служилые помѣщики и вотчинники, которымъ щедро раздавались черныя и дворцовыя земли съ тяглымъ ихъ населеніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка можно наблюдать риспространеніе этихъ формъ служилаго землевладѣнія, помѣстья и мелкой вотчины, на всемъ югѣ и западѣ Московскаго государства, въ Замосковьѣ, въ городахъ отъ украйнъ западныхъ и южныхъ, въ Понизовьѣ. Нуждаясь въ людяхъ, годныхъ къ боевой службѣ, сверхъ стариннаго класса своихъ слугъ, вольныхъ и невольныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, правительство подбираетъ необходимыхъ ему людей, сажая на помѣстья, отовсюду, изо всѣхъ слоевъ московскаго общества, въ какихъ только существовали отвѣчающіе военнымъ нуждамъ элементы. Въ новгородскихъ и псковскихъ мѣстахъ оно пользуется тѣмъ, напримѣръ, классомъ мелкихъ землевладѣльцевъ, который существовалъ еще при вѣчевомъ укладѣ,—такъ называемыми «земцами» или «своеземцами». Оно отбираетъ часть ихъ въ служилый классъ, заставляя этихъ «дѣтей боярскихъ земцевъ» служить съ ихъ маленькихъ вотчинъ и давая къ этимъ вотчинамъ помѣстья. Остальная же часть «земцевъ» уходитъ въ тяглые слои населенія. Въ другихъ случаяхъ, если у правительства нехватало своихъ слугъ, оно брало ихъ въ частныхъ домахъ. Извѣстенъ случай, когда государевъ писецъ Д. В. Китаевъ «помѣстилъ» на государеву службу нѣсколько десятковъ семей боярскихъ холоповъ. Верстали въ службу и татаръ-«новокрещеновъ», даже татаръ, остававшихся въ исламѣ; этихъ послѣднихъ устраивали на службѣ особыми отрядами и на земляхъ особыми гнѣздами: такъ, за татарами всегда бывали земли въ Касимовѣ и Елатьмѣ на Окѣ, бывалъ и городокъ Романовъ на Волгѣ. Наконецъ, правительство пользовалось услугами и той темной по происхожденію казачьей силы, которая, какъ мы видѣли, выросла въ XVI вѣкѣ на дикомъ полѣ и южныхъ рѣкахъ. Не справляясь о казачьемъ прошломъ, казаковъ или нанимали для временной службы, какъ это было, напримѣръ, въ Епифани въ 1585 году. Словомъ, служилый классъ складывался изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и потому росъ съ чрезвычайной быстротой. Только въ самомъ исходѣ XVI вѣка, когда въ центральныхъ областяхъ численность служилыхъ чиновъ достигла желаемой степени, появилась мысль, что въ государеву службу слѣдуетъ принимать съ разборомъ не допуская въ число дѣтей боярскихъ «поповыхъ и мужичьихъ дѣтей и

холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ». Но столь разборчивы стали только въ коренныхъ областяхъ государства, а на южной окраинѣ, гдѣ по-прежнему была нужда въ сильныхъ и храбрыхъ людяхъ, благоразумно воздерживались отъ распроса и сыска «про отечество» тѣхъ, кого верстали помѣстьемъ.

Итакъ, численность служилаго класса въ XVI вѣка росла съ чрезвычайною скоростью, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и площадь, охваченная служилымъ землевладѣніемъ, которымъ тогда обезпечивалась исправность служебъ. Мы не разъ отмѣчали, при изученіи центральныхъ, южныхъ и западныхъ городовъ Московскаго государства, тѣ послѣдствія, какими сопровождалось для коренного городского населенія водвореніе въ города и посады служилаго люда. Военныя слободы и осадные дворы губительно дѣйствовали на посадскіе міры. Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ. Изъ центра народно-хозяйственной жизни городъ превратился въ центръ административно-военный, а старое городское населеніе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными сбособами выходило изъ государева тягла. Нѣчто подобное происходило и съ водвореніемъ служилыхъ людей въ уѣздахъ.

Раздача земель служилымъ людямъ производилась обыкновенно съ такимъ соображеніемъ, чтобы помѣстить военную силу поближе къ тѣмъ рубежамъ, охрана которыхъ на нее возлагалась. Въ Поморьѣ не было удобно размѣщать помѣщиковъ, такъ какъ поморскіе уѣзды были далеки отъ всякаго возможнаго театра войны. Служилый людъ получалъ поэтому свои земли въ южной половинѣ государства, скучиваясь къ украйнамъ «Польской» и западной. Чѣмъ ограниченнѣе былъ районъ обычнаго размѣщенія служилыхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ быстрѣе переходили къ этой районѣ въ частное обладаніе бояръ и дѣтей боярскихъ земли государственныя (черныя) и государевы (дворцовыя). Когда этотъ процессъ передачи правительственныхъ земель служилому классу былъ осложненъ пересмотромъ земель въ опричнинѣ и послѣдствіемъ этого пересмотра—массовымъ перемѣщеніемъ служилыхъ землевладѣльцевъ, то онъ получилъ еще болѣ быстрый ходъ и пришелъ къ нѣкоторой развязкѣ: земель, составлявшихъ помѣстный фондъ, во второй половинѣ XVI столѣтія уже не хватало и помѣщать служилыхъ людей въ центральной и южной полосѣ государства стало трудно. Не считая прямого указанія на недостатокъ замель, находящагося въ сочиненіи Флетчера, о томъ же свидѣтельствуетъ хроническое несоотвѣствіе помѣстнаго «оклада» служилыхъ людей съ ихъ «дачею»: дѣйствительная дача помѣщиковъ постоянно бывала меньше номинальнаго ихъ оклада, хотя за ними и сохранялось право «пріискать» самимъ то количество земли, какое «не дошло» въ ихъ окладъ. Въ помѣстную раздачу, по недостатку земель, обращались не только дворцовыя и черныя земли, но даже вотчинныя владѣнія, свѣтскія и церковныя, взятыя на государя именно съ цѣлью передать ихъ въ помѣстныя оборотъ. То обстоятельство, что въ центральныхъ частяхъ государства въ то же самое время существовало большое количество забро-

шенныхъ, «порозжихъ», земель, не только не опровергаетъ факта недостачи помѣстной земли, но служитъ къ его лучшему освѣщенію. Этихъ пустошей не брали «за пустомъ», ихъ нельзя было обратить въ раздачу, и потому-то приходилось пополнять помѣстный фондъ, взамѣнъ опустѣлыхъ дачъ, новыми участками изъ вотчинныхъ и мірскихъ земель. не бывшихъ до тѣхъ поръ за помѣщиками.

Такимъ образомъ, къ исходу XVI вѣка въ уѣздахъ южной половины Московскаго государства служилое землевладѣніе достигло своего крайняго развитія въ томъ смыслѣ, что захватило въ свой оборотъ всѣ земли, не принадлежавшія монастырямъ и дворцу государеву. Тяглое населеніе южныхъ и западныхъ областей оказалось при этомъ сплошь на частновладѣльческихъ, служилыхъ и монастырскихъ земляхъ за исключеніемъ небольшого, сравнительно, количества дворцовыхъ волостей. Тяглая община въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ на московскомъ сѣверѣ, могла уцѣлѣть лишь тамъ, гдѣ черная или дворцовая волость цѣликомъ попадала въ составъ частнаго земельнаго хозяйства. Такъ было, напримѣръ, съ Юхотскою волостью при пожалованіи ея кн. Ѳ. М. Мстиславскому, и во всѣхъ другихъ случаяхъ образованія крупныхъ, въ одной межѣ, боярскихъ и монастырскихъ хозяйствъ. Въ этихъ крупныхъ владѣніяхъ крестьянскій міръ не только могъ сохранить внутреннюю цѣлость мірского устройства и мірскихъ отношеній, какъ они сложились подъ давленіемъ податного оклада и круговой ответственности, но онъ пріобрѣталъ, сверхъ тяглой и государственной, еще и вочинно- хозяйственную организацію подъ вліяніемъ частновладѣльческихъ интересовъ вотчинника. Эта организація могла тяготить различными своими сторонами тяглаго человѣка, но она давала ему и выгоды: жить «за хребтомъ» сильнаго и богатаго владѣльца въ «тарханной» вотчинѣ было выгоднѣе, безопаснѣе и спокойнѣе; тянуть свои дани и оброки съ привычнымъ миромъ было легче. Когда же черная или дворцовая волость шла «въ раздачу» рядовымъ дѣтямъ боярскимъ мелкими участками, тогда ея тяглое населеніе терпѣло горькую участь. Межи мелкомѣстныхъ владѣній дробили волость, прежде единою, на много частныхъ разобщенныхъ хозяйствъ, и старое тяглое устройство исчезло. Служилый владѣлецъ становился между крестьянами своего помѣстья и государственною властью. Получая право облагать и оброчить крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, онъ въ то же время былъ обязанъ собирать съ нихъ государевы подати. По офиціальнымъ выраженіямъ XVI вѣка не крестьяне, а ихъ служилый владѣлецъ «тянулъ во всякія государевы подати» и получалъ «льготы во всякихъ государевыхъ податяхъ». Вотъ какъ, напримѣръ, выражалась писцовая книга 1572 года о четырехлѣтней льготѣ, данной помѣщику: «а въ тѣ ему урочныя лѣта, съ того его помѣстья крестьяномъ его, государевыхъ всякихъ податей не давати до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, а какъ отсидитъ льготу, и ему съ того помѣстья потянути во всякія государевы подати». Пользуясь правомъ «называть» крестьянъ на пустые дворы, владѣлецъ обязывалъ ихъ договоромъ не съ «старожильцами» своего помѣстья или вотчины, а съ самимъ собою. Такимъ образомъ функціи выборныхъ властей

тяглаго міра переходили на землевладѣльца и въ его рукахъ обращались въ одно изъ средствъ укрѣпленія крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное выше развитіе служилаго и вообще частнаго землевладѣнія было однимъ изъ рѣшительныхъ условій крестьянскаго прикрѣпленія. Неизбежнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ на правительственныхъ земляхъ былъ переходъ крестьянъ отъ податнаго самоуправленія и хозяйственой самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимость отъ господскаго хозяйства. Этотъ переходъ въ отдѣльныхъ случаяхъ могъ быть легкимъ и выгоднымъ, но вообще онъ равнялся потерѣ гражданской самостоятельности. Коренное населеніе тяглой черной волости—крестьяне-старожильцы, «застарѣвшіе» на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они немогли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали съ своею землею въ частное обладаніе. Прикрѣпленіе къ тяглу въ самостоятельной податной общинѣ замѣнялось для нихъ прикрѣпленіе къ владѣльцу, за которымъ они записывались при отводѣ ему земли. Эта «крѣпость» старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ XVI вѣкѣ: возникшая въ практикѣ правительственно-податной, она легко была усвоена и частно-владѣльческой практикою. Охраняя свой интересъ, правительство разрѣшало частнымъ владѣльцамъ «называть» на свои земли не всѣхъ вообще крестьянъ, а лишь не сидѣвшихъ на тяглѣ: «отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ, и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ не называти». И частные землевладѣльцы не отпускали отъ себя тѣхъ, кого получали вмѣстѣ съ землею, кто обжился и застарѣлъ въ ихъ владеніи; такихъ «старожильцевъ» они считали уже крѣпкими себѣ и въ случаѣ ихъ ухода возвращали, ссылаясь на писцовую книгу или иной документъ, въ которомъ ушедшіе тяглецы были записаны за ними. За такой порядокъ стояли не только сами землевладѣльцы,—его держалось правительство. Съ точки зрѣнія правительственной, онъ былъ и удобенъ и необходимъ. Крѣпкое владѣльцу рабочее населеніе служило надежнымъ основаніемъ и служебной исправности служилаго землевладѣльца, и податной исправности частно-владѣльческихъ хозяйствъ.

Но для рабочаго населенія переходъ въ частную зависимость былъ такимъ житейскимъ осложненіемъ, съ которымъ оно не могло примириться легко. Въ данномъ же случаѣ дѣло обострялось еще тѣмъ, что передача правительственныхъ земель частнымъ лицамъ происходила не съ правильною постепенностью. Мы видѣли, что она была осложнена опричниною. Обращеніе земель подгонялось политическими обстоятельствами и принимало характеръ тревожный и безпорядочный. Пересмотръ «служилыхъ людишекъ» съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ перебрасывалъ ихъ съ земель на земли, разрушая старинныя хозяйства въ однихъ мѣстахъ и создавая новыя въ другихъ. Всѣ роды земель, отъ черныхъ до монастырскихъ, были втянуты въ этотъ пересмотръ и мѣняли владѣльцевъ,—то отбирались на государя, то снова шли въ частныя руки. Къ этому именно вре-

мени болѣе всего пріурочивается замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка «населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротою цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ». Только эта «игра въ крестьянъ и въ землю» доведена была до такого напряженія не одними иноками богатыхъ монастырей, какъ говоритъ г. Ключевскій, но, прежде всего, самимъ правительствомъ Грознаго. Монастыри лишь пользовались, и притомъ умѣло пользовались, земельною катастрофою и удачно подбирали въ свою пользу обломки разбитаго Грознымъ вотчиннаго землевладѣнія царскихъ слугъ. Крестьяне, такимъ образомъ, переживали разомъ двѣ бѣды: съ одной стороны, государевы земли, которыми они владѣли, быстро и всею массою переходили въ служилыя руки ради нуждъ государственной обороны; съ другой стороны, этотъ переходъ земель, благодаря опричнинѣ, стали насильственно-безпорядочнымъ. На мало понятныя для крестьянства ограниченія его правъ и притѣсненія оно отвѣчало усиленнымъ выходомъ съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Въ то самое время, когда крестьянскій трудъ стали полагать въ основаніе имущественнаго обезпеченіе вновь образованнаго служилаго класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу—черезъ переселеніе.

Вотъ въ чемъ мы видимъ главную причину усиленія во второй половинѣ XVI вѣка крестьянскаго выхода изъ мѣстностей, занятыхъ служилымъ землевладѣніемъ. Писцовыя книги и лѣтописи того времени объяснили сильное запустѣніе центральныхъ, южныхъ областей государства, главнымъ образомъ, татарскимъ набѣгомъ 1571 года, когда ханъ дошелъ до самой Москвы, а отчасти «моровымъ повѣтріемъ» и «хлѣбнымъ недородомъ». Но это были второстепенныя и позднѣйшія причины: главная заключалась въ потерѣ земли.

Развитію крестьянскаго выселенія способствовали многія условія московской политической жизни XVI вѣка. Благодаря этимъ условіямъ въ крестьянской массѣ рождалась самая мысль о выселеніи, ими же облегчалось и передвиженіе земледѣльцевъ на новыя земли. Первое изъ этихъ условій надо искать въ громадныхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Москвы. Въ половинѣ XVI вѣка торжество надъ татарами на востокѣ и югѣ передало въ полную власть Москвы среднюю и нижнюю Волгу и мѣста на югъ отъ Оки. Въ новыхъ областяхъ отъ верховьевъ Оки и Дона, еще въ XV вѣкѣ, возникали здѣсь русскія поселенія. Когда же по взятіи Казани правительство московское утвердилось на новыхъ мѣстахъ и жизнь на этихъ окраинахъ стала безопаснѣе, сюда по извѣстнымъ уже путямъ массою потянулось земледѣльческое населеніе, ища новыхъ землицъ взамѣнъ старой земли, отходившей въ служилыя руки. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣчали успѣхи колонизаціи въ понизовыхъ и украинныхъ городахъ и видѣли, что свободное движеніе народныхъ массъ соединялось тамъ въ одномъ стремленіи съ правительственною дѣятельностью по занятію и укрѣпленію вновь занятыхъ пространствъ. Въ особенностяхъ этой правительственной дѣятельности можно видѣть второе условіе, способствовавшее выходу населенія изъ центра на окраины.

Если переломъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянства былъ главнымъ побужденіемъ къ выселенію, если пріобрѣтеніе плодородныхъ земель обусловливало направленіе переселенческаго движенія, то первоначальный способъ отношеніе правительства къ переселенцамъ содѣйствовалъ рѣшимости переселятся. На новыхъ земляхъ правительство, спѣша закрѣпить ихъ за собою, строидо города, водворяло въ нихъ временные отряды «жильцовъ» и вербовало постоянные гарнизоны. Оно иногда сажало въ нихъ, вмѣстѣ съ военными людьми, и людей торговыхъ, имѣя въ виду передать имъ мѣстный рынокъ; такъ въ Казань, послѣ ея завоеванія, были переведены изъ Пскова нѣсколько семей псковскихъ «гостей», и, не смотря на то, что на родинѣ эти «переведерцы» были опальными людми, имъ создали льготную обстановку на новосельѣ. Такимъ образомъ въ новозавоеванный край правительство само посылало «жильцовъ» на временную службу и на постоянное житье. Въ мѣру своихъ потребностей оно поощряло переселеніе и не служилыхъ людей, давая «приходцамъ» податныя льготы, пока они обживутся на новыхъ хозяйствахъ. Подобное отношеніе могло только возбуждать народъ къ выселенію на окраины и подавать надежды на хозяйственную независимость и облегченіе податнаго бремени.

Однако къ послѣдней четверти XVI столѣтія уменьшеніе населенія въ замосковныхъ и западныхъ уѣздахъ достигло большихъ размѣровъ и вызвало перемѣну въ настроеніи правительства, возбудивъ въ немъ большую тревогу. Опустѣніе земель лишило правительство силъ и средствъ для продолженія борьбы за Ливонію. Съ опустѣлыхъ служилыхъ земель не было ни службы, ни платежей, а лучше населенныя церковныя земли были «въ тарханехъ» и не несли служебнаго и податного бремени. Успѣхи Стефана Баторія были такъ легки и велики не только потому, что у него былъ военный талантъ и хороше, войско, но и потому, что онъ билъ врага, уже обезсиленнаго тяжкимъ внутреннимъ недугомъ. Вялость и нерѣшительность Грознаго въ послѣдній періодъ борьбы порождалась, думаемъ, не простыми припадками личной трусости, а сознаніемъ, что у него исчезли средства для войны, что его земля «въ пустошь изнурилась» и «въ запустѣніе пришла». Стремленіемъ поправить дѣло вызвано было въ 1572 и 1580 гг. запрещеніе передавать служилыя земли во владѣніе духовенства, а въ 1584 году отмѣна податныхъ льготъ (тархановъ) въ церковныхъ вотчинахъ. Важность этихъ мѣръ легко себѣ представить, если вспомнить указанный нами ранѣе фактъ, что кругомъ Москвы двѣ пятыхъ (37%) всей пашенной земли принадлежали духовенству и что на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, составлявшихъ остальныя три пятыхъ, хозяйство поддерживалось только на одной третьей части (23%), остальное же (40%) было запустошено служилыми владѣльцами. Если данныя о подмосковскомъ пространствѣ можно распространять на весь вообще центръ государства, то позволительно сказать, что болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель было «въ тарханахъ», а нельготныя служилыя земли на двѣ трети пустѣли. Изъ соборнаго приговора 1584 года видно, что прави-

тельство въ то время уже вполнѣ отчетливо представляло себѣ такое положенiе дѣла. Постановляя отмѣну тархановъ на церковныхъ земляхъ, соборный актъ говоритъ, что владѣльцы «съ тѣхъ (земель) никакiя царскiя дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ; и сего ради многое запустѣнiе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьяне, вышедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ». Таково было правительственное признанiе землевладѣльческаго кризиса, признанiе нѣсколько позднее, сдѣланное уже тогда, когда кризисъ былъ въ полномъ развитiи и когда частные землевладѣльцы испробовали много средствъ для борьбы съ нимъ. Правительство вступилось въ дѣло для охраны своихъ и владѣльческихъ интересовъ только въ исходѣ XVI вѣка и дѣйствовало посредствомъ лишь временныхъ и частныхъ мѣропрiятiй, колеблясь въ окончательномъ выборѣ направленiя и средствъ. Оно не рѣшалось сразу прикрѣпить къ мѣсту всю массу тяглаго населенiя, но создало рядъ препятствiй къ его передвиженiю. Такими препятствiями должны были служить: временное уничтоженiе тархановъ, запрещенiе принимать закладниковъ и держать слугъ безъ крѣпостей явленныхъ опредѣленнымъ порядкомъ, ограниченiе крестьянскаго перевоза, перепись крестьянскаго населенiя въ книгахъ 7101 (1592—1593) года. Этими мѣрами думали сохранить для государства необходимое ему количество службы и подати, а для служилыхъ землевладѣльцевъ остатки рабочаго населенiя ихъ земель.

Но гораздо ранѣе правительственнаго вмѣшательства землевладѣльческiй классъ примѣнилъ къ дѣлу для борьбы съ кризисомъ рядъ средствъ, указанныхъ ему условiями хозяйственной дѣятельности и особенностями общественныхъ отношенiй того времени. Къ энергической борьбѣ съ кризисомъ земловладѣльцевъ вынуждали сами обстоятельства, рокового значенiя которыхъ нельзя было не понять. Отливъ населенiя создалъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ частныхъ земельныхъ хозяйствахъ и довелъ до громадныхъ размѣровъ хозяйственную «пустоту». Писцовыя книги второй половины XVI вѣка насчитываютъ очень много пустошей: вотчинъ пустыхъ и поросшихъ лѣсомъ; селъ, брошенныхъ населенiемъ, съ церквами «безъ пѣнья»; порозжихъ земель, которыя «за пустомъ не въ роздачѣ» и которыя изъ оброка кое-гдѣ пашутъ крестьяне «наѣздомъ». Мѣстами еще жива память объ ушедшихъ хозяевахъ, и пустоши еще хранятъ ихъ имена, а мѣстами и хозяева уже забыты, «и имянъ ихъ сыскати некѣмъ». Отъ пустоты совсѣмъ погибало хозяйство мелкаго малопомѣстнаго служилаго человѣка; ему было не съ чего явиться на службу и «впередъ служити нечѣмъ»; онъ самъ шелъ «бродить межъ дворъ», бросая опустѣлое хозяйство, пока не попадалъ на новый помѣстный участокъ или не находилъ прiюта въ боярскомъ дворѣ Крупные землевладѣльцы—равно служилые и церковные—имѣли гораздо больше экономической устойчивости. Льготы, которыми они умѣли запастись, сами по себѣ влекли на ихъ земли трудовое населенiе. Возможность сохранить мiрское устройство въ большой боярской или монастырской вотчинѣ была

второю причиною тяготѣнія крестьянства къ крупнымъ земельнымъ хозяйствамъ. Наконецъ, и выходъ крестьянина отъ крупнаго владѣльца былъ не такъ легокъ; администрація крупныхъ вотчинъ въ борьбѣ за крестьянъ имѣла достаточно искусства, вліянія и средствъ, чтобы не только удерживать за собою своихъ крестьянъ, но еще и «называть» на свои земли чужихъ. Такимъ образомъ, когда мелкіе землевладѣльцы разорялись въ конецъ, болѣе крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустѣвшихъ и обезлюдѣвшихъ участкахъ.

Первое средство для этого заключалось въ привлеченіи крестьянъ съ другихъ земель, частныхъ и правительственныхъ. Землевладѣльцы выпрашивали у государя на свои пустыя вотчины «льготу», то-есть освобожденіе земли на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей съ тѣмъ, чтобы имъ «въ тѣ льготныя лѣта въ той своей вотчинѣ на пустѣ дворы поставити и крестьянъ назвати и пашня розпахати». Опираясь на уцѣлѣвшее въ другихъ участкахъ хозяйство, дѣйствуя посредствомъ свободнаго денежнаго капитала, пользуясь льготами, выпрошенными у правительства, эти владѣльцы дѣйствительно успѣвали обновлять упавшее хозяйство. Имѣя право «называть» и сажать у себя крестьянъ только свободныхъ отъ тягла, а не «съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ», они на самомъ дѣлѣ перезывали и перевозили къ себѣ всѣхъ безъ разбора, кого только могли вытянуть изъ-за другихъ землевладѣльцевъ. Очень извѣстно, какіе большіе размѣры и какія грубыя формы принималъ этотъ перевозъ крестьянъ черезъ особыхъ агентовъ «отказчиковъ», какія горькія жалобы онъ вызывалъ со стороны тѣхъ, кто терялъ работниковъ. Рядъ насилій, сопровождавшихъ эту операцію, давалъ большую работу судамъ и озабочивалъ правительство. Еще при Грозномъ были приняты какія-то мѣры относительно крестьянскаго вывоза: въ 1584 году сосѣди по рязанскимъ землямъ дьяка А. Шерефединова жаловались на этого самоуправца царю Θеодору, говоря, что дьякъ «твои государевы помѣстныя земли къ вотчинѣ пашетъ и крестьянъ насильствомъ твоихъ государевыхъ селъ и изъ-за дѣтей боярскихъ возитъ мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья». Что это за «уложенье», сказать трудно; во всякомъ случаѣ московское правительство пришло къ необходимости вмѣшаться въ дѣло крестьянскаго перевоза для охраны своего интереса и интересовъ мелкихъ служилыхъ владѣльцевъ. Перевозъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглѣ, лишалъ правительство правильнаго дохода съ тяглой земли, а уходъ крестьянъ отъ служилаго человѣка лишалъ его и доходовъ, и возможности служить. Указы 1601 и 1602 года были первымъ закономъ, поставившимъ опредѣленныя границы передвиженію крестьянъ. Переходъ крестьянъ съ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ на крупныя былъ вовсе остановленъ: крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено возить крестьянъ «промежъ себя и у стороннихъ людей». Въ мелкихъ же служилыхъ владѣніяхъ дозволено было мѣняться крестьянами полюбовно—безъ зацѣпокъ и задоровъ, боевъ и грабежей, которыми обыкновенно сопровождался въ тѣ годы крестьянскій «отказъ». Очевидно, что цѣлью подобныхъ ограниченій была охрана мелкаго

служилаго землевладѣнія, наиболѣе страдавшаго отъ кризиса. Ради этой цѣли правительство отказалось отъ обычнаго покровительства крупнымъ земельнымъ собственникамъ, которые, казалось бы, съ пользою для государственнаго порядка, работали надъ возстановленіемъ хозяйственной культуры на опустѣлыхъ пространствахъ. Разрушительныя слѣдствія этой своекорыстной работы были, наконецъ, поняты руководителями московской политики.

Другое средство для борьбы съ кризисомъ землевладѣльцы находили въ экономическомъ закабаленіи своего крестьянства. Принимало ли это закабаленіе юридически опредѣленныя формы, или нѣтъ,— все равно, оно было очень дѣйствительнымъ препятствіемъ къ выходу крестьянина изъ за владѣльца. Хотя расчеты по земельной арендѣ, опредѣленныя порядными, по закону не связывались съ разсчетами крестьянъ по инымъ обязательствамъ, однако прекращеніе арендныхъ отношеній съ землевладѣльцамъ естественно вело къ ликвидаціи всѣхъ прочихъ денежныхъ съ нимъ расчетовъ. Крестьянъ не выпускали безъ окончательной расплаты, и чѣмъ болѣе былъ опутанъ крестьянинъ, тѣмъ крѣпче сидѣлъ онъ на мѣстѣ. Его, правда, могъ выкупить черезъ своего «отказчика» другой землевладѣлецъ, но это требовало ловкости и было не всегда возможно: право выхода не признавалось за старожильцами, да и крестьянъ, жившихъ съ порядными, владѣльцы не всегда выпускали даже по «отказу». Они прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы предупредить уходъ работника или ему воспрепятствовать. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ довольно обычнымъ были «поручныя» записи, выдаваемыя нѣсколькими поручителями по крестьянинѣ въ томъ, что ему гдѣ-либо за порукою жить, «земля пахати и дворъ строити, новыя хоромы ставити, а старыя починивати, а не избѣжати». Въ случаѣ же побѣга поручители «порущики», отвѣчали условленною суммою, размѣры которой иногда выростали до неимовѣрности. Въ 1548 году въ Кирилловѣ монастырѣ можно было видѣть «запись поручную на Прилуцкаго христьянина на Автонома на Якушева сына въ тысячѣ во стѣ рублехъ». Иногда выходу, даже законному, препятствовали прямымъ насиліемъ: крестьянъ мучили, грабили и въ желѣза ковали. Полученная отъ землевладѣльца хозяйственная подмога, «ссуда», или сдѣланный крестьяниномъ у владѣльца долгъ «серебро», какъ тогда называли, разсматривались землевладѣльцемъ, какъ условіе личной крѣпости крестьянина-должника хозяину-кредитору. Хотя бы эта ссуда и не влекла за собой служилой кабалы, хотя бы и не превращала крестьянина формально въ холопа, все-таки она давала лишніе доводы къ самоуправному задержанію крестьянина и тяготѣла надъ сознаніемъ землевладѣльца—должника, какъ бы обязывая его держаться того господина, который помогъ ему въ минуты нужды. Конечно, только удобствами для землевладѣльцевъ помѣщать свои капиталы въ крестьянское «серебро» слѣдуетъ объяснить чрезвычайное развитіе крестьянской задолженности. Не разъ указанъ былъ для второй половины XVI вѣка разительный фактъ, что изъ полуторы тысячи вытей земли, арендуемой у Кириллова монастыря его же крестьянами, 1.075 вытей засѣвались сѣменами, взя-

тыми у монастыря; такимъ образомъ 70°/о пашни, снятой у монастыря, находилось въ пользованiи «людей», безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки». Если допустить, что таково же было положенiе дѣла и на другихъ владѣльческихъ земляхъ, то возможно совершенно удовлетворительно объяснить себѣ перерожденiе крестьянскаго «выхода» въ крестьянскiй «вывозъ». Охудалая и задолженная крестьянская масса неизбѣжно должна была отказаться отъ самостоятельнаго передвиженiя: для выхода у нея не было средствъ. Крестьянамъ, задолжавшимъ хозяину и желавшимъ уйти отъ него, оставалось или «выбѣжать» безъ разсчета съ владѣльцемъ, или ждать отказчика, который бы ихъ выкупилъ и вывезъ. Около 1580 года въ тверскихъ дворцовыхъ земляхъ великаго князя Симеона Бекбулатовича считали 2,060 жилыхъ и 332 пустыхъ дворовъ, а въ дворахъ 2,217 крестьянъ. На всю эту массу писцовая книга отмѣтила 333 крестьянскихъ перехода за нѣсколько, предшествовавшихъ переписи лѣтъ. Вышло изъ-за «великаго князя» на земли другихъ владѣльцевъ и перешло въ предѣлахъ его владѣнiй изъ волости въ волость всего 300 человѣкъ; пришло «ново» къ Симеону Бекбулатовичу 27 человѣкъ и скиталось безъ осѣдлости 6 человѣкъ. Изъ общаго числа трехсотъ ушедшихъ крестьянъ перешло самостоятельно всего 53, убѣжало незаконно 55 и было «вывезено» 188. Стало-быть, 63°/о ушедшихъ оставило свои мѣста съ чужимъ посредничествомъ и помощью, а 18°/о просто сбѣжало безъ расчета. Только одна шестая часть могла «выйти» сама, и то въ большинствѣ случаевъ не покидая земли своего господина, а переходя изъ одной его волости въ другую, стало-быть, не мѣняя своихъ отношенiй къ хозяину. Такой подсчетъ, какъ бы ни былъ онъ не совѣршененъ, даетъ очень опредѣленное впечатлѣнiе; какъ правило, крестьянскiй выходъ не существуетъ, существуетъ вывозъ и побѣгъ. Не законъ отмѣнилъ старый порядокъ выхода, а крестьянская нужда, искусственно осложненная владѣльческимъ «серебромъ», привязывала крестьянъ, имѣвшихъ право на переходъ, къ извѣстной осѣдлости.

Экономическая зависимость задолженнаго крестьянина, такимъ образомъ могла и не переходить въ юридическое ограниченiе права выхода и все-таки была дѣйствительнымъ житейскимъ средствомъ держать землевладѣльца на владѣльческой пашнѣ. Но эта зависимость могла получить и юридическiй характеръ, превративъ крестьянина въ холопа, полнаго или кабальнаго. Судебникъ 1550 года допускаетъ, въ статьѣ 88-й возможность того, что «крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи». По записнымъ книгамъ служилыхъ кабалъ конца XVI вѣка можно установить десятки случаевъ, когда въ число кабальныхъ людей вступали бобыли и крестьянскiя дѣти. Выходъ изъ крестьянскаго состоянiя въ рабство закономъ не былъ закрытъ или ограниченъ до самаго конца XVI вѣка, чѣмъ и пользовалась практика. Законодательство московское терпѣло даже такой порядокъ, по которому выдача служилой кабалы могла совершаться безъ явки правительству. Только съ 1586 года записка кабалъ въ особыя книги стала обязательною; до сихъ же поръ, несмотря на указанiе

статьи 78-й Судебника, можно было обходиться и безъ этого. Понятно, какой просторъ оставался для подобнаго рода сдѣлокъ, разъ онѣ могли происходить съ полною свободою и безконтрольно. Землевладѣльцы вымогали кабалу у тѣхъ, кому давали пріютъ въ своемъ дворѣ и на чей трудъ разсчитывали. Большой процентъ малолѣтнихъ и инородцевъ, которые, по новгородскимъ записнымъ книгамъ, «били челомъ волею» въ холопство, указываетъ на то, что такая «воля» не всегда бывала сознательною и при совершеніи договора формальнымъ порядкомъ. А внѣ этого порядка закабаленіе могло принимать еще болѣе откровенныя и грубыя формы. Въ погонѣ за лишнимъ работникомъ и слугою, при общемъ въ нихъ недостаткѣ, кабала была хорошимъ средствомъ привязать къ мѣсту тѣхъ, кого не было расчета сажать прямо на пашню. По записнымъ книгамъ видно, что въ кабалу идутъ въ большинствѣ одинокіе бездомовные люди, сироты и бродячая крестьянская молодежь; ихъ еще не станетъ на веденіе крестьянскаго хозяйства, но они уже полезны въ качествѣ дворовыхъ слугъ и батраковъ. Въ другихъ случаяхъ службу «во дворѣ» могли предпочитать крестьянству и сами работники: маломочному бобылю и бродячему мастеровому человѣку, портному или сапожнику, въ чужомъ дворѣ могло быть лучше, чѣмъ на своемъ нищемъ хозяйствѣ и бѣдномъ бродячемъ мастерствѣ. Вотъ приблизительно тѣ условія, въ которыхъ создавалась кабальная или вообще холопья зависимость. Она отрывала людей отъ пашни и тягла, но не выводила ихъ изъ экономіи землевладѣльца. Она содѣйствовала тому, чтобы за землевладѣльцами закрѣплялись и тѣ элементы крестьянскаго міра, которые не имѣли прямого отношенія къ тяглой пашнѣ и отличались наибольшею подвижностью. Чѣмъ замѣтнѣе становилась эта подвижность и наклонность къ выходу на государственныя окраины и въ «поле», тѣмъ дѣятельнѣе перетягивали владѣльцы къ себѣ во дворъ на кабальную службу бродившія силы. Въ этихъ условіяхъ не мы первые видимъ главную причину чрезвычайнаго развитія въ XVI вѣкѣ кабальной службы.

Но служба во дворѣ могла и не быть кабальною. При отсутствіи контроля, который приводилъ бы къ необходимости укрѣплять за собою дворню формальнымъ порядкомъ, черезъ записку крѣпостныхъ документовъ, владѣльцы держали у себя людей вовсе безъ крѣпостей. Такіе «добровольные» люди или «вольные холопи», какъ ихъ назвалъ законъ 1597 года, на дѣлѣ ничѣмъ не отличались отъ крѣпостныхъ слугъ, что призналъ и законъ въ 1597 году, указавъ брать на нихъ крѣпости даже противъ ихъ воли. И ранѣе московское правительство не покровительствовало такой «добровольной» службѣ, осуждая тѣхъ, кто «добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости». Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, «добровольные» слуги могли представляться нежелательными. Господамъ своимъ они не были крѣпки, потому что могли ихъ покинуть съ полною безнаказанностью; для государства они были безполезны, ибо не несли его тяготъ, и очень неудобны своею неуловимостью. Въ рядахъ такихъ «вольныхъ» слугъ легко могли скрываться люди,

ушедшіе съ государевой службы и тягла и «заложившіеся» за частное лицо, способное ихъ укрыть какъ отъ частной обиды, такъ и отъ государственныхъ повинностей.

Но именно эта возможность переманить способнаго къ работѣ человѣка съ тягла и службы въ частный дворъ или въ частную вотчину поддерживала обычай «добровольной» службы безъ крѣпости. Людей, записанныхъ въ тягло или въ служилую десятню, нельзя было формально укрѣпить въ холопствѣ, потому что правительство запрещало выходъ съ черныхъ тяглыхъ мѣстъ и съ государевы службы. А между тѣмъ много такихъ людей укрывалось на частныхъ земляхъ привилегированныхъ владѣльцевъ, гдѣ и жило «во льготѣ», разорвавъ свои связи съ государствомъ. Ихъ держали тамъ безъ крѣпостей и звали чаще всего именемъ «закладчиковъ». Отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ были чрезвычайно разнообразны. При крайней юридической неопредѣленности они, представляютъ большой бытовой интересъ. Мы видимъ закладчиковъ вездѣ: на монастырскихъ земляхъ они зовутся «вкладчиками», «дворниками» и просто «закладчиками»; на земляхъ боярскихъ ихъ зовутъ «дворниками», «вольными холопами», просто «людьми» и тоже «закладчиками». Въ однихъ случаяхъ это арендаторы владѣльческихъ земель и дворовъ, въ другихъ—сторожа осадныхъ дворовъ и дворовъ «для пріѣзду», въ третьихъ—дворовые слуги, въ четвертыхъ—это обитатели ихъ собственныхъ дворовъ и усадебъ, когда-то тяглыхъ, а затѣмъ фиктивно проданныхъ привилегированному землевладѣльцу и потому «обѣленныхъ», то-есть освобожденныхъ отъ тягла. Вся эта среда представляла собою внѣзаконное явленіе, съ которымъ правительство долго не находило средствъ бороться. Оно не разъ запрещало держать закладчиковъ, оно требовало крѣпости на всякаго служившаго въ частномъ хозяйствѣ человѣка, но это не вело къ цѣли, и закладничество жило, какъ извѣстно, во всей силѣ до Уложенія 1649 года.

Мы представили перечень тѣхъ способовъ, какими частныя земельныя хозяйства осваивали и укрѣпляли за собою рабочую силу. Всѣ эти способы одинаково вели къ ограниченію свободы и правъ крестьянской и вообще тяглой массы, а нѣкоторые изъ нихъ клонились и къ нарушенію правительственныхъ интересовъ. Когда землевладѣльцы сажали на пустоши новыхъ работниковъ и ихъ трудомъ переводили эти пустоши «изъ пуста въ жило», правительство выигрывало во всѣхъ отношеніяхъ: населенная и обработанная вотчина прямо увеличивала средства и силы самого правительства. Но когда этихъ новыхъ работниковъ хищнически вырывали изъ чужого хозяйства, терпѣло не только это послѣднее, но терпѣло и правительство: оно должно было разбирать тяжбу о крестьянахъ и лишалось дохода и службы съ потерпѣвшаго хозяйства. Когда владѣлецъ ссудою и серебромъ кабалилъ своего крестьянина, правительство могло оставаться спокойнымъ: за разореннаго мужика платилъ подати его владѣлецъ, а надъ общимъ вопросомъ о послѣдствіяхъ обнищанія земледѣльческаго класса тогда еще не задумывались. Но когда разоренный крестьянинъ превращался въ непашеннаго бобыля или продавался съ

пашни въ холопи, оставаясь въ рукахъ прежняго владѣльца, правительство теряло: крестьянская деревня обращалась въ пустошь и не давала податей. И такъ бывало во многихъ случаяхъ: одно и то же дѣйствіе, смотря по его обстановкѣ, обращалось то въ пользу, то во вредъ дѣйствовавшему порядку. Этимъ объстоятельствомъ прежде всего должно объяснять ту нерѣшительность и осторожность, какую мы видимъ въ дѣйствіяхъ правительства. Жизнь заставляла его въ одно и то же время служить различнымъ цѣлямъ: поддерживать землевладѣльцевъ, особенно служилыхъ, въ ихъ усиліяхъ привязать трудовое населеніе къ мѣсту; но вмѣстѣ съ тѣмъ охранять свой собственный интересъ, часто нарушаемый землевладѣльческою политикою, и интересы крестьянства, когда они сближались и совпадали съ правительственными. Не будучи въ состояніи примирить и согласить разныя и въ существѣ непримиримыя стремленія, правительство до самаго конца вѣка не могло выработать опредѣленнаго и рѣшительнаго образа дѣйствій въ постигшемъ его кризисѣ и этимъ еще болѣе осложняло дѣло.

Оно, безъ сомнѣнія, желало укрѣпленія крестьянъ на мѣстахъ, стремилось остановить ихъ выходъ изъ-за владѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, думало направлять ихъ броженіе сообразно своимъ видамъ; но оно не дошло до полнаго и категорическаго провозглашенія крестьянской крѣпости. Предпринявъ общую «перепись 7101 года», какъ ее обыкновенно принято называть, правительство записывало въ книгахъ крестьянъ за владѣльцами и затѣмъ сдѣлало писцовую книгу своего рода крѣпостнымъ актомъ, которымъ землевладѣлецъ могъ доказывать свое право на записаннаго въ книгу крестьянина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы понимало, что книги не могли исчислить всей наличности крестьянскаго населенія и спокойно смотрѣло на выходъ изъ тяглыхъ хозяйствъ сыновей, племянниковъ, захребетниковъ и тому подобнаго не записаннаго въ тягло люда; оно иногда выпускало и дворохозяевъ-тяглецовъ, если они передавали свой тяглый жеребей новому «жильцу». Такимъ образомъ на право передвиженія крестьянъ правительство не налагало безусловнаго и общаго запрета: оно только его ограничивало условіями государственнаго порядка и владѣльческаго интереса. Въ этомъ собственно и заключались первыя мѣры къ укрѣпленію крестьянъ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, правительство стояло на сторонѣ владѣльческихъ стрлемленій. Допуская обращеніе въ холопство лицъ, происходящихъ изъ крестьянскихъ семей, оно также удовлетворяло владѣльческимъ вожделѣніямъ. Но, съ другой стороны, и въ концѣ вѣка оно продолжало заселеніе вновь-пріобрѣтенныхъ окраинъ и Сибири, причемъ тяглыхъ «приходцевъ» изъ центральныхъ областей водворяло тамъ въ служилыхъ слободахъ и просто на пашнѣ, не возвращая ихъ въ прежнюю владѣльческую зависимость. Чтобы наполнить, по словамъ А. Палицына, «предѣлъ земли своею воинственнымъ чиномъ», Грозный и Б. Годуновъ извлекали людей изъ коренныхъ частей государства, всячески содѣйствуя заселенію рубежей. Такая политика въ сущности поддерживала то самое народное броженіе, съ которымъ боролись въ центрѣ страны, и шла совершенно противъ землевадѣльческой политики.

Но врядъ ли это противорѣчіе было плодомъ политическаго двуличія; скорѣе въ немъ отразилось безсиліе подняться надъ двумя порядками явленій и подчинить ихъ своему распоряженію. Когда на новозанятыхъ мѣстахъ укрѣпилось московское населеніе и подъ охраною новыхъ крѣпостей возможна стала правильная хозяйственная дѣятельность, здѣсь повторились тѣ же самыя явленія, которыми сопровождался кризисъ въ старомъ центрѣ. Появившіеся на окраинахъ, на югѣ отъ Оки, привилегированные землевладѣльцы, въ громадномъ большинствѣ служилые, пользовались всяческимъ покровительствомъ правительства въ ущербъ тяглымъ классамъ. Въ городахъ служилыя слободки уничтожали посады, а въ уѣздахъ служилыя вотчины и помѣстья уничтожали крестьянское мірское устройство. Условія, вызвавшія кризисъ въ центральныхъ волостяхъ, перешли на югъ и вызвали дальнѣйшее разсѣяніе населенія. Оно уходило за рубежи и наполняло собою казачьи городки и становища на южныхъ рѣкахъ. Тамъ питалось и росло неудовольствіе на тотъ государственный порядокъ, который лишалъ крестьянство его земли и предпочиталъ выгоды служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго работника.

Таковы были обстоятельства московской жизни передъ кончиною Грознаго. Высшій служилый классъ, частью взятый въ опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный переживалъ тяжелый нравственный и матеріальный кризисъ. Гроза опалы, страхъ за цѣлость хозяйства, изъ котораго уходили крестьяне; служебныя тягости, вгонявшія въ долги; успѣхи давнишняго соперника по землевладѣнію—монастыря,—все это угнетало и раздражало московское боярство, питало въ немъ недовольство и приготовляло его къ участію въ смутѣ. Мелкій служилый людъ, дѣти боярскіе дворовые и городовые, сидѣвшіе на обезлюдѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, были прямо въ ужасномъ положеніи. На нихъ лежала всею тяжестью война Ливонская и охрана границъ отъ Литвы и татаръ. Военныя повинности не давали имъ и короткаго отдыха, а въ то же время послѣднія средства для отбыванія этихъ повинностей изсякали, благодаря крестьянскому выходу и перевозу и постоянному передвиженію самихъ служилыхъ людей. Лишенные прочной осѣдлости и правильнаго обезпеченія, не располагая не только свободными, но и необходимыми средствами, эти люди прямо нуждались въ правительственной помощи и поддержкѣ, въ охранѣ ихъ людей и земель отъ перевода за монастыри и бояръ. Тяглое населеніе государства также терпѣло отъ войны, отъ физическихъ бѣдствій и отъ особенностей правленія Грознаго. Но судьба его была глубоко различна въ сѣверной и южной половинахъ государства. Это различіе намъ уже извѣстно. Бодрыя и дѣятельныя, зажиточныя и хорошо организованныя податныя общины сѣвера оставались самостоятельными и сохраняли непосредственныя отношенія къ правительству через выборныхъ своихъ властей въ то самое время, когда въ южной половинѣ государства тяглое населеніе черныхъ и дворцовыхъ волостей было обращено въ частную зависимость, а посадская община исчезала и изнурялась отъ наплыва въ

города ратныхъ людей и дѣтей боярскихъ съ ихъ дворнею и крестьянами. Въ сѣверныхъ волостяхъ населеніе держалось на мѣстахъ, тогда какъ на югѣ оно стало бродить, уходя изъ государства съ государева тягла, съ боярскаго двора и господской пашни. Оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишалъ ихъ земли и свободы. Можно сказать, что въ срединныхъ и южныхъ областяхъ государства не было не одной общественной группы, которая бы была довольна ходомъ дѣлъ. Здѣсь все было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными неудачами Грознаго, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, зловѣщіе признаки котораго однако, могъ ловить глазъ внимательнаго наблюдателя. Посторонній Москвѣ человѣкъ видѣлъ въ этомъ броженіи опасность междоусобія и смутъ, и онъ былъ правъ.

Смутное время.

Итакъ начальный фактъ XVII столѣтія—смута въ своемъ происхожденіи есть дѣло предыдущаго XVI вѣка, и изученіе смутной эпохи внѣ связи съ предыдущими явленіями нашей жизни невозможно. Къ сожалѣнію, наша наука еще не разобралась въ обстоятельствахъ смутнаго времени настолько, чтобы точно показать, въ какой мѣрѣ неизбѣжность смуты опредѣлялась условіями внутренней жизни народа и на столько она была вызвана и поддержана случайностями и постороннимъ вліяніемъ. Когда мы обращаемся къ изученію другой европейской смуты, французской революціи, можно удивиться тому, какъ ясенъ этотъ сложный фактъ и со стороны своего происхожденія и со стороны развитія. Мы легко можемъ слѣдить за развитіемъ этого факта, отлично видѣть, что тамъ фактъ смуты—неизбѣжное слѣдствіе того государственнаго кризиса, къ которому Францію привелъ ея феодальный строй; мы видимъ тамъ и результатъ многолѣтняго броженія, выражавшійся въ томъ, что преобладаніе феодальнаго дворянства смѣнилось преобладаніемъ буржуазіи. У насъ совсѣмъ не то. Наша смута вовсе не революція и не кажется исторически необходимымъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Началась она явленіемъ совсѣмъ случайнымъ: прекращеніемъ династіи; въ значительной степени поддерживалось вмѣшательствомъ поляковъ и шведовъ и закончилось возстановленіемъ прежнихъ формъ государственнаго и общественнаго строя и въ своихъ перипетіяхъ представляетъ массу случайнаго и трудно объяснимаго. Благодаря такому характеру нашей государственной «разрухи», и является у насъ такъ много различныхъ мнѣній и теорій объ ея происхожденіи и причинахъ. Одну изъ такихъ теорій представляетъ въ своей Исторіи Россіи» С. М. Соловьевъ. Онъ полагаетъ первой причиной смуты дурное состояніе народной нравственности, явившееся результатомъ столкновенія новыхъ государственныхъ началъ со старыми дружинными. Это столкновеніе по его теоріи выразилось въ борьбѣ Московскихъ государей съ боярствомъ. Другою причиною смутѣ онъ считаетъ чрезмѣрное развитіе казачества

съ его противогосударственными стремленіями. Смутное время, такимъ образомъ, онъ понимаетъ, какъ время борьбы общественнаго и противообщественнаго элемента въ молодомъ Московскомъ государствѣ, гдѣ государственный порядокъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны старыхъ дружинныхъ началъ и противообщественнего настроенія многолюдной казацкой среды (Ист. VIII, гл. II). Другого воззрѣнія держится К. С. Аксаковъ, Въ своей рецензіи на VIII томъ исторіи Соловьева (Соч. Аксакова т, I ст. 25 и слѣд.) Аксаковъ признаетъ смуту фактомъ случайнымъ, не имѣющимъ глубокихъ историческихъ причинъ. Смута была къ тому же дѣломъ «государства», а не «земли». Земля въ смутѣ до 1612 года была совсѣмъ пассивнымъ лицомъ. Надъ ней спорили и метались люди государства, а не земскіе. Во время междуцарствія разрушалось и наконецъ разсыпалось въ дребезги государственное зданіе Россіи, говоритъ Аксаковъ; «подъ этимъ развалившимся зданіемъ открылось крѣпкоэ земское устройство» . . . въ 1612—13 гг. земля встала и подняла развалившееся государство. Не трудно замѣтить, что это осмысленіе смуты сдѣлано совершенно въ двухъ его общихъ историческихъ воззрѣній и что оно въ корнѣ противоположно воззрѣніямъ Соловьева. Третья теорія выдвинута И. Е. Забѣлинымъ («Мининъ и Пожарскій» С.-пб. 1883 и въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г.). Она въ своемъ генезисѣ является сочетаніемъ первыхъ двухъ теорій, но сочетаніямъ очень своеобразнымъ. Причины смуты онъ видитъ, какъ и Аксаковъ, не въ народѣ, а въ «правительствѣ», иначѣ въ «боярской дружинной средѣ» (Эти термины у него равнозначущи). Боярская и вообще служилая среда во имя отжившихъ дружинныхъ традицій (здѣсь Забѣлинъ становится на точку зрѣнія Соловьева) давно уже крамольничала и готовила смуту. Столѣтіемъ раньше смуты для нея созидалась почва въ стремленіяхъ дружины править землею и кормиться на ея счетъ. Сирота-народъ въ дѣлѣ смуты игралъ пассивную роль и спасъ государство въ критическую минуту». Народъ такимъ образомъ въ смутѣ ничѣмъ не повиненъ, а виновниками были: боярство и служилый классъ». Н. И. Костомаровъ (въ разныхъ статьяхъ въ своемъ «Смутномъ времени») высказалъ иные взгляды. По его мнѣнію, въ смутѣ виновны всѣ классы русскаго общества, но причины появленія этого переворота слѣдуетъ искать не внутри, а внѣ Россіи. Внутри для смуты были лишь благопріятныя условія. Причина же лежитъ въ папской власти, въ работѣ іезуитовъ и въ видахъ польскаго правительства. Указывая на постоянныя стремленія папства къ подчиненію себѣ восточной церкви и на искусныя дѣйствія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ концѣ XVI вѣка, Костомаровъ полагаетъ, что они, какъ и польское правительство, ухватились за самозванца съ цѣлями политическаго ослабленія Россіи и ея подчиненія папству. Ихъ вмѣшательство придало нашей смутѣ такой тяжелый характеръ и такую продолжительность.

Это послѣднее мнѣніе уже слишкомъ односторонне: причины смуты, несомнѣнно, лежали столько же въ самомъ московскомъ обществѣ, сколько и внѣ его. Въ значительной степени наша смута зависѣла и отъ случайныхъ обстоятельствъ, но что она пе была совсѣмъ

неожиданнымъ для современниковъ фактомъ, говорятъ намъ нѣкоторыя показанія Флетчера: въ 1591 году издалъ онъ въ Лондонѣ свою книгу о Россіи (On the Russe Common Weaeth), въ которой предсказываетъ вещи, казалось бы, совсѣмъ случайныя. Въ V-й главѣ своей книги онъ говоритъ: «Младшій братъ царя (Ѳедора Ивановича), дитя лѣтъ шести или семи, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы (т. е. въ Угличѣ) подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ. Но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя». Издано это было за годъ, а написано, по крайней мѣрѣ, за два года до смерти царевича Дмитрія. Въ этой же главѣ говоритъ Флетчеръ, что царскій родъ въ Россіи, повидимому, скоро пересѣчется со смертью особъ, нынѣ живущихъ, и произойдетъ переворотъ въ русскомъ царствѣ. Это извѣстіе напечатано было за семь лѣтъ до прекращенія династіи. Въ главѣ IX онъ говоритъ, что жестокая политика и жестокіе поступки Ивана IV, хотя и прекратившіеся теперь, такъ потрясли все государство и до того возбудили общій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно окончиться не иначе, какъ всеобщимъ возстаніемъ». Это было напечатано, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за 10 до перваго Самозванца. Такимъ образомъ, въ умѣ образованнаго и наблюдательнаго англичанина за много лѣтъ до смуты сложилось представленіе о ненормальности общественнаго быта въ Россіи и о возможномъ результатѣ этого—безпорядкахъ. Это уже должно убѣждать насъ, что дѣйствительно въ концѣ XVI вѣка въ русскомъ обществѣ были уже ясны тѣ болѣзненные процессы, которые сообщили смутѣ такой острый характеръ общаго кризиса. Выяснить эти процессы остается еще на долю будущей науки, но мы, помня приведенныя мнѣнія ученыхъ, должны обратиться къ XVI вѣку и просто посмотрѣть на тѣ факты, которые въ глазахъ ученыхъ служатъ или причиной возникновенія, или причиной усиленія и осложненія смуты.

Начальнымъ фактомъ и ближайшей причиной смуты послужило прекращеніе царской династіи. Свершилось это прекращеніе смертью трехъ сыновей Ивана Грознаго: Ивана, Ѳеодора и Дмитрія. Старшій изъ нихъ, Иванъ, былъ уже взрослымъ и женатымъ, когда былъ убитъ отцомъ. Характеромъ онъ вполнѣ походилъ на отца, участвовалъ во всѣхъ его дѣлахъ и потѣхахъ и, говорятъ, проявлялъ такую же жестокость, какая отличала Грознаго. Иванъ занимался литературой и былъ начитаннымъ человѣкомъ. Существуетъ его литературный трудъ «Житіе Антонія Сійскаго». (Впрочемъ, надо замѣтить, что это «Житіе» представляетъ просто переработку его первоначальной редакціи, принадлежащей нѣкоему иноку Іонѣ. Оно написано по существовавшему тогда риторическому шаблону и особенныхъ литературныхъ достоинствъ не имѣетъ).

О причинахъ смерти Ивана существуетъ нѣсколько разнорѣчивыхъ извѣстій: Псковская лѣтопись говоритъ, что во время Ливонской войны, въ критическую для Пскова минуту, Иванъ Грозный не хотѣлъ ему помочь. Тогда на защиту Пскова подалъ голосъ Иванъ. У нихъ

съ отцомъ произошла ссора, въ которой сынъ получилъ отъ отца ударъ жезломъ настолько сильный, что отъ него умеръ. По другимъ извѣстіямъ, несогласіе было вызвано отношеніями Грознаго къ невѣсткѣ своей, женѣ Ивана. За какое-то несоблюденіе придворнаго этикета свекоръ началъ бить ее, тогда Иванъ вступился за жену и былъ убитъ. Въ этой же ссорѣ, какъ передаютъ, пострадалъ и Борисъ Годуновъ: вмѣшался въ ссору и первый ударъ принялъ на себя. Какъ бы то ни было, а царевичъ въ 1582 году скончался. Послѣ смерти Грознаго въ живыхъ осталось два сына: Θеодоръ и, ребенокъ еще, Димитрій, рожденный въ седьмомъ бракѣ Грознаго, съ Маріей Нагой.

Въ первое время по смерти Ивана Грознаго произошли какіе-то, намъ точно неизвѣстные, безпорядки, которые окончились ссылкой боярина Бѣльскаго и удаленіемъ Маріи Нагой съ Дмитріемъ въ Угличъ. Царемъ сдѣлался Θеодоръ. Иностранные послы Флетчеръ и Сапѣга рисуютъ намъ Θеодора довольно опредѣленными чертами. Царь ростомъ былъ низокъ, съ опухлымъ лицомъ и нетвердой походкой и при томъ постоянно улыбался. Сапѣга, увидавъ царя во время аудіенціи, говоритъ, что получилъ отъ него впечатлѣніе полнаго слабоумія. Говорятъ Θедоръ любилъ звонить на колокольнѣ, за что еще отъ отца получилъ прозвище звонаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ забавляться шутами и травлей медвѣдей. Настроеніе духа у него было всегда религіозное, и эта религіозность проявлялась въ строгомъ соблюденіи внѣшней обрядности. Отъ заботъ государственныхъ онъ устранялся и передалъ ихъ въ руки своихъ ближнихъ бояръ. Въ началѣ его царствованія изъ боярской среды особенно выдавались значеніемъ: Бѣльскій, Мстиславскій, Шуйскіе, Борисъ Годуновъ и Никита Романовичъ Юрьевъ. Бѣльскій скоро былъ сосланъ, а изъ прочихъ на дѣла болѣе всего вліяли Годуновъ и Юрьевъ. Такъ шло до 1586 года, когда Никита Романовичъ Юрьевъ неожиданно былъ пораженъ параличемъ и умеръ. Власть сосредоточилась въ рукахъ Бориса Годунова, но ему пришлось бороться съ сильными противниками: Мстиславскимъ и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень рѣзкій характеръ и кончилась полнымъ торжествомъ Годунова. Мстиславскій былъ постриженъ, а Шуйскіе со многими родственниками подверглись ссылкѣ.

Пока все это происходило въ Москвѣ, Марія Нагая съ сыномъ и со своей родней продолжала жить въ Угличѣ, въ почетной ссылкѣ. Понятно, какъ должна была относиться она и всѣ Нагіе къ боярамъ, бывшимъ во власти, и къ Годунову, какъ вліятельнѣйшему изъ нихъ. Нагая была жена Ивана Гразнаго, пользовалась его симпатіей и общимъ почетомъ и вдругъ ее, царицу, выслали въ далекій удѣлъ—Угличъ и держали подъ постояннымъ надзоромъ.

Такимъ надзирателемъ отъ правительства былъ въ Угличѣ Битяговскій. Относиться къ Битяговскому Нагіе не могли хорошо, видя въ немъ агента отъ тѣхъ, которые послали ихъ въ ссылку. Мы очень мало знаемъ о настроеніи Нагихъ, но если вдуматься въ нѣкоторыя свидѣтельства о Дмитріи, то можно убѣдиться, какую сильную ненависть питала эта семья къ боярамъ, правящимъ и близкимъ къ Θедору; про Дмитрія въ Москвѣ ходило, конечно, много слуховъ. Между про-

чимъ, по этимъ слухамъ иностранцы (Флетчеръ, Буссовъ) сообщаютъ, что Дмитрій характеромъ похожъ на отца: жестокъ и любитъ смотрѣть на мученія животныхъ. Рядомъ съ такой характеристикой Буссовъ сообщаетъ разсказъ о томъ, что Дмитрій сдѣлалъ однажды изъ снѣга чучела, называлъ ихъ именами знатнѣйшихъ московскихъ вельможъ, затѣмъ саблей сшибалъ имъ головы, приговаривая, что такъ онъ будетъ поступать со своими врагами—боярами. И русскій писатель, Авраамій Палицынъ пишетъ, что въ Москву часто доносили о Дмитріи, будто онъ враждебно и нелѣпо относится къ боярамъ, приближеннымъ своего брата и особенно къ Борису Годунову. Палицынъ объясняетъ такое настроеніе царевича тѣмъ, что онъ былъ «смущаемъ ближними своими». И дѣйствительно, если мальчикъ высказывалъ такія мысли, то очевидно, что самъ онъ ихъ выдумать не могъ, а внушались онѣ окружающими его. Понятно и то, что злоба Нагихъ должна была обратиться не на Ѳеодора, а на Бориса Годунова, какъ главнаго правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроеніи Дмитрія, который считался наслѣдникомъ престола, могли опасаться, что взрослый Дмитрій напомнитъ имъ о временахъ отца своего, и могли желать его смерти, какъ говорятъ иностранцы. Такимъ образомъ немногія показанія современниковъ съ ясностью вскрываютъ намъ взаимныя отношенія Углича и Москвы. Въ Угличѣ ненавидятъ московскихъ бояръ, а въ Москвѣ получаются изъ Углича доносы и опасаются Нагихъ. Помня эту скрытую вражду и существованіе толковъ о Дмитріи, мы можемъ объяснить себѣ, какъ весьма возможную сплетню, тотъ слухъ, который ходилъ задолго до убіенія Дмитрія,—о ядѣ, данномъ Дмитрію сторонниками Годунова; ядъ этотъ будто бы чудомъ не подѣйствовалъ.

15 мая 1591 года царевичъ Дмитрій былъ найденъ на дворѣ своихъ Угличскихъ хоромъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Созванный церковнымъ набатомъ народъ засталъ надъ тѣломъ сына царицу Марію и ея братьевъ Нагихъ. Царица била мамку царевича Василису Волхову и кричала, что убійство—дѣло дьяка Битяговскаго. Его въ это время не было во дворѣ; услышавъ набатъ, онъ тоже прибѣжалъ сюда, но едва успѣлъ придти, какъ на него кинулись и убили. Тутъ же убили его сына Данилу и племянника Никиту Качалова. Съ ними вмѣстѣ побили какихъ-то посадскихъ людей и сына Волховой Осипа. Дня черезъ два была убита еще какая-то «юродивая женка», будто бы портившая царевича. 17 мая узнали объ этомъ событіи въ Москвѣ и прислали въ Угличъ слѣдственную комиссію, состоявшую изъ слѣдующихъ лицъ: князя В. Шуйскаго, злѣйшаго врага Годунова; окольничаго Андрея Клешнина, дьяка Вылузгина и Крутицкаго митрополита Геласія. Ихъ слѣдственное дѣло (оно напечатано въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II) выяснило: 1) что царевичъ самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни въ то время, какъ игралъ ножемъ въ «тычку» (въ родѣ нынѣшней свайки) вмѣстѣ со своими сверстниками, маленькими жильцами, и 2) что Нагіе безовсякаго основанія побудили народъ къ напрасному убійству невинныхъ лицъ. По донесенію слѣдственной комиссіи, дѣло было отдано въ судъ патріарха и другихъ духовныхъ

лицъ. Духовный судъ обвинилъ Нагихъ и «Углицкихъ мужиковъ», но окончательный судъ передалъ въ руки свѣтской власти.

Царицу Марію сослали въ далекій монастырь на Выксу (близъ Череповца) и тамъ постригли. Братьевъ Нагихъ разослали по разнымъ городамъ. Виновныхъ въ безпорядкѣ угличанъ казнили и сослали въ Пелымъ, гдѣ изъ угличанъ составилось цѣлое поселеніе; Угличъ, по преданію, совсѣмъ запустѣлъ. Несмотря на то, что правительство отрицало убійство и признало самоубійство въ смерти царевича, въ обществѣ распространился слухъ, будто царевичъ Дмитріи убитъ приверженцами Бориса по Борисову порученію. Слухъ этотъ, сначала записанный нѣкоторыми иностранцами, передается затѣмъ въ видѣ неоспоримаго уже факта, и въ нашей письменности являются особыя сказанія объ убіеніи Дмитрія; составлять ихъ начали во время Василія Шуйскаго не ранѣе того времени, когда была совершена канонизація Дмитрія и мощи его были перенесены въ 1606 году изъ Углича въ Москву. Есть нѣсколько видовъ этихъ сказаній, и всѣ они имѣютъ однѣ и тѣ же черты: разсказываютъ объ убійствѣ очень правдоподобно и въ то же время сказанія содержатъ въ себѣ историческія неточности и несообразности. Затѣмъ каждая редакція этихъ сказаній отличается отъ прочихъ не только способомъ изложенія, но и разными подробностями, часто исключающими другъ друга. Наиболѣе распространеннымъ видомъ является отдѣльное сказаніе, включенное въ общій лѣтописный сводъ. Въ этомъ сказаніи разсказывается, что сперва Борисъ пытался отравить Дмитрія, но видя, что Богъ не позволяетъ яду подѣйствовать, онъ сталъ подыскивать чрезъ пріятеля своего Клешнина такихъ людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это предложено было Чепчугову и Заряжскому, но они отказались. Согласился одинъ только Битяговскій. Самое убійство, по этому сказанію, произошло такимъ образомъ: когда сообщница Битяговскаго, мамка Волхова, вѣроломно вывела царевича гулять на крыльцо, убійца Волоховъ подошелъ къ нему и спросилъ его: «Царевичъ, у тебя новое ожерелье?». «Нѣтъ старое», отвѣчалъ ребенокъ и, чтобы показать ожерелье, поднялъ головку. Въ это время Волоховъ ударилъ царевича ножемъ по горлу, но, «не захватилъ ему гортани», ударилъ неудачно. Кормилица (Жданова), бывшая здѣсь, бросилась защищать ребенка, но ее Битяговскій и Качаловъ избили, а затѣмъ окончательно зарѣзали ребенка.

Составленные лѣтъ черезъ 15 или 20 послѣ смерти Дмитрія это сказаніе и другіе разсказы крайне спутанно и сбивчиво передавали эти слухи объ убійствѣ, какіе ходили тогда въ московскомъ обществѣ. На нихъ поэтому такъ и нужно смотрѣть, какъ на записанные по наслышкѣ. Это не показанія очевидцевъ, а слухи, и свидѣтельствуютъ они неоспоримо объ одномъ только, что московское общество твердо вѣрило въ насильственную смерть царевича.

Такое убѣжденіе общества или извѣстной его части идетъ въ разрѣзъ съ офиціальнымъ документомъ о самоубійствѣ царевича. Историку невозможно помирить оффиціальныхъ данныхъ въ этомъ дѣлѣ съ единогласнымъ показаніемъ сказаній объ убійствѣ, и онъ долженъ стать на сторону или того, или другихъ. Уже давно наши исто-

рики (еще Щербатовъ) стали на сторону сказаній. Карамзинъ сдѣлалъ Бориса Годунова очень картиннымъ «злодѣемъ».

Въ наше время во всѣхъ учебникахъ догматически излагается фактъ убійства Дмитрія. Но въ наукѣ есть голоса и за то, что право слѣдственное дѣло, а не сказаніе (Арцибашевъ и Погодинъ). Тѣмъ не менѣе господствовало и господствуетъ прежнее мнѣніе, что Дмитрій убитъ Борисомъ (Костомаровъ, Соловьевъ), хотя статьи Е. А. Бѣлова («О смерти царевича Дмитрія» въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1873 г. кн. VII и VIII) сильно подрываютъ это мнѣніе мастерскимъ анализомъ всѣхъ мелочей дѣла.

Въ нашемъ изложеніи мы такъ подробно остановились на вопросѣ о смерти Дмитрія для того, чтобы составить объ этомъ фактѣ опредѣленное мнѣніе, такъ какъ отъ взгляда на это событіе зависитъ взглядъ на личность Бориса: здѣсь ключъ къ пониманію Бориса. Если Борисъ-убійца, то онъ злодѣй, какимъ его рисуетъ Карамзинъ, если нѣтъ, то онъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ московскихъ царей. Посмотримъ же, насколько мы имѣли основаніе обвинять Бориса въ смерти царевича и подозрѣвать достовѣрность оффиціальнаго слѣдствія. Оффиціальное слѣдствіе далеко, конечно, отъ обвиненія Бориса. Въ этомъ дѣлѣ иностранцы, обвиняющіе Бориса, должны быть на второмъ планѣ, какъ источникъ второстепенный, потому что о дѣлѣ Дмитрія они только повторяютъ русскіе слухи. Остается одинъ родъ источниковъ—разсмотрѣнныя нами сказанія и вообще лѣтописи XVI вѣка. На нихъ то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этомъ лѣтописномъ матеріалѣ. Большинство лѣтописныхъ источниковъ, направленныхъ противъ Бориса, говоря о Борисѣ, или сознаются, что пишутъ по слуху, или, какъ человѣка, хвалятъ Бориса. Но осуждающія Бориса сказанія, во первыхъ, не умѣютъ согласно передать обстоятельствъ убійства Дмитрія, какъ мы это видѣли, и кромѣ того заключаютъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. Составлялись они долго спустя послѣ событія, когда Дмитрій былъ уже канонизированъ и когда царь Василій, отрекшись отъ своего же слѣдствія по дѣлу Дмитрія, всенародно взвелъ на память Бориса вину въ убійствѣ царевича, и оно стало оффиціально признано фактомъ. Противорѣчить этому факту было тогда дѣломъ невозможнымъ. Во вторыхъ, всѣ вообще сказанія о смутѣ сводятся къ очень небольшому числу самостоятельныхъ редакцій, которыя позднѣйшими компиляторами очень много перерабатывались. Одна изъ этихъ самостоятельныхъ редакцій (такъ называемое «Иное сказаніе»), очень вліявшая на разныя компиляціи, вышла цѣликомъ изъ лагеря враговъ Годунова-Шуйскихъ. Если мы примемъ во вниманіе и не будемъ брать въ разсчетъ компиляцій, то окажется, что далеко не всѣ самостоятельные авторы сказаній, противъ Бориса; большинство ихъ очень сочувственно отзывается о немъ, а о смерти Дмитрія часто просто молчатъ. Далѣе, враждебныя Борису сказанія настолько къ нему пристрастны въ своихъ отзывахъ, что явно на него клевещутъ и ихъ клеветы на Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками учеными,—напримѣръ, Борису приписываются: поджогъ Москвы въ 1591 г., отравленіе царя Ѳедора и дочери его Ѳеодосіи.

Эти сказанія отражають въ себѣ настроеніе общества, ихъ создавшаго; ихъ клеветы—клеветы житейскія, которыя могли явиться прямо изъ житейскихъ отношеній: Борису приходилось дѣйствовать при Θедорѣ, въ средѣ враждебныхъ ему бояръ (Шуйскихъ и др.), которые его ненавидѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись, какъ неродовитую силу. Сперва они старались уничтожить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естественно, что они стали для той же цѣли подрывать его нравственный кредитъ, и это имъ лучше удалось. Прославить Бориса убійцей было легко. Въ то смутное время, еще до смерти Дмитрія, можно было чуять эту смерть, какъ чуялъ ее Флетчеръ. Онъ говоритъ, что Дмитрію грозитъ смерть «отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя». Но Флетчеръ не называетъ сдѣсь Бориса, и его показаніе можетъ распространяться и на всѣхъ болѣе родовитыхъ бояръ, такъ какъ они тоже могли явиться претендентами на престолъ. Буссовъ говоритъ, что «многіе бояре» хотѣли смерти Дмитрія, а больше всѣхъ Борисъ. Нагіе могли стоять на такой же точкѣ зрѣнія. Ненавидя все тогдашнее боярское правительство, они ненавидѣли Бориса, только какъ его главу, и царица Марія, мать Дмитрія, по весьма естественной филіаціи идей, въ минуту глубокаго горя могла самоубійству сына придать характеръ убійства со стороны правительства, иначе говоря, Бориса, а этой случайно брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла воспользоваться, развить эту мысль и пустить въ ходъ въ московскомъ обществѣ для своихъ цѣлей. Попавъ въ литературу, эта политическая клевета стала общимъ достояніемъ не только людей XVII вѣка, но и позднѣйшихъ поколѣній даже науки.

Помня возможность происхожденія обвиненій противъ Бориса и соображая всѣ сбивчивыя подробности дѣла, нужно въ результатѣ сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на фактѣ самоубійства Дмитрія, но въ то же время нельзя принять господствующаго мнѣнія объ убійствѣ Дмитрія Борисомъ. Если признать это послѣднее мнѣніе требующимъ новыхъ оправданій, а его именно такимъ и надо считать,—то мы можемъ объяснять выборъ Бориса и безъ связи съ его «злодѣйствомъ». А, что касается до этого господствующаго мнѣнія о виновности Бориса, то для его надлежащаго подтвержденія нужны, строго говоря, три изслѣдованія: 1) нужно доказать въ дѣлѣ Дмитрія невозможность «самоубійства» и, стало быть, подложность слѣдственнаго дѣла. Бѣловъ, доказывая подлинность этого дѣла, изслѣдовалъ съ медицинской точки зрѣнія возможность самоубійства въ эпилепсіи. Медики говорили ему, что подобное самоубійство возможно. Что касается до самаго слѣдственнаго дѣла, то она представляетъ намъ подробности, отличающіяся такой наивностью, что поддѣлать ихъ въ то время было бы просто невозможно, такъ какъ требовалось бы уже слишкомъ много психологическаго чутья, недоступнаго людямъ XVII вѣка. Далѣе, во 2) если и была доказана невозможность сямоубійства, то слѣдуетъ еще доказать, что убійство было своевременно, что въ 1591 году можно было предвидѣть бездѣтную смерть Θедора и съ нею связывать какіе нибудь разсчеты. Этотъ вопросъ очень спорный. Да наконецъ, въ 3), если бы

такіе разсчеты и были возможны, то одинъ ли Годуновъ могъ ихъ тогда имѣть? Развѣ никто, кромѣ Годунова, не имѣлъ интереса въ смерти Дмитрія и не могъ рискнуть на убійство?

Вотъ сколько темныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ заключается въ обстоятельствахъ смерти Дмитрія. Пока всѣ они не будутъ разрѣшены, до тѣхъ поръ обвиненіе Бориса будетъ стоять на очень шаткой почвѣ, и онъ передъ нашимъ судомъ будетъ не обвиненнымъ, а только подозрѣваемымъ: противъ него очень мало уликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ есть обстоятельства, убѣдительно говорящія въ пользу этой умной и симпатичной личности.

И такъ, изъ сыновей Грознаго старшій умеръ ранѣе отца, младшій въ 1591 году, а средній Өедоръ дожилъ до 1598 года и окончилъ собою длинный рядъ историческихъ дѣятелей—Московскихъ Даниловичей.

Умирая, Өедоръ не назначилъ себѣ преемника, а только оставилъ на всѣхъ «своихъ великихъ государствахъ» жену свою, Ирину Өедоровну. Тотчасъ послѣ его смерти Москва присягнула царицѣ; ее просили править съ помощью брата Бориса Өедоровича. Но отъ царства Ирина наотрѣзъ отказалась, «съѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ подъ именемъ Александры». Вмѣстѣ съ сестрой поселился и Борисъ, а царствомъ правилъ патріархъ и бояре именемъ царицы. Всѣ понимали, что управленіе временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же могъ ему наслѣдовать? По общему складу понятій того времени наслѣдовать долженъ былъ родовитѣйшій въ государствѣ человѣкъ, но родовые счеты бояръ успѣли къ этому времени такъ уже перепутаться и осложниться, что разобраться въ въ нихъ было не такъ легко. Родъ Рюриковичей былъ очень многочисленъ, и относительное старшинство его членовъ опредѣлить врядъ ли можно было съ точностью. Къ тому же многіе изъ очень родовитыхъ членовъ были затерты при дворѣ менѣе родовитыми, но болѣе счастливыми по службѣ родичами, а съ другой стороны среди московскаго боярства было много очень родовитыхъ людей не Рюриковичей. Въ то время изъ Рюриковичей особымъ значеніемъ пользовалась родовитая семья князей Шуйскихъ. Она была старше даже великихъ князей московскихъ, а рядомъ съ ней стояли во главѣ боярства очень знатные князья чужого рода—Гедиминовичи, Мстиславскіе и Голицыны. Наиболѣе талантливой изъ этихъ княжескихъ фамилій была фамилія Шуйскихъ, не разъ давала она государству выдающихся дѣятелей, отмѣченныхъ крупнымъ воинскимъ или административнымъ талантомъ. Менѣе блестящіе были Мстиславскіе и Голицыны, но они, какъ и Шуйскіе, всегда занимали первыя мѣста въ рядахъ московскаго боярства. По понятіямъ этого боярства, право быть выбраннымъ на престолъ принадлежало одному изъ этихъ княжескихъ родовъ болѣе, чѣмъ кому либо другому. А между тѣмъ были въ Москвѣ два рода не княжескаго происхожденія, которые пользовались громаднымъ значеніемъ при послѣднихъ Даниловичахъ и по вліянію своему ничѣмъ не уступали знатнѣйшимъ Рюриковичамъ и Ге-

диминовичамъ. Это старые слуги князей московскихъ-Романовы и Годуновы. Предокъ Романовыхъ, по преданію, выѣхалъ въ XIV вѣкѣ изъ «Пруссъ», какъ выражаются древнія родословныя, Его потомки были впослѣдствіи извѣстны подъ именами Кошкиныхъ, Захарьиныхъ и съ XVI вѣка Романовыхъ (отъ имени Романа Юрьевича Захарьина). Дочь этого Романа Юрьевича въ 1547 году вышла замужъ за Ивана IV, и такимъ образомъ Романовы стали въ родствѣ съ царемъ. Съ той поры родъ Романовыхъ пользовался большой симпатіей со стороны народа. Въ минуту смерти царя Өедора было нѣсколько Романовыхъ, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Изъ нихъ самымъ выдающимся былъ Өедоръ Никитичъ Романовъ. И онъ, и всѣ его братья въ это время были извѣстны подъ именемъ Никитичей.

Родъ Годунова былъ не изъ особенно «честныхъ» родовъ и выдвинулся не родовой честью, а случайно только въ XVI вѣкѣ, хотя и восходилъ къ XIV вѣку. Предокъ Годуновыхъ, татаринъ Мурза-Четъ, пріѣхалъ, какъ говоритъ преданіе, въ XIV вѣкѣ на службу къ московскому князю. Какъ его потомки успѣли выдвинуться изъ массы подобной имъ второстепенной знати, неизвѣстно. Есть извѣстіе, что Борисъ и Ирина Годуновы въ дѣтствѣ уже были близки къ царской семьѣ. Пользуясь постояннымъ расположеніемъ Грознаго царя, Борисъ участвовалъ въ его опричнинѣ. Но и въ Александровской слободѣ держалъ онъ себя съ большимъ тактомъ, не участвовалъ въ тѣхъ оргіяхъ, которыми, между прочимъ, славна опричнина и успѣлъ сохранить свое положеніе при дворѣ, не потакая дурнымъ его страстямъ, какъ это дѣлали другіе любимцы. Народная память никогда не связывала имени Бориса съ подвигами опричнины, по духу своему онъ не былъ опричникомъ. Особенно близки стали Годуновы къ царской семьѣ съ того времени, какъ сестра Годунова Ирина, вышла замужъ за царевича Өедора. Расположеніе Грознаго къ Годуновымъ все росло. Въ минуту смерти Ивана IV Борисъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ престолу и вліятельнѣйшихъ бояръ.

Въ первое время царствованія Өедора большимъ значеніемъ пользовался Никита Романовичъ Юрьевъ, а послѣ его смерти вліяніе на дѣла всецѣло перешло къ Борису. Онъ былъ не только фаворитомъ, но сталъ и формальнымъ правителемъ государства. Это то значеніе Годунова и обусловливало ненависть къ нему бояръ: нѣсколько разъ они пробовали съ нимъ бороться, но были имъ побѣждены. Вліянія его поколебать было нельзя, и это было тѣмъ горше для боярства, что оно предугадывало событія. Оно понимало, что бездѣтность Өедора можетъ открыть путь къ престолу тому изъ боярства, кто будетъ сильнѣе своимъ положеніемъ и вліяніемъ. А сила Годунова была безпримѣрна. Онъ располагалъ большимъ имуществомъ (Флетчеръ считаетъ его ежегодный доходъ въ 100.000 р. и говоритъ, что Борисъ могъ со своихъ земель поставить въ поле цѣлую армію. Положеніе Бориса при царѣ было такъ высоко, что иностранныя посольства искали ауиденціи у Бориса; слово Бориса было закономъ: Өедоръ царствовалъ, Борисъ управлялъ, это знали всѣ и на Руси и заграницей. У этого то неродовитаго «татарина» и было болѣе всѣхъ

шансовъ по смерти Ѳедора занять престолъ, а онъ отказался и ушелъ за сестрою жить въ монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царство принять не хочетъ, бояре задумали, какъ говоритъ преданіе, сдѣлать боярскую думу временнымъ правительствомъ и выслали дьяка Щелкалова къ народу на площадь присягнуть боярамъ. Но народъ отвѣчалъ, что онъ «знаетъ только царицу». На заявленіе объ отказѣ и постриженіи царицы изъ народа раздались голоса: «Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ». Тогда патріархъ съ народомъ отправился въ Новодѣвичій монастырь и предложилъ Борису Годунову престолъ. Борисъ наотрѣзъ отказался, говоря, что прежде надо успокоить душу Ѳедора». Тогда рѣшили подождать выбора царя до тѣхъ поръ, пока пройдетъ сорокъ дней со смерти Ѳедора и соберутся въ Москву земскіе люди для царскаго избранія. По свидѣтельству Маржерета, Борисъ самъ потребовалъ созванія по восьми или десяти человѣкъ выборныхъ изъ каждаго города, чтобы весь народъ рѣшилъ, кого надо избрать царемъ. Это показаніе Маржерета прекрасно объясняется извѣстіемъ изъ бумагъ Татищева, что бояре хотѣли ограничить власть новаго царя въ свою пользу, а Борисъ, не желая этого, ждалъ Земскаго Собора въ надеждѣ, что на соборѣ «простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ». Если это извѣстіе вѣрно, то можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ умный Борисъ оказался дальновиднѣе боярства.

Въ Февралѣ 1598 года съѣхались соборные люди, и открылся соборъ. Любопытенъ его составъ. Лицъ, участвовавшихъ въ этомъ Соборѣ, считаютъ обыкновенно 457 или 474, но вѣроятнѣе, что на соборѣ присутствовало болѣ 500 человѣкъ. Изъ нихъ духовныхъ лицъ было до 100 человѣкъ, бояръ до 15, придворныхъ чиновъ до 200, горожанъ и московскихъ дворянъ до 150 человѣкъ и тяглыхъ людей (но не крестьянъ) до 50 человѣкъ. Соображая численное отношеніе разныхъ московскихъ группъ на соборѣ, мы имѣемъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Соборъ 1598 года состоялъ преимущественно изъ лицъ служилыхъ чиновъ, былъ соборомъ служилымъ 2) Въ составъ его входили преимущественно московскіе люди, а изъ другихъ городовъ выборныхъ, служилыхъ и тяглыхъ людей, было не болѣе 50 человѣкъ. Такимъ образомъ на соборъ 1598 года была хорошо представлена Москва и очень неполно вся остальная земля. Но полноты представительства московскіе люди никогда не достигали. Они стали къ ней приближаться только въ XVII вѣкѣ и то далеко не всегда. Поэтому неполнота собора 1598 года и преобладаніе на немъ московскихъ людей должны считаться естественнымъ дѣломъ, а не слѣдствіемъ интригъ Бориса, какъ многіе думаютъ. Далѣе, вглядываясь въ составъ этого собора, мы замѣтимъ, что на соборѣ было очень мало представителей этого многочисленнаго класса рядовыхъ дворянъ, въ которомъ привыкли видѣть главную опору Бориса, его доброхотовъ. И наоборотъ, придворные чины и московскіе дворяне, т. е. болѣе аристократическіе слои дворянства, на Соборѣ были во множествѣ. А изъ этихъ то слоевъ и являлись, по нашимъ представленіямъ, враги Бориса. Стало быть на Соборъ не прошли друзья

Бориса и могли пройти въ большомъ числѣ его противники. Такъ заставляетъ думать составъ Собора—аристократическаго и московскаго, и это отнимаетъ у насъ возможность предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что Соборъ 1598 года былъ подтасованъ Борисомъ и потому представлялъ изъ себя игрушку въ рукахъ опытнаго лицемѣра. Послѣ статей В. О. Ключевскаго. «О составѣ представительства на московскихъ земскихъ соборахъ» (въ «Русской Мысли» 1890—1892 гг.) въ правильности состава и законности собора 1598 года едва ли можно сомнѣваться.

17 февраля Соборъ избралъ царемъ Бориса. Его предложилъ самъ патріархъ. Три дня служили молебны, чтобы Богъ помогъ смягчить сердце Бориса Ѳедоровича, и 20 февраля отправились опять просить его на царство, но онъ снова отказался, отказалась и Ирина брагословить его. Тогда 21-го патріархъ взялъ чудотворную икону Божіей Матери и при огромномъ стеченіи народа отправился съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, причемъ было рѣшено, что если Борисъ опять будетъ отказываться, то его отлучатъ отъ церкви, духовенство прекратитъ совершеніе литургій, а грѣхъ весь падетъ на душу упорствующаго. Послѣ совершенія въ монастырѣ литургіи, патріархъ съ боярствомъ пошелъ въ келію Ирины, гдѣ былъ Борисъ и началъ уговаривать его, а въ монастырской оградѣ и за монастыремъ стояли толпы народа и крикомъ просили Бориса на престолъ. Тогда, наконецъ, Ирина согласилась благословить брата на престолъ, а затѣмъ далъ согласіе и Борисъ.

Такъ повѣствуетъ объ избраніи оффиціальный документъ «избирательная грамота» Бориса, но иначе передаютъ дѣло нѣкоторые не оффиціальные памятники. Они говорятъ, что Годуновъ добивался престола всѣми силами и старался заранѣе обезпечить свое избраніе угрозами, просьбами, подкупами, предъ лицомъ же боярства и народа носилъ маску лицемѣрнаго смиренія и отказывался отъ высокой чести быть царемъ. О подкупахъ и агитаціи Бориса говоритъ, между прочими и Буссовъ: въ своемъ разсказѣ объ избраніи Бориса, очень баснословномъ вообще, онъ повѣствуетъ, что Ирина, сестра Бориса, призвала какихъ то сотниковь и пятидесятниковъ (вѣроятно стрѣлецкихъ) и подкупила ихъ содѣйствовать избранію ея брата, а самъ Борисъ своими агентами избралъ монаховъ, вдовъ и сиротъ, которые его славословили и выхваляли народу. Этотъ оригинальный пріемъ избирательной агитаціи Борисъ усилилъ еще другимъ: онъ подкупалъ будто бы бояръ. Но боярство и было врагомъ Бориса, противъ котораго онъ долженъ былъ агитировать и, если и агитировалъ, то, конечно, не одной сиротской и вдовьей помощью. Что же касается до загадочныхъ сотниковъ и пятидесятниковъ, то, если разумѣть подъ ними стрѣльцовъ, они не могли принести пользы Борису, ибо на Соборѣ 1598 года ихъ почти небыло, а агитировать внѣ Собора они могли только въ низшихъ слояхъ московскаго населенія, а эти слои слабо была представлены на Соборѣ. По такимъ и другимъ несообразностямъ, разсказъ Бусова объ избраніи Бориса слѣдуетъ заподозрить. Онъ писалъ, вѣроятно, по русскимъ слухамъ. Эти слухи нѣсколько опредѣленнѣе

высказаны въ русскихъ сказаніяхъ. Тамъ тоже встрѣчаются извѣстія о безнравственныхъ поступкахъ Бориса при его избраніи. И съ перваго взгляда многочисленность этихъ извѣстій заставляетъ вѣрить въ ихъ правоту, но болѣе близкое съ ними знакомство разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Нѣкоторые хронографы и отдѣльныя сказанія обвиняютъ Бориса въ слѣдующемъ: онъ лестью и угрозами склонялъ народъ избрать его на царство, разсылая своихъ приверженцевъ по Москвѣ и въ города; онъ силою подъ страхомъ большого штрафа, сгонялъ народъ къ Новодѣвичьему монастырю и заставлялъ его слезно вопить и просить, чтобы Борисъ принялъ престолъ. Но всѣ сказанія, гдѣ находятся эти данныя, имѣютъ характеръ компиляцій и компиляцій позднѣйшихъ, причемъ въ обвиненіяхъ Бориса, слѣдуютъ всѣ одинаково одному сказанію, составленному въ самомъ началѣ XVII вѣка. («Иное сказаніе» или Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ). «Такимъ образомъ многочисленность сказаній, направленныхъ противъ Бориса, теряетъ своа значеніе и мы имѣемъ дѣло съ однимъ памятникомъ ему враждебнымъ. Это враждебное Борису сказаніе вышло изъ подъ пера слѣпого поклонника Шуйскихъ и смотритъ на событія партійно, цѣнитъ ихъ невѣрно, относится къ нимъ пристрастно. Можно ли полагаться на этотъ источникъ въ дѣлу обвиненія Бориса, когда мы знаемъ, что Борисъ имѣлъ много правъ на престолъ, пользовался популярностью; когда, наконецъ, мы имѣемъ такія показанія, которыя даютъ полное основаніе предполагать, что Соборъ не былъ запуганъ Борисомъ, не былъ искусственно настроенъ къ тому, чтобы избрать именно его, Бориса, а совершилъ это вполнѣ сознательно и добровольно.

При открытіи Собора патріархомъ Іовомъ была сказана искусная и риторически краснорѣчивая рѣчь, въ которой онъ перечислялъ заслуги Бориса и его права на престолъ и съ своей стороны, какъ представитель и выразитель мнѣній духовенства, высказалъ, что онъ не желалъ бы лучшаго царя, какъ Борисъ Ѳедоровичъ. Эта рѣчь, въ которой видятъ обыкновенно давленіе на Соборъ, не допускавшее возраженій, можетъ быть легко понятна и безъ такихъ обвиненій. Она, безспорно, должна была произвести сильное впечатлѣніе на членовъ Собора, но не исключала возможности свободныхъ преній. Они и были, какъ можно судить по лѣтописному описанію Собора 1598 года. Въ этихъ преніяхъ одни Шуйскіе не хотѣли Бориса на царство». Но большинство было за него, и Борисъ былъ избранъ въ цари Соборомъ совершенно сознательно и свободно, по нашему мнѣнію. Соборъ сталъ на сторону патріарха, а не Шуйскихъ, не потому, что предложенный патріархомъ Борисъ въ глазахъ русскаго общества имѣлъ опредѣленную репутацію хорошаго правителя,—избрали Бориса потому, что его любили московскіе люди (какъ объ этомъ говоритъ Маржеретъ), знали его, при царѣ Ѳедорѣ Іоановичѣ, праведное и крѣпкое правленіе, «разумъ его и правосудіе», какъ выражаются лѣтописцы. Борисъ былъ вообще популяренъ и цѣнимъ народомъ. На память его было по многимъ причинамъ воздвигнуто гоненіе при Лжедмитріи и Шуйскомъ. Когда же смута смела и Шуйскихъ, и Самозванцевъ и старое московское боярство, боровшееся съ Годуновымъ, то несмотря на оффиціально

установленную преступность Годунова въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія, писатели XVII вѣка оцѣнили личность и дѣятельность Бориса иначе, чѣмъ цѣнили ее современники—враги, надъ ними восторжествовавшіе, и ихъ литературные послѣдователи. Князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій въ своемъ сочиненіи о смутѣ, написанномъ по семейнымъ воспоминаніямъ въ первой половинѣ XVII вѣка сочувственно относится къ Борису и въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ намъ этотъ симпатичный образъ:«мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣлъ и многое дивное о себѣ творяще»; но въ то же время, отдавая дань общимъ воззрѣніямъ этой эпохи, писатель прибавляетъ, что одно «ко властолюбію не насытное желаніе»погубило душу Бориса. Такой же симпатичный отзывъ даетъ намъ и знаменитый дѣятель и писатель, дружившій съ Вас. Ив. Шуйскимъ, Авраамій Палицынъ: «царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся ѡ бѣдныхъ и нищихъ промышляше и милость таковымъ великая отъ него бываше; злыхъ же людей лютѣ изгубляще и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть». Наиболѣе независимый въ своихъ отзывахъ о Борисѣ авторъ—Ив. Тимофѣевъ признаетъ въ немъ высокія достоинства человѣка и общественнаго дѣятеля. Въ нѣкоторыхъ хронографахъ также находимъ похвалы Борису. Въ одномъ изъ нихъ находится слѣдующее замѣчательное сужденіе о Борисѣ: послѣ общей благосклонной Борису характестики авторъ хронографа говоритъ, что «Борисъ отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ и поэтому навлекъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей русской земли; отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили».

Если внимательно разобрать первоначальные отзывы писателей о Борисѣ, то окажется, что хорошія мнѣнія о немъ въ литературѣ положительно преобладали. Болѣе раннее его потомство цѣнило Бориса, пожалуй, болѣе, чѣмъ мы. Оно опиралось на свѣжую еще память о счастливомъ управленіи Бориса, о его привлекательной личности. Современники же Бориса, конечно, живѣе его потомковъ чувствовали обаяніе этого человѣка, и Соборъ 1598 года выбиралъ его вполнѣ сознательно и лучше насъ, конечно, зналъ, за что выбираетъ.

Между тѣмъ всѣ ученые настроены противъ Бориса и въ дѣлѣ избранія его на престолъ, какъ и въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія: Карамзинъ смотритъ на него, какъ на человѣка, страстно желавшаго царства во что бы то ни стало и передъ избраніемъ своимъ игравшаго низкую комедію. Того же мнѣнія держится Костомаровъ и отчасти С. М. Соловьевъ. Костомаровъ не находитъ въ Годуновѣ ни одной симпатичной черты, и даже хорошіе его поступки готовъ объяснять дурными мотивами. Къ тому же направленію принадлежитъ Павловъ (Историческое значеніе царствованія Бориса Годунова») и Бѣляевъ, причемъ послѣдній (въ своей статьѣ о семскихъ соборахъ) для своихъ обвиненій дѣлаетъ иногда такія натяжки, что ихъ не приходится опровергать.

Иного взгляда на личность Бориса держатся только Погодинъ, Аксаковъ, да въ послѣднее время Е. А. Бѣловъ.

Такая антипатія къ Годунову, ставшая своего рода традиціей, происходитъ отъ того, что къ оцѣнкѣ его личности по обычаю подходятъ чрезъ сомнительный фактъ убійства царевича Дмитрія. Если же мы отрѣшимся отъ этого далеко не вполнѣ достовѣрнаго факта, то у насъ нехватитъ основанія видѣть въ Борисѣ безнравственнаго злодѣя, интригана, а въ его избраніи ловко съигранную комедію.

Разборъ этихъ двухъ историческихъ фактовъ конца XVI вѣка — смерти царевича Дмитрія и избранія Годунова въ цари—показалъ намъ, что обычныя обвиненія, которыя раздаются противъ Бориса, допускаютъ много возраженій и установлены настолько непрочно, что вѣрить ихъ достовѣрности очень трудно. Если такимъ образомъ отказаться отъ обычныхъ точекъ зрѣнія на Бориса, то о немъ придется говорить немного и оцѣнку этого талантливаго государственнаго дѣятеля сдѣлать не трудно.

Историческая роль Бориса чрезвычайно симпатична: судьбы страны очутились въ его рукахъ тотчасъ же почти по смерти Грознаго, при которомъ Русь пришла къ нравственному и экономическому упадку. Особенностямъ царствованія Грознаго въ этомъ дѣлѣ много помогли и общественныя неурядицы XVI вѣка, какъ мы объ этомъ говорили выше, и разнаго рода случайныя обстоятельства. (Такъ, напримѣръ, по объясненію современниковъ, внѣшняя торговля при Иванѣ IV чрезвычайно упала, благодаря потерѣ Нарвской гавани, чрезъ которую успѣшно вывозились наши товары, и вслѣдствіе того, что въ долгихъ Польско-Литовскихъ войнахъ оставались закрытыми пути за границу). Послѣ Грознаго, московское государство, утомленное безконечными войнами и страшной неурядицей, нуждалось въ умиротвореніи. Желаннымъ умиротворителемъ явился именно Борисъ, и въ этомъ его громадная заслуга. Въ концѣ концовъ умиротворить русское общество ему не удалось, но на это были свои глубокія причины и въ этомъ винить Бориса было бы несправедливо. Мы должны отмѣтить лишь то, что умная политика умнаго правителя въ началѣ его государственной дѣятельности сопровождалась явнымъ успѣхомъ. Объ этомъ мы имѣемъ опредѣленныя свидѣтельства. Во первыхъ, всѣ иностранцы—современники и наши древніе сказатели очень согласно говорятъ, что послѣ смерти Грознаго, во время Ѳедора, на Руси настала тишина и сравнительно благополучіе. Такая перемѣна въ общественной жизни, очевидно, очень рѣзко бросилась въ глаза наблюдателямъ и они спѣшили съ одинаковымъ чувствомъ удовольствія засвидѣтельствовать эту перемѣну. Вотъ примѣръ отзыва о времени Ѳедора со стороны создателя, писавшаго по свѣжей памяти: «Умилосердися Господь Богъ на люди своя и возвеличи царя и люди и повели ону державствовати тихо и безмятежно . . . . . и дарова всяко изобиліе и немятежное на землѣ русской пребываніе и возрасташе воліею славою. Начальницы же московскаго государства, князе и бояре и воеводы и все православное христіанство начата отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити». Во вторыхъ, замѣчая это «тихое и безмятежное житіе, «совре-

меники не ошибались въ томъ, кто былъ его виновникомъ. Наступившую тишину они приписывали умѣлому правленію, которое вызвало къ нему народную симпатію. Не принадлежащій къ поклонникамъ Годунова Буосовъ въ своей «Московской хроникѣ» говоритъ, что народъ «былъ изумленъ» *правленіемъ Бориса* и прочилъ его въ цари, если, конечно, естественнымъ путемъ прекратится царская династія. Чрезвычайно благосклонныя характеристики Годунова, какъ правителя, легко можно видѣть и у другихъ иностранцевъ (напримѣръ у Маржерета). А жившій въ Россіи восемь лѣтъ (1601—1609) голландецъ Исаакъ Масса, который очень не любилъ Годунова и взвелъ на него много небылицъ, даетъ о времени Θедора Іоанновича слѣдующій характерный отзывъ: «Состояніе всего Московскаго государства улучшалось и народонаселеніе увеличивалось. Московія, совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшной тираніи покойнаго великаго князя Ивана и его чиновниковъ . . . . теперь, благодаря премущественно добротѣ и кротости князя Θедора, а также благодаря необыкновеннымъ способностямъ Годунова снова начала оправляться и богатѣть». Это показаніе подкрѣпляется цифровой данной у Флетчера, который говоритъ, что при Иванѣ IV продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила Приказу (Большаго Дворца) не болѣе 60 тысячъ ежегодно, а при Θедорѣ до 230 тысячъ рублей. Къ такимъ отзывамъ иностранцевъ не лишне будетъ добавить разъ уже приведенныя слова А. Палицына, что Борисъ «о исправленіи всѣхъ нужныхъ вещей зѣло печашася. . . . и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ полезенъ бысть».

Итакъ, миролюбивое направленіе и успѣшность Борисовой политики—фактъ, утверждаемый современниками; этотъ фактъ найдетъ себѣ еще большее подтвержденіе, если мы обратимся хотя къ внѣшнему перечню правительственныхъ мѣръ Бориса. Мы оставимъ въ сторонѣ внѣшнія дѣла правленія и царствованія Бориса, гдѣ политика его отличалась умомъ, миролюбіемъ и большою осторожностью. Эту осторожность въ международныхъ отношеніяхъ многіе считаютъ просто трусостью; нельзя осудить политику Бориса, если взять во вниманіе общее разстройство страны въ то время, разстройство, которое требовало большой дипломатической осторожности, чтобы не втянуть слабое государство въ непосильную ему войну. Во внутренней политикѣ Бориса, когда вы читаете о ней показанія русскихъ и иностранныхъ современниковъ, вы раньше всего замѣтите одинъ мотивъ, одну крайне гуманную черту. Это, выражаясь языкомъ того времени «защита вдовъ и сиротъ», забота «о нищихъ», широкая благотворительность во время голода и пожаровъ. Въ то тяжелое время гуманность и благотворительность были у мѣста въ Россіи, и Борисъ благотворилъ щедрою рукою. Во время вѣнчанія Бориса на царство особенно заставили говорить о себѣ его финансовыя милости и богатые подарки. Кромѣ разнообразныхъ льготъ, онъ облегчалъ и даже освобождалъ отъ податей многія мѣстности на три, на пять и болѣе лѣтъ. Эта широкая благотворительность, служившая, конечно, лишь палліативомъ въ народныхъ нуждахъ, представляла собою только одинъ видъ много-

образныхъ заботъ Бориса, направленныхъ къ поднятію экономическаго благосостоянія Московскаго государства. Другой видъ этихъ заботъ представляютъ мѣры, направленныя къ оживленію упавшей торговли и промышленности. Упадокъ же промышленности и торговли дѣйствительно доходилъ въ то время до страшныхъ размѣровъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ цифры Флетчера. Онъ говоритъ, что въ началѣ царствованія Ивана IV ленъ и пенька вывозились черезъ Нарвскую гавань ежегодно на ста судахъ, а въ началѣ царствованія Ѳедора только на пяти, стало быть размѣры вывоза уменьшились въ 20 разъ. Сала вывозилось при Иванѣ IV втрое или вчетверо больше, чѣмъ въ началѣ царствованія Ѳедора. Для оживленія промышленности и торговли, для увеличенія производительности Годуновъ даетъ торговыя льготы иностранцамъ, привлекаетъ на Русь знающихъ дѣло промышленныхъ людей (особенно настоятельно онъ требуетъ рудознатцевъ). Онъ заботится также объ устраненіи косвенныхъ помѣхъ къ развитію промышленности: о безопасности сообщеній, объ улучшеніи полицейскаго порядка, объ устраненіи разнаго рода административныхъ злоупотребленій. Заботы о послѣднемъ были въ то время особенно необходимы, потому что произволъ въ управленіи былъ очень великъ: безъ посуловъ и взятокъ ничего нельзя было добиться, совершались постоянныя насилія. И всѣ распоряженія Бориса въ этомъ отношеніи остались безуспѣшны, какъ и распоряженія позднѣйшихъ государей Московскихъ въ XVII вѣкѣ. О Борисѣ, между прочимъ, сохранились извѣстія, что онъ заботился даже объ урегулированіи отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Говорятъ, будто онъ старался установить для крестьянъ minimum рабочихъ дней на землевладѣльца (два дня въ недѣлю). Это извѣстіе вполнѣ согласуется съ выше нами установленной точкой зрѣнія на указы Бориса о крестьянствѣ. Эти указы мы понимали, какъ направленные не противъ свободы крестьянъ, а противъ злоупотребленій ихъ перевозомъ.

Такимъ симпатичнымъ характеромъ отличалась государственная дѣятельность Годунова. Исторія поставила ему задачей умиротвореніе взволнованной страны, и онъ талантливо рѣшалъ эту задачу. Въ этомъ то именно и заключается историческое значеніе личности Бориса, какъ царя-правителя. Рѣшая однако свою задачу, онъ ее не разрѣшилъ удовлетворительно, не достигъ своей цѣли, за нимъ послѣдовали не миръ и спокой, а смута, но въ этомъ была не его вина. Боярская среда, въ которой ему приходилось вращаться, съ которой онъ долженъ былъ и работать и бороться, общее глубокое потрясеніе государственнаго организма, несчастное совпаденіе историческихъ случайностей—все слагалось противъ Бориса, и со всѣмъ этимъ сладить было не посиламъ даже его большому уму. Въ этой борьбѣ Борисъ и былъ побѣжденъ.

Внѣшняя политика времени Бориса не отличалась какими либо крупными предпріятіями и не всегда вполнѣ удачна. Съ Польшей шли долгіе переговоры и пререканія по поводу избранія въ Польскіе короли царя Федора, а позднѣе по поводу взаимныхъ отношеній

Швеціи и Польши (извѣстна ихъ вражда того времени, вызванная династическими обстоятельствами). На западѣ цѣль Бориса была вернуть Ливонію путемъ переворотовъ, и ему удалось вернуть войной со Швеціей тѣ русскіе города, какіе были потеряны Грознымъ. Гораздо важнѣе была политика Бориса по отношенію къ православному Востоку.

Съ паденіемъ Константинополя (въ 1453 г.) въ московскомъ обществѣ возникаетъ убѣжденіе, что подъ властью Турокъ-магометанъ греки не могутъ сохранить православія во всей первоначальной его чистотѣ. Между тѣмъ Россія, свергнувъ къ этому времени татарское иго, почувствовала себя вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ. Мысль русскихъ книжниковъ, двигаясь въ новомъ направленіи, приходитъ и къ новымъ воззрѣніямъ. Эти новыя воззрѣнія впервые выразились въ посланіи старца Филофея къ дьяку Мунехину, гдѣ мы читаемъ «всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя по пророческимъ книгамъ; два убо Рима падоша, а третій (т. е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть. Здѣсь такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ мыслью, что Римъ палъ вслѣдствіе ереси; Константинополь, второй Римъ, палъ по той же причинѣ, и осталась одна Москва, которой и назначено во вѣки быть хранительницею православія, ибо четвертому Риму не бывать. И такъ, значеніе Константинополя, по убѣжденію книжниковъ, должно быть перенесено на Москву. Но эта увѣренность искала для себя доказательствъ. И вотъ въ русской литературѣ въ половинѣ XVI вѣка проявляется рядъ сказаній, которыя должны были удовлетворить религіозному и національному чувству русскаго общества. Легенда о томъ, что Андрей Первозванный совершилъ путешествіе въ Россію и былъ тамъ, гдѣ построенъ Кіевъ, получаетъ теперь иной смыслъ, иную окраску. Прежде довольствовались однимъ фактомъ, теперь изъ факта дѣлаютъ уже выводы: христіанство на Руси столь же древне, какъ и въ Византіи. Въ этомъ смыслѣ и высказался Иванъ Грозный, когда сказалъ Поссевину: «мы вѣруемъ не въ греческую вѣру, а въ истинную христіанскую, принесенную Андреемъ Первозваннымъ». Возникаетъ даже убѣжденіе въ томъ, что титулъ патріарха перенесенъ съ Запада на Востокъ очень давно. Мы находимъ сказаніе о бѣломъ клобукѣ, который сначала былъ въ Римѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Константинополь, а оттуда въ Москву. Это странствованіе клобука, конечно, чисто апокрифическое, имѣло цѣлью доказать, что этотъ высокій іерархическій санъ долженъ съ Востока перейти въ Россію. Далѣе сохранилось сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божьей Матери, которая покинула Константинополь и перешла на Русь, ибо въ Греціи православіе должно было пасть. Передача регалій обставлена мракомъ неизвѣстности, и мы не можемъ навѣрно сказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ онѣ появились. И такъ, русскіе люди понимали, что Россія есть единственное государство, которое можетъ хранить завѣты старины. Такъ работала мысль нашихъ книжниковъ. Они чувствовали себя въ религіозномъ отношеніи выше грековъ, но факты не соотвѣтствовали такому убѣжденію. На Руси не было еще ни царя, ни па-

тріарха. Русская церковь не считалась первою православною церковью и даже не пользовалась независимостью. И такъ, мысль витала выше фактовъ, опережала ихъ. Теперь стараются догнать ихъ. Старецъ Филофей уже называетъ Василія II царемъ». Вся царства православныя христіанскія вѣры» говоритъ онъ, «снидошася въ твое единоцарство: единъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь». Иванъ Грозный, принявъ титулъ царя, осуществилъ часть этой задачи. Онъ искалъ признанія этого титула на востокѣ, и греческіе іерархи прислали ему утвердительную грамоту (1561). Но оставалась еще неосуществленной, другая часть—учрежденіе патріаршества. Относительно послѣдняго на Москвѣ знали, что греческіе іерархи отнесутся несочувственно къ стремленію русскаго духовенства получить полную самостоятельность. Правда, зависимость эта была номинальная: она выражалась въ платоническомъ уваженіи, которое высказывали московскіе митрополиты восточнымъ патріархамъ, и въ различныхъ пособіяхъ, но восточные іерархи придавали этому факту большее значеніе, полагая, что русская церковь подчинена восточной. Съ паденіемъ Константинополя московскій митрополитъ сталъ богаче средствами и выше властью всѣхъ восточныхъ патріарховъ. На востокѣ же жизнь была стѣснена, матеріальныя средства сильно оскудѣли, и вотъ восточные патріархи стали считать себя въ правѣ обращаться въ Москву, какъ въ городъ, подчиненный имъ въ церковномъ отношеніи, за пособіями. Отсюда начинаются частыя поѣздки въ Москву за милостыней, но это только возвысило московскаго митрополита въ глазахъ русскаго общества. Стали полагать, что главный вселенскій Константинопольскій патріархъ долженъ быть замѣненъ Московскимъ вселенскимъ патріархомъ. Но греческіе патріархи держались того мнѣнія, что санъ этотъ можетъ быть только у нихъ, ибо составляетъ исконную ихъ принадлежность. Несмотря на это Москва пожелала имѣть у себя патріарха и для осуществленія своего желанія избрала практическій путь. Она принялась за это при Борисѣ Годуновѣ. Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Ему дали знать о желаніи царя Ѳедора учредить въ Москвѣ патріаршій престолъ. Іоакимъ отвѣчалъ уклончиво, однако взялся пропагандировать эту мысль на востокѣ. Русскій агентъ, Адатовъ, отправленъ былъ вслѣдъ за Іоакимомъ, чтобы наблюдать, какъ пойдетъ это дѣло. Но Адатовъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Такъ прошло два года въ неопредѣленномъ положеніи. Вдругъ лѣтомъ 1588 года разошлась вѣсть, что въ Смоленскъ пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, Византійскій, Іеремія. Въ Москвѣ всѣ были взволнованы, дѣлались различныя предположенія, зачѣмъ и съ какой стати онъ пріѣхалъ. Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха до Москвы, получилъ наказъ развѣдать «есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ». По пріѣздѣ въ Москву Іеремія былъ помѣщенъ на дворѣ Рязанскаго владыки. Къ нему приставили такихъ людей, которые были покрѣпче, при чемъ имъ было приказано не допускать къ патріарху никого изъ иностранцевъ. Вообще его держали, какъ въ тюрьмѣ. Разговоры велись съ нимъ по преимуществу такіе, которые

клонились къ учрежденію патріаршества. Іереміи, наконецъ, прямо предложили перенести патріаршество изъ Константинополя въ Москву. Онъ согласился. Того только и ждали. Но самъ Іеремія былъ неудобенъ; въ Москвѣ это понимали хорошо. Это значило бы допустить ново-греческія ереси въ русскую церковь. Поэтому говорили, что на Москвѣ Іереміи оставаться неудобно, такъ какъ тамъ есть Іовъ, а онъ долженъ переѣхать во Владиміръ. Итакъ вмѣсто Москвы Іереміи предложили поселиться во Владимірѣ, городѣ, неимѣвшемъ никакого политическаго значенія. Греки поняли это такъ, что москвитяне ихъ обманули, что они вовсе не хотѣли имѣть своимъ патріархомъ Іеремію, и Іеремія отказался отъ Владиміра. Однако вопросъ принципіально былъ рѣшенъ. Если Іеремія самъ не хочетъ быть патріархомъ, то долженъ вмѣсто себя поставить другого. Но теперь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы перенести патріаршество во Владиміръ, такъ что Іеремія поставилъ Іова на Московское и на Владимірское патріаршество. Іеремія понялъ, что его согласіе на поставленіе Іова будетъ встрѣчено несочувственно на востокѣ. Дѣйствительно, тамъ извѣстіе объ учрежденіи на Москвѣ новаго патріаршества было принято холодно. Тамъ были увѣрены, что Іеремію обманули, и не хотѣли санкціонировать совершившійся фактъ. Но противиться долго было нельзя, ибо Москва была сильна и въ случаѣ отказа могла отказать въ пособіяхъ. И вотъ состоялся соборъ, гдѣ хотя и согласились признать вновь учрежденное патріаршество на Москвѣ, но Московскій патріархъ долженъ былъ занимать младшее мѣсто. Въ Москвѣ на первый разъ были довольны и этимъ. Съ этого времени руская церковь стала вполнѣ независимой; Русь стала царствомъ, а Москва сдѣлалась патріаршимъ городомъ, и этотъ послѣдній шагъ къ патріаршеству былъ плодомъ дипломатическаго умѣнія Бориса Годунова, который въ то время руководилъ всею дѣятельностью московскаго правительства и прямо гордился этимъ успѣхомъ.

Что касается до личныхъ свойствъ Бориса, то они способны были подкупить многихъ въ его пользу. Отъ природы одаренный рѣдкимъ умомъ, способный на хитрость, Борисъ росъ при опальчиномъ и капризномъ Грозномъ и въ придворной средѣ того времени, въ высшей степени, конечно, усвоилъ привычку сдерживать себя, управлять собою; онъ являлся всегда свѣтлымъ, привѣтливымъ и мягкимъ обращеніемъ даже на высотѣ власти никогда не давалъ чувствовать своего могущества. Обычаи опричнины, гдѣ безнравственность доходила до послѣднихъ предѣловъ цинизма и людская жизнь цѣнилась очень дешево, ни во что, не могли не отразиться на Борисѣ, но отразились слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, Борисъ легко смотрѣлъ на жизнь и свободу съ нашей точки зрѣнія, но въ XVI вѣкѣ одинаковой жестокостью отличалась и темная Русь при Иванѣ IV, и просвѣщенная политика Екатерины Медичи и благочестивые экстазы Филиппа II-го. По мѣркѣ того времени Борисъ былъ очень гуманною личностью, даже въ минуты самой жаркой его борьбы съ боярствомъ: «лишней крови онъ никогда не проливалъ, лишнихъ

жестокостей не дѣлалъ и сосланныхъ враговъ приказывалъ держать въ достаткѣ, не обижая». Не уступая передъ ссылкой, постриженіемъ и казнью, не отступалъ онъ въ послѣдніе свои годы и передъ доносами, поощрялъ ихъ, но эти годы были, какъ увидимъ, ужаснымь временемъ въ жизни Бориса, когда ему приходилось бороться на жизнь и смерть. Не будучи безнравственнѣе своихъ современниковъ въ сферѣ политики, Борисъ остался нравственнымъ человѣкомъ и въ частной жизни. Сохранились преданія, что онъ былъ хорошій семьянинъ и очень нѣжный отецъ. Какъ личность онъ былъ способенъ на высокія движенія: можно назвать самоотверженнымъ его поступокъ, когда онъ во время ссоры Грознаго съ его сыномъ Иваномъ закрылъ собою Ивана отъ ударовъ отца. Благотворительность и «нищелюбіе» стали всѣмъ извѣстными свойствами Бориса.

Близость къ образованному Ивану развила и въ Борисѣ вкусъ къ образованности, а его ясный умъ опредѣленно подсказалъ ему стремленіе къ общенію съ цивилизованнымъ западомъ. Борисъ призывалъ на Русь и ласкалъ иностранцевъ, посылалъ русскую молодежь заграницу учиться (любопытно, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся назадъ въ Россію) и своему горячо любимому сыну далъ прекрасное, по тому времени, образованіе. Есть извѣстія, что при Борисѣ въ Москвѣ начали распространяться западные обычаи. Патріархъ Іовъ даже терпѣлъ упреки за то, что онъ не противодѣйствовалъ этимъ новшествамъ; очень горьки были ему эти упреки, но онъ боялся открыто обличать эту новизну, потому что въ самомъ царѣ видѣлъ сильную ей поддержку.

Борисъ въ своей дѣятельности былъ преимущественно умнымъ гражданскимъ дѣльцомъ и искуснымъ дипломатомъ. Одаренный мягкой натурой, онъ не любилъ военнаго дѣла, по возможности избѣгалъ войны и почти никогда самъ не предводительствовалъ войскомъ.

Такою представляется личность Бориса тому, кто пробуетъ собрать ея черты, не предубѣжденный обычными ходячими обвиненіями, но для этихъ обвиненій мало почвы: улики противъ Бориса слишкомъ шатки. И это, конечно, чувствовалъ Карамзинъ, когда писалъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы» (1803) о Борисѣ Годуновѣ: «Пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолствуетъ вокругъ древняго гроба... Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою»? Но черезъ нѣсколько лѣтъ Карамзинъ уже вѣрилъ этимъ мнѣніямъ, и Борисъ сталъ для него (и этимъ самымъ для многихъ) человѣкомъ «дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ», но «преступникомъ», возникшимъ изъ личности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростью неусыпной, коварствомъ, происками, злодѣйствами».

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ

вслѣдствіе сильнаго неурожая, такъ какъ отъ сильныхъ дождей хлѣбъ проросъ, а потомъ сильными морозами его погубило на корню. Первый годъ голода еще кое какъ жили впроголодь, старымъ хлѣбомъ, но когда въ слѣдующемъ году посѣвы погибли въ землѣ, тогда уже насталъ полный голодъ со всѣми его ужасами. Народъ питался Богъ знаетъ чѣмъ: травой, сѣномъ и даже трупами животныхъ и людей. Для этого даже убивали людей. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта, благая по цѣли мѣра, принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало, и много народу умерло. Къ тому же и милостыню давали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи, и въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 127 тыс. Царь сталъ употреблять болѣе дѣйствительныя мѣры: онъ велѣлъ скупать хлѣбъ въ мѣстахъ, гдѣ его было больше, и развозить въ особенно нуждавшіяся мѣстности; сталъ раздавать въ Москвѣ голоднымъ работу.

Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропитаніе. Главную роль играли выгнанные своими господами во время голода холопы. Богатые люди этимъ путемъ избавлялись отъ лишнихъ нахлѣбниковъ, но не давали имъ отпускныхъ грамотъ, чтобы при удобномъ случаѣ имѣть право вернуть своихъ холоповъ. Борисъ же приказывалъ такимъ холопамъ выдавать изъ Холопьяго Приказа отпускныя, освобождавшія ихъ отъ холопства, но и это немного помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли нигдѣ пристроиться. Число этихъ голодныхъ и бѣглыхъ холоповъ пополнялось свободными голодавшими людьми, которыхъ безкормица заставляла примыкать къ холопьимъ шайкамъ и разбойничать. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойниковъ. Они бродили даже около Москвы, и противъ одной такой шайки Хлопка Борису пришлось выставить крупную военную силу и то съ трудомъ удалось одолѣть эту толпу разбойниковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году, какъ сообщаетъ Маржеретъ, явился слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Всѣ историки болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія самозванца активную роль съиграло московское боярство, враждебное Борису. На это есть намеки въ нашихъ сказаніяхъ: въ одномъ прямо говорится, что Борисъ «навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ», что и «погубило доброцвѣтущую царства его красоту». Буссовъ нѣсколько разъ повторяетъ, что Лжедмитрій былъ поставленъ боярами и что объ этомъ зналъ самъ Годуновъ и прямо въ лицо говорилъ это боярамъ. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ бывалъ и жилъ во дворцѣ у Романовыхъ и Черкасскихъ, а также и разсказъ о томъ, что Василій Ивановичъ Шуйскій впослѣд-

ствіи прямо говорилъ, что признали самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Въ томъ, что самозванецъ былъ плодомъ русской интриги убѣждаютъ насъ и слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, по сказаніямъ очевидцевъ, названный Дмитрій былъ великоруссіянинъ и грамотѣй, бойко объяснившійся по русски, тогда какъ польская цивилизація ему давалась плохо; во вторыхъ, іезуиты, которые должны были стоять въ центрѣ интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрія ухватились только тогда, когда онъ уже былъ готовъ, и, какъ видно изъ посланія папы Павла къ Сендомирскому воеводѣ, даже въ католичество обратили его не іезуиты, а францисканцы, и въ третьихъ наконецъ, польское общество относилось съ недовѣріемъ къ царскому происхожденію Самозванца, презрительно о немъ отзывалось, а къ дѣлу его большинство относилось сомнительно.

На основаніи этихъ данныхъ, возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца Московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса. При Өедорѣ Ивановичѣ, нападая открыто, оно постоянно терпѣло пораженія, и Борисъ все усиливался и возвышался. Боярство не могло помѣшать ему занять престолъ, потому, что помимо популярности Бориса, права его на царство были серьезнѣе правъ всякаго другого въ глазахъ народа по родству Бориса съ угасшею династіею. Съ Борисомъ—царемъ нельзя было открыто бороться боярству, потому что онъ былъ сильнѣе боярства... а сильнѣе и выше Бориса для народа была лишь династія Даниловичей. Свергнуть его можно было только во имя ея. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ цѣлесообразно было популяризовать слухъ объ убійствѣ Дмитрія, совершенномъ Борисомъ, и воскресить этого Дмитрія. Передъ этимъ боярство не остановилось.

О замыслѣ бояръ, должно быть, Борисъ узналъ еще въ 1600 году, и въ связи съ этимъ, вѣроятно, стоятъ опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Бѣльскаго, крамольника 1584 года и воспитателя царевича Дмитрія. Онъ былъ сосланъ при Өедорѣ, но потомъ прощенъ, такъ что ему позволили было вернуться въ Москву. Около 1600 года Борисъ отправилъ его въ степь строить на рѣкѣ Донцѣ городокъ Борисовъ. Бѣльскій очень ласкалъ тамъ рабочихъ людей, кормилъ ихъ, искалъ ихъ расположенія и показался опаснымъ Борису. О томъ, за что именно онъ пострадалъ, передаютъ различно, но его внезапно постигла опала, мученія и ссылка. Вообще это дѣло Бѣльскаго очень темно. Нѣсколько больше мы знаемъ о дѣлѣ Романовыхъ. Послѣ Бѣльскаго пришелъ ихъ чередъ. Романовыхъ было пять братьевъ Никитичей: Өедоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій. Изъ нихъ особенной любовью и популярностью въ Москвѣ пользовался красивый и привѣтливый Өедоръ Никитичъ. Онъ былъ первымъ московскимъ щеголемъ и удальцемъ. (Примѣряя кому либо платье, если хотѣли сказать комплиментъ платью и хозяину его, выражались, что оно сидитъ, «какъ на Өедорѣ Никитичѣ»). Въ 1601 году всѣ эти Романовы были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста, и только двое изъ нихъ (Өедоръ и Иванъ) пережили свою ссылку, остальные же умерли тамъ хотя и не по винѣ Бориса. Вмѣстѣ съ Романовыми были со-

сланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Ситскіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы. Лѣтопись повѣствуетъ, что Романовы пострадали отъ ложнаго доноса ихъ человѣка Второго—Бартенева. Бартеневъ по уговору съ Семеномъ Годуновымъ обвинилъ ихъ въ томъ, что у нихъ было на Бориса «отравное зелье». До насъ дошло любопытное дѣло о ссылкѣ Романовыхъ; въ немъ имѣются инструкціи царя, чтобы съ ссыльными боярами обращались мягко и не притѣсняли ихъ. Этотъ документъ отлично оправдываетъ Бориса отъ излишнихъ обвиненій и жестокости во время его царствованія. Хотя необходимо сознаться, что при его опалахъ было много пытокъ, пострадало много людей и развелись доносы въ сравненіи съ эпохою Грознаго. Въ своихъ многочисленныхъ опалахъ, слѣдовавшихъ за ссылкою Романовыхъ, Борисъ почти не прибѣгалъ къ казни, хотя для него дѣло стояло и очень серьезно: преслѣдуя бояръ, не пропуская никого за польскую границу, онъ, очевидно, съ тревогой искалъ нитей того заговора, который могъ его погубить призракомъ Дмитрія, и не находилъ этихъ нитей. Онѣ отъ него ускользаютъ, а черезъ нѣсколько времени въ Польшѣ является человѣкъ, который выдаетъ себя за спасеннаго царевича Дмитрія.

Неизвѣстно, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, хотя о его личности дѣлалось много розысканій и высказано много догадокъ. Московское правительство объявило его Галицкимъ боярскимъ сыномъ Гришкой Отрепьевымъ только въ январѣ 1605 года. Раньше въ москвѣ, вѣроятно, не знали, на кого подумать и кѣмъ назвать Самозванца. Достовѣрность этого оффиціальнаго показанія принимали на вѣру всѣ старые наши историки, принималъ и С. М. Соловьевъ, который держится однако того убѣжденія, что обманъ Самозванца съ его стороны былъ неумышленный и что Отрепьевъ самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Въ 1864 году явилось прекрасное изслѣдованіе Костомарова подъ названіемъ „Кто былъ первый Самозванецъ“? Въ этомъ трудѣ онъ доказываетъ, во первыхъ, что Лжедмитрій и Отрепьевъ два разныхъ лица, во вторыхъ, что названный Дмитрій не былъ царевичемъ, но вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, и въ третьихъ, что Самозванецъ былъ дѣломъ боярскихъ рукъ. Виднѣйшимъ дѣятелемъ этой интриги онъ считаетъ Богдана Бѣльскаго. Въ томъ же 1864 году появилась статья Бицына („День 1864 г. №№ 51 и 52, и Русскій Архивъ 1886 года „Правда о Лжедмитріи“). Бицынъ старается доказать, что въ Москвѣ къ самозванству готовили именно Григорія Отрепьева, но что царствовалъ будто бы не онъ: въ Польшѣ Отрепьева замѣнили какимъ то другимъ неизвѣстнымъ лицомъ, подставленнымъ іезуитами. Но въ статьѣ Бицына есть одинъ недостатокъ: въ ней нѣтъ второй половины біографіи Отрепьева (послѣ его бѣгства въ Литву) и первой половины біографіи неизвѣстнаго Самозванца (до его вступленія въ роль царевича). Въ 1865 году появился и еще трудъ о Лжедмитріи, *В. С. Иконникова*. Въ своей статьѣ «Кто былъ первый Лжедмитрій?» («Кіевскія Университетскія извѣстія», февр. 1865 г.) Иконниковъ беретъ въ основу своего изслѣдованія точку зрѣнія Маржерета и нѣкоторыхъ другихъ современниковъ, что Лжедмитрій есть истинный царевичъ, спасенный во время отъ убійцъ. Затѣмъ является въ 1866 году статья *Добротворскаго* («Вѣстникъ За-

падной Россіи» 1865—66 кн. 6 и 7), которому удалось найти документъ, гласящій, по его мнѣнію, что Лжедмитрій былъ никто иной, какъ Отрепьевъ. Документъ этотъ—надпись на одной изъ книгъ библіотеки Загоровскаго монастыря (Волынской губерніи). Въ книгѣ «Василія Великаго о постничествѣ» внизу по листамъ отмѣчено: «Лѣта отъ сотворенія міра 7110 (1602) мѣсяца Августа въ четырнадцатый день сію книгу... далъ намъ иноку Григорію, царевичу Московскому зъ братіею, съ Варлаамомъ да Мисаиломъ, Константинъ Константиновичъ . . . княже Острожское, воевода Кіевскій. По этой надписи видно, что Отрепьевъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ былъ въ Кіевѣ и получилъ эту книгу отъ князя Острожскаго. Часть надписи однако со словами «Инокъ Григорій» сдѣлана другою рукою, чѣмъ остальная надпись. Добротворскій сличалъ этотъ почеркъ съ документомъ, на которомъ была подпись Лжедмитрія, и почерки ему показались тождественными. Изъ позднѣйшей литературы о Самозванцѣ помянемъ: «Изслѣдованіе о личности перваго Лжедмитрія», принадлежащее г. *Казанскому* и помѣщенное въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1877 годъ. (Казанскій видитъ въ Самозванцѣ Отрепьева); затѣмъ рядъ изысканій отца *Павла Пирлинга* («Rome et Démétrins» и друг.), который воздерживается отъ категорическихъ заключеній о происхожденіи самозванца; далѣе «Смирное время Московскаго государства» г. *Иловайскаго*, сужденіе котораго, напротивъ, болѣе категоричны, чѣмъ вѣроятны; затѣмъ трудъ *Александра Гиршберга* во Львовѣ «Dymitr Samozwaniec» и *Е. Н. Щепкина* «Wer war pseudo-Demetrins I? (въ Archiv'ѣ Ягича). Особенно цѣнно изданное о. Пирлингомъ facsimile письма Самозванца къ папѣ. Знатоки польскихъ рукописей XVI—XVII вв., гг. Бодуэнъ-де-Куртенэ и С. Л. Пташицкій, склонны думать, что манускриптъ писанъ по польски русскимъ (и даже московскимъ) человѣкомъ.

При разногласіи изслѣдователей и неполнотѣ историческихъ данныхъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о личности названнаго Дмитрія трудно. Большинство историковъ признаетъ въ немъ Григорія Отрепьева; Костомаровъ прямо говоритъ, что ничего не знаетъ о его личности, а Иконниковъ признаетъ въ немъ настоящаго царевича. Безпорно однако то, что Отрепьевъ участвовалъ въ этомъ замыслѣ: легко можетъ быть, что роль его ограничивалась пропагандой въ пользу Самозванца и была подобна роли Молчанова при второмъ Самозванцѣ (Есть извѣстія, что Отрепьевъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ, а потомъ былъ сосланъ имъ за пьянство). За наиболѣе вѣрное можно также принять и то, что Лжедмитрій—затѣя Московская, что это подставное лицо вѣрило въ свое царственное происхожденіе и свое восшествіе на престолъ считало дѣломъ вполнѣ справедливымъ и честнымъ.

Но остановимся подробно на обычныхъ разсказахъ о странствованіяхъ Самозванца на Руси и Польшѣ: въ нихъ трудно отличить быль отъ сказки. Обыкновенно объ Отрепьевѣ повѣствуютъ такъ: въ молодости онъ живалъ во дворѣ у Романовыхъ и у князей Черкасскихъ, странствовалъ по разнымъ монастырямъ, пріютился въ Чудовѣ монастырѣ и былъ взятъ къ патріарху Іову для книжнаго письма.

Потомъ онъ бѣжалъ въ Литву, пропадалъ нѣсколько времени безвѣстно и вновь выплылъ, явившись слугою у Вишневецкаго; тамъ во время болѣзни открылъ свое царское происхожденіе. Вишневецкіе и Мнишекъ первые пустили въ ходъ Самозванца въ Польскомъ обществѣ. Какъ только Самозванецъ сталъ извѣстенъ, около него явились францисканцы и овладѣли его умомъ, склонивъ его въ латинство; іезуиты продолжали ихъ дѣло, а ловкая панна Марина Мнишекъ завладѣла сердцемъ молодаго царевича.

Будучи представленъ къ Польскому двору и признанъ имъ въ качествѣ царевича, Самозванецъ получаетъ поддержку, во первыхъ, въ Римской куріи, въ глазахъ которой онъ служитъ прекраснымъ предлогомъ къ открытію латинской пропаганды въ Московской Руси; во вторыхъ, въ Польскомъ правительствѣ, для котораго Самозванецъ казался очень удобнымъ средствомъ или пріобрѣсти вліяніе въ Москвѣ (въ случаѣ удачи Самозванца), или произвести смуту и этимъ ослабить сильную сосѣдку; въ третьихъ, въ бродячемъ населеніи южныхъ степей и въ извѣстной части Польскаго общества, деморализованной и склонной къ авантюризму. При этомъ нужно однако замѣтить, что въ своемъ цѣломъ Польское общество сдержанно относилось къ дѣлу Самозванца и не увлекалось его личностью и разсказами. О приключеніяхъ Московскаго царевича канцлеръ и гетманъ Янъ Замойскій съ полнымъ недовѣріемъ выражался: «Это комедія Плавта или Теренція, что-ли? (Czy to Planti, czy Terentiuszova comaedia?)». Не вѣрили Самозванцу лучшія части Польскаго общества, не вѣрилъ ему и Польскій сеймъ 1605 г., который запретилъ Полякамъ поддерживать Самозванца и рѣшилъ ихъ за это наказывать. Хотя Сигизмундъ и не держался этихъ постановленій сейма, однако онъ и самъ не рѣшался открыто и оффиціально поддерживать Самозванца и ограничился тѣмъ, что давалъ ему денежную субсидію и позволилъ вербовать въ свою дружину охочихъ людей. Яснѣе выражала свои симпатіи къ „несчастному царевичу“ Римская курія. Съ такой поддержкой, съ войскомъ изъ поляковъ, а главнымъ образомъ казаковъ, Дмитрій выступилъ на Русь и имѣлъ успѣхъ въ южныхъ областяхъ Московской Руси: тамъ охотно признавали его. Нѣкоторыя отдѣльныя стычки Самозванца съ московскими войсками ясно показали, что Самозванецъ съ его жалкими отрядами никогда бы не достигъ Москвы, если бы Борисово войско не было въ какомъ то нравственномъ неудомѣніи; имя царевича Дмитрія, послѣдней вѣтви великаго царскаго рода, лишало московскія войска всякой нравственной опоры: не будучи въ состояніи провѣрить слухи о подлинности этого воскресшаго царевича, московскіе люди готовы были вѣрить въ него и не могли драться противъ законнаго царя по своимъ религіознымъ и политическимъ взглядамъ. А боярство, легко можетъ быть, было просто радо успѣхамъ Самозванца и давало ему возможность торжествовать надъ царскими войсками, въ успѣхѣ Лжедмитрія предвидя гибель ненавистныхъ Годуновыхъ.

А гибель Годуновыхъ была близка. Въ то время, когда положеніе дѣлъ въ сѣверномъ краѣ было очень неопредѣленно, когда слабый силами Лжедмитрій усиливался часъ отъ часу отъ бѣздѣйствія царскихъ

воеводъ и становился все опаснѣе и опаснѣе, умираетъ царь Борисъ съ горькимъ сознаніемъ, что онъ и его семья лишены всякой почвы подъ ногами и побѣждены призракомъ законнаго царя. При сынѣ Бориса, когда не стало силы обаянія сильной личности Бориса, дѣла Самозванца пошли и скорѣе и лучше. Боярство стало себя держать болѣе опредѣленно: новый воевода Басмановъ со всѣмъ войскомъ прямо передался на сторону Дмитрія. Самозванца признали настоящимъ царемъ всѣ высшіе боярскіе роды, и онъ тріумфальнымъ шествіемъ двинулся къ Москвѣ.

Настроеніе умовъ въ самой Москвѣ было очень шатко. 1-го Іюня 1605 года въ Москву явились отъ Самозванца Плещеевъ и Пушкинъ, остановились въ одной изъ Московскихъ слободъ и читали тамъ грамоту Самозванца, адресованную Москвичамъ. Въ грамотѣ описывалась вся исторія царевича, его спасеніе, военные успѣхи; грамота кончалась обѣщаніемъ народу всевозможныхъ льготъ. Плещеева и Пушкина народъ повлекъ въ Китай-городъ, гдѣ снова читали грамоту на Красной Площади. Толпа не знала, чему вѣрить въ этомъ дѣлѣ, и рѣшила спросить Василія Шуйскаго, который велъ слѣдственное дѣло объ убійствѣ Дмитрія и лучше другихъ зналъ всѣ обстоятельства смерти царевича Дмитрія. Шуйскій вышелъ, говорятъ, къ народу, совершенно отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній и увѣрялъ, что Борисъ посылалъ убить царевича, но царевича спасли, а былъ убитъ поповскій сынъ. Тогда народъ бросился въ Кремль, схватилъ царя Федора съ матерью и сестрой и перевелъ ихъ въ прежній Борисовъ боярскій домъ, а затѣмъ началъ грабить иноземцевъ «Борисовыхъ пріятелей». Вскорѣ затѣмъ пріѣхали отъ Самозванца въ Москву князья Голицынъ и Мосальскій, что-бы «покончить» съ Годуновыми. Они сослали патріарха Іова въ Старицу, убили царя Федора и его мать, а его родню подвергли ссылкѣ и заточенію. Семенъ Годуновъ былъ задушенъ. Такъ кончилось время Годуновыхъ.

20-го Іюня 1605 года Дмитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву при общемъ восторгѣ увѣровавшихъ въ него москвичей. Черезъ четыре дня (24 Іюня) былъ поставленъ новый патріархъ, грекъ Игнатій, одинъ изъ первыхъ признавшій Самозванца. Скоро были возвращены изъ ссылки Нагіе и Романовы и заняли почетное мѣсто при дворѣ. Филаретъ былъ поставленъ митрополитомъ Ростовскимъ. За инокиней Марфой Нагой, матерью Дмитрія, ѣздилъ знаменитый въ послѣдствіи князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Признаніе Самозванца со стороны Марфы за сына и царевича должно было окончательно утвердить его на московскомъ престолѣ, и она признала его. Въ Іюлѣ ее привезли въ Москву, и произошло первое, трогательное свиданіе съ ней Лжедмитрія. Инокиня Марфа прекрасно представилась нѣжной матерью, Дмитрій обращался съ ней, какъ нѣжный сынъ. Про Дмитрія мы имѣемъ много свидѣтельствъ, доказывающихъ, что онъ вѣрилъ въ свое царское происхожденіе и долженъ былъ считать Марфу дѣйствительно своею матерью, такъ что его нѣжность при встрѣчѣ съ ней могла быть вполнѣ искренна. Но совершенно иначе представляется поведеніе Марфы. Внѣшность Самозванца была такъ исключительна,

что, кажется, и самая слабая память не могла смѣшать его съ покойнымъ Дмитріемъ. Для Марфы это тѣмъ болѣе немыслимо, что она не разлучалась со своимъ сыномъ, присутствовала при его смерти, отчаянно его оплакивала. Въ немъ были надежды всей ея жизни, она его берегла, какъ зеницу ока, и ей ли было его не знать? Ясно, что нѣжность ея къ Самозванцу истекала изъ того, что этотъ человѣкъ, воскрешая въ себѣ ея сына, воскрешалъ для нея то положеніе царской матери, о которомъ она мечтала въ Углическомъзаточеніи. Для этого положенія она и рѣшилась на всенародное притворство, слабодушно опасаясь возможности новой опалы въ томъ случаѣ, если бы она оттолкнула отъ себя Самозваннаго сына.

Въ то самое время, когда Марѳа, признавая подлинность Самозванца, способствовала его окончательному торжеству и утверждала его на престолѣ, Василій Шуйскій ему уже измѣнилъ. Этотъ человѣкъ не стѣснялся мѣнять свои показанія въ дѣлѣ Дмитрія: въ 1591 году онъ установилъ фактъ самоубійства Дмитрія и невиновность Бориса, послѣ смерти Годунова передъ народомъ обвинилъ его въ убійствѣ, призналъ Самозванца Дмитріемъ и этимъ вызвалъ сверженіе Годуновыхъ. Но едва Лжедмитрій былъ признанъ Москвою, какъ Шуйскій началъ противъ него интригу, объявляя его Самозванцемъ. Интрига была вовремя открыта новымъ царемъ, и онъ отдалъ Шуйскаго съ братьями на судъ выборнымъ людямъ, земскому собору. На соборѣ, вѣроятно, составленномъ изъ однихъ Москвичей, никто «не пособствовалъ» Шуйскимъ, какъ выражается лѣтописецъ, но «всѣ на нихъ кричали», и духовенство, и «бояре и простые люди». Шуйскіе были осуждены и отправлены въ ссылку, но очень скоро прощены Лжедмитріемъ. Это прощеніе въ такомъ щекотливомъ для Самозванца дѣлѣ, какъ вопросъ его подлинности, равно и то обстоятельство, что такое дѣло было отдано на судъ народу, ясно показываетъ, что Самозванецъ вѣрилъ, что онъ «прирожденный», истинной царевичъ; иначе онъ не рискнулъ бы поставить такой вопросъ на разсмотрѣніе народа, знавшаго и уважавшаго Шуйскихъ за ихъ постоянную близость къ Московскимъ царямъ.

Москвичи мало-по-малу знакомились съ личностью новаго царя. Характеръ и поведеніе царя Дмитрія производили различное впечатлѣніе: передъ Москвичами, по воззрѣніемъ того времени, былъ человѣкъ образованный, но невоспитанный, или воспитанный да не по Московскому складу. Онъ не умѣлъ держать себя сообразно своему царскому сану: не признавалъ необходимости того этикета, «чина», какой окружалъ Московскихъ царей; онъ любилъ молодечествовать, не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто этого запросто бродилъ по Москвѣ. Не умѣлъ онъ держать себя и по православному обычаю: не посѣщалъ храмовъ, любилъ самъ одѣваться, попольски одѣвалъ свою стражу, водился съ Поляками и очень ихъ любилъ; отъ него пахло ненавистнымъ Москвѣ латинствомъ и Польшей.

Но и съ польской точки зрѣнія это былъ невоспитанный человѣкъ. Онъ былъ необразованъ плохо владѣлъ Польскимъ языкомъ, еще плоше латинскимъ, писалъ «in perator» вмѣсто «imperator». Такую

особу, какой была Марина Мнишекъ, личными достоинствами онъ, конечно, прельстить не могъ. Онъ былъ очень некрасивъ: разной длины руки, большая бородавка на лицѣ, некрасивый большой носъ, волосы торчкомъ, несимпатичное выраженіе лица, лишенная таліи, неизящная фигура,—вотъ какова была внѣшность Самозванца. Брошенный судьбой въ Польшу, умный и переимчивый, безъ тѣни разсчета въ своихъ поступкахъ, онъ понахватался въ Польшѣ внѣшней «цивилизацій», коечему научился и, попавъ на престолъ, проявилъ на немъ любовь и къ Польшѣ, и къ наукѣ, и къ широкимъ политическимъ замысламъ вмѣстѣ со вкусами степнаго гуляки. Въ своей сумасбродной, лишенной всякихъ традицій, головѣ онъ питалъ утопическіе планы завоеванія Турціи, готовился къ этому завоеванію и искалъ союзниковъ въ Европѣ. Но въ этой странной натурѣ замѣтенъ былъ большой умъ. Этотъ умъ проявлялся и во внутреннихъ дѣлахъ, и во внѣшней политикѣ. Слѣдя за ходомъ дѣлъ въ боярской думѣ, Самозванецъ, по преданію, удивлялъ бояръ замѣчательной остротой ума и соображенія. Онъ легко рѣшалъ тѣ дѣла, о которыхъ долго долго думали и долго спорили бояре. Въ дипломатическихъ своихъ сношеніяхъ проявлялъ много политическихъ такта. Чрезвычайно многимъ обязанный панамъ и Сигизмунду, онъ былъ съ ними, по видимости, въ очень хорошихъ отношеніяхъ, увѣрялъ ихъ въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданности, но вовсе не спѣшилъ подчинить русскую церковь папству, а русскую политику вліянію Польской дипломатіи. Будучи въ Польшѣ, онъ самъ принялъ католичество и надавалъ массу самыхъ широкихъ обѣщаній королю и папѣ, но въ Москвѣ забылъ и католичество, и свои обязательства, а когда ему объ нихъ напоминали, онъ отвѣчалъ на это предложеніемъ союза противъ Турокъ: онъ мечталъ объ изгнаніи ихъ изъ Европы.

Но для его увлекающейся натуры гораздо важнѣе всѣхъ политическихъ дѣлъ было его влеченіе къ Маринѣ. Оно отражалось даже на его дипломатическихъ дѣлахъ. Марины онъ ждалъ въ Москву съ полнымъ нетрпѣніемъ. Въ ноябрѣ 1605 года былъ совершенъ въ Краковѣ обрядъ ихъ обрученія, причемъ мѣсто жениха занималъ царскій посолъ Власьевъ. Этотъ Власьевъ во время обрученія поразилъ и насмѣшилъ Поляковъ своеобразіемъ манеръ. Такъ во время обрученія, когда по обряду спросили, не давалъ ли Дмитрій кому нибудь обѣщанія, кромѣ Марины, онъ отвѣчалъ: «А мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не наказано». Въ Москву однако Марина пріѣхала только 2-го Мая 1606 г., а 8-го происходила свадьба. Обрядъ былъ совершенъ по старому русскому обычаю, но Русскихъ непріятно поразило здѣсь присутствіе на свадьбѣ Поляковъ и несоблюденія нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, обрядностей. Не нравилось народу и поведеніе польской свиты Мнишковъ, наглое и высокомѣрное. Царь Дмитрій съ его польскими симпатіями не производилъ уже прежняго обаянія на народъ, хотя противъ него и не было общаго опредѣленнаго возбужденія. Не имъ народь былъ недоволенъ, а его пріятелями-поляками; однако это неудовольство пока не высказывалось открыто.

Лжедмитрій сослужилъ свою службу, къ которой предназначался

своими творцами, уже въ моментъ своего воцаренія, когда умеръ последній Годуновъ—Федоръ Борисовичъ. Съ минуты его торжества въ немъ боярство уже не нуждалось. Онъ сталъ какъ бы орудіемъ, отслужившимъ свою службу и ни кому болѣе не нужнымъ, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь къ престолу будетъ свободенъ достойнѣйшимъ въ царствѣ. И устранить это препятствіе бояре стараются, повидимому, съ первыхъ же дней царствованія Самозванца. Какъ интриговали они противъ Бориса, такъ теперь открываютъ походъ на Лжедмитрія. Во главѣ ихъ сталъ теперь Шуйскій, какъ прежде, по мнѣнію нѣкоторыхъ, стоялъ Богданъ Бѣльскій. Но на первый разъ Шуйскіе слишкомъ поторопились, чуть было не погибли и, какъ мы видѣли, были сосланы. Урокъ этотъ не пропалъ имъ даромъ: весною 1606 года В. И. Шуйскій вмѣстѣ съ Голицынымъ начали дѣйствовать гораздо осторожнѣе; они успѣли привлечь къ себѣ 18 тысячъ войска, стоявшаго около Москвы; въ ночь съ 16 на 17 мая этотъ отрядъ былъ введенъ въ Москву, а тамъ у Шуйскаго было уже достаточно сочувствующихъ. Однако заговорщики, зная, что далеко не всѣ въ Москвѣ достаточно настроены противъ Самозванца, сочли нужнымъ обмануть народъ и бунтъ подняли яко бы за царя противъ поляковъ, его обижавшихъ. Но дѣло скоро объяснилось. Царь былъ объявленъ самозванцемъ и убитъ въ ночь съ 17 мая. «Истинный царевичъ», котораго еще такъ недавно трогательно встрѣчали и спасенію котораго такъ радовались, сдѣлался «растригой» «еретикомъ» и «польскимъ свистуномъ». Во время этого переворота былъ свергнутъ патріархъ Игнатій и было убито отъ 2000 до 3000 русскихъ и поляковъ. Московская чернь начинала уже пріобрѣтать вкусъ къ подобнаго рода дѣламъ.

Москва осталась безъ царя. По удачному выраженію Костомарова, «Дмитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ, какъ призракъ, оставивъ за собою страшную пропасть, чуть было не проглотившую Московское государство» («Кто былъ первый Лжедмитрій?» стр. 62). Дѣйствительно, послѣ смерти Федора была хозяиномъ Ирина, а еще болѣе Борисъ, по смерти Годуновыхъ—Дмитрій, а послѣ него не было никого или, вѣрнѣе, готовилась хозяйничать боярская среда: на полѣ битвы она осталась единой побѣдительницей. Сохранилось извѣстіе, что еще до сверженія Дмитрія бояре, возставшіе на Самозванца, сдѣлали уговоръ, что тотъ изъ нихъ, кому Богъ дастъ быть царемъ», не будетъ мстить за прежнія «досады» а долженъ «по общему совѣту» управлять Русскимъ государствомъ». Очевидно, мысль объ ограниченіи, въ первый разъ всплывшая при Борисѣ въ 1598 году, теперь была сново вспомянута. Такъ какъ и изъ своей братіи царь могъ быть «не сладокъ» боярству, какъ не сладокъ былъ ему Борисъ съ 1601 года, то боярство желало гарантіи своего положенія съ одной стороны, а съ другой участія въ управленіи. Но тотъ же фактъ избранія Бориса долженъ былъ привести на память боярамъ, кромѣ пріятныхъ имъ гарантій и то еще, что Борисъ былъ избранъ на царство Соборомъ всей земли. А это соборное избраніе было въ данную минуту совсѣмъ нежелательнымъ прецедентомъ для боярства, какъ

среды, получившей всю власть въ свои руки. Поэтому обошлись безъ Собора.

Москва послѣ переворота не скоро пришла въ себя. И 17, и 18 мая настроеніе въ городѣ было необычное. Раннимъ утромъ 19 мая народъ собрался на Красной Площади; духовенство и бояре предложили народу избрать патріарха, который бы разослалъ грамоты для созванія «совѣтныхъ людей» на избраніе царя, но въ толпѣ закричали, что нужнѣе царь, и царемъ долженъ быть В. И. Шуйскій. Такому заявленію изъ толпы никто не спѣшилъ противорѣчить, и Шуйскій былъ избранъ царемъ. Впрочемъ, трудно здѣсь сказать «избранъ»,— Шуйскій, по счастливому выраженію современниковъ, просто былъ «выкрикнутъ» своими «доброхотами», и это прошло въ народѣ незамѣченнымъ, хотя правительство Шуйскаго и хотѣло представить его избраніе дѣломъ всей земли.

Съ нескрываемымъ чувствомъ неудовольствія говоритъ объ избраніи Шуйскаго лѣтописецъ, что не только въ другихъ городахъ не знали, «да и на Москвѣ не вѣдали многіе люди», какъ выбирали Шуйскаго (Никоновская лѣтопись, VIII, стр. 76). И рядомъ съ этимъ извѣстіемъ встрѣчается у того же лѣтописца очень любопытная замѣтка, что Шуйскій при своемъ вѣнчаніи на царство въ Успенскомъ Соборѣ вздумалъ присягать всенародно въ томъ, «чтобы ни надъ кѣмъ не сдѣлать безъ Собору никакого дурна», т. е. чтобы судъ творить и управлять при участіи Земскаго Собора, по прямому смыслу лѣтописи. Но бояре и другіе люди, бывшіе въ церкви, стали будто бы, говорить Шуйскому, что этого на Руси не повелось и чтобы онъ новизны не вводилъ. Сопоставляя это лѣтописное сообщеніе съ дошедшею до насъ крестоцѣловальною записью Шуйскаго, на которой онъ присягалъ въ Соборѣ, мы замѣчаемъ между этими двумя документами существенную разницу въ смыслѣ ихъ показаній. Въ записи дѣло представляется иначе: о Соборѣ тамъ не упоминается ни словомъ, а говорится, что новый царь «поволилъ цѣловати крестъ на томъ, чтобы ему никакого человѣка не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими смерти не предати, а вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отнимати, будетъ, которые съ ними въ мысли не были, также и у торговыхъ людей хотя который по суду и по сыску дойдетъ до смертныя вины и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, буде съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски на крѣпко и ставити съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого сложетъ, а сыскать того казнити, смотря по винѣ его (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II).

Въ этихъ словахъ обыкновенно видятъ подлинныя условія ограниченій, которыя предложены были Шуйскому боярствомъ. Если точнѣе формулировать эту присягу Шуйскаго, то мы можемъ свести ее къ тремъ пунктамъ: 1) царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора думы. Какъ мы уже знаемъ, существуетъ извѣстіе, что бояре условились еще до избранія царя «общимъ совѣтомъ..

царствомъ управлять». Но если лѣтописецъ не ошибся, и въ Успенскомъ Соборѣ Шуйскій дѣйствительно присягалъ на имя Собора, а не боярской думы, то мы имѣемъ право предполагать, что это съ его стороны было попыткой замѣнить боярское ограниченіе ограниченіемъ всей земли. Однако эта попытка, если она была, оказалась неудачной. Народъ отвергъ ограниченіе, добровольно на себя налагаемое Шуйскимъ, а бояре отъ своего уговора не отказались, и въ грамотахъ Шуйскаго ограничительное значеніе предается именно боярской думѣ. 2) Далѣе В. И. Шуйскій цѣловалъ крестъ на томъ, что онъ вмѣстѣ съ виновными въ какомъ либо преступленіи не будетъ подвергать гоненію ихъ невинную родню. Это обязательство Шуйскаго одинаково относится, какъ къ боярству, такъ и къ прочимъ чинамъ, служилымъ и тяглымъ. Обычай преслѣдованія цѣлаго рода за проступокъ одного его члена въ дѣлахъ политическихъ существовалъ въ Москвѣ; его держались и Борисъ, и другіе государи. Теперь постарались объ отмѣнѣ этого обычая и приняли во вниманіе интересы не только боярства, но и прочихъ людей. 3) Наконецъ, В. И. Шуйскій обязывался не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется несправедливымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. Въ этомъ пунктѣ присяги новаго царя слышится намъ намекъ на доносы времени Годунова, когда они были возведены въ систему и явились величайшимъ зломъ.

Этими тремя условіями исчерпываются всѣ обѣщанія Шуйскаго. Итакъ Шуйскій вступилъ на престолъ не законнымъ избраніемъ земли, а умысломъ бояръ, отъ которыхъ онъ и долженъ былъ стать въ зависимость. Переворотъ 17—19 мая 1606 года случился такъ неожиданно для всей страны и произошелъ такъ быстро, что для земли должны были казаться всѣмъ необъяснимою новостью и самозванство Дмитрія, и его сверженіе, и выборъ Шуйскаго. Всѣ эти происшествія упали, какъ снѣгъ на голову, и странѣ необходимо было показать законность замѣны царя Дмитрія царемъ Василіемъ. Это и старался сдѣлать Шуйскій со своимъ правительствомъ, разославъ въ города тотчасъ по воцареніи окружныя грамоты отъ своего имени, отъ имени бояръ и другихъ московскихъ царей, и отъ имени царицы Маріи Нагой, т. е. инокини Марфы. Въ этихъ грамотахъ царь Василій старается доказать народу: 1, что свергнутый царь былъ самозванецъ, 2, что онъ, Шуйскій, имѣетъ дѣйствительныя права на престолъ и 3, что избранъ онъ законно, а не самъ пожаловалъ себя въ цари.

Что Дмитрій былъ самозванецъ, объявлялъ въ своихъ грамотахъ самъ В. И. Шуйскій. Свергнутаго царя Дмитрія онъ называлъ Гришкой Отрепьевымъ и доказывалъ это подборомъ фактовъ, не особенно строгимъ, какъ можно въ этомъ убѣдиться теперь. Тоже доказывали въ своихъ грамотахъ бояре и другіе московскіе люди, причемъ въ подборѣ фактовъ и они не особенно стѣснялись; доказывала это въ особой грамотѣ и Марфа Нагая. Она сознается тутъ, что Гришка Отрепьевъ устрашилъ ее угрозами и что признала она его страха ради, но въ то же время пишетъ (а вѣрнѣе за нее пишутъ другіе), что

тайно она говорила боярамъ о его самозванствѣ, а теперь свидѣтельствуетъ объ этомъ всенародно.

Но, слушая всѣ эти грамоты, русскіе люди знали, что Шуйскій постоянно переметывался со стороны въ сторону въ этомъ дѣлѣ, что самъ же онъ заставилъ Москву увѣровать въ подлинность царя Дмитрія, что Марфа—достойная сотрудница Шуйскаго и такой же, какъ и онъ, образецъ политической безнравственности того времени,—когда то съ восторгомъ принимала ласки самозванца и очень тепло на нихъ отвѣчала. При такихъ обстоятельствахъ много оставалось мѣста недоразумѣніямъ и сомнѣніямъ, и ихъ нельзя было разсѣять двумя-тремя грамотами. Это, конечно, понималъ и самъ Шуйскій. Онъ въ іюнѣ 1606 года, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, помимо всякихъ другихъ доказательствъ самозванства прежняго царя канонизируетъ царевича Дмитрія и 3 іюня торжественно переноситъ его мощи изъ Углича въ Москву въ Архангельскій соборъ, обращая такимъ образомъ это религіозное торжество въ средства политическаго убѣжденія.

Второе, что старался доказать Шуйскій—это прирожденныя свои права на престолъ. Здѣсь онъ не только опирается на простое родство съ угасшей династіей, но и старается доказать свое старшинство передъ родомъ Московскихъ царей Даниловичей. Родъ Шуйскихъ, какъ и родъ князей Московскихъ, принадлежалъ къ прямому потомству Александра Ярославича Невскаго, и Шуйскіе дѣйствительно производили себя отъ старшей, сравнительно съ Московскими Даниловичами, линіи Суздальскихъ князей. Но это отдаленное старшинство мало теперь значило въ глазахъ народа и одно само по себѣ не могло оправдать воцаренія Шуйскаго. Для этого необходимо было участіе воли народной, санкція земскаго совѣта, а этимъ то новый царь и пренебрегъ.

Однако, несмотря на это, въ грамотахъ своихъ къ народу царь Василій, кромѣ самозванства Дмитрія и правъ на престолъ, старается доказать еще правильность и законность своего выбора. Онъ пишетъ, что «учинился на отчинѣ прародителей своихъ избраніемъ всѣхъ людей Московскаго Государства». Въ XVI и XVII вѣкахъ наши предки «государствами» называли тѣ области, которыя когда то были самостоятельными политическими единицами и затѣмъ вошли въ составъ Московскаго государства. Съ этой точки зрѣнія тогда существовали «Новгородское государство», «Казанское государство, а «Московское государство» часто означало собственно Москву съ ея уѣздомъ. Если же хотѣли выразить понятіе всего государства въ нашемъ смыслѣ, то говорили: «всѣ великія государства Россійскаго царствія» или просто «Россійское царство». Любопытно, что Шуйскій совсѣмъ не употреблялъ этихъ послѣднихъ выраженій, говоря объ избраніи своемъ; выбирали его всякіе люди Московскаго государства», а не «всѣ люди всѣхъ государствъ» «Россійскаго царствія», какъ бы слѣдовало ему сказать и какъ писали и говорили при избраніи Михаила Федоровича въ 1613 году. Въ этомъ, пожалуй, можно видѣть осторожность со стороны Шуйскаго. Онъ какъ будто хотѣлъ обмануть на половину и не хотѣлъ обманывать совсѣмъ, но обмануть законностью своего избранія Шуй-

скому не удалось. Для народа, конечно, не могла остаться тайной настоящая обстановка избранія Шуйскаго: вся Москва до малаго ребенка знала, что посаженъ Василій не всѣмъ народомъ, а своей «Кликой» и что его не избрали, а выкрикнули. Въ избраніи и поведеніи Шуйскаго была непозволительная фальшь, и эту фальшь не могли не чувствовать московскіе люди.

Много было обстоятельствъ, мѣшавшихъ народу относится довѣрчиво къ новому правительству. Личность новаго царя далеко не была такъ популярна, какъ личность Бориса. Новый царь захватилъ престолъ, не дожидаясь земскаго собора, а многіе помнили, что Борисъ ожидалъ этого собора шесть недѣль. Новый царь очень сбивчиво и темно говорилъ какъ о самозванцѣ, такъ и о сверженіи Дмитрія, про котораго самъ же прежде свидѣтельствовалъ, что это истинный царевичъ. Наконецъ, необычайность самыхъ событій, разыгравшихся въ Москвѣ, способна была возбудить много толковъ и сомнѣній. Все это смущало народъ и лишало новое правительство твердой опоры въ народѣ. Силою самыхъ обстоятельствъ Шуйскій долженъ былъ при своемъ воцареніи опереться на боярскую партію и не могъ опереться на весь народъ; въ этомъ и заключалось его несчастіе. Народъ, признавая Шуйскаго царемъ, не считалъ его своимъ царемъ, не былъ соединенъ съ нимъ той нравственной связью, той симпатіей, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу: Шуйскій не былъ народомъ посаженъ на царство и сѣлъ на него самъ, и народная масса, смотря на него косо, чуждалась его, давала возможность свободно бродить всѣмъ дурнымъ общественнымъ сокамъ.—Это броженіе, направляясь противъ порядка вообще, тѣмъ самымъ направлялось противъ Шуйскаго, какъ представителя этого порядка, хотя, можетъ быть, представителя и неудачнаго.

А дурныхъ соковъ было много во всѣхъ общественныхъ слояхъ и во всѣхъ мѣстахъ Русской земли. Та часть боярства, которая съ Шуйскимъ была во власти, проявляла олигархическіе вкусы, ссылала на дальнія воеводства неугодныхъ ей, не приставшихъ къ заговору и вѣрныхъ Лжедмитрію бояръ (М. Салтыковъ, Шаховской, Мосальскій, Бѣльскій), давала волю своимъ противообщественнымъ личнымъ стремленіямъ. Современники говорятъ, что при Шуйскомъ бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь; ссорились съ нимъ,—словомъ дѣлали, что хотѣли. Другая часть боярства, не попавшая во власть, неимѣвшая вліянія на дѣла и недовольная вновь установившимся порядкомъ, стала, по своему обыкновенію, въ скрытую оппозицію. Во имя кого и чего могла быть эта оппозиція? Конечно, во имя своихъ личныхъ выгодъ и разъ уже испытаннаго самозванца. Не говоря уже о казачествѣ, которое жило въ лихорадкѣ и сильно бродило, разъ проводивъ самозванца до Москвы и «русскій материкъ», какъ выражается И. Е. Забѣлинъ, т. е. среднія сословія народа, на которыхъ держался государственный порядокъ, были смущены происшедшими событіями, и кое гдѣ просто не признали Шуйскаго во имя того же Дмитрія, о которомъ ничего достовѣрнаго не знали, въ еретичество и погибель котораго не вѣрили, а Шуйскаго на царство не хотѣли. И верхъ, и низъ общества или по-

теряли чувство правды во всѣхъ политическихъ событіяхъ и не знали, во имя чего противостать смутѣ, или были сами готовы на смуту во имя самыхъ разнообразныхъ мотивовъ.

Смута въ умахъ очень скоро перешла въ смуту на дѣлѣ. Съ перваго же дня царствованія Шуйскаго началась эта смута и смела царя, какъ раньше смела Бориса и Лжедмитрія. Но теперь, во время Шуйскаго, смута имѣетъ иной характеръ, чѣмъ имѣла она прежде. Прежде она была, такъ сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшіе у власти, спорили за исключительное обладаніе ею еще при Федорѣ, чувствуя, какъ будетъ важно это обладаніе въ моментъ прекращенія династіи. Въ этотъ моментъ побѣдителемъ остался Борисъ и завладѣлъ престоломъ. Но затѣмъ и его уничтожила придворная боярская интрига, дѣйствовавшая, впрочемъ, средствами не одной придворной жизни, а вынесенная наружу, возбудившая народъ. Въ этой интригѣ, результатомъ которой явился Самозванецъ, такимъ образомъ участвовали народныя массы, но направлялись и руководились онѣ, какъ бы неразумная сила, изъ той же дворцовой боярской среды. Заговоръ, уничтожившій самозванца, равнымъ образомъ имѣлъ характеръ олигархическаго замысла, а не народнаго движенія. Но далѣе дѣло пошло иначе. Когда олигархія осуществилась, то олигархи съ Шуйскимъ во главѣ вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ народной массой. Они не разъ для своихъ цѣлей поднимали изъ покоя эту массу, а теперь, какъ будто пріучась къ движенію, эта масса заколыхалась и уже не въ качествѣ простого оружія а, какъ стихійная сила, преслѣдуя какія то свои цѣли. Олигархи почувствовали, что нити движеній, которыя они привыкли держать въ своихъ рукахъ, выскользнули изъ ихъ рукъ и почва подъ ихъ ногами заколебалась. Въ тотъ моментъ, когда они думали почить на лаврахъ въ роли «властей Русской земли», «эта Русская земля начала противъ нихъ подниматься. Такимъ образомъ, воцареніе Шуйскаго можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей смуты: съ этого момента изъ смуты въ высшемъ классѣ она окончательно принимаетъ характеръ смуты народной, которая побѣждаетъ и Шуйскаго и олигархію.

Если слѣдить хронологически постепенно за развитіемъ смуты въ этотъ новый періодъ, то невольно теряешься въ массѣ подробностей, но, внимательно къ нимъ присматриваясь, получаешь возможность различить здѣсь три основные факта: 1) первоначальное движеніе противъ Шуйскаго, въ которомъ первая роль принадлежитъ Болотникову, 2) появленіе Тушинскаго вора, борьба Москвы съ Тушиномъ и 3) иноземное вмѣшательство въ смуту. Эти факты, однако, не смѣняются постепенно одинъ другимъ, а развиваются часто параллельно, рядомъ. Когда Болотниковъ, потерявъ шансы на успѣхъ, сидитъ еще крѣпко въ осадѣ отъ Шуйскаго, является Тушинскій воръ; въ разгарѣ борьбы Шуйскаго съ Воромъ, являются на Руси Шведы и Поляки.

Обратимся сначала къ первому изъ указанныхъ фактовъ—къ движенію Шаховскаго и Болотникова. Еще не успѣли убрать съ Красной Площади трупъ Лжедмитрія I, какъ разнесся слухъ даже въ самой Москвѣ, какъ это ни кажется страннымъ, что убили во дворцѣ не

Дмитрія, а кого то другого. Еще ранѣе, въ самый день переворота, одинъ изъ приверженцевъ Самозванца, Михаилъ Молчановъ, бѣжалъ изъ Москвы, пробрался къ Литовской границѣ и явился въ Самборъ распространять слухи о спасеніи царя. На себя брать роль Самозванца Молчановъ вовсе не желалъ, а подъискивалъ кого нибудь другого, который рѣшился бы явиться въ такой роли и былъ бы къ ней способенъ.

Слухи о Дмитріи сдѣлали положеніе Шуйскаго сразу очень шаткимъ. Недовольныхъ положеніемъ дѣлъ было очень много, и они хватались за имя Дмитрія: одни потому, что искренно вѣрили въ спасеніе его при переворотѣ, другіе потому, что кромѣ его имени не было другого такого, которое могло бы ихъ соединить и придать возстанію характеръ законной борьбы за правду. Одновременно со слухами, распускаемыми Молчановымъ, такіе же слухи появились въ Сѣверскихъ городахъ и тамъ всего раньше вызвали дѣйствительную смуту. Князь Григорій Шаховской приверженецъ Лжедмитрія, сосланный за это на воеводство въ Путивль, сразу показалъ Шуйскому неудобство такого рода наказанія. Онъ объявилъ въ Путивлѣ, что Дмитрій живъ, и сразу поднялъ противъ Шуйскаго весь городъ во имя этого Дмитрія. По примѣру Путивля очень скоро поднимаются и другіе Сѣверскіе города, между прочими Елецъ и Черниговъ. Въ Черниговѣ начальствовалъ князь Андрей Телятевскій, который годъ тому назадъ долго не хотѣлъ перейти на сторону Лжедмитрія, а теперь, когда Лжедмитрій былъ убитъ, сразу переходитъ на сторону его призрака, не зная еще, когда и гдѣ этотъ призракъ воплотится. Это его, быть можетъ, и неособенно интересовало, потому что поднялся онъ за Дмитрія исключительно по непріязни къ Шуйскому. Когда затѣмъ царскія войска, посланныя усмирить мятежные города, были мятежниками разбиты, то къ движенію противъ Шуйскаго на югѣ примкнули и другіе города, въ числѣ ихъ Тула и Рязань. Дальше возникли безпорядки и въ Поволжскихъ городахъ. Въ Перми явилась смута между войсками, набранными для царя: они начали побивать другъ друга и разбѣжались со службы. Въ Вяткѣ открыто бранили Шуйскаго и сочувствовали Дмитрію, котораго считали живымъ. Во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаемъ сбросить съ себя подчиненіе русскимъ. Они дѣйствовали заодно съ крестьянскими шайками. Мордва, соединясь съ холопами и крестьянами, осадила Нижній-Новгородъ. Въ далекой Астрахани поднялся на царя самъ воевода, князь Хворостинъ. Въ самой Москвѣ было замѣтно броженіе въ народѣ, хотя не доходившее до возмущенія, но очень безпокоившее Шуйскаго.

Всѣ эти волненія, происходя въ разныхъ мѣстностяхъ безъ всякой связи одно съ другимъ, различаются и мотивами и дѣятелями: въ нихъ участвуютъ люди разныхъ сословій и положеній, и преслѣдуются очень разнообразныя цѣли. Всѣхъ серьезнѣе было движеніе на югѣ въ Сѣверской землѣ. Въ центрѣ его стоялъ первоначально Шаховской. Поднялъ онъ движеніе во имя Дмитрія, но не находилъ человѣка, который взялъ бы на себя его роль, а такой человѣкъ былъ ему необходимъ, иначе движеніе въ народѣ могло заглохнуть.

Боясь этого и узнавъ, что Молчановъ выдавалъ себя за Дмитрія, Шаховской звалъ его къ себѣ, но Молчановъ не ѣхалъ, и поднятое дѣло грозило неудачей. Въ это время случай послалъ Шаховскому чрезвычайно выдающуюся энергіей и способностями любопытную личность Ивана Болотникова. Жизнь этого человѣка полна приключеній: онъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, какъ то попалъ въ плѣнъ къ Татарамъ, былъ проданъ Туркамъ и нѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ. Затѣмъ, неизвѣстно какъ, освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробирался черезъ Польшу на Русь, но въ Польшѣ его задержали. Тамъ онъ встрѣтился съ Молчановымъ, и Молчановъ нашелъ его пригоднымъ для своихъ дѣлъ человѣкомъ, сблизился съ нимъ и послалъ его въ Путивль къ Шаховскому. Шаховской принялъ Болотникова хорошо и поручилъ ему цѣлый отрядъ. Болотниковъ скоро нашелъ легкое средство увеличить свой отрядъ. Онъ призываетъ подъ свои знамена скопившіеся на Украйнѣ подонки: гулящихъ людей, разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей; именемъ несуществующаго Дмитрія обѣщаетъ имъ прощеніе и льготы. Разсылая своихъ агентовъ и свои грамоты, онъ вездѣ, гдѣ можетъ, поднимаетъ низшіе классы не только противъ Шуйскаго и не только за Дмитрія, но и противъ высшихъ классовъ, и этимъ самымъ сообщаетъ смутѣ до нѣкоторой степени характеръ соціальнаго движенія.

При первой встрѣчѣ Болотникова съ царскими войсками у Ельца и Кромъ, побѣда осталась на его сторонѣ, и это очень подѣйствовало на успѣхъ возстанія въ южной половинѣ государства. Поднялись: Тула, Веневъ, Кашира, Орелъ, Калуга, Вязьма, нѣкоторые Тверскіе города, хотя сама Тверь и осталась вѣрна Василію Шуйскому. Съ особенной силой и энергіей проявилось движеніе въ Рязани, гдѣ во главѣ этого движенія стали: Григорій Сунбуловъ и дворяне два брата Ляпуновыхъ—Прокопій и Захаръ. Рязанское населеніе отличалось, по отзывамъ сказателей того вренени, особенно храбрымъ и дерзскимъ характеромъ. Благодаря самому географическому положенію, Рязанской землѣ приходилось чаще другихъ подвергаться татарскимъ нашествіямъ и быть оплотомъ Руси отъ татаръ. Немудрено, что сложился у Рязанцевъ такой суровый и воинственный характеръ и что лѣтописцы отзываются о нихъ, какъ о народѣ удивительномъ по дерзости и «высокимъ рѣчамъ». Братья Ляпуновы были весьма типичными представителями своего края, отличались замѣчательной энергіей, дѣйствовали очень рѣшительно и смѣло и дѣйствовали порывомъ, жили впечатлѣніемъ, а не спокойной трезвой жизнью. По своимъ выдающимся личнымъ способностямъ Ляпуновы (усобенно Прокопій) могли стать во главѣ возстанія въ Рязани и сдѣлать его опаснымъ для Шуйскаго. И, дѣйствительно, въ Рязани очень скоро составилось ополченіе противъ Шуйскаго. То же произошло и въ Тулѣ, гдѣ въ главѣ возстанія сталъ сынъ боярскій Истома Пашковъ. Какъ Тульское, такъ и Рязанское ополченіе были по преимуществу дворянскими и направлялись противъ боярскаго правительства Шуйскаго за Дмитрія. На своемъ пути къ Москвѣ эти дворянскія ополченія соединились съ шайками Болотникова, которыя несли съ собою общее раззореніе и

вражду не вполнѣ политическаго характера. Онѣ шли не только противъ правительства Шуйскаго, но противъ общественнаго строя, существовавшаго тогда. И немного надо проницательности, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ во имя Дмитрія соединились соціальные враги. Стремленія холопей и гулящаго люда, шедшаго съ Болотниковымъ, были совершенно противоположны стремленіямъ дворянства, бывшаго тогда тѣмъ высшимъ классомъ, противъ котораго возбуждалъ Болотниковъ Украйну. Заранѣе можно было видѣть, что этотъ союзъ Ляпуновыхъ съ Болотниковымъ долженъ былъ прерваться, какъ только союзники ознакомятся другъ съ другомъ. Такъ и случилось. Соединенныя ополченія мятежниковъ подошли къ Москвѣ и остановились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго стало крайне опаснымъ: вся южная половина государства была противъ него, и мятежныя войска осаждали его въ Москвѣ. Не только для подавленія возстанія, но и для защиты Москвы у него небыло войска. Въ самой Москвѣ не доставало хлѣба, такъ какъ подвозъ его былъ прекращенъ мятежниками; тамъ открылся голодъ. «А кто же хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго?», мѣтко замѣчаетъ Соловьевъ (VIII, стр. 163). Но на этотъ разъ Шуйскій уцѣлѣлъ, благодаря тому, что у его враговъ очень скоро открылась рознь: дворянское ополченіе узнало симпатіи и цѣли своихъ союзниковъ по ихъ разбойничьему поведенію. Болотниковъ и не скрывалъ своихъ намѣреній: онъ черезъ своихъ людей посылалъ въ Москву грамоты и въ нихъ открыто поднималъ чернь на высшіе классы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ окружныхъ грамотъ патріарха Гермогена, который говоритъ, что воры изъ Коломенскаго «пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы и велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и женъ ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ и шпынямъ и безыменникомъ воромъ (т. е. черни), велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество».

Такое поведеніе и направленіе Болотникова и его шаекъ заставило Рязанскихъ и Тульскихъ дворянъ отшатнуться отъ дальнѣйшаго единенія съ ними и перейти на сторону Шуйскаго, который былъ все-таки охранителемъ и представителемъ государственнаго порядка, хотя, можетъ быть, и несимпатичнымъ. Первые заводчики мятежа противъ Шуйскаго—Сунбуловъ и Ляпуновъ, первые же явились съ повинной къ Шуйскому. За ними стали переходить и другіе Рязанскіе и Тульскіе дворяне. Тогда же на помощь Шуйскому подоспѣли дворянскія ополченія изъ Твери, изъ Смоленска, и дѣло Шуйскаго было выиграно. Онъ сталь уговаривать Болотникова «отстать отъ воровства», но Болотниковъ побѣжалъ на югъ, подошелъ къ Серпухову, и узнавъ, что тамъ мало запасовъ на случай осады, ушелъ въ Калугу, гдѣ запасовъ было много. Оттуда онъ перешелъ въ Тулу и засѣлъ въ ней вмѣстѣ съ казачьимъ самозванцемъ Петромъ, котораго призвалъ къ себѣ, не дождавшись Дмитрія. Этотъ Петръ былъ оригинальнымъ самозванцемъ. Онъ явился при жизни Лжедмитрія среди Терскихъ казаковъ и выдавалъ себя за сына царя Феодора, родившагося будто-бы

въ 1592 году и въ дѣйствительности никогда не существовавшаго. Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что послалъ извѣстить о себѣ царя Дмитрія, который очень умно желалъ вызвать къ себѣ поближе этого проходимца съ его шайкой, чтобы лучше и вѣрнѣе его захватить. Но на дорогѣ въ Москву Лжепетръ узналъ о погибели Дмитрія, обратился назадъ, сошелся съ Шаховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Болотникову въ Тулу. Такимъ образомъ Тула стала центромъ движенія противъ Шуйскаго. Однако ни Шаховской, ни Болотниковъ не удовольствовались Лжепетромъ и, какъ прежде хлопотали о самозванцѣ, способномъ замѣнить убитаго Лжедмитрія. Такой наконецъ явился, хотя и не успѣлъ соединиться съ ними. Весною 1607 года Шуйскій рѣшился дѣйствовать энергично, осадилъ Тулу, стоялъ подъ нею цѣлое лѣто, устроилъ плотину на р. Упѣ, затопилъ весь городъ и выморилъ мятежниковъ голодомъ. Въ октябрѣ 1607 года Тула сдалась царю Василію. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь и утопленъ, Шаховскаго сослали въ пустынь на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Шуйскій съ торжествомъ вернулся въ Москву, но не долго пришлось ему праздновать побѣду.

Въ то время, когда Шуйскій заперъ Болотникова въ Тулѣ, явился второй Дмитрій-самозванецъ, прозвищемъ Воръ. Кто онъ былъ неизвѣстно. Толковали о немъ разно· одни говорили, что это поповъ сынъ изъ Сѣверской стороны; другіе называли его дьячкомъ, третьи царскимъ дьякомъ и т. д. Впервые его слѣдъ появился въ Пропойскѣ (порубежномъ Литовскомъ городѣ), гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Чтобы выбраться оттуда, онъ объявилъ себя роднею Нагихъ и просилъ, чтобы его отпустили на Русь, въ Стародубъ. Добравшись до Стародуба, онъ посылаетъ оттуда какого то своего пріятеля по Сѣверской странѣ объявлять, что Дмитрій живъ и находится съ Стародубѣ. Стародубцы увѣровали въ Самозванца и стали помогать ему деньгами и разсылать о немъ грамоты другимъ городамъ. Вокругъ Вора скоро собралась дружина, но не земская: «составилась она изъ польскихъ авантюристовъ, казачества и всякихъ проходимцевъ. Никто изъ этого сброда не вѣрилъ въ дѣйствительность царя, которому служилъ. Поляки обращались съ Самозванцемъ дурно, казаки тоже относились къ нему такъ, какъ къ своимъ собственнымъ самозванцамъ, которыхъ они въ то время научились фабриковать во множествѣ: у нихъ одновременно существовали десятками разные царевичи: Савелій, Еремка, Мартынка, Гаврилка и др. Для казачества и для польскихъ выходцевъ самозванцы были простымъ предлогомъ для прикрытія ихъ личныхъ выгодъ на незаконную поживу «на воровство», говоря языкомъ времени. Служа Самозванцу, они и не думали ни о какихъ политическихъ или династическихъ цѣляхъ. Въ лицѣ Стародубскаго вора явился поэтому не представитель династіи или извѣстнаго государственнаго порядка, а простой вожакъ хищныхъ шаекъ 2-хъ національностей, Русской и Польской; шаекъ, которыхъ манила къ себѣ Русь своею политическою слабостью и шаткостью русскаго общества,—поэтому то второй Лжедмитрій, какъ продуктъ общественнаго недуга того времени,

получилъ мѣткое прозвище Вора. Русскій народъ этимъ прозвищемъ рѣзко различилъ двухъ Лжедмитріевъ и, дѣйствительно, первый изъ нихъ, несмотря на всю свою легкомысленность и неустойчивость, былъ гораздо серьезнѣе, выше и симпатичнѣе второго. Первый возстановилъ династію, а второй ничего не возстановлялъ, онъ просто «воровалъ».

Набравъ достаточно народа, Воръ выступилъ въ походъ на Русь; при Волховѣ разбилъ царское войско, подошелъ къ самой Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ основалъ свой укрѣпленный станъ. Его успѣхъ привлекалъ къ нему новыя силы: одна за другой приходили къ нему казацкія шайки, одинъ за другимъ приводили польскіе шляхтичи свои дружины, не смотря на запрещеніе короля. Охотно шли къ Лжедмитрію всякіе искатели приключеній, и во главѣ ихъ всѣхъ по дерзости и безцеремонности нельзя не поставить Лисовскаго и Яна Сапѣгу.

Тревожно было положеніе Москвы и всего Московскаго государства: народъ рѣшительно не зналъ, вѣрить-ли новому Самозванцу, котораго признала даже и Марина Мнишекъ, или же остаться при Шуйскомъ, котораго не за что было любить. У самаго Шуйскаго было мало средствъ и людей для борьбы. Южная часть государства была уже раззорена, въ ней хозяйничали враги его; въ сѣверной они хотя еще не укрѣпились, но уже бродили и имѣли на нее виды. Не сѣверныя области могли помочь Шуйскому, Шуйскій долженъ былъ ихъ защищать, а на это у него не было силъ. Сѣверныя области государства были лучшей частью государства. По словамъ Соловьева, онѣ «были относительно южныхъ въ цвѣтущемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточивалась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, когда открылся Бѣломорскій торговый путь,—однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя, въ ихъ населеніи преобладали земскіе люди, люди преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его слѣдствія, желающія порядка и спокойствія». (Исторія Россіи, VIII, 3 изд. стр. 220).

Въ Тушинѣ, гдѣ преобладали задачи хищническія надъ политическими, отлично понимали, что на лучшую добычу можно разсчитывать именно на сѣверѣ и дѣлали туда отъ Москвы постоянныя рекогносцировки. Шуйскій думалъ преградить имъ путь туда, но братъ его Иванъ былъ разбитъ Сапѣгой и дорога на сѣверъ стала открытой. Тамъ основался теперь пунктъ, имѣвшій большое стратегическое значеніе, взять который для Тушинцевъ было необходимо уже потому, что не овладѣвъ имъ, невозможно было овладѣть другими городами на сѣверѣ; этотъ пунктъ былъ Троицкій монастырь. Тушинцы и обратились прежде всего на него. Положеніе монастыря было тогда не безопасно, потому что защитниковъ у него имѣлось мало и опорой ему служили лишь крѣпкія стѣны, да личная храбрость гарнизона. Число защитниковъ состояло всего изъ 1500 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и способныхъ къ бою монаховъ. Этому отряду сборнаго войска пришлось бороться съ цѣлой арміей Сапѣги и Лисовскаго,

осадившихъ монастырь въ сентябрѣ 1608 года и имѣвшихъ у себя до 20, даже до 30 тысячъ человѣкъ. Первые приступы Тушинцевъ были отбиты, тогда они рѣшились на осаду обители, но монастырь могъ сопротивляться очень долго, въ немъ были большіе запасы продовольствія и осада Троице-Сергіевской Лавры, продлившись почти полтора года (съ сентября 1608 до начала 1610 г.), окончилась ничѣмъ: изнемогшій отъ голода и болѣзней гарнизонъ все таки не сдался и своимъ сопротивленіемъ задержалъ очень много Тушинскихъ силъ.

Однако это не могло помѣшать другимъ Тушинскимъ шайкамъ наводнить сѣверъ. Болѣе двадцати сѣверныхъ городовъ должны были признать власть Вора и въ томъ числѣ: Суздаль, Владиміръ, Ярославль, Ростовъ; но тутъ то и сказался весь характеръ этой воровской власти. На сѣверѣ, въ томъ краю, гдѣ менѣе всего отзывались событія смуты, гдѣ еще не знали, что за человѣкъ былъ Воръ, гдѣ довѣрія и особой любви къ Шуйскому не питали, тамъ на Вора смотрѣли, не какъ на разбойника, а какъ на человѣка, ищущаго престола, быть можетъ, и настоящаго царевича. Часто его признавали при первомъ появленіи его шаекъ, но тотчасъ же убѣждались, что эти шайки не царево войско, а разбойничій сбродъ. Слушая одновременно увѣщательныя грамоты Шуйскаго и воззванія Вора, не зная, кто изъ нихъ имѣетъ болѣе законныхъ правъ на престолъ, русскіе люди о томъ и другомъ могли судить только по поведенію ихъ приверженцевъ. Воеводы Шуйскаго были охранителями порядка въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали порядокъ, а Воръ, много обѣщая, ничего не исполнялъ и не держалъ порядка. Отъ него исходили только требованія денегъ, его люди грабили и безчинствовали, къ тому же они были поляки. Сѣверяне видѣли, что Тушинцы, которые города возьмутъ за щитомъ (т. е. силою) или хотя (эти города) и волею крестъ поцѣлуютъ (Самозванцу), то всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали. Это въ глазахъ Русскихъ не было порядкомъ, и вотъ сѣверные города одинъ за другимъ возстаютъ противъ Тушинцевъ не по симпатіи къ Шуйскому и не по увѣренности, что Тушинскій Дмитрій самозванецъ и воръ,—этотъ вопросъ они рѣшаютъ такъ: «а не спѣшите крестъ цѣловать, еще не угадать, на чемъ совершится» . . «еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать» (возстаютъ они за порядокъ противъ нарушителей его).

Это движеніе городовъ началось, кажется, съ Устюга, который вступилъ въ переписку съ Вологдой, убѣждая ее не цѣловать креста Вору. Города пересылались между собою, посылали другъ другу свои дружины, вмѣстѣ били Тушинцевъ. Во главѣ возстанія становились или находившіеся на сѣверѣ воеводы Шуйскаго, или выборные предводители. Участвовали въ этомъ движеніи и извѣстные Строгановы. Выгнавъ Тушинцевъ отъ себя, города спѣшили на помощь другимъ городамъ или Москвѣ. Такимъ образомъ противъ Тушина возстали: Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Вологда,—словомъ почти всѣ города по средней Волгѣ и на сѣверъ отъ нея.

Эти города находили достаточно силы, чтобы избавиться отъ враговъ, но этой силы не хватало у Шуйскаго и у Москвы. Во вза-

имной борьбѣ ни Москва, ни Тушино пересилить другъ друга не могли: у Тушина было мало силъ, еще меньше дисциплины, да и въ Москвѣ положеніе дѣлъ было не лучше. Какъ все государство мало слушало Шуйскаго и мало о немъ заботилось, такъ и въ Москвѣ онъ не былъ хозяиномъ. Въ Москвѣ, благодаря Тушину, всѣ сословія дошли до глубокаго политическаго разврата.

Москвичи служили и тому и другому государю: и царю Василію, и Вору. Они то ходили въ Тушино за разными подачками, чинами и «деревнишками», то возвращались въ Москву и, сохраняя Тушинское жалованье, ждали награды отъ Шуйскаго за то, что возвратились «отстали отъ измѣны»; они открыто торговали съ Тушинымъ, смотрѣли на Тушино, не какъ на вражій станъ, а какъ на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежныхъ дѣлъ. Такъ относились къ Тушину не отдѣльныя лица, а массы лицъ въ Московскомъ обществѣ, и при такомъ положеніи дѣлъ власть Шуйскаго, конечно, не могла быть крѣпка и сильна, но и Воръ не могъ извлечь много пользы для своихъ конечныхъ цѣлей, такъ какъ не возбуждалъ искренней симпатіи народа. Оба соперника были слабы, не могли побѣдить другъ друга, но своимъ совмѣстнымъ существованіемъ вліяли растлѣвающимъ образомъ на народъ, развращали его.

Шуйскій хорошо сознаЛъ свою слабость и во внѣшней помощи сталъ искать средствъ для борьбы съ Воромъ, хотя, преувеличивая свои собственныя силы, онъ сначала не допускалъ и мысли объ этой внѣшней помощи. Въ 1608 году посылаетъ онъ своего племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго для переговоровъ со Шведами о союзѣ. Въ февралѣ 1609 года переговоры эти кончились — съ королемъ Карломъ IX былъ заключенъ союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: король долженъ былъ послать Русскимъ помощь изъ трехъ тысячъ конницы и трехъ тысячъ пѣхоты, взамѣнъ этого Шуйскій отказывался отъ всякихъ притязаній на Ливонію, уступалъ Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ и обязался вѣчнымъ союзомъ противъ Польши,—условія тяжелыя для Московскаго государства.

Шведы выполнили свое обѣщаніе и дали М. В. Скопинъ-Шуйскому вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди. Скопинъ со Шведами въ 1609 году двинулся отъ Новогорода къ Москвѣ, очищая сѣверо-западъ Руси отъ Тушинскихъ шаекъ. Подъ Тверью встрѣтилъ онъ значительныя силы Вора, разбилъ ихъ и заставилъ Тушинцевъ снять осаду Троицкаго монастыря.

Успѣхъ сопровождалъ его всюду, несмотря на то, что Шведы, не получая обусловленнаго содержанія, часто отказывались ему помогать.

Посылая за помощью къ Шведамъ, Шуйскій въ то же время старался собрать противъ Вора и всѣ свои войска, какими могъ располагать. Въ 1608 году вызываетъ онъ изъ Астрахани къ Москвѣ Ф. И. Шереметева, гдѣ тотъ подавлялъ мятежъ, Шереметевъ, двинувшись вверхъ по Волгѣ, шелъ по необходимости медленно, очищая край отъ воровъ, иногда терпѣлъ отъ нихъ пораженія, но въ концѣ концовъ успѣлъ приблизиться къ Москвѣ и соединиться со Скопинымъ

въ знаменитой Александровской слободѣ осенью 1609 года. Соединенныя силы Шведовъ и Русскихъ были бы въ состояніи разгромить Тушино, если бы оно уцѣлѣло до ихъ прихода подъ Москву, но Тушино уже исчезло: временной воровской городокъ, образовавшійся въ Тушинѣ, былъ оставленъ Воромъ и сожженъ до появленія Скопина въ Москвѣ. Не одни опасенія движенія Скопина и Делагарди заставили Тушино исчезнуть: опаснѣе для него оказался другой походъ, походъ на Русь Сигизмунда, короля Польскаго..

Походъ этотъ былъ отвѣтомъ на союзъ Шуйскаго со Шведами. Какъ извѣстно, Сигизмундъ Польскій, происходившій изъ дома Вазы и наслѣдовавшій Шведскій престолъ послѣ своего отца Іоанна, былъ свергнутъ Шведами съ престола. Шведы избрали королемъ его дядю Карла IX, но Сигизмундъ не могъ съ этимъ помириться и объявилъ дядѣ войну. Когда же Карлъ заключилъ противъ него союзъ съ Шуйскимъ, то Сигизмундъ и Шуйскаго сталъ считать врагомъ. Убѣдивъ сенатъ и сеймъ, что война съ Москвой необходима въ интересахъ Польши и что онъ, Сигизмундъ, этой войной будетъ преслѣдовать только пользы государства, а не личныя, король выступилъ въ походъ и въ сентябрѣ 1609 года осадилъ Смоленскъ. Сигизмундъ отовсюду получалъ вѣсти, что въ Московскомъ государствѣ онъ не встрѣтитъ серьезнаго сопротивленія, что Москвичи съ радостью замѣнятъ непопулярнаго царя Василія королевичемъ Владиславомъ, что Смоленскъ готовъ сдаться и т. п. Но все это оказалось ложью: Смоленскъ, первоклассная крѣпость того времени, надолго удержалъ войска Сигизмунда, а Шуйскій продолжалъ царствовать, и даже Тушинскій Воръ былъ популярнѣе на Руси, чѣмъ Польскій Владиславъ.

1609-й годъ, такимъ образомъ, ознаменовался иноземнымъ вмѣшательствомъ въ московскія дѣла. Шведовъ Москва позвала сама и этимъ самымъ навлекла на себя и войну съ Польшей. Вмѣшательство иноземцевъ явилось новымъ и очень существеннымъ элементомъ смуты: его вліяніе не замедлило отозваться на общемъ ходѣ дѣлъ и прежде всего оно отозвалось на Тушинѣ, какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ.

Осада Смоленска затянулась надолго. Со временъ глубокой древности Смоленскъ былъ стратегическимъ «ключемъ къ Днѣпровской Руси». И Москва, и Литва отлично понимали всю важность обладанія этимъ городомъ и цѣлые вѣка за него боролись. Въ 1596 году, чтобы прочнѣе владѣть Смоленскомъ, Московское правительство укрѣпило его каменными стѣнами. Кромѣ сильнаго гарнизона и крѣпости стѣнъ, искусство Смоленскаго воеводы Шеина создавало много трудностей Сигизмунду, и осада съ самаго начала потребовала много военныхъ силъ, а у Сигизмунда ихъ не хватало. И вотъ Сигизмундъ отправляетъ въ Тушино посольство сказать Тушинскимъ полякамъ, что имъ приличнѣе служить своему королю, чѣмъ самозванцу. Но Тушинцы не всѣ сочувственно отнеслись къ этому: Тушинскіе паны привыкли смотрѣть на московское государство, какъ на свою законную, кровью освященную добычу, и ужъ одинъ слухъ о походѣ короля возмутилъ ихъ. Они говорили еще въ то время, какъ только услыхали о походѣ

Сигизмунда подъ Смоленскъ, что король идетъ въ Москву загребать жаръ чужими, т. е. ихъ руками, и они не были согласны на соединеніе съ королемъ. Но Сапѣга, осаждавшій Троицкій монастырь, и простые поляки, бывшіе въ Тушинѣ, склонялись на сторону короля—послѣдніе потому, что надѣялись отъ короля получить жалованье, котораго давно не получали въ Тушинѣ. Въ Тушинѣ, такимъ образомъ, произошелъ расколъ. Авторитетъ Вора совсѣмъ упалъ, надъ нимъ смѣялись и его поносили въ глаза и за глаза, особенно вліятельный въ Тушинѣ панъ, гетманъ Рожинскій. При такихъ обстоятельствахъ Воръ съ 400 донскихъ казаковъ пробовалъ уйти изъ Тушина, чтобы избавиться отъ унизительнаго положенія, но Рожинскій воротилъ его и сталъ держать, какъ плѣнника подъ надзоромъ. Воръ однако убѣжалъ (въ концѣ 1609 года) и переодѣтый отправился въ Калугу, гдѣ вокругъ него стало собираться казачество; къ нему пришелъ Шаховской съ казаками, хотя и не любившій Тушина, но сохранившій вѣрность Самозванцу.

Съ удаленіемъ Вора Тушино стало разлагаться на свои составныя части. Этому способствовалъ и Воръ, озлобленный на Поляковъ: онъ старался поссорить оставшихся въ Тушинѣ и успѣлъ въ этомъ. Поляки частью отправились къ королю, частью составили шайки, никому не служившія и только грабившія. Казаки переходили къ Вору, земскіе русскіе люди, бывшіе при Ворѣ, шли въ Калугу или ѣхали съ повинною къ царю Василію. Очень многіе впрочемъ изъ такихъ русскихъ избрали особый выходъ—обратились къ королю Сигизмунду. Извѣрившись въ Вора, не желая возвращаться къ Шуйскому, они рѣшаютъ вступить въ переговоры съ королемъ о томъ, чтобы онъ далъ имъ въ цари своего сына Владислава. Не владѣя ни Москвой, ни страной, они избираютъ царя государству. Кто же были эти русскіе по своему общественному положенію?

Собравшись вмѣстѣ на думу въ Тушинѣ, эти лица духовные и свѣтскіе отправляютъ къ королю отъ себя посольство просить Владислава. Въ число пословъ попадаютъ, конечно, люди извѣстные, имѣвшіе въ Тушинѣ вѣсъ и значеніе, понимавшіе дѣло. И вотъ среди нихъ мы не видимъ ни особенно родовитаго боярства (котораго и не было у Вора), ни представителей той черни, которая сообщила Тушину разбойничью физіономію. Во главѣ посольства стоятъ Салтыковы, князья Рубецъ Мосальскій и Хворостинъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, т. е. всѣ «добрые дворяне»; въ посольствѣ участвовали дьяки-Грамотинъ и другіе, рядомъ съ ними были и низкаго происхожденія: Ѳедоръ Андроновъ, Молчановъ и т. д., но это не «голытьба», не гулящіе люди. Такимъ образомъ, представителями русскихъ Тушинцевъ являются люди средняго состоянія и разныхъ классовъ. Они обращаются къ королю, желая достичь осуществленія своихъ надеждъ уже не съ помощью Тушинскаго царька, который ихъ обманулъ, а посредствомъ избранія Владислава и договора съ нимъ.

Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 года подъ Смоленскомъ, чрезвычайно любопытенъ. Имъ и слѣдуетъ пользоваться для того, чтобы опредѣлить, кто за нимъ стоялъ, какіе русскіе люди его создали и выразили въ немъ свои надежды и желанія. Хотя первый

очень мѣтко оцѣнилъ этотъ договоръ С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи», но никто изъ изслѣдователей не останавливается такъ внимательно на этомъ договорѣ и не комментировалъ его такъ обстоятельно, какъ Ключевскій. Договоръ состоитъ изъ 18 частей, главнѣйшія его постановленія таковы. 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго патріарха. 2) Православіе въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по прежнему. 3) Имущества и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенными. 4) Судъ долженъ совершаться по старинѣ, измѣненія въ законахъ не зависятъ отъ воли одного только Владислава: «то вольно будетъ боярамъ и всей землѣ». Такимъ образомъ, въ законодательствѣ участвуетъ не одна дума боярская, но и земскій соборъ. 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества (это повтореніе боярскаго договора съ Шуйскимъ). 6) Великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ. Для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли. 7) Подати собираются «по старинѣ»; назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы. Крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу. Этотъ пунктъ нельзя еще считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отмѣчался совершившійся фактъ. 8) Холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Остальныя статьи договора устанавливаютъ внѣшній союзъ и внутреннюю независимость и автономію Московскаго и Польскаго государства. Въ своемъ изложеніи этотъ договоръ представляется договоромъ съ русскими не Владислава, а Сигизмунда; личность Сигизмунда совершенно заслоняетъ въ немъ личность Владислава, тогда какъ, по настоящему, договоръ своею сущностью почти совсѣмъ и не касается короля, а имѣетъ въ виду королевича.

Разсматривая договоръ 4 февраля по отношенію къ выразившимся въ немъ стремленіямъ русскихъ людей, мы замѣчаемъ прежде всего, что это не «воровской» договоръ. Онъ очень далекъ отъ преобладающихъ въ Тушинѣ противогосударственныхъ вкусовъ и воззрѣній. На казачество договоръ смотритъ, какъ на нѣчто постороннее, не свое. Интересы религіи и національности охраняются въ немъ очень опредѣленно и искренно. Говорятъ, что Салтыковъ плакалъ, когда просилъ короля о защитѣ вѣры и церкви въ Москвѣ. Далѣе договоръ имѣетъ въ виду интересы не одного класса, а общегосударственные; онъ заботится о людяхъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, всѣмъ предоставляетъ большія или меньшія обезпеченія ихъ состоянія и правъ, хотя въ немъ, какъ и въ самомъ Московскомъ государствѣ, выше всѣхъ стоятъ интересы служилыхъ людей. На это указываютъ статьи о крестьянахъ, холопахъ и казакахъ. Устанавливая государственный поря-

докъ, договоръ 4 февраля очень недалеко отходитъ въ своихъ установленіяхъ отъ существовавшаго тогда въ Москвѣ порядка. Онъ не предполагаетъ никакихъ реформъ, незнакомыхъ московской жизни и не вошедшихъ въ сознаніе московскихъ людей. То, что въ немъ кажется новымъ, ограниченіе власти Владислава,—повтореніе условій Шуйскаго, все это болѣе или менѣе знакомыя Москвѣ вещи.

Дѣйствительной новинкой, хотя и мало замѣтной на первый взглядъ, является въ договорѣ мысль о повышеніи «меньшихъ людей», сообразно ихъ выслугѣ «заслугамъ», и требованіе свободы выѣзда за границу для науки. О послѣднемъ требованіи Соловьевъ говоритъ, что оно внесено приверженцами перваго Лжедмитрія, который, какъ извѣстно, хотѣлъ дозволить русскимъ выѣздъ заграницу. Что же касается повышенія «меньшихъ людей», то въ этой статьѣ Соловьевъ видитъ вліяніе дьяковъ и неродовитыхъ людей, выхваченныхъ бурями смутнаго времени съ низу на верхъ; ихъ въ Тушинѣ было много, и они хотятъ долѣе удержать свое выслуженное положеніе. Сильнѣе и полнѣе толкуетъ эту статью Ключевскій. Она то и помогаетъ ему вскрыть общественное положеніе людей, стоявшихъ за договоромъ. Сопоставляя эту статью съ рядомъ другихъ своихъ наблюденій надъ высшимъ слоемъ московскихъ служилыхъ людей въ началѣ XVII вѣка и съ общественнымъ положеніемъ тушинскихъ пословъ (Салтыковъ и другіе), выработавшихъ этотъ договоръ вмѣстѣ съ польскими сенаторами, Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что договоръ 4 февраля былъ выраженіемъ стремленій «довольно посредственной знати и выслужившихся дѣльцовъ». Среди такихъ людей Ключевскій замѣчаетъ еще въ XVI вѣкѣ стремленіе подняться до боярства, достигнуть высшаго положенія въ Государствѣ. Но боярство занимало высшія мѣста, благодаря своей «высокой породѣ», чего не было за этими сравнительно незнатными людьми. Они могли подниматься по службѣ, благодаря только своимъ личнымъ заслугамъ. Имъ хотѣлось этими заслугами «выслугой», замѣнить то аристократическое начало, на которомъ созидало свое положеніе знатное боярство. Они иногда и высказывали, что «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ», т. е., что безъ государева жалованья», благоволенія, одной породой человѣкъ жить и держаться не можетъ, а государь можетъ жаловать и знатнаго и незнатнаго. Стремясь къ высшему положенію, эти люди думали достичь его службой первому Самозванцу, а, когда въ Москвѣ образовалось боярское правительство Шуйскаго, ушли въ Тушино, достигали высшаго положенія тамъ. Обманутые Воромъ, они не возвратились въ Москву къ боярамъ, а обратились къ Сигизмунду. Ими то, по мнѣнію Ключевскаго, и былъ созданъ договоръ 4 февраля,—догадка остроумная, которую нельзя не принять. Дѣйствительно, не боярство первое обратилось къ Владиславу, а обратились къ нему люди низшихъ родовъ, но люди не совсѣмъ простые.

Несмотря на обращеніе Тушинцевъ къ королю, въ Тушинѣ продолжались смуты. Оно пустѣло, ему грозили и войска Скопина-Шуйскаго, подошедшія тогда къ Москвѣ, и Воръ изъ Калуги. Наконецъ,

Рожинскій не имѣя возможности держаться въ Тушинѣ, ушелъ къ Волоколамску сжегъ знаменитый Тушинскій станъ а его шайка скоро распалась, такъ какъ самъ онъ умеръ въ Волоколамскѣ.

Тушино уничтожилось, въ Москву пришли войска, пріѣхалъ Скопинъ-Шуйскій; эти событія хорошо повліяли на Москвичей: они ликовали. Ихъ радости не мѣшало то, что одинъ сильный врагъ былъ у Смоленска, другой сидѣлъ въ Калугѣ, что общее положеніе дѣлъ было также сложно и серьезно, какъ и раньше. Шуйскій праздновалъ паденіе Тушина, народъ—прибытіе Скопина. Молодой блестящій воевода (Скопину было тогда 24 года), Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій пользовался замѣчательною любовью народа. По замѣчанію Соловьева, онъ былъ единственною связью, соединявшей русскихъ съ В. И. Шуйскимъ. Въ Скопинѣ народъ видѣлъ преемника царю Василію, онъ терпѣлъ дядю ради племянника, надѣясь видѣть этого племянника своимъ царемъ. Есть слухи, что Ляпуновъ при жизни царя Василія еще, предлагалъ престолъ Скопину, когда тотъ былъ въ Александровской слободѣ, и что это способствовало будто бы охлажденію Шуйскаго къ Скопину, хотя Скопинъ и отказался отъ этого предложенія. Возстановить личность Скопина-Шуйскаго и опредѣлить мотивы народной къ нему любви мы не можемъ, потому что мало сохранилось извѣстій объ этомъ человѣкѣ и личность его оставила послѣ себя мало слѣдовъ. Говорятъ, что это былъ очень умный, зрѣлый не по лѣтамъ человѣкъ, осторожный полководецъ, ловкій дипломатъ. Но эту замѣчательную личность рано унесла смерть и судьба такимъ образомъ очень скоро разрушила связь Шуйскаго съ народомъ. Скопинъ умеръ въ апрѣлѣ 1610 года и народная молва приписала вину въ этомъ Шуйскимъ, хотя, можетъ быть, и несправедливо.

Надъ войскомъ Скопина-Шуйскаго сталъ воеводою братъ царя Василія, Дмитрій Шуйскій, надменный, неспособный, пустой и мелочный человѣкъ, изнѣженный щеголь. Онъ двинулся на освобожденіе Смоленска, встрѣтился у деревеньки Клушина съ шедшимъ къ нему навстрѣчу искуснымъ и талантливымъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ и былъ имъ разбитъ на голову (въ концѣ іюня 1610 года). Это Клушинское пораженіе рѣшило судьбу Шуйскаго. Жолкевскій отъ Клушино быстро шелъ къ Москвѣ, завладѣвая русскими городами и приводя ихъ съ большой дипломатической ловкостью къ присягѣ Владиславу. Въ это же время, прослышавъ объ исходѣ Клушинской битвы, двинулся къ Москвѣ и Воръ со своими толпами, опередилъ Жолкевскаго, и когда тотъ былъ еще въ Можайскѣ, (верстъ за 100 отъ Москвы), Воръ уже стоялъ подъ самою Москвою въ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго вдругъ стало такъ плохо, что онъ даже думалъ вступить въ переговоры съ Жолкевскимъ о мирѣ, но не успѣлъ: не прошло и мѣсяца съ Клушинской битвы, какъ царь Василій Ивановичъ уже былъ «сведенъ съ царства».

Тотчасъ послѣ кончины Скопина-Шуйскаго, Прокопій Ляпуновъ явно возстаетъ противъ царя Василія, думаетъ о томъ, какъ бы «ссадить» его съ престола, засылаетъ своихъ пріятелей въ Москву, чтобы агитировать тамъ о сверженіи царя. Но въ Москвѣ все оставалось

лить Филаретъ и князь В. В. Голицынъ. Оба они были представителями знатнѣйшихъ московскихъ родовъ, такихъ, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаленіе ихъ изъ Москвы приписывается необыкновенной ловкости Желкевскаго и это болѣе чѣмъ вѣроятно. Жолкевскій былъ необыкновенно умный человѣкъ и горячій патріотъ. Явясь въ Москву, онъ очень быстро ознакомился съ настроеніемъ московскаго общества, (въ его запискахъ находимъ мы любопытнѣйшія замѣтки о Москвѣ въ 1610 году) онъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что могло служить къ пользѣ Владислава и Польши. Зная, что Москва выбираетъ Владислава царемъ не совсѣмъ охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты, Голицынъ и сынъ Филарета, чувствуя, что при перемѣнѣ обстоятельствъ дѣло Владислава можетъ пошатнуться въ пользу этихъ кандидатовъ, Жолкевскій успѣваетъ удалить изъ Москвы опасныхъ для Владислава лицъ. Въ то же время онъ, прогнавъ Вора, пользуется страхомъ его имени и ставитъ дѣло такъ, что бояре допускаютъ, даже сами просятъ его занять Москву польскимъ гарнизономъ во избѣжаніе бунта въ пользу Вора. И вотъ маленькое войско Жолкевскаго, которое подверглось опасности быть истребленнымъ, стоя подъ Москвою въ открытомъ полѣ, становится большой силой въ стѣнахъ московскихъ крѣпостей. Устроивъ такъ блестяще дѣла Владислава въ Москвѣ, Жолкевскій сдаетъ команду одному изъ своихъ подчиненныхъ, Гонсѣвскому, и уѣзжая изъ Москвы увозитъ съ собою по приказу Сигизмунда, Василія Шуйскаго съ братьями. Чѣмъ объяснить такой отъѣздъ Жолкевскаго? Поведеніемъ Сигизмунда.

Этотъ король, не совсѣмъ твердо носившій корону въ Польшѣ, имѣлъ еще претензіи на престолы Шведскій и Московскій. Прикрываясь именемъ сына, онъ хотѣлъ стать московскимъ царемъ самъ лично. Жолкевскій еще до заключенія договора съ Москвою получалъ королевскія инструкціи дѣйствовать такъ, чтобы замѣнить для Москвы Владислава Сигизмундомъ. Но талантливый гетманъ, понимая всю невозможность желаній короля, не рѣшался и заговорить съ русскими о присягѣ на имя Сигизмунда; онъ видѣлъ какъ ненавистенъ москвичамъ король, притѣснитель православныхъ, добившійся уніи въ 1591 году. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ труднѣе становилось Жолкевскому скрывать отъ русскихъ цѣли Сигизмунда, а Сигизмундъ всѣ опредѣленнѣе и опредѣленнѣе ихъ высказывалъ. Присягою Владиславу, Москва упростила свое положеніе, нашла себѣ выходъ изъ затрудненій, доставила Сигизмунду и полякамъ важную побѣду. Дѣло, казалось шло къ развязкѣ, а Сигизмундъ своими личными стремленіями его запутывалъ, давалъ завязку новой драмѣ. Стоило Жолкевскому вскрыть игру Сигизмунда въ Москвѣ, и Москва возстала бы противъ поляковъ, уничтожила бы всѣ плоды трудовъ Жолкевскаго, и Жолкевскій молчалъ. Онъ различалъ дѣло польское отъ лично Сигизмундова дѣла, сочувствовалъ первому, честно работалъ для польскихъ интересовъ, вовсе не желая трудиться и работать для Сигизмунда. Вотъ почему увидавъ, что Сигизмундъ не оставитъ своихъ притязаній, онъ отказался отъ дѣла и уѣхалъ изъ Москвы.

Притязанія Сигизмунда дѣйствительно завязали новую драму и стали извѣстны въ Москвѣ. Уже вскорѣ по отъѣздѣ Жолкевскаго великое посольство писало (съ дороги къ Смоленску) въ Москву, что многіе русскіе люди подъ Смоленскомъ цѣлуютъ крестъ не Владиславу, а самому Сигизмунду. Великому посольству первому же и пришлось считаться съ затѣями короля.

По пріѣздѣ посольства къ королю подъ Смоленскъ, тамъ начались переговоры по поводу избранія Владислава. Договоръ, заключенный подъ Москвою не нравился конечно Сигизмунду, не нравился и сенаторамъ польскимъ. Въ совѣтѣ короля было рѣшено не отпускать королевича въ Москву по причинѣ его малолѣтства, а московскіе послы требовали немедленнаго пріѣзда Владислава, говоря, что это необходимо для успокоенія Московскаго государства. Въ отвѣтъ на это, поляки заявили имъ, что Сигизмундъ самъ успокоитъ Москву и потомъ уже дастъ москвичамъ своего сына, но для этого надо, чтобы Смоленскъ сдался на имя короля, иначе сказать, сталъ польскою крѣпостью. Кромѣ того Поляки не хотѣли, чтобы королевичъ принималъ православіе. Такія требованія не могли удовлетворить московскихъ пословъ: Москва не желала имѣть короля католика и отдаться во власть Сигизмунда. Время шло въ безполезныхъ пререканіяхъ; напрасно послы заявляли, что король нарушаетъ своими требованіями договоръ, заключенный Жолкевскимъ; сенаторы объявили имъ, что этотъ договоръ необязателенъ для Польши. Однако послы держались договора и не уступали ничего. Тогда Сигизмундъ увидѣлъ, что ему не осуществить своихъ желаній законнымъ путемъ и сталъ дѣйствовать иначе: въ посольствѣ старались произвести расколъ, стали разными способами склонять второстепенныхъ лицъ посольства признать желаніе Сигизмунда и отпускали такихъ передавшихся лицъ въ Москву, чтобы они приготовляли москвичей къ принятію условій Сигизмунда. Король такимъ образомъ, повелъ свое дѣло мимо посольства. Въ числѣ лицъ, принявшихъ его милости, находился и Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, который получивъ отъ король щедрыя подачки уѣхалъ въ Москву. Его защитники говорятъ, что призналъ онъ Сигизмунда для того, чтобы освободиться изъ подъ Смоленска и чтобы на свободѣ тѣмъ лучше служить родинѣ. Но можно ли оправдывать такой іезуитскій патріотизмъ рядомъ съ патріотизмомъ главныхъ лицъ посольства (напримѣръ, дьяка Томилы Луговскаго), которые честно исполняли порученное имъ дѣло посольства, не бѣжали отъ него, а терпѣли горькія непріятности.

Но и раньше пріѣзда въ Москву соблазненныхъ Сигизмундомъ членовъ посольства, въ Москвѣ стали извѣстны планы короля. Какъ только совершился выборъ Владислава и Москва была занята поляками, въ Москвѣ стали появляться преданные Сигизмунду люди (въ числѣ такихъ оказываются Салтыковы). Эти люди проводили въ московскомъ обществѣ мысль о подчиненіи Сигизмунду, а Сигизмундъ требовалъ отъ бояръ награжденія такихъ людей за вѣрную ему службу. Бояре награждали ихъ, сами били челомъ Сигизмунду о жалованіи и «деревнишкахъ», видя возможность отъ него поживиться, хотя сами и ко-

лить Филаретъ и князь В. В. Голицынъ. Оба они были представителями знатнѣйшихъ московскихъ родовъ, такихъ, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаленіе ихъ изъ Москвы приписывается необыкновенной ловкости Желкевскаго и это болѣе чѣмъ вѣроятно. Жолкевскій былъ необыкновенно умный человѣкъ и горячій патріотъ. Явясь въ Москву, онъ очень быстро ознакомился съ настроеніемъ московскаго общества, (въ его запискахъ находимъ мы любопытнѣйшія замѣтки о Москвѣ въ 1610 году) онъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что могло служить къ пользѣ Владислава и Польши. Зная, что Москва выбираетъ Владислава царемъ не совсѣмъ охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты, Голицынъ и сынъ Филарета, чувствуя, что при перемѣнѣ обстоятельствъ дѣло Владислава можетъ пошатнуться въ пользу этихъ кандидатовъ, Жолкевскій успѣваетъ удалить изъ Москвы опасныхъ для Владислава лицъ. Въ то же время онъ, прогнавъ Вора, пользуется страхомъ его имени и ставитъ дѣло такъ, что бояре допускаютъ, даже сами просятъ его занять Москву польскимъ гарнизономъ во избѣжаніе бунта въ пользу Вора. И вотъ маленькое войско Жолкевскаго, которое подверглось опасности быть истребленнымъ, стоя подъ Москвою въ открытомъ полѣ, становится большой силой въ стѣнахъ московскихъ крѣпостей. Устроивъ такъ блестяще дѣла Владислава въ Москвѣ, Жолкевскій сдаетъ команду одному изъ своихъ подчиненныхъ, Гонсѣвскому, и уѣзжая изъ Москвы увозитъ съ собою по приказу Сигизмунда, Василія Шуйскаго съ братьями. Чѣмъ объяснить такой отъѣздъ Жолкевскаго? Поведеніемъ Сигизмунда.

Этотъ король, не совсѣмъ твердо носившій корону въ Польшѣ, имѣлъ еще претензіи на престолы Шведскій и Московскій. Прикрываясь именемъ сына, онъ хотѣлъ стать московскимъ царемъ самъ лично. Жолкевскій еще до заключенія договора съ Москвою получалъ королевскія инструкціи дѣйствовать такъ, чтобы замѣнить для Москвы Владислава Сигизмундомъ. Но талантливый гетманъ, понимая всю невозможность желаній короля, не рѣшался и заговорить съ русскими о присягѣ на имя Сигизмунда; онъ видѣлъ какъ ненавистенъ москвичамъ король, притѣснитель православныхъ, добившійся уніи въ 1591 году. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ труднѣе становилось Жолкевскому скрывать отъ русскихъ цѣли Сигизмунда, а Сигизмундъ всѣ опредѣленнѣе и опредѣленнѣе ихъ высказывалъ. Присягою Владиславу, Москва упростила свое положеніе, нашла себѣ выходъ изъ затрудненій, доставила Сигизмунду и полякамъ важную побѣду. Дѣло, казалось шло къ развязкѣ, а Сигизмундъ своими личными стремленіями его запутывалъ, давалъ завязку новой драмѣ. Стоило Жолкевскому вскрыть игру Сигизмунда въ Москвѣ, и Москва возстала бы противъ поляковъ, уничтожила бы всѣ плоды трудовъ Жолкевскаго, и Жолкевскій молчалъ. Онъ различалъ дѣло польское отъ лично Сигизмундова дѣла, сочувствовалъ первому, честно работалъ для польскихъ интересовъ, вовсе не желая трудиться и работать для Сигизмунда. Вотъ почему увидавъ, что Сигизмундъ не оставитъ своихъ притязаній, онъ отказался отъ дѣла и уѣхалъ изъ Москвы.

отпора полякамъ и съ этихъ поръ смута въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получаетъ преимущественно характеръ національной борьбы, въ которой русскіе стремятся освободиться отъ польскаго гнета, ими же въ значительной степени допущеннаго.

Смута въ третьемъ своемъ періодѣ распадается на два момента очень ясно различаемыхъ, на два движенія противъ главнаго врага Руси, Поляковъ. 1) Это движеніе Ляпунова и 2) движеніе Нижегородское.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этихъ извѣстныхъ движеній, бросимъ общій взглядъ на положеніе Московскаго государства въ минуту смерти Вора. По всей странѣ бродятъ казаки, вездѣ грабятъ и жгутъ, опустошаютъ и убиваютъ. Это казаки, или вышедшіе изъ Тушина послѣ его раззоренія, или дѣйствовавшіе самостоятельными маленькими шайками безъ всякаго отношенія къ Тушинцамъ, ради одного грабежа. Сѣверо-западная часть государства находится въ рукахъ шведовъ. Ихъ войско послѣ Клушина отступило на сѣверъ и съ того времени, какъ Москва признала Владислава, открыло враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, стало забирать города, ибо Москва, соединяясь съ Польшей, тѣмъ самымъ дѣлалась врагомъ Швеціи. Но и Польша не прекращала военныхъ дѣйствій противъ Руси. Поляки осаждали Смоленскъ и раззоряли юго-западныя области. Сама Москва занята польскимъ гарнизономъ, вся московская администрація подъ польскимъ вліяніемъ. Король враждебнаго государства, Сигизмундъ, изъ подъ Смоленска распоряжается Русью своимъ именемъ, какъ государь, безъ всякаго права держитъ въ то-же время, какъ-бы въ плѣну, великое московское посольство, притѣсняетъ его и не соглашается съ самыми существенными на московскій взглядъ условіями договора Москвы съ Владиславомъ. Таково было положеніе дѣлъ.

Одно только существованіе Вора сдерживало негодованіе «лучшихъ» русскихъ людей противъ поляковъ. Воръ и тотъ общественный порядокъ, или вѣрнѣе, безпорядокъ, который онъ воплощалъ собою, страшилъ ихъ болѣе, нежели возмущали поляки, сопротивляться же и тому и другому врагу вмѣстѣ, не было силъ. Во многихъ однако частяхъ русской земли, въ тѣхъ, откуда Воръ былъ дальше и гдѣ его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра отъ поляковъ. Но Воръ умеръ и ожили московскіе люди: однимъ врагомъ стало меньше. Шайки Вора безъ предводителя становились простыми разбойниками и теряли политическую силу. Въ качествѣ политическихъ враговъ оставались только поляки и противъ нихъ теперь можно соединиться безъ боязни, что въ тылу останется худшій врагъ. Движеніе противъ поляковъ стало проявляться яснѣе, опредѣленнѣе, сильнѣе. Во главѣ его стоялъ «начальный человѣкъ Московскаго государства»—патріархъ.

Патріархъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ пастырь церкви. Онъ прекрасно видѣлъ, что вліяніе католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непремѣнно перейдетъ и въ церковную. Въ Москвѣ знали унію 1596 года, понимали значеніе и самой уніи и того, что ей предшествовало въ

сились на тѣхъ неродовитыхъ людей, которыхъ присылалъ въ Москву Сигизмундъ и которые распоряжались въ Москвѣ именемъ короля (Ф. Андроновъ). Всѣ эти вмѣшательства Сигизмунда въ московскія дѣла имѣли бы смыслъ, если бы производились отъ имени царя Московскаго Владислава; но Сигизмундъ дѣйствовалъ за себя; отъ своего лица писалъ онъ такія грамоты и дѣлалъ такія распоряженія, какія писать и дѣлать могли только Московскіе государи. Допуская это, боярство признало, такимъ образомъ то, чего не хотѣло признать посольство подъ Смоленскомъ. Явилась даже мысль признать короля въ Москвѣ и, какъ говорятъ, прямо присягнуть ему. Но противъ этого возсталъ патріархъ Гермогенъ, единственный изъ московскихъ начальныхъ людей, кого не коснулось растлѣвающее вліяніе Поляковъ и смуты. Заботясь объ охраненіи православія, онъ тѣмъ самымъ являлся твердымъ охранителемъ и національности. Неохотно соглашаясь на избраніе въ цари поляка, онъ ревниво оберегалъ Москву отъ усиленія польскаго вліянія и былъ главной помѣхой для королевскихъ креатуръ, которыя хотѣли передать Москву Сигизмунду.

Отъ народа во всемъ Московскомъ государствѣ такое положеніе дѣлъ не осталось тайной. Онъ зналъ, что королевичъ не ѣдетъ въ Москву, что Москвой распоряжается Сигизмундъ, что въ то же время поляки воюютъ Русь, грабятъ и бьютъ русскихъ людей въ Смоленской области; объ этомъ писали въ Москву смольняне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальнымъ и вызывало ропотъ во всемъ государствѣ. Неудовольствіе усилилось еще тѣмъ, что съ отъѣздомъ Жолкевскаго, польскій гарнизонъ въ Москвѣ терялъ дисциплину и держалъ себя какъ въ завоеванной странѣ. Народъ и прежде не любившій поляковъ, теперь не скрывалъ своихъ антипатій къ нимъ, отшатнулся отъ Владислава и сталъ желать другого царя. Это движеніе противъ поляковъ очень скоро приняло серьезные размѣры и обратилось въ пользу Вора, который продолжалъ сидѣть въ Калугѣ. Значеніе его быстро возрастало: Воръ снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, но присягала только потому, что не могла опереться на лучшаго кандидата. Полякамъ и Сигизмунду создавалось такимъ образомъ, новое затрудненіе въ народномъ движеніи, затрудненіе, которое не только не уменьшилось, а напротивъ увеличилось со смертью Вора. Въ то время, когда дѣла Вора улучшались, онъ былъ убитъ (въ декабрѣ 1610 года) однимъ изъ своихъ же приверженцевъ изъ за личныхъ счетовъ. Русскіе люди присягали мертвецу.

Смертью Вора начинается новый, третій періодъ смуты. Во второмъ своемъ періодѣ смута изъ дворцовой стала народною, слагалась изъ разнообразныхъ общественныхъ движеній, усложнилась иноземнымъ вмѣшательствомъ, которое привело къ нѣкоторому подчиненію Московскаго государства полякамъ. Но это подчиненіе вызвало противъ себя протестъ русскихъ и сближало всѣ другъ другу противоположныя общественныя стремленія въ противодѣйствіи иноземцамъ. Со смертью Вора русскіе люди получили больше возможности соединиться для

лись, теперь же дѣло дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженнаго столкновенія. Предполагали, что въ Вербное Воскресенье (17 марта 1611 года) произойдетъ бой на улицахъ, и поляки приготовились къ оборонѣ; но дѣло обошлось мирно. Тѣмъ не менѣе Салтыковъ предсказывалъ полякамъ, что во вторникъ, т. е. 19 марта, ихъ будутъ бить. Къ этому дню ожидали подъ Москву первыхъ земскихъ дружинъ. И дѣйствительно, во вторникъ 19 марта въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ начался бой. Изъ Китай-Города поляки бросились къ слободамъ, но въ Бѣломъ Городѣ были задержаны народомъ. На помощь москвичамъ подоспѣли передовые отряды земскаго ополченія съ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ, (который здѣсь и былъ раненъ), и Поляки были отброшены назадъ, заперлись въ Кремлѣ и Китай-Городѣ и постарались сжечь Москву и Замоскворѣчье (для удобствъ дальнѣйшей обороны). Москва сгорѣла вся. Нѣсколько дней еще продолжались вылазки поляковъ и стычки ихъ съ народомъ. Наконецъ, на второй день Пасхи, въ Благовѣщенье 25 марта, подошла къ Москвѣ стотысячная русская рать и къ 1 апрѣля обложила Кремль и Китай-Городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотрѣвшее на ополченіе всей земли, какъ на мятежное скопище. Припасовъ у осажденныхъ было мало, гарнизонъ польскій былъ не великъ, всего около 3000 человѣкъ. Положеніе гарнизона, такимъ образомъ, было очень серьезно, но Сигизмундъ не думалъ помочь Москвѣ; его силъ не хватало и на взятіе Смоленска.

Обратимся теперь къ тому ополченію, которое собралось подъ Москвой; познакомимся съ его исторіей. Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество съ врагомъ общественнаго порядка. A priori можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, должно произойти междоусобіе. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ—земскаго и казачьяго. Ополченіе, дѣйствительно, и погибло.

Тотчасъ по приходѣ его подъ Москву оно выбираетъ себѣ военноначальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго. Такъ пишутъ лѣтописцы, но они же говорятъ, что между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала «рознь великая». Ляпуновъ, представитель служащаго, земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было «мало чести»: онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военноначальники правили не только ополченіемъ, но и землею. Послѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе въ землѣ. Военноначальники дѣлали распоряженіе о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ шведовъ, раздавали помѣстья,—словомъ, были не только военной, но и земской властью; играли роль правительства. Этотъ знаменатель-

Польско-Литовскомъ государствѣ. Съ трудомъ допустивъ выборъ на царство католика (съ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія), видя затѣмъ, какъ ведетъ себя Сигизмундъ, и въ будущемъ ожидая постоянныхъ злоупотребленій со стороны поляковъ относительно Москвы, патріархъ Гермогенъ, какъ православный и іерархъ, не могъ допускать дальнѣйшаго господства поляковъ въ Москвѣ въ видахъ охраненія чистоты православной вѣры. Съ этой точки зрѣнія онъ и дѣйствовалъ противъ Сигизмунда.

Вѣрные слуги Сигизмунда, Салтыковъ и Андроновъ, доносили королю, что послѣ смерти Вора патріархъ «явно» говорилъ и писалъ народу противъ поляковъ, что если поляки не отпустятъ московскаго государства и королевичъ не крестится въ православіе, то онъ русскимъ не государь. Москвичи раздѣляли мнѣніе патріарха и готовы были стать противъ поляковъ. И патріархъ, и свѣтскіе люди писали объ этомъ грамоты въ города; москвичи разсылали повсюду грамоты, полученныя ими отъ Смольнянъ о бѣдствіяхъ Смоленскаго края отъ поляковъ. Всѣ эти грамоты возбуждали землю противъ польскихъ и литовскихъ людей, противъ «Сигизмунда короля». Города заволновались и стали переписываться между собою «о совѣтѣ и единеніи противъ поляковъ». Нижегородцы (въ январѣ 1611 года) присылали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣли, какъ хозяйничаютъ въ Москвѣ поляки, были у патріарха, и патріархъ благословилъ ихъ на возстаніе противъ враговъ. Нижегородцы писали объ этомъ по другимъ городамъ, и возстаніе противъ поляковъ поднималось повсюду: возставали, надо замѣтить, не противъ Владислава, а противъ Сигизмунда и поляковъ, нарушавшихъ московскій договоръ о Владиславѣ. Страна вся была въ возбужденіи, была готова дѣйствовать и смотрѣла на Гермогена, какъ на своего нравственнаго вождя.

Но, руководя народнымъ движеніемъ, патріархъ не указалъ народу ратнаго предводителя, который могъ бы стать во главѣ возставшихъ. Такой предводитель явился самъ въ Рязанской землѣ. Это былъ извѣстный намъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ признавалъ Владислава до смерти Вора, но уже въ январѣ 1611 года сталъ собирать войска на поляковъ и двинулся съ войскомъ на занятую ими Москву. Туда же къ Ляпунову шли земскія дружины со всѣхъ концовъ государства (изъ земли Рязанской, Сѣверской, Муромской, Суздальской, изъ сѣверныхъ областей, изъ Поволжскихъ низовыхъ). Сила національнаго движенія была такъ велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось къ Москвѣ подъ начальствомъ Тушинскихъ бояръ, князя Дм. Тим. Трубецкаго и Заруцкаго. Съ сѣвера шли казачьи шайки съ Просовецкимъ и даже знаменитый Сапѣга, осаждавшій когда-то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православіе противъ поляковъ, но потомъ раздумалъ.

Когда такое разнохарактерное ополченіе приближалось къ Москвѣ, Москва переживала трудные дни. Бояре и поляки смотрѣли на движеніе въ землѣ, какъ на беззаконный мятежъ; народъ видѣлъ въ немъ святое дѣло и съ нетерпѣніемъ ожидалъ освободителей. Отношенія между поляками и московскимъ населеніемъ давно уже обостри-

лись, теперь же дѣло дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженнаго столкновенія. Предполагали, что въ Вербное Воскресенье (17 марта 1611 года) произойдетъ бой на улицахъ, и поляки приготовились къ оборонѣ; но дѣло обошлось мирно. Тѣмъ не менѣе Салтыковъ предсказывалъ полякамъ, что во вторникъ, т. е. 19 марта, ихъ будутъ бить. Къ этому дню ожидали подъ Москву первыхъ земскихъ дружинъ. И дѣйствительно, во вторникъ 19 марта въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ начался бой. Изъ Китай-Города поляки бросились къ слободамъ, но въ Бѣломъ Городѣ были задержаны народомъ На помощь москвичамъ подоспѣли передовые отряды земскаго ополченія съ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ, (который здѣсь и былъ раненъ), и Поляки были отброшены назадъ, заперлись въ Кремлѣ и Китай-Городѣ и постарались сжечь Москву и Замоскворѣчье (для удобствъ дальнѣйшей обороны). Москва сгорѣла вся. Нѣсколько дней еще продолжались вылазки поляковъ и стычки ихъ съ народомъ. Наконецъ, на второй день Пасхи, въ Благовѣщенье 25 марта, подошла къ Москвѣ стотысячная русская рать и къ 1 апрѣля обложила Кремль и Китай-Городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотрѣвшее на ополченіе всей земли, какъ на мятежное скопище. Припасовъ у осажденныхъ было мало, гарнизонъ польскій былъ не великъ, всего около 3000 человѣкъ. Положеніе гарнизона, такимъ образомъ, было очень серьезно, но Сигизмундъ не думалъ помочь Москвѣ; его силъ не хватало и на взятіе Смоленска.

Обратимся теперь къ тому ополченію, которое собралось подъ Москвой; познакомимся съ его исторіей. Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество съ врагомъ общественнаго порядка. A priori можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, должно произойти междоусобіе. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ—земскаго и казачьяго. Ополченіе, дѣйствительно, и погибло.

Тотчасъ по приходѣ его подъ Москву оно выбираетъ себѣ военноначальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго. Такъ пишутъ лѣтописцы, но они же говорятъ, что между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала «рознь великая». Ляпуновъ, представитель служащаго, земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было «мало чести»: онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военноначальники правили не только ополченіемъ, но и землею. Послѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе въ землѣ. Военноначальники дѣлали распоряженіе о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ шведовъ, раздавали помѣстья,—словомъ, были не только военной, но и земской властью; играли роль правительства. Этотъ знаменатель-

ный фактъ показываетъ намъ, какимъ большимъ кредитомъ пользовалось въ странѣ ополченіе: ему вѣрила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнѣе то обстоятельство, что воеводы, управлявшіе землею и ратью, не были безконтрольны и зависили въ своей дѣятельности отъ общаго совѣта рати. Хотя мы не знаемъ достовѣрно внутренняго устройства ополченія, но имѣемъ полное основаніе думать, что, во первыхъ, подмосковная рать считала себя выразительницею воли «всей земли» и себя ставила выше воеводъ въ отношеніи власти; во вторыхъ ополченіе имѣло свою думу, свой совѣтъ. Этотъ совѣтъ называлъ свои постановленія «приговорами всей земли» и, стало быть, считалъ себя тѣмъ, что мы называемъ земскимъ соборомъ. Отъ этого ратнаго совѣта сохранился до насъ одинъ изъ такихъ «приговоровъ всей земли». На него какъ то мало обращалось вниманія нашими историками, и только профессоръ Кояловичъ въ своихъ трудахъ даетъ ему обстоятельную, хотя, можетъ быть, и не всегда вѣрную оцѣнку. Напечатанъ этотъ приговоръ только у Карамзина (Ист. т. XII, прил. 793 и 794) и то неполно, (впрочемъ Н. М. Карамзинъ самъ имѣлъ неполный и поздній списокъ этого приговора и напечаталъ все, что имѣлъ). Между тѣмъ этотъ приговоръ вскрываетъ намъ любопытнѣйшія черты изъ исторіи перваго ополченія.

Въ іюнѣ 1611 г. ополченіе обратилось къ своимъ вождямъ, прося общимъ совѣтомъ подумать о прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій, какія совершались въ войскѣ. Объ этихъ безпорядкахъ лѣтописецъ роняетъ лишь нѣсколько словъ; онъ говоритъ, что въ войскѣ одни попрекали другихъ прошлой службой Тушинскому Вору, или ополяченной Москвѣ, людей ратныхъ «жаловали не по достоянію», а «лицепріятно»; не знали, наконецъ, что дѣлать и какъ обращаться съ тѣми холопами, которые убѣжали отъ своихъ господъ и теперь служили въ войскѣ казаками, уже какъ вольные люди. Сначала этихъ бѣглыхъ людей воеводы ополченія призывали подъ свои знамена, обѣщая считать ихъ вольными казаками. Но служилый элементъ въ ополченіи не могъ относиться сочувственно къ такой мѣрѣ: она создавала очень непріятный для служилаго люда прецендентъ въ будущемъ, имъ могли воспользоваться и другіе холопы и убѣгать отъ господъ въ надеждѣ потомъ вернуться на Русь свободными людьми. Поэтому положеніе бѣглыхъ людей въ ополченіи составляло очень важный вопросъ.

И вотъ по просьбѣ ополченія Ляпуновъ и другіе воеводы согласились собрать соборъ всея рати, чтобы обдумать и рѣшить всѣ вопросы, заботившіе рать.—30 іюня 1611 г. сошлись на Соборъ выборные отъ войска: отъ всякихъ чиновъ служилые люди «всѣхъ городовъ» и представители казачества—атаманы и казаки. (Отъ этого собора и дошелъ до насъ упомянутый приговоръ). Оба элемента (и служилый, и казачій) приняли такимъ образомъ участіе въ обсужденіи дѣлъ и составленіи приговора. Дальше будетъ видно, какой элементъ взялъ верхъ въ этомъ приговорѣ.

Приговоръ 30-го іюня очень обширенъ и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные изъ войска счи-

тали себя въ правѣ рѣшать общеземскія дѣла. Прежде всего они «приговорили и выбрали всею землею» или лучше сказать, утвердили раньше уже выбранныхъ троихъ начальниковъ, Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго—и опредѣлили границы ихъ власти: «воеводы должны были строить землю и всякимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять» т. е. управлять не только войскомъ, но и государствомъ. Въ то же время они не могли, «смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора... не по винѣ... казнити и ссылати»; казнить же дѣйствительно виновныхъ они должны были, «поговоря со всею землею». А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора и того самого казнити смертію, прибавляетъ приговоръ 30-го іюня. Такимъ образомъ высшая власть по приговору принадлежитъ «всей землѣ», иначе говоря, войсковому совѣту, который, по представленію войска, олицетворялъ собою «всю землю»; воеводы же только исполнительные органы земли. Ихъ земля можетъ смѣнить, когда найдетъ это нужнымъ. Если главные или второстепенные воеводы дурно будутъ вести дѣла или не станутъ слушать земскаго приговора, то вмѣсто нихъ земля можетъ выбирать другихъ, такихъ, «кто будетъ бою и земскому дѣлу пригоденъ». Такъ были рѣшены приговоромъ 30 іюня основные вопросы управленія рати и земли.

Вторая группа постановленій войсковаго собора касается устройства въ войскѣ Приказовъ, которые вѣдали бы управленіе вмѣсто Московскихъ Приказовъ осадой осужденныхъ бездѣйствовать, да и непризнаваемыхъ болѣе за власть со стороны земли. (Рѣшено было учредить Приказы: Большой Разрядъ и Помѣстный, которые вѣдали бы службу и средства содержанія служилыхъ людей—помѣстья; затѣмъ Большой Приходъ, который долженъ былъ вѣдать финансы; приказы Разбойный и Земскій, вѣдавшіе уголовныя дѣла и имѣвшіе судебный характеръ).

Третья группа постановленій собора касается помѣстій. Смута внесла безпорядокъ въ помѣстныя дѣла: одни незаконно захватили себѣ лишнія земли, а у другихъ была отнята и послѣдняя земля; нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядокъ. Въ этихъ видахъ рѣшили отобрать: 1) всѣ тѣ помѣстныя земли, владѣльцы которыхъ не служили въ войскѣ и 2) всѣ тѣ лишнія земли, какія окажутся у помѣщиковъ сверхъ ихъ нормальнаго помѣстнаго оклада, хотя бы владѣльцы и находились на службѣ. Отобранныя земли рѣшено было отдать въ помѣстья неимущимъ и раззореннымъ служилымъ людямъ, служащимъ въ войскѣ. Но не всѣ земли, въ какихъ не было службы, рѣшили отобрать; оставлены были помѣстья: 1) у женъ и дѣтей тѣхъ дворянъ, которые были въ великомъ посольствѣ и которыхъ вмѣстѣ съ главными послами задержалъ Сигизмундъ, 2) у вдовъ и дѣтей дворянъ, убитыхъ на службѣ, 3) у тѣхъ дворянъ, которымъ помѣстья, хотя бы и лишнія, сверхъ оклада даны М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ за походъ отъ Новгорода къ Москвѣ. (Чѣмъ, кромѣ платоническаго уваженія къ памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановленіе?). Далѣе позволено было и казакамъ получать помѣстья и входить такимъ путемъ въ ряды служилыхъ людей. Это позволеніе

можно разсматривать, какъ единственную уступку приговора казачеству. Въ остальномъ же приговоръ, какъ сейчасъ увидимъ, направленъ противъ него.

Послѣднюю группу постановленій составляютъ постановленія о казакахъ и о тѣхъ, кто къ нимъ тянулъ, т. е. о бѣглыхъ. Во избѣжаніе грабежей, приговорили воротить подъ Москву въ войско всѣхъ казаковъ, разосланныхъ на службу и ушедшихъ въ города; впредь за припасами для войска не посылать однихъ казаковъ, а съ ними командировать служилыхъ людей. Этимъ стѣснялась казачья вольность, надъ казаками учреждался контроль, отнималась у нихъ возможность поживиться грабежемъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ войска. Еще большій ударъ наносили казачеству тѣмъ, что постановили бѣглыхъ крестьянъ и холопей, до сихъ поръ считавшихся казаками, возвращать ихъ прежнимъ господамъ и обращать въ прежнее состояніе.

Рядъ послѣднихъ постановленій о казачествѣ, какъ и весь складъ приговора, стремившагося возстановить общественный порядокъ въ его старыхъ формахъ, показываетъ намъ очень опредѣленно, что на соборѣ 30-го іюня служилые люди рѣшительно преобладали надъ вольными казаками,—элементъ общественный взялъ верхъ надъ элементомъ противообщественнымъ. Хотя подъ приговоромъ рядомъ съ подписями служилыхъ представителей 25 городовъ, находятся утверждавшія приговоръ и казачьи рукоприкладства, тѣмъ не менѣе казачество много терпѣло отъ этого приговора. Хозяевами дѣлъ и въ лагерѣ подмосковномъ и во всей странѣ становились служилые люди, люди изстари установленнаго общественнаго порядка и во главѣ ихъ, конечно, «всего Московскаго воинства властитель», Прокопій Ляпуновъ. Не даромъ ошибся лѣтописецъ, когда, разсказывая объ этомъ приговорѣ, онъ написалъ, что Ляпуновъ «приказалъ» его составить; своей ошибкой онъ точно отмѣтилъ степень власти Ляпунова, созданную приговоромъ 30-го іюня.

Познакомясь съ данными о первомъ подмосковномъ ополченіи, мы можемъ теперь сказать, что, сойдясь подъ Москву, земскія и казачьи дружины не могли ужиться мирно между собою по разности стремленій и вкусовъ. Постоянная ихъ рознь привела къ необходимости уяснить точнѣе ихъ взаимныя отношенія, и уяснились они въ пользу служилыхъ людей. Но преобладаніе служилыхъ людей было недолго и непрочно. Приговоръ, давшій перевѣсъ служилымъ людямъ и Ляпунову, былъ «не любъ казакамъ и ихъ вождямъ Заруцкому и Трубецкому, и съ той поры начали надъ Прокофьемъ думати, какъ бы его убить», говоритъ лѣтописецъ, и, дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ Ляпуновъ былъ убитъ. Его смерть стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое стало въ подмосковной рати послѣ приговора 30-го іюня: казаки и холопи не могли помириться съ этимъ приговоромъ, и Ляпуновъ палъ отъ руки ихъ, какъ представитель служилыхъ людей, правившій дѣлами и доставившій преобладаніе своимъ. Въ убійствѣ Ляпунова замѣшаны и поляки, осажденные въ Москвѣ: они желали и смутъ въ лагерѣ осаждавшихъ и смерти талантливаго воеводы и достигли того и другого интригой. Но и безъ ихъ подстрекательства

«старые заводчики всякому злу, атаманы и казаки, холопи боярскіе» (такъ называетъ ихъ, убійцъ Ляпунова, князь Д. М. Пожарскій), не остановились бы передъ убійствомъ: въ немъ они видѣли средство поправить свое положеніе подъ Москвой, увеличить свое вліяніе, взять верхъ надъ служилыми людьми. И они достигли своего; потерявъ предводителя, служилые люди утратили и силу. Не нашлось человѣка, который могъ бы замѣнить Ляпунова; дѣлами стали заправлять казачьи вожди, казачество подняло голову и тѣснимое имъ дворянство стало брести врозь, разъѣзжаться по домамъ. Ополченіе разлагалось, и государственный порядокъ потерпѣлъ въ немъ новое пораженіе. Но казачьи остатки перваго ополченія продолжали стоять подъ Москвой и въ 1611, и въ 1612 гг. Сигизмундъ не шелъ на помощь московскому гарнизону, а своими силами московскій гарнизонъ не могъ прогнать осаждавшихъ. Осада Москвы такимъ образомъ продолжалась, но смерть Ляпунова была большимъ горемъ для русскихъ людей, они теряли вѣру въ успѣхъ ополченія. Въ то же приблизительно время совершались одно за другимъ такія событія, которыя способны были отнять у русскихъ всякую надежду на лучшее будущее ихъ родины.

Сигизмундъ пересталъ стѣсняться съ великимъ посольствомъ. Сожженіе Москвы подало ему надежду, что послы будутъ уступчивѣе. Но они стояли на томъ, что король не долженъ отступать отъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ, и долженъ снять осаду Смоленска; въ такомъ только случаѣ Владиславъ можетъ стать Московскимъ царемъ. Видя, что дальнѣйшіе переговоры будутъ безплодны, король прибѣгнулъ къ насилію: московскіе послы были ограблены и плѣнниками отведены въ польшу (въ апрѣлѣ 1611 г.).

3-го іюня 1611 г. удалось королю, наконецъ, взять Смоленскъ приступомъ. Въ городѣ было въ началѣ осады, какъ говорятъ, до 80,000 жителей, большіе запасы и прекрасныя укрѣпленія. Когда Смоленскъ былъ взятъ, въ немъ не осталось и 8,000 человѣкъ, они терпѣли голодъ и болѣзни, и не могли отбить врага, потому что укрѣпленія были разбиты и разрушены. Воевода Смоленскій Шеинъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣятелей русскихъ того времени, подвергся пыткѣ: хотѣли узнать, для чего онъ не сдавалъ города и какими средствами могъ такъ долго держаться.

16-го іюля Шведы обманомъ взяли Новгородъ; митрополитъ Исидоръ и воевода князь Одоевскій во главѣ новгородцевъ заключили со шведами договоръ, по которому Новгородъ представлялся особымъ государствомъ, выбиралъ себѣ въ короли одного изъ сыновей шведскаго короля и, сохраняя свое государственное устройство, навсегда соединялъ себя со шведскою династіею, если-бы даже московское государство и выбрало себѣ другого короля, не изъ шведскаго дома. Такой договоръ, очевидно, былъ продиктованъ побѣдителями-шведами: въ немъ даже не было требованія, чтобы Новгородскій государь былъ православнымъ.

Во Псковѣ въ то же время появился самозванецъ Сидорка, котораго зовутъ иногда третьимъ Лжедмитріемъ. Еще при Шуйскомъ начались во Псковѣ внутреннія усобицы, борьба «лучшихъ» и мень-

шихъ людей, высшихъ и низшихъ классовъ. Эта борьба совсѣмъ какъ то оторвала Псковъ отъ государства и создала въ немъ свою особую исторію смуты. Неурядицы внутреннія дали возможность Полякамъ и казачеству раззорять безнаказанно псковскую землю и дали въ ней силу третьему самозванцу.

Итакъ, во второй половинѣ 1611 г., со взятіемъ Смоленска и Новгорода, съ усиленіемъ самозванщины во Псковѣ, вся Западная часть московскаго государства попала въ руки его врагов. Сама Москва оставалась въ ихъ рукахъ, а ополченіе, собранное для ея освобожденія, распадалось, побѣжденное не врагами, а внутренней рознью. Земская власть, создавшаяся въ этомъ ополченіи и сильная по своему существу лишь настолько, насколько ей вѣрила земля, теперь со смертью Ляпунова теряла для земли всякое значеніе. Русскіе люди оставались безъ руководителей противъ сильныхъ торжествовавшихъ враговъ государства и общества. Время настало настолько критическое, что, казалось, русское государство переживало свои послѣдніе дни.

Опаснѣе всѣхъ другихъ были, конечно, поляки, но они же своею оплошностью и помогли оправиться русскимъ людямъ. Послѣ взятія Смоленска Сигизмундомъ, онъ отправился въ Польшу на сеймъ торжествовать свои побѣды вмѣсто того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону въ Москвѣ. Къ Москвѣ онъ послалъ только слабый отрядъ конницы съ гетманомъ Ходкѣвичемъ. Въ октябрѣ 1611 г. Ходкѣвичъ былъ отбитъ подмосковными казаками и ушелъ отъ Москвы. Если не считать этой незначительной рекогносцировки подъ Москву, то можно сказать, что внѣшніе враги Московскаго государства, нанеся ему взятіемъ Смоленска и Новгорода сильнѣйшіе удары, затѣмъ совершенно бездѣйствовали, отчего и потеряли всѣ плоды побѣды.

Русскіе же еще не считали себя побѣжденными, а свое дѣло потеряннымъ. Въ восточной части государства подъ вліяніемъ извѣстій о повсемѣстныхъ неудачахъ и общихъ страданіяхъ снова усилилось движеніе, оживились сношенія городовъ. Изъ города въ городъ сообщали извѣстія о событіяхъ, пересылали грамоты, полученныя изъ Москвы или изъ другихъ мѣстъ, изъ города въ городъ писали (напр. Казань писала въ Пермь) о томъ, какъ слѣдуетъ держаться и поступать русскимъ людямъ въ ихъ тяжеломъ положеніи. Въ этихъ посланіяхъ заключались цѣлыя политическія программы. Всѣ Поволжскіе города, горные и луговые, согласились въ томъ, чтобы имъ «быть въ совѣтѣ и единеніи», охранять общественный порядокъ, не допускать грабежей, не заводить усобицъ, не принимать новой администраціи, кто бы ее не назначалъ, а сохранять свою старую, которой они вѣрятъ; съ казаками не знаться и не заводить сношеній. Можно безъ конца удивляться той энергіи, которую проявляютъ эти мелкіе помѣстные міры, предоставленные своимъ силамъ; той цѣпкости, съ какою они держатся другъ за друга, и той самостоятельности, какою отличаются многіе изъ этихъ мірковъ. Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси находились тогда въ состояніи какого-то духовнаго напряженія и просвѣтлѣнія, какое является въ массахъ въ моменты великихъ историческихъ кри-

зисовъ. Съ необыкновенною ясностью и простотою во всѣхъ грамотахъ сказывается одна мысль, долго не дававшаяся земщинѣ, а теперь ставшая достояніемъ всѣхъ и каждаго: за вѣру, родину и общественный порядокъ необходимо бороться всѣмъ и бороться не съ одной «Литвою», но и со всѣми тѣми, кто не сознаетъ этой необходимости,—съ казачествомъ. Осѣдлая земщина теперь отдѣляла отъ себя казаковъ и окончательно сознала, что и они—ея врагъ, а не помощникъ; сознала это послѣ смерти Пр. Ляпунова, когда увидала, что казаки убійствомъ разстроили общее земское дѣло, враждовали съ землею несмотря на то, что служили одному дѣлу. Понимая теперь весь ужасъ своего положенія, стараясь спознаться въ своихъ бѣдахъ и сообразить, что дѣлать и какъ дѣлать, русскіе люди начинаютъ съ того, что ищутъ общаго «совѣта» и «соединенія», и общимъ совѣтомъ, по примѣру Нижняго Новгорода, постановляютъ первое общее рѣшеніе,—налагаютъ на всю землю постъ, чтобы очистить себя отъ прошлыхъ грѣховъ.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени съ большей полнотой мысли и съ большей опредѣленностью чувства. Эти люди глубоко вліяли на массу, направляли ее на общее дѣло, помогали ея соединенію. Во главѣ такихъ людей долженъ быть поставленъ патріархъ Гермогенъ, человѣкъ съ чрезвычайной нравственной силой, какъ личность, и съ громаднымъ политическимъ вліяніемъ, какъ дѣятель. Онъ раньше всѣхъ и яснѣе всѣхъ сознаъ (мы уже видѣли, съ какой точки зрѣнія), что иноземный и болѣе всего польскій царь невозможенъ въ Москвѣ. Поэтому онъ былъ въ постоянной враждѣ съ боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его «государскими вѣрными подданными». Поэтому онъ не стѣснялся благословлять народъ на возстаніе противъ поляковъ. Теперь, сидя уже въ заключеніи, онъ успѣвалъ тѣмъ не менѣе разсылать грамоты по всей землѣ, направленныя противъ тѣхъ же поляковъ и противъ казаковъ. Въ августѣ 1611 г., когда онъ услышалъ, что подмосковное казачье ополченіе думаетъ присягнуть Ворёнку (сыну Тушинскаго Вора и Марины Мнишекъ), онъ на спѣхъ отправилъ въ Нижній грамоту, прося, чтобы Казанскій митрополитъ и земскіе люди отговорили казаковъ отъ этого проклятаго дѣла. Эта грамота, рѣзко направленная противъ казаковъ, должна была возбудить противъ нихъ города еще болѣе, чѣмъ они до того были возбуждены. Нижній этою грамотою патріарха былъ поставленъ въ центръ движенія противъ казаковъ; раньше другихъ городовъ узналъ онъ объ ихъ дальнѣйшемъ, послѣ Ляпунова, «воровствѣ подъ Москвою», раньше понялъ, въ какомъ трудномъ положеніи находится Москва и отъ поляковъ, и отъ казаковъ; не мудрено, что онъ раньше всѣхъ городовъ поднялся и на освобожденіе Москвы.

Забѣлинъ первый указалъ на то, что Нижній ближе другихъ городовъ былъ къ патріарху, что, если объяснять движеніе Нижняго и прочихъ городовъ на освобожденіе Москвы вліяніемъ изъ центра государства, то это движеніе нужно приписать именно Гермогенову посланію въ Нижній, а не тѣмъ патріотическимъ грамотамъ, которыя разсылались изъ Троицкаго монастыря (Мининъ и Пожарскій, С.-П.-П.

сились на тѣхъ неродовитыхъ людей, которыхъ присылалъ въ Москву Сигизмундъ и которые распоряжались въ Москвѣ именемъ короля (Ф. Андроновъ). Всѣ эти вмѣшательства Сигизмунда въ московскія дѣла имѣли бы смыслъ, если бы производились отъ имени царя Московскаго Владислава; но Сигизмундъ дѣйствовалъ за себя; отъ своего лица писалъ онъ такія грамоты и дѣлалъ такія распоряженія, какія писать и дѣлать могли только Московскіе государи. Допуская это, боярство признало, такимъ образомъ то, чего не хотѣло признать посольство подъ Смоленскомъ. Явилась даже мысль признать короля въ Москвѣ и, какъ говорятъ, прямо присягнуть ему. Но противъ этого возсталъ патріархъ Гермогенъ, единственный изъ московскихъ начальныхъ людей, кого не коснулось растлѣвающее вліяніе Поляковъ и смуты. Заботясь объ охраненіи православія, онъ тѣмъ самымъ являлся твердымъ охранителемъ и національности. Неохотно соглашаясь на избраніе въ цари поляка, онъ ревниво оберегалъ Москву отъ усиленія польскаго вліянія и былъ главной помѣхой для королевскихъ креатуръ, которыя хотѣли передать Москву Сигизмунду.

Отъ народа во всемъ Московскомъ государствѣ такое положеніе дѣлъ не осталось тайной. Онъ зналъ, что королевичъ не ѣдетъ въ Москву, что Москвой распоряжается Сигизмундъ, что въ то же время поляки воюютъ Русь, грабятъ и бьютъ русскихъ людей въ Смоленской области; объ этомъ писали въ Москву смольияне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальнымъ и вызывало ропотъ во всемъ государствѣ. Неудовольствіе усилилось еще тѣмъ, что съ отъѣздомъ Жолкевскаго, польскій гарнизонъ въ Москвѣ терялъ дисциплину и держалъ себя какъ въ завоеванной странѣ. Народъ и прежде не любившій поляковъ, теперь не скрывалъ своихъ антипатій къ нимъ, отшатнулся отъ Владислава и сталъ желать другого царя. Это движеніе противъ поляковъ очень скоро приняло серьезные размѣры и обратилось въ пользу Вора, который продолжалъ сидѣть въ Калугѣ. Значеніе его быстро возрастало: Воръ снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, но присягала только потому, что не могла опереться на лучшаго кандидата. Полякамъ и Сигизмунду создавалось такимъ образомъ, новое затрудненіе въ народномъ движеніи, затрудненіе, которое не только не уменьшилось, а напротивъ увеличилось со смертью Вора. Въ то время, когда дѣла Вора улучшались, онъ былъ убитъ (въ декабрѣ 1610 года) однимъ изъ своихъ же приверженцевъ изъ за личныхъ счетовъ. Русскіе люди присягали мертвецу.

Смертью Вора начинается новый, третій періодъ смуты. Во второмъ своемъ періодѣ смута изъ дворцовой стала народною, слагалась изъ разнообразныхъ общественныхъ движеній, усложнилась иноземнымъ вмѣшательствомъ, которое привело къ нѣкоторому подчиненію Московскаго государства полякамъ. Но это подчиненіе вызвало противъ себя протестъ русскихъ и сближало всѣ другъ другу противоположныя общественныя стремленія въ противодѣйствіи иноземцамъ. Со смертью Вора русскіе люди получили больше возможности соединиться для

отпора полякамъ и съ этихъ поръ смута въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получаетъ преимущественно характеръ національной борьбы, въ которой русскіе стремятся освободиться отъ польскаго гнета, ими же въ значительной степени допущеннаго.

Смута въ третьемъ своемъ періодѣ распадается на два момента очень ясно различаемыхъ, на два движенія противъ главнаго врага Руси, Поляковъ. 1) Это движеніе Ляпунова и 2) движеніе Нижегородское.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этихъ извѣстныхъ движеній, бросимъ общій взглядъ на положеніе Московскаго государства въ минуту смерти Вора. По всей странѣ бродятъ казаки, вездѣ грабятъ и жгутъ, опустошаютъ и убиваютъ. Это казаки, или вышедшіе изъ Тушина послѣ его разворенія, или дѣйствовавшіе самостоятельными маленькими шайками безъ всякаго отношенія къ Тушинцамъ, ради одного грабежа. Сѣверо-западная часть государства находится въ рукахъ шведовъ. Ихъ войско послѣ Клушина отступило на сѣверъ и съ того времени, какъ Москва признала Владислава, открыло враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, стало забирать города, ибо Москва, соединяясь съ Польшей, тѣмъ самымъ дѣлалась врагомъ Швеціи. Но и Польша не прекращала военныхъ дѣйствій противъ Руси. Поляки осаждали Смоленскъ и разворяли юго-западныя области. Сама Москва занята польскимъ гарнизономъ, вся московская администрація подъ польскимъ вліяніемъ. Король враждебнаго государства, Сигизмундъ, изъ подъ Смоленска распоряжается Русью своимъ именемъ, какъ государь, безъ всякаго права держитъ въ то-же время, какъ-бы въ плѣну, великое московское посольство, притѣсняетъ его и не соглашается съ самыми существенными на московскій взглядъ условіями договора Москвы съ Владиславомъ. Таково было положеніе дѣлъ.

Одно только существованіе Вора сдерживало негодованіе «лучшихъ» русскихъ людей противъ поляковъ. Воръ и тотъ общественный порядокъ, или вѣрнѣе, безпорядокъ, который онъ воплощалъ собою, страшилъ ихъ болѣе, нежели возмущали поляки, сопротивляться же и тому и другому врагу вмѣстѣ, не было силъ. Во многихъ однако частяхъ русской земли, въ тѣхъ, откуда Воръ былъ дальше и гдѣ его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра отъ поляковъ. Но Воръ умеръ и ожили московскіе люди: однимъ врагомъ стало меньше. Шайки Вора безъ предводителя становились простыми разбойниками и теряли политическую силу. Въ качествѣ политическихъ враговъ оставались только поляки и противъ нихъ теперь можно соединиться безъ боязни, что въ тылу останется худшій врагъ. Движеніе противъ поляковъ стало проявляться яснѣе, опредѣленнѣе, сильнѣе. Во главѣ его стоялъ «начальный человѣкъ Московскаго государства»—патріархъ.

Патріархъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ пастырь церкви. Онъ прекрасно видѣлъ, что вліяніе католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непремѣнно перейдетъ и въ церковную. Въ Москвѣ знали унію 1596 года, понимали значеніе и самой уніи и того, что ей предшествовало въ

Польско-Литовскомъ государствѣ. Съ трудомъ допустивъ выборъ на царство католика (съ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія), видя затѣмъ, какъ ведетъ себя Сигизмундъ, и въ будущемъ ожидая постоянныхъ злоупотребленій со стороны поляковъ относительно Москвы, патріархъ Гермогенъ, какъ православный и іерархъ, не могъ допускать дальнѣйшаго господства поляковъ въ Москвѣ въ видахъ охраненія чистоты православной вѣры. Съ этой точки зрѣнія онъ и дѣйствовалъ противъ Сигизмунда.

Вѣрные слуги Сигизмунда, Салтыковъ и Андроновъ, доносили королю, что послѣ смерти Вора патріархъ «явно» говорилъ и писалъ народу противъ поляковъ, что если поляки не отпустятъ московскаго государства и королевичъ не крестится въ православіе, то онъ русскимъ не государь. Москвичи раздѣляли мнѣніе патріарха и готовы были стать противъ поляковъ. И патріархъ, и свѣтскіе люди писали объ этомъ грамоты въ города; москвичи разсылали повсюду грамоты, полученныя ими отъ Смольнянъ о бѣдствіяхъ Смоленскаго края отъ поляковъ. Всѣ эти грамоты возбуждали землю противъ польскихъ и литовскихъ людей, противъ «Сигизмунда короля». Города заволновались и стали переписываться между собою «о совѣтѣ и единеніи противъ поляковъ». Нижегородцы (въ январѣ 1611 года) присылали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣли, какъ хозяйничаютъ въ Москвѣ поляки, были у патріарха, и патріархъ благословилъ ихъ на возстаніе противъ враговъ. Нижегородцы писали объ этомъ по другимъ городамъ, и возстаніе противъ поляковъ поднималось повсюду: возставали, надо замѣтить, не противъ Владислава, а противъ Сигизмунда и поляковъ, нарушавшихъ московскій договоръ о Владиславѣ. Страна вся была въ возбужденіи, была готова дѣйствовать и смотрѣла на Гермогена, какъ на своего нравственнаго вождя.

Но, руководя народнымъ движеніемъ, патріархъ не указалъ народу ратнаго предводителя, который могъ бы стать во главѣ возставшихъ. Такой предводитель явился самъ въ Рязанской землѣ. Это былъ извѣстный намъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ признавалъ Владислава до смерти Вора, но уже въ январѣ 1611 года сталъ собирать войска на поляковъ и двинулся съ войскомъ на занятую ими Москву. Туда же къ Ляпунову шли земскія дружины со всѣхъ концовъ государства (изъ земли Рязанской, Сѣверской, Муромской, Суздальской, изъ сѣверныхъ областей, изъ Поволжскихъ низовыхъ). Сила національнаго движенія была такъ велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось къ Москвѣ подъ начальствомъ Тушинскихъ бояръ, князя Дм. Тим. Трубецкаго и Заруцкаго. Съ сѣвера шли казачьи шайки съ Просовецкимъ и даже знаменитый Сапѣга, осаждавшій когда-то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православіе противъ поляковъ, но потомъ раздумалъ.

Когда такое разнохарактерное ополченіе приближалось къ Москвѣ, Москва переживала трудные дни. Бояре и поляки смотрѣли на движеніе въ землѣ, какъ на беззаконный мятежъ; народъ видѣлъ въ немъ святое дѣло и съ нетерпѣніемъ ожидалъ освободителей. Отношенія между поляками и московскимъ населеніемъ давно уже обостри-

лись, теперь же дѣло дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженнаго столкновенія. Предполагали, что въ Вербное Воскресенье (17 марта 1611 года) произойдетъ бой на улицахъ, и поляки приготовились къ оборонѣ; но дѣло обошлось мирно. Тѣмъ не менѣе Салтыковъ предсказывалъ полякамъ, что во вторникъ, т. е. 19 марта, ихъ будутъ бить. Къ этому дню ожидали подъ Москву первыхъ земскихъ дружинъ. И дѣйствительно, во вторникъ 19 марта въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ начался бой. Изъ Китай-Города поляки бросились къ слободамъ, но въ Бѣломъ Городѣ были задержаны народомъ На помощь москвичамъ подоспѣли передовые отряды земскаго ополченія съ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ, (который здѣсь и былъ раненъ), и Поляки были отброшены назадъ, заперлись въ Кремлѣ и Китай-Городѣ и постарались сжечь Москву и Замоскворѣчье (для удобствъ дальнѣйшей обороны). Москва сгорѣла вся. Нѣсколько дней еще продолжались вылазки поляковъ и стычки ихъ съ народомъ. Наконецъ, на второй день Пасхи, въ Благовѣщенье 25 марта, подошла къ Москвѣ стотысячная русская рать и къ 1 апрѣля обложила Кремль и Китай-Городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотрѣвшее на ополченіе всей земли, какъ на мятежное скопище. Припасовъ у осажденныхъ было мало, гарнизонъ польскій былъ не великъ, всего около 3000 человѣкъ. Положеніе гарнизона, такимъ образомъ, было очень серьезно, но Сигизмундъ не думалъ помочь Москвѣ; его силъ не хватало и на взятіе Смоленска.

Обратимся теперь къ тому ополченію, которое собралось подъ Москвой; познакомимся съ его исторіей. Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество съ врагомъ общественнаго порядка. A priori можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, должно произойти междоусобіе. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ—земскаго и казачьяго. Ополченіе, дѣйствительно, и погибло.

Тотчасъ по приходѣ его подъ Москву оно выбираетъ себѣ военноначальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго. Такъ пишутъ лѣтописцы, но они же говорятъ, что между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала «рознь великая». Ляпуновъ, представитель служащаго, земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было «мало чести»: онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военноначальники правили не только ополченіемъ, но и землею. Послѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе въ землѣ. Военноначальники дѣлали распоряженіе о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ шведовъ, раздавали помѣстья,—словомъ, были не только военной, но и земской властью; играли роль правительства. Этотъ знаменатель-

каго, гдѣ воеводы дѣйствовали однимъ своимъ именемъ. Но былъ-ли на самомъ дѣлѣ соборъ во второмъ ополченіи? Первый намекъ на существованіе земскаго собора около Пожарскаго мы видимъ въ грамотѣ отъ 7-го апрѣля въ города, онъ проситъ прислать ему выборныхъ «для царскаго обиранья» и для совѣта о дипломатическихъ и государственныхъ дѣлахъ. Выборныхъ, этого собора мы не знаемъ и не имѣемъ объ немъ точныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что города прислали своихъ выборныхъ еще тогда, когда ополченіе было въ Нижнемъ. Но одно желаніе Пожарскаго имѣть соборъ еще не позволяло бы намъ дѣлать выводъ о дѣйствительномъ существованіи этого собора, если бы не сохранились другія данныя, сопоставленіе которыхъ приводитъ къ мысли, что соборъ дѣйствительно былъ. Лѣтописецъ говоритъ, что въ войскѣ многія дѣла рѣшались «всею ратью», даже и дѣла дипломатическія, неудобныя для общаго обсужденія, по необходимости держать ихъ въ тайнѣ... Ясно, что не вся рать собиралась для обсужденія этихъ дѣлъ, а только представители или рати, или земли. Далѣе въ оной грамотѣ земскаго собора 1613 года выборные пишутъ, что до ихъ пріѣзда на соборъ, до начала собора 1613 года, изъ Москвы были посланы «по совѣту всея земли» особыя лица для отписки въ казну «на государя» дворцовыхъ селъ, захваченныхъ въ смуту разными лицами. Тутъ мы видимъ уже ясный намекъ на одинъ изъ приговоровъ собора 1612 года, и можемъ по этому заключить, что соборъ при Пожарскомъ дѣйствительно былъ, хотя не оставилъ послѣ себя ясныхъ слѣдовъ. Есть возможность думать, что на этомъ соборѣ были представители трехъ сословій: духовнаго, служилаго и тяглаго.

Около 20-го августа 1612 года ополченіе изъ Ярославля двинулось подъ Москву, и здѣсь между ополченцами и казаками установились сперва враждебныя, затѣмъ холодныя отношенія, какъ этого и надо было ожидать; ополченіе стало особымъ станомъ и этимъ навлекло на себя непріязнь казаковъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ и Китай-Городѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ и лишенный всякой серьезной помощи, мужественно защищался и дошелъ до крайней нужды. Но, не смотря на его мужество, Китай-Городъ 22-го октября 1612 года былъ взятъ, и черезъ нѣсколько дней сдался русскимъ и Кремль. Время сдачи его точно неизвѣстно. Соловьевъ и нѣкоторые другіе пишутъ, что Кремль сдался въ концѣ ноября, тогда какъ это случилось навѣрно на мѣсяцъ ранѣе, въ концѣ октября. По взятіи уже Москвы, Пожарскій грамотою отъ 15-го ноября звалъ по десяти человѣкъ отъ городовъ для выбора царя.

Дѣлу избранія царя помѣшалъ было походъ Сигизмунда на Москву. Сигизмундъ дошелъ до Волоколамска; три раза подступалъ къ Волоку, три раза былъ отраженъ и ушелъ обратно. Вотъ тогда на первомъ, такъ сказать, досугѣ, по взятіи Москвы, русскіе поспѣшили избраніемъ царя. Дѣло это, какъ они совершенно вѣрно понимали, было настоятельно нужно. Они говорили, что имъ безъ государя «ни малое время быти не можно; пещися о государствѣ и людьми Божьими промышлять некому». Но, думая о государѣ, вовсе не думали признать имъ Владислава или кого нибудь изъ Самозванцевъ. Дѣй-

ствительно, ни Владиславъ, ни жалкіе Самозванцы, до подлинности которыхъ не было дѣла никому даже изъ ихъ приверженцевъ, не могли быть сколько-нибудь серьезными кандидатами въ цари: они лишились всякаго кредита, какъ «всей крови заводчики». Царя нужно избрать другого, чтобы его имя могло быть знаменемъ для всѣхъ друзей порядка. И это знамя нужно было возстановить скорѣе, пока земщина была сильнѣе поляковъ и казачества, пока элементы безпорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь новаго претендента.

Выборные люди съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 года. Изъ Москвы просили города прислать для царскаго выбора людей «лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ». Города, между прочимъ, должны были подумать не только объ избраніи царя, но и о томъ, какъ «строить» государство и какъ вести дѣла до избранія, и объ этомъ дать выборнымъ «договоры», т. е. инструкціи, которыми тѣ должны были руководствоваться. Для болѣе полнаго освѣщенія и пониманія собора 1613 года слѣдуетъ обратиться къ разбору его состава, который можетъ быть опредѣленъ лишь по подписямъ на избирательной грамотѣ Михаила Θеодоровича, написанной въ маѣ 1613 года. На ней мы видимъ всего 277 подписей, но участниковъ собора, очевидно, было больше, такъ какъ не всѣ соборные люди подписывали соборную грамоту. Доказательствомъ этого служитъ, напримѣръ, слѣдующее: за Нижній Новгородъ на грамотѣ подписалось 4 человѣка (протопопъ Савва, 1 посадскій, 2 стрѣльца), а достовѣрно извѣстно, что нижегородскихъ выборныхъ было 19 человѣкъ (3 попа, 13 посадскихъ, дьяконъ и 2 стрѣльца). Если бы каждый городъ удовольствовался десятью человѣками выборныхъ, какъ опредѣлилъ ихъ число кн. Дм. Мих. Пожарскій, то выборныхъ въ Москвѣ собралось бы до 500 человѣкъ, такъ какъ на соборѣ участвовали представители 50 городовъ (сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ), а вмѣстѣ съ московскими людьми и духовенствомъ число участниковъ собора простиралось-бы до 700 человѣкъ. Соборъ былъ дѣйствительно многолюденъ. Собирался онъ часто въ Успенскомъ соборѣ, быть можетъ, именно потому, что изъ другихъ московскихъ зданій ни одно не могло бы его вмѣстить. Теперь является вопросъ, какіе классы общества были представлены на соборѣ и полонъ ли былъ соборъ по своему сословному составу. Изъ 277 упомянутыхъ подписей 57 принадлежитъ духовенству (частью «выборному» изъ городовъ), 136 высшимъ служилымъ чинамъ (боярамъ—17); 84 городскимъ выборнымъ. Выше уже сказано, что этимъ цифровымъ даннымъ далеко нельзя вѣрить. По нимъ городскихъ выборныхъ на соборѣ было мало, а на дѣлѣ эти выборные, несомнѣнно, составляли большинство, и, хотя съ точностью нельзя опредѣлить ни ихъ количества, ни того, сколько было изъ нихъ тяглыхъ и сколько служилыхъ людей, тѣмъ не менѣе можно сказать, что служилыхъ было, кажется болѣе, чѣмъ посадскихъ; но и посадскихъ былъ очень большой процентъ, какъ на соборахъ рѣдко бывало. И кромѣ того есть слѣды участія «уѣздныхъ» людей, т. е. крестьянъ (12 подписей). Вѣроятно, это были крестьяне не владѣльческихъ, а черныхъ государевыхъ земель, представители сѣверныхъ крестьянскихъ общинъ. Такимъ образомъ, представительство на

соборѣ 1613 года было чрезвычайно полнымъ. Присутствіе на соборѣ крестьянъ дѣлаетъ соборъ 1613 года единственнымъ всесословнымъ земскимъ соборомъ, дѣйствительнымъ органомъ «всей земли».

О томъ, что происходило на этомъ соборѣ, мы ничего точнаго не знаемъ, потому что въ актахъ и литературныхъ трудахъ того времени остались только отрывки преданій, намеки и легенды, такъ что историкъ здѣсь находится какъ бы среди безсвязныхъ обломковъ древняго зданія, возстановить обликъ котораго онъ не имѣетъ силъ. Оффиціальные документы ничего не говорятъ о ходѣ засѣданій. Сохранилась, правда, избирательная грамота, но она намъ мало можетъ помочь, такъ какъ написана далеко не самостоятельно и притомъ не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о самомъ ходѣ избранія. Что касается до неоффиціальныхъ документовъ, то они представляютъ собою или легенды, или скудные, темные и риторическіе разсказы, изъ которыхъ ничего нельзя извлечь опредѣленнаго.

Однако попробуемъ возстановить не картину засѣданій: это невозможно,—а общій ходъ преній, общую послѣдовательность избирательной мысли, какъ она пришла къ личности Михаила Ѳедоровича. Избирательныя засѣданія собора начались въ январѣ. Отъ этого мѣсяца до насъ дошелъ первый по времени документъ собора; именно грамота, данная кн. Трубецкому на область Вагу. Эта область, цѣлое государство по пространству и богатству, въ XVI и XVII ст. обыкновенно давалась во владѣніе человѣку, близкому къ царю; такъ, при Ѳедорѣ Ивановичѣ она принадлежала Годунову, при Вас. Ив. Шуйскомъ—Дмитрію Шуйскому, теперь же переходила къ знатному Трубецкому, по своему боярскому чину занявшему тогда одно изъ первыхъ мѣстъ въ Москвѣ. Затѣмъ стали рѣшать вопросъ объ избраніи, и первымъ постановленіемъ собора было не выбирать царя изъ иностранцевъ. Къ такому рѣшенію пришли, конечно, не сразу, да и вообще засѣданія собора были далеко не мирнаго свойства. Лѣтописецъ объ этомъ говоритъ, что «по многіе дни бысть собранія людямъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо», Другой лѣтописецъ также свидѣтельствуетъ, что «многое было волненіе всякимъ людямъ, кійждо бо хотяще по своей мысли дѣяти». Царь изъ иностранцевъ многимъ казался тогда возможнымъ. Незадолго предъ соборомъ Пожарскій ссылался со Шведами объ избраніи Филиппа, сына Карла IX, точно также началъ онъ дѣло объ избраніи сына германскаго императора Рудольфа. Но это былъ только дипломатическій маневръ, употребленный имъ съ цѣлью пріобрѣсти нейтралитетъ однихъ и союзъ другихъ. Тѣмъ не менѣе мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ, и была именно у боярства, такого царя хотѣли «начальницы», говоритъ псковскій лѣтописецъ. «Народы же ратные не восхотѣли сему быти», прибавляетъ онъ дальше. Но желаніе боярства, надѣявшагося лучше устроиться при иноземцѣ, чѣмъ при Русскомъ царѣ изъ ихъ же боярской среды, встрѣтилось съ противоположнымъ ему и сильнѣйшимъ желаніемъ народа избрать царя изъ своихъ. Да это и понятно: развѣ могъ народъ симпатизировать иностранцу, когда ему такъ часто приходилось видѣть, какими наси-

ліями и грабежами сопровождалось на Руси появленіе иноземной власти. По мнѣнію народа иноземцы повинны были въ смутѣ, убившей Московское государство.

Порѣшивъ одинъ трудный вопросъ, стали намѣчать кандидатовъ (изъ московскихъ родовъ). «Говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ московскомъ государствѣ и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ... быть государемъ». Но тутъ то и пришла главная смута. «Много избирающи искаху», не могли ни на комъ остановиться: одни предполагали того, другіе другого, и всѣ говорили разно, желая настоять на своей мысли. «И тако препроводиша не малые дни», по описанію лѣтописца.

Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе симпатизировалъ, въ силу ли его нравственныхъ качествъ или въ силу его высокаго положенія, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многіе бояре сами надѣялись сѣсть на московскій престолъ. И вотъ наступила избирательная горячка со всѣми ея атрибутами,—агитаціей и подкупами. Откровенный лѣтописецъ, указываетъ намъ, что избиратели дѣйствовали не совсѣмъ безкорыстно. «Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быть, подкупахуся, многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары». Кто выступалъ тогда кандидатами, кого предполагали въ цари, прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, преданіе же въ числѣ кандидатовъ называетъ: В. И. Шуйскаго, Воротынскаго, Трубецкаго Ѳ. И. Шереметевъ хлопоталъ за родню свою М. Ѳ. Романова. Современники, мѣстничаясь съ Пожарскимъ, обвиняли его въ томъ, что онъ, желая царствовать, истратилъ 20 тысячъ рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположеніе о 20,000 просто невѣроятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частномъ лицѣ.

Споры о томъ, кого избрать, шли не только въ одной Москвѣ: сохранилось преданіе, что Ѳ. М. Шереметевъ былъ въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и В. В. Голицинымъ, что Филаретъ говорилъ въ письмахъ о необходимости ограничительныхъ условій для новаго царя, а что Ѳ. М. Шереметевъ писалъ Голицину о выгодѣ для бояръ избрать Михаила Ѳеодоровича въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ будетъ поваденъ». Эта переписка была найдена Ундольскимъ, въ одномъ изъ московскихъ монастырей, но въ печать до сихъ не попала и, гдѣ находится, неизвѣстно. Есть преданіе мало, впрочемъ достовѣрное, и о третьей перепискѣ Шереметева съ инокиней Марѳой (Ксеніей Ивановной Романовой), въ которой послѣдняя заявляла свое нежеланіе видѣть сына на престолѣ. Если бы дѣйствительно существовали сношенія Романовыхъ съ Шереметевымъ, то въ такомъ случаѣ Шереметевъ зналъ бы о мѣстопребываніи своей корреспондентки, а онъ, какъ можно думать, этого не зналъ.

Наконецъ, 7-го февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать Михаила Ѳеодоровичъ Романова. По одной, недавно обнародованной, легендѣ (у Забѣлина), первый на соборѣ заговорилъ о Михаилѣ Ѳеодо-

ровичѣ, какой то дворянинъ изъ Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе о правахъ Михаила на престолъ. То-же самое сдѣлалъ какой-то Донской атаманъ. Далѣе, Палицынъ, въ своемъ «сказаніи», смиреннымъ тономъ заявляетъ, что къ нему пришли люди многихъ городовъ и просили передать царскому синклиту «свою мысль объ избраніи Романова». И по представительству этого святого отца будто бы «синклитъ» избралъ Михаила. Во всѣхъ этихъ легендахъ и сообщеніяхъ особенно любопытна та черта, что починъ въ дѣлѣ избранія Михаила принадлежитъ не высшимъ, а мелкимъ людямъ. Казачество, говорятъ, также стояло за Михаила.

Съ 7-го числа окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го и посланы были изъ города люди, кажется, члены собора узнать въ городахъ мнѣніе народа о дѣлѣ. И города высказались за Михаила. Къ этому времени надобно относить разсказы А. Палицына о томъ, что къ нему явился какой-то «гость смирный» изъ Калуги съ извѣстіемъ, что всѣ сѣверскіе города желаютъ именно Михаила. Стало быть, противъ Михаила, насколько можно думать, были голоса только на соборѣ, народная же масса была за него. Она была за него еще въ 1610 году, когда и Гермогенъ при избраніи Владислава и народъ высказывались именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о томъ, что соборъ приведенъ къ избранію Михаила Өеодоровича давленіемъ народной массы. У Костомарова («Смутное время») эта мысль мелькаетъ, но очень слабо и неопредѣленно.

Когда Мстиславскіе и нѣкоторые другіе бояре, затѣмъ запоздавшіе и выборные люди посланные по областямъ, собрались въ Москву, то 21-го февраля состоялось торжественное засѣданіе въ Успенской церкви. Здѣсь выборъ Михаила былъ рѣшенъ уже единогласно, послѣ чего послѣдовали молебны о здравіи новаго царя и присяга ему. Извѣстясь объ избраніи царя, города еще до полученія согласія Михаила присягали ему и подписывали крестоцѣловальныя записи Михаилу. По общему представленію, государя самъ Богъ избралъ, и вся земля Русская радовалась и ликовала. Дѣло теперь оставалось только за согласіемъ Михаила, получить которое стоило немалаго труда. Въ Москвѣ не знали даже, гдѣ онъ находится: посольство къ нему отъ собора 2-го марта отправлено было въ «Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ». А Михаилъ Өеодоровичъ послѣ Московской осады уѣхалъ въ свою Костромскую вотчину, Домнино, гдѣ чуть было не подвергся нападенію польской шайки, отъ которой спасенъ былъ, по преданію, крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Что Сусанинъ былъ дѣйствительно, доказательствомъ этому служитъ царская грамота Михаила, которой семьѣ Сусанина даются различныя льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: такъ Костомаровъ, разобравъ легенду о Сусанинѣ, свелъ все къ тому, что личность Сусанина есть миѳъ, созданный народнымъ воображеніемъ. Такого рода заявленіемъ онъ возбудилъ въ 60-хъ годахъ цѣлое движеніе въ защиту этой личности: явились противъ Костомарова статьи Соловьева, Домнинскаго, Погодина. Въ недавнее время (1882 г.) вышло новое изслѣдованіе Самарянова «Памяти Ивана Сусанина».

Авторъ, прилагая карту мѣстности, подробно знакомитъ насъ съ путемъ, по которому Сусанинъ велъ поляковъ. Изъ его труда мы узнаемъ, что Сусанинъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Романовыхъ, и вообще эта книга представляетъ богатый матеріалъ о Сусанинѣ. Изъ Домнина Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатіевскій монастырь, построенный въ XIV ст. мурвой Четомъ, предкомъ Годунова. Этотъ монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ, какъ предполагаютъ, за все, перенесенное ими отъ Бориса.

Посольство, состоявшее изъ Θеодорита, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, Авраамія Палицина, Шереметева и др. пріѣхало вечеромъ 13-го марта въ Кострому. Марθа назначила ему явиться на другой день. И вотъ 14 марта посольство сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа отправилось просить Михаила. Источникомъ для ознакомленія съ дѣйствіями посольства служатъ намъ донесенія въ Москву. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, какъ Михаилъ, такъ и инокиня-мать, сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Послѣдняя говорила, что Московскіе люди «измалодушествовались», что на такомъ великомъ государствѣ и не ребенку править не подъ силу и т. д. Долго посламъ пришлось уговаривать и мать и сына, они употребили все свое краснорѣчіе грозили даже небесной карой; наконецъ усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ,—Михаилъ далъ свое согласіе, а мать благословила его. Обо всемъ этомъ мы знаемъ кромѣ посольскихъ донесеній въ Москву, еще изъ избирательной грамоты Михаила, которая, впрочемъ, въ силу ея малой самостоятельности, какъ мы уже говорили выше, не можетъ имѣть особенной цѣнности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; такъ сцена плача народнаго въ Ипатіевскомъ монастыры списана съ подобной же сцены, происходившей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ описанной въ Борисовой грамотѣ. (Оттуда взялъ ее Пушкинъ для своего «Бориса Годунова»).

Какъ только согласіе Михаила Θедоровича было получено, послы стали торопить его ѣхать въ Москву; царь отправился, но путешествіе это было чрезвычайно медленно, такъ какъ разоренныя дороги далеко не могли служить удобнымъ путемъ.

Освобожденіемъ Москвы и избраніемъ царя историки обыкновенно кончаютъ повѣсть о смутѣ,—они правы. Хотя первые годы царствованія Михаила—тоже смутные годы, но дѣло въ томъ, что причины, питавшія, такъ сказать смуту и заключавшіяся въ нравственной шаткости и недоумѣніи здоровыхъ слоевъ московскаго общества и въ ихъ политическомъ ослабленіи, эти причины были уже устранены. Когда этимъ слоямъ удалось сплотиться; овладѣть Москвой и избрать себѣ царя, всѣ прочіе элементы, дѣйствовавшіе въ смутѣ, потеряли силу и мало по малу успокаивались. Выражаясь образно, моментъ избранія Михаила—моментъ прекращенія вѣтра въ бурѣ: море еще волнуется, еще опасно, но оно движется только по инерціи и должно успокоиться.

Такъ колебалось русское государство, встревоженное смутой; много хлопотъ выпало на долю Михаила и все его царствованіе можно назвать эпилогомъ драмы, но самая драма уже кончилась, развязка уже послѣдовала, результаты смуты уже выяснились.

Обратимся теперь къ этимъ результатамъ. Посмотримъ, какъ понимаютъ важнѣйшіе представители нашей науки фактъ смуты въ его послѣдствіяхъ. Первое мѣсто дадимъ здѣсь, какъ и всегда С. М. Соловьеву. Онъ (и въ «Исторіи» и во многихъ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ) видитъ въ смутѣ испытаніе, изъ котораго государственное начало, боровшееся въ XVI в. съ родовымъ началомъ, выходитъ побѣдителемъ. (См. сочиненія С. М. Соловьева, СПБ. 1882 г. ст. 80). Это чрезвычайно глубокое, хотя можетъ быть и не совсѣмъ вѣрное, историчесское воззрѣніе. К. С. Аксаковъ, человѣкъ съ большимъ непосредственнымъ пониманіемъ русской жизни, видитъ въ смутѣ торжество «земли» и послѣдствіемъ смуты считаетъ укрѣпленіе союза «земли» и «государства» (подъ государствомъ онъ понимаетъ то, что мы зовемъ правительствомъ). Во время смуты «земля» встала, какъ единое цѣлое и возстановила государственную власть, спасла государство и скрѣпила свой союзъ съ нимъ. Въ этомъ воззрѣніи, какъ и у С. М. Соловьева, нѣтъ толкованій относительно реальныхъ послѣдствій смуты. Это общая историческая оцѣнка смуты со стороны результатовъ. Но даже такой общей оцѣнки нѣтъ у И. Е. Забѣлина, онъ результатами смуты какъ то вовсе не интересуется, и о немъ здѣсь мало приходится говорить. Много зато можно сказать о мнѣніи Костомарова, который, считаетъ смутное время безрезультатной эпохой. Чтобы яснѣе представить себѣ воззрѣніе этого историка, приведемъ выдержку изъ заключительной главы его «Смутнаго времени Московскаго государства».

«Неурядицы продолжались и послѣ, въ царствованіе Михаила Өедоровича, какъ послѣдствіе сумтнаго времени, но эти неурядицы уже не имѣли тѣхъ опредѣленныхъ стремленій—ниспровергнуть порядокъ государства и поднять съ этою цѣлью знамя какихъ-нибудь воровскихъ царей, а таковъ именно былъ въ началѣ XVII вѣка характеръ самой эпохи смутнаго времени, не представляющей ничего себѣ подобнаго въ такихъ эпохахъ, какія случались и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Чаще всего за потрясеніями этого рода слѣдовали важныя измѣненія въ политическомъ строѣ той страны, которая ихъ испытывала; наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія, ничего такого, что, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на новый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Страшная встряска перебуровила все верхъ дномъ, нанесла народу несчетныя бѣдствія, не такъ скоро можно было поправиться послѣ того Руси,—и до сихъ поръ, послѣ четверти тысячелѣтія, не читающій своихъ лѣтописей народъ говоритъ, что давно-де было «литейное разореніе»: Литва находила на Русь и такая бѣда была наслана, что малость людей въ живыхъ осталась и то оттого, что

Господь на Литву слѣпоту наводилъ. Но въ строѣ жизни нашей нѣтъ слѣдовъ этой страшной кары Божiей: если въ Руси XVII в., во время послѣдующей за смутной эпохой, мы замѣчаемъ различiе отъ Руси XVI вѣка, то эти различiя произошли не изъ событiй этой эпохи, а явились вслѣдствiе причинъ, существовавшихъ до нея или возникшихъ послѣ нея. Русская исторiя вообще идетъ чрезвычайно послѣдовательно, но ея разумный ходъ будто перескакиваетъ чрезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченiе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же прiемами, какъ прежде. Въ тяжелый перiодъ смуты были явленiя новыя и чуждыя порядку вещей, господствовавшему въ предшествовавшемъ перiодѣ, однако они не повторялись впослѣдствiи, и то, что казалось въ это время сѣялось, не возрастало послѣ».

Но можно ли согласиться съ такимъ воззрѣнiемъ Костомарова? Думаемъ, что нѣтъ. Смута наша богата реальными послѣдствiями, отозвавшимися на нашемъ общественномъ строѣ, на экономической жизни ея потомковъ. Если московское государство кажется намъ такимъ же въ основныхъ своихъ очертанiяхъ, какимъ было до смуты, то это потому, что въ смутѣ побѣдителемъ остался тотъ же государственный порядокъ, какой формировался въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ, а не тотъ, какой принесли бы намъ его враги-католическая и аристократическая Польша и казачество, жившее интересами хищничества и разрушенiя, отлившееся въ форму безобразнаго «круга». Смута произошла, какъ мы старались показать, не случайно, а была обнаруженiемъ и развитiемъ давней болѣзни, которою прежде страдала Русь. Эта болѣзнь окончилась выздоровленiемъ государственнаго организма. Мы видимъ послѣ кризиса смуты тотъ же организмъ, тотъ же общественный порядокъ. Поэтому мы и склонны думать, что все осталось по прежнему безъ измѣненiй, что смута была непрiятнымъ только случаемъ безъ особенныхъ послѣдствiй. Пошаталось государство и стало опять крѣпко, что же тутъ можетъ выйти новаго? А между тѣмъ вышло много новаго. Болѣзнь оставила на уцѣлѣвшемъ организмѣ глубокiе слѣды, которые оказывали глубокое влiянiе на дальнѣйшую жизнь этого организма. Общество переболѣло, оправилось, снова стало жить и не замѣнилось другимъ, но само стало инымъ, измѣнилось.

Въ смутѣ шла борьба не только политическая и нацiональная, но и общественная. Не только воевали между собою претенденты на престолъ Московскiй, и сражались русскiе съ поляками и шведами, но одни слои населенiя враждовали съ другими: казачество боролось съ осѣдлой частью общества, старалось возобладать надъ ней, построить землю по своему, и не могло. Борьба привела къ торжеству осѣдлыхъ слоевъ, знакомъ котораго было избранiе царя Михаила. Эти слои и выдвинулись впередъ, поддерживая спасенный ими государственный порядокъ. Но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ военномъ торжествѣ было городское дворянство, которое и выиграло больше всѣхъ. Смута много принесла ему пользы и укрѣпила его положенiе. Служилый человѣкъ и прежде стоялъ на верху общества, владѣлъ (вмѣстѣ съ духовен-

ствомъ) главнымъ капиталомъ страны землею и завладѣвалъ земледѣльческимъ трудомъ крестьянина. Смута помогла его успѣхамъ. Служилые люди не только сохранили то, что имѣли, но, благодаря обстоятельствамъ смуты, пріобрѣли гораздо больше. Смута ускорила подчиненіе имъ крестьянства, содѣйствовала болѣе прочному пріобрѣтенію ими помѣстій, давала имъ возможность съ разрушеніемъ боярства (которое въ смуту потеряло много членовъ) подниматься по службѣ и получать больше и больше участія въ государственномъ управленіи. Смута, словомъ, ускорила процессъ возвышенія Московскаго дворянства, который безъ нея совершался бы несравненно медленѣе.

Что касается до боярства, то оно, наоборотъ, много потерпѣло отъ смуты. Его нравственный кредитъ долженъ былъ понизиться. Исчезновеніе во время смуты многихъ высокихъ родовъ и экономическій упадокъ другихъ содѣйствовали пополненію рядовъ боярства сравнительно незначительными людьми, а этимъ понижалось значеніе рода. Для Московской аристократіи время смуты было тѣмъ же, чѣмъ были войны Алой и Бѣлой Розъ для аристократіи Англіи: она потерпѣла такую убыль, что должна была воспринять въ себя новые, демократическіе сравнительно, элементы, чтобы не истощиться совсѣмъ. Такимъ образомъ и здѣсь смута не прошла безслѣдно.

Но вышесказаннымъ не исчерпываются результаты смуты. Знакомясь съ внутреннею исторіею Руси въ XVII в., мы каждую крупную реформу XVII вѣка должны будемъ возводить къ смутѣ, обусловливать ею. Въ корень подорвавъ экономическое благосостояніе страны, шатавшееся еще въ XVI вѣкѣ, смута создала для Московскаго правительства рядъ финансовыхъ затрудненій, которыя обусловливали собою всю внутреннюю политику правительства, вызвали окончательное прикрѣпленіе посадскаго и сельскаго населенія, поставили Московскую торговлю и промышленность на время въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Если къ этому мы прибавимъ тѣ войны XVII в., необходимость которыхъ вытекала прямо изъ обстоятельствъ, созданныхъ смутой, то поймемъ, что смута была очень богата результатами и не составляла такого эпизода въ нашей исторіи, который случайно явился и безслѣдно прошелъ. Не рискуя много ошибиться, можно сказать что, смута сдѣлала почти всю нашу исторію въ XVII вѣкѣ.

Такъ обильны были реальныя, видимыя послѣдствія смуты. Но событія смутной поры, необычайныя по своей новизнѣ для русскихъ людей и тяжелыя по своимъ послѣдствіямъ, заставляли нашихъ предковъ болѣть не однимъ личными печалями и размышлять не объ одномъ личномъ спасеніи и успокоеніи. Видя страданія и гибель всей земли, наблюдая быструю смѣну старыхъ политическихъ порядковъ подъ рукою и своихъ, и чужихъ распорядителей, привыкая къ самодѣятельности мѣстныхъ міровъ и всей земщины, лишенный руководства изъ центра государства, русскій человѣкъ усвоилъ себѣ новыя чувства и понятія: въ обществѣ крѣпло чувство національнаго и религіознаго единства, слагалось болѣе отчетливое представленіе о государствѣ. Въ XVI в. оно еще не мыслилось, какъ форма народнаго общежитія, оно казалось вотчиной государевой, а въ XVII вѣкѣ по представленію

московскихъ людей, это уже «земля» т. е. государство. Общая польза, понятіе не совсѣмъ свойственное XVI вѣку, теперь у всѣхъ русскихъ людей сознательно стоитъ на правомъ планѣ: своеобразнымъ языкомъ выражаютъ они это, когда въ безгосударственное время заботятся о спасеніи государства и думаютъ о томъ, «что земскому дѣлу пригодится» и «какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе». Новая, «землею» установленная власть Михаила Θеодоровича вполнѣ усваиваетъ себѣ это понятіе общей земской пользы и является властью вполнѣ государственнаго характера. Она совѣтуется съ «землею» объ общихъ затрудненіяхъ и говоритъ иностранцамъ, по поводу важныхъ для Московскаго государства дѣлъ, что «такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ». При прежнемъ господствѣ частноправныхъ понятій, еще и въ XVI вѣкѣ неясно отличали государя, какъ хозяина-вотчинника, и государя, какъ правителя государства; всякое государственное дѣло казалось какъ бы личнымъ дѣломъ хозяина страны да его совѣтниковъ, теперь въ XVII вѣкѣ очень ясно сознается, что государственное дѣло не только «государево дѣло», но и «земское»; такъ и говорятъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, что это «великое государево и земское» дѣло.

Эти новыя, въ смуту пріобрѣтенныя понятія о государствѣ и народности не измѣнили сразу и видимымъ образомъ политическаго быта нашихъ предковъ, но отзывались во всемъ строѣ жизни XVII вѣка и сообщали ей очень отличный отъ старыхъ порядковъ колоритъ. Поэтому для историка и важно отличить появленіе этихъ понятій. Если, изучая Московское государство XVI вѣка, мы еще споримъ о томъ, можно ли назвать его бытъ вполнѣ государственнымъ, то о XVII вѣкѣ такого спора быть не можетъ, потому уже, что сами русскіе люди XVII вѣка сознали свое государство, усвоили государственныя представленія и усвоили именно за время смуты, благодаря новизнѣ и важности ея событій. Не нужно и объяснять, насколько слѣдуетъ признавать существенными послѣдствія смуты въ этой сферѣ общественной мысли и самосознанія.

Михаилъ Θеодоровичъ.

1613—1645.

Давъ свое согласіе на престолъ, Михаилъ Θеодоровичъ выѣхалъ вмѣстѣ съ матерью изъ Костромы въ Ярославль. Здѣсь къ нему сталъ стекаться народъ большими толпами, выражая свою симпатію къ молодому царю. Такимъ образомъ Ярославль вторично дѣлается центромъ патріотическаго движенія. Въ этомъ городѣ Михаилъ Θеодоровичъ оставался мѣсяцъ, а потомъ въ срединѣ апрѣля, когда прошелъ ледъ и сбыла вода, двинулся дальше. А въ Москвѣ между тѣмъ земскій соборъ еще не расходился: онъ управлялъ всѣми дѣлами государства и дѣятельно переписывался съ царемъ. Часто между со-

боромъ и царемъ возникали недоразумѣнія, потому что казацкіе грабежи и безпорядки въ странѣ еще продолжались. Земскій соборъ, принимая противъ нихъ мѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ заботился и объ устройствѣ царскаго двора, отбирая дворцовыя земли у тѣхъ, кто ими завладѣлъ, и собирая запасы для дворца. Вѣсти о безпорядкахъ доходили и до Михаила Ѳеодоровича, въ Ярославль; къ нему приходили жаловаться на грабежи, бѣжали съ жалобой и тѣ, у кого были отняты дворцовыя земли. Всѣ просили управы и помощи, а у царя не было средствъ ни на то, ни на другое. За рѣшеніемъ такого рода дѣлъ, съ наставленіями и вопросами Михаилъ послалъ въ Москву князя Троекурова. На вопросъ царя о разбояхъ и безпорядкахъ соборъ отвѣчалъ, что онъ старается, насколько можно, объ устройствѣ земли и докладывалъ о своихъ мѣропріятіяхъ, но эти послѣднія казались Михаилу (или вѣрнѣе, тому, кто за нимъ стоялъ) очень неудовлетворительными. Въ Ярославлѣ думали, что можно скорѣе и лучше водворить порядокъ, чѣмъ то дѣлалъ соборъ. И вотъ видя, что порядокъ не сразу устанавливается, слыша постоянныя жалобы и просьбы о кормахъ и жалованьи, не умѣя ихъ удовлетворить или прекратить, Михаилъ Ѳеодоровичъ «кручинился» и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ писалъ собору: «вамъ самимъ вѣдомо, учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ; крестъ намъ цѣловали вы своею волею. Такъ вамъ бы всѣмъ; помня свое крестное цѣлованіе, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть.... Царь требовалъ этими словами, чтобы соборъ избавилъ его отъ хлопотъ съ челобитниками, и просилъ «тѣ докуки отъ него отвести», какъ онъ выражался.

Несмотря на неудовольствія 16-го апрѣля царь «пошелъ» къ Москвѣ изъ Ярославля, требуя, чтобы къ его пріѣзду приготовили ему помѣщеніе, и даже прямо указывалъ палаты дворца, а у собора не было ни матеріала для ихъ поправки, ни мастеровъ, почему и были приготовлены другія палаты, что вызвало гнѣвъ со стороны царя.

26-го апрѣля, когда царь былъ уже около Троице-Сергіева монастыря, къ нему стали сбѣгаться дворяне и крестьяне, ограбленные и избитые казачьями шайками, бродившими около самой Москвы. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ присутствіи пословъ отъ собора, заявилъ, что онъ съ матерью не пойдетъ дальше, и сказалъ посламъ: «вы намъ били челомъ и говорили, что всѣ люди пришли въ чувство, отъ воровства отстали, такъ вы били челомъ и говорили ложно». А въ Москву Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ боярамъ и собору: «Можно вамъ и самимъ знать, если на Москвѣ и подъ Москвой грабежи и убійства не уймутся, то какой отъ Бога милости надѣяться». Какъ будто объ этомъ можно было толковать. Соборъ, конечно, всѣми силами радъ былъ окончить всѣ безпорядки, но онъ зналъ свое безсиліе: онъ держался и повелѣвалъ только нравственнымъ авторитетомъ, который не могъ простираться на всѣ элементы смуты. Въ неудовольствіи и упрекахъ Михаила Ѳеодоровича можно видѣть такой способъ воздѣйствія на соборъ: онъ какъ будто не допускалъ соборъ заснуть, такъ ска-

зать, и этотъ способъ выдуманъ, конечно не имъ, авторомъ здѣсь была, надо думать, старица Марфа. Такой способъ дѣйствій былъ именно въ ея характерѣ. Какъ бы то ни было, несмотря на неудовольствіе, Михаилъ Ѳеодоровичъ, упрошенный посольствомъ, прибылъ 2-го мая въ Москву, а 11-го іюня вѣнчался на царство. Этимъ моментомъ кончается смутная эпоха и начинается новое царствованіе.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору его, обратимся къ любопытному вопросу объ ограниченіяхъ, которыя, по слухамъ, были предложены Михаилу Ѳеодоровичу. Относительно этихъ ограниченій до насъ дошло нѣсколько разнорѣчивыхъ показаній изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Раньше мы видѣли, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ ограниченъ боярствомъ, точно также былъ ограниченъ и Владиславъ. Извѣстіямъ объ этихъ ограниченіяхъ мы вполнѣ вѣримъ, потому что видѣли окружную грамоту Шуйскаго съ его ограниченіями и два формальныхъ договора съ Сигизмундомъ о Владиславѣ,—словомъ, видѣли документы. Объ ограниченіяхъ же Михаила Ѳеодоровича документовъ нѣтъ никакихъ, о немъ существуютъ только слухи; такъ одно псковское сказаніе, вышедшее изъ низшихъ слоевъ псковскаго общества разсказываетъ, что при молодомъ царѣ, благодаря, его неопытности, «подъ нимъ правила и поддерживала царство» его мать «со своимъ родомъ». Тѣмъ не менѣе, будто бы «владыщіе», т. е. бояре угнетали народъ, занимались «мздоиманіемъ» царя же ни во что не ставили, не боялись и даже обманули: возводя на престолъ они заставили его присягнуть, что онъ будетъ наказывать виновныхъ бояръ не смертью, а ссылкою, если же кто изъ нихъ и подвергался ссылкѣ, то они упрашивали царя и добивались прощенія, и такимъ образомъ наказаніе превращалось въ ничто. Если вѣрить этому сказанію, то можно подумать, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воскресло одно изъ боярскихъ ограниченій царя Шуйскаго, и получается такая картина: Михаилъ ограниченъ боярами, которые его обманываютъ, и только царица Мареа съ родней его поддерживаютъ. А между тѣмъ далѣе псковскій сказатель, повѣствуя объ интересахъ Салтыковыхъ, родни царицы Мароы, ставитъ ихъ рядомъ съ «владущими» и говоритъ, что Салтыковы избавились отъ казни, благодаря родству съ царемъ: сразу два противорѣчія. Врядъ-ли поэтому можно предположить, что у сказателя-провинціала было ясное и связное представленіе о Московскихъ отношеніяхъ и происшествіяхъ. И извѣстіе это, стало быть, теряетъ цѣну. Другое показаніе объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича принадлежитъ извѣстному русскому эмигранту Григорію Карповичу Котошихину, бѣжавшему изъ Россіи сперва въ Польшу, затѣмъ въ Пруссію и наконецъ поселившемуся въ Швеціи. Въ своемъ сочиненіи «О Россіи» онъ говоритъ, что всѣ государи послѣ Ивана Грознаго были ограничены въ своей власти въ пользу боярской думы. Только Алексѣй Михаиловичъ «письма на себя не далъ никакого», и произошло это потому, что онъ тихъ и кротокъ казался. Отецъ же его Михаилъ Ѳеодоровичъ, «хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». Котошихинъ передаетъ

историческія преданія своего времени: при Алексѣѣ Михаиловичѣ, памятуя смуту, могли думать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, правившій съ помощью земскаго собора, былъ въ своей власти ограниченъ, но это мнѣніе общества не есть достовѣрное историческое свидѣтельство. Такимъ образомъ и показаніе Котошихина, какъ по своей неопредѣленности вообще, такъ и потому, что объ ограниченіяхъ собственно Михаила Ѳеодоровича въ немъ ничего фактическаго не говорится, также можетъ быть заподозрѣно.

Третье показаніе даетъ иностранецъ Факкеродтъ, современникъ Петра I, писавшій о Россіи. По его словамъ, въ 1613 году бояре, рѣшили, что тотъ, кого изберутъ, долженъ присягнуть на слѣдующемъ: 1) держать судъ по стариннымъ земскимъ законамъ, 2) никого собственной властью не судить и 3) безъ согласія собора не вводить новыхъ законовъ и налоговъ, не объявлять войны и не заключать мира. И будто бы этимъ условіямъ молодой царь былъ вѣренъ до пріѣзда Филарета, который успѣлъ вернуться къ самовластію и предоставилъ собору только честь одобрять его распоряженія. Но тутъ Факкеродтъ, во-первыхъ, путаетъ нашу боярскую думу и соборъ, во-вторыхъ, приписываетъ Филарету такую реформу, которая можетъ назваться измѣненіемъ только что создавшагося строя государственнаго. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было: при Филаретѣ стало строже, выражаясь житейскимъ языкомъ, но соборы продолжали дѣйствовать и средства управленія не измѣнились. Что касается до путаницы Факкеродта о «соборѣ или сенатѣ», то она совершенно подкапываетъ его извѣстіе. Если онъ разумѣетъ здѣсь земскій соборъ, то его извѣстіе намъ не нужно, дѣло ясно и безъ него,—о соборахъ мы имѣемъ много данныхъ; если разумѣетъ боярскую думу, ему опять таки вѣрить трудно;—зная такъ мало самую думу, онъ конечно не болѣе знаетъ ея роль при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Четвертое извѣстіе объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича находится у Шведа Страленберга въ его книгѣ о Россіи, изданной въ 1730 г. По его словамъ, ограниченія Михаила состояли въ томъ что, онъ не могъ по собственному усмотрѣнію издавать новые законы и отмѣнять старые, объявлять войну и заключать миръ, въ своей судебной дѣятельности долженъ былъ держаться законовъ и обязывался свои частныя боярскія вотчины или обратить въ казну, или передать роднѣ своей и т. д. У Страленберга есть подробный разсказъ и объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, весьма неправдоподобный во многихъ частностяхъ. Въ сопоставленіи съ этимъ разсказомъ извѣстія Страленберга объ ограниченіяхъ получаютъ весьма сомнительный характеръ, заставляющій цѣнить ихъ не дороже извѣстій Факкеродта.

Гораздо солиднѣе само по себѣ, чѣмъ показаніе иностранцевъ то извѣстіе, какое изъ неизвѣстнаго, впрочемъ, источника даетъ намъ историкъ Татищевъ. Онъ говоритъ коротко, что Михаила Ѳеодоровича избрали всенародно, но съ ограничительной записью. Однако и Татищевъ не разъ давалъ намъ такія данныя, которыя были заподозрѣны: такъ онъ первый сталъ говорить объ указѣ о крестьянахъ, предшествовавшемъ 1597 году, и затѣмъ обнародовалъ о крестьянахъ же

указъ 1607 года, на подложность котораго указалъ еще Карамзинъ, и т. п. Неизвѣстность источниковъ, коими пользовался Татищевъ, заставляетъ отнестись съ подозрѣніемъ и къ этому извѣстію, и его свидѣтельство опять-таки не рѣшаетъ дѣла.

Итакъ ни одно свидѣтельство само по себѣ не заслуживаетъ нашего довѣрія и, взятое отдѣльно, должно пасть. Въ этомъ дѣлѣ изслѣдователя затрудняетъ только вопросъ, почему свидѣтельствъ объ ограниченіи такъ много? Почему вѣрятъ ограниченіямъ и современники Михаила Ѳеодоровича, и его ближайшіе и дальнѣйшіе потомки люди XVII и XVIII вв., Русскіе и иностранцы? Что нибудь, вѣдь, было такое, что подало поводъ къ такимъ упорнымъ слухамъ. Существуетъ къ тому же и такое преданіе, что Филаретъ Никитичъ писалъ въ 1613 году Шереметеву о необходимости избрать царя съ ограниченіями. Стало быть мысль объ этомъ была, или позднѣе казалась бывшею, если можно такъ выразиться. Въ виду этихъ вопросовъ и обстоятельствъ и нѣкоторые изслѣдователи вѣрятъ ограниченіямъ. Къ такимъ относятся Ключевскій и Загоскинъ, но оба смотрятъ разно на этотъ вопросъ: Ключевскій, довольствуясь свѣдѣніями объ ограниченіяхъ и зная роль земскаго собора при Михаилѣ, говоритъ, что «правительственный порядокъ, дѣйствовавшій при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», основанъ былъ «на какомъ то новомъ сочетаніи условій ограничительныхъ, выработанныхъ смутой». Онъ не дѣлитъ времени Михаила Ѳеодоровича по развитію верховной власти на два разныхъ періода, какъ то дѣлаетъ Загоскинъ. Загоскинъ думаетъ, что «аристократическая тенденція боярства» имѣла успѣхъ только въ молодости царя, а именно до пріѣзда Филарета Никитича; при избраніи Михаила боярамъ удалось создать себѣ «привеллигированное положеніе въ сферѣ уголовнаго суда», какъ онъ говоритъ, но эти привилегіи были уничтожены съ пріѣздомъ Филарета Никитича. Нѣсколько иначе относится къ этому С. М. Соловьевъ: «Если была взята (съ Михаила Ѳеодоровича) запись, то она имѣла силу только вначалѣ царствованія», говоритъ онъ, однако самъ не расположенъ вѣрить этой записи и не придаетъ ей значенія. Дѣйствительно есть факты, не совсѣмъ вяжущіеся съ существованіемъ ограниченія. Таковъ, во первыхъ, самый выборъ царя: Михаилъ Ѳеодоровичъ вѣдь едва согласился принять престолъ; выше мы видѣли, какихъ усилій стоило уговорить, какъ его, такъ и инокиню Марѳу. Совсѣмъ другое дѣло представляетъ царь Василій Шуйскій, самъ, произвольно сѣвшій на престолъ, или Владиславъ, человѣкъ и другой націи и другой религіи. А Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ мы видѣли, укоряя соборъ, указываетъ ему, какъ бы съ гордостію, что онъ не самъ искалъ престола. Вторымъ обстоятельствомъ, противорѣчащимъ факту ограниченія, является слѣдующее: въ мѣстничествѣ, которое должно было при господствѣ бояръ сильно развиться, не видно слѣдовъ боярскаго преобладанія, напротивъ, бояре часто, по приказу царя, бываютъ безъ мѣста, а царской роднѣ даютъ мѣста не по роду. Наконецъ, въ-третьихъ, если допустить ограниченіе въ пользу боярства, то дѣлается неясной роль соборовъ, ихъ отношенія къ боярамъ и т. д. Соборы выражали собой

значеніе тѣхъ среднихъ общественныхъ классовъ, которые спасли государство и въ немъ играли теперь первую роль. А эти классы совсѣмъ не были расположены къ ограниченію царской власти въ пользу боярства. Почему же особенно слабое въ ту пору кредитомъ, боярство могло ограничить Михаила Өеодоровича? Правда, что всѣ эти соображенія имѣютъ свойство логическихъ доказательствъ ad hominem и потому не имѣютъ цѣну документальныхъ опроверженій; здѣсь возможно мнѣніе, а не убѣжденіе. Послѣ такого рода опроверженій всегда можетъ остаться такое же сомнѣніе, какъ и послѣ самыхъ извѣстій объ ограниченіи. Вопросъ все-таки остается неяснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если не было ограниченій, то какъ-же явились слухи о немъ?

На нашъ взглядъ, слухи всѣ пошли отъ того факта, что при Михаилѣ Өеодоровичѣ все рѣшалось «общимъ совѣтомъ», чтобы крѣпче было,—въ интересахъ власти и земли. Этотъ общій совѣтъ земли, выражавшійся въ формѣ постояннаго земскаго собора не перешелъ въ право, но оставилъ по себѣ память, которую Котошихинъ и выразилъ словами, что Михаилъ Өеодоровичъ «безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего». Это смутное воспоминаніе выразилось у Факкеродта, смѣшавшаго думу и соборъ, собора онъ не зналъ, но слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое, чѣмъ дума, и назвалъ его «сенатомъ или соборомъ». Точно также провинціалъ — Псковичъ зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченіямъ и видя, что боярство забрало прежнюю волю, «емлетъ мзду» и остается безнаказаннымъ, естественно могъ заключить, что оно теперь въ силѣ и формально. Вотъ какъ можно объяснять слухъ объ ограниченіяхъ.

По пріѣздѣ въ Москву Михаилъ Өеодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей, которые и оставались въ Москвѣ до 1615 года, когда они были замѣнены другими, и такъ дѣло шло до 1622 года; одинъ составъ собора смѣнялся другимъ, одни выборные уѣзжали изъ Москвы къ своимъ дѣламъ и хозяйствамъ и замѣнялись другими. Относительно десятилѣтней (1613—1622) продолжительности земскаго собора дѣлались только предположенія, такъ какъ не было ясныхъ указаній присутствія собора въ Москвѣ для всѣхъ десяти лѣтъ, но мало по малу эти указанія находились, и, наконецъ, вопросъ окончательно разрѣшилъ И. И. Дитятинъ (Русская Мысль, дек. 1883 г.), найдя указанія и для неизвѣстнаго доселѣ собора 1620 года. Такимъ образомъ въ теченіе десяти лѣтъ Москва имѣла постоянный земскій соборъ (и послѣ этого времени соборы бывали очень часто и длились долго, но постоянныхъ больше не было). Въ этомъ видна мудрая политика, подсказанная правительству самой жизнью: смута еще не прекращалась, и безпорядки продолжались. Намъ, издали, теперь ясно, что смута должна была прекратиться, такъ какъ люди порядка стали съ 1612—1613 годовъ сильнѣе своихъ противниковъ, но для современника, который видѣлъ общее раззореніе, казачьи грабежи, безсиліе противъ нихъ Москвы, не могъ взвѣсить всѣхъ событій, не понималъ отношенія дѣйствующихъ одна противъ другой силъ, для современника смута еще не кончилась, на его взглядъ снова могли одолѣть и

Поляки и казаки. Вотъ противъ нихъ то и надо было сплотиться сторонѣ порядка. Она и сплотилась, выражая свое единодушіе земскимъ соборомъ при своемъ царѣ. И царь понималъ всю важность дѣйствовать за одно съ избравшими его и охотно опирался на земскій соборъ, какъ на средство лучшаго управленія. Никакихъ вопросовъ между избравшими царя и ихъ избранникомъ о взаимныхъ правовыхъ отношеніяхъ не могло быть въ ту минуту. Власть и земля были въ союзѣ и боролись противъ общаго врага за существованіе, за свои «животы», какъ тогда говорили. Минута была слишкомъ трудная, чтобы еще заниматься правовой метафизикой, да и не было на лицо той вражды, которая всегда къ ней располагаетъ.

Дѣйствительно время было трудное. Казаки продолжали бродить и грабить даже подъ Москвой, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, захватившаго съ собой и Марину Мнишекъ, сперва грабила русскія области, потомъ разбитая царскими войсками, ушла въ Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обезпеченные содержаніемъ; грабила иногда и сама администрація и вызывала смуту слишкомъ тяжелыми поборами и крутыми мѣрами; да и земскіе люди сами затѣвали по временамъ смуты, какъ было на Бѣлоозерѣ гдѣ земщина отказалась платить подати. У правительства въ это тяжелое время не было ни денегъ, ни людей, а между тѣмъ война съ Польшей все еще продолжалась, выражаясь тѣмъ, что летучіе польскіе отряды грабили и раззоряли русскія области.

И вотъ Московское правительство прежде всего заботится о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя соборомъ приговорили: собрать недоимки, а затѣмъ просить у кого можно взаймы (просили даже у торговыхъ иностранцевъ), особая грамота отъ царя и особая отъ собора были отправлены къ Строгановымъ съ просьбой о помощи раззоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись: они прислали 3000 р., сумму довольно крупную для тогдашняго времени. Годъ спустя соборъ призналъ необходимымъ сборъ пятой деньги, и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества по городамъ, съ уѣздовъ же по 120 р. съ сохи. На Строгоновыхъ по разверсткѣ приходилось 16,000 р.; но на нихъ наложили 40.000, и царь уговаривалъ ихъ «не пожалѣть животовъ своихъ».

Далѣе правительство заботилось и о защитѣ государства отъ враговъ. Главное вниманіе сначала привлекалъ Заруцкій, засѣвшій въ Астрахани и старавшійся привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обѣщая имъ доходный походъ на Самару и Казань. У Донскихъ казаковъ онъ встрѣтилъ мало симпатій, а часть Волжскихъ, именно молодежь, которой все равно было «гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ», склонялась на его сторону; Терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались ему. Московское правительство точно также какъ и Заруцкій хорошо понимало, что казаки представляютъ силу и старалось ихъ отвлечь отъ Заруцкаго къ себѣ. Москва шлетъ имъ жалованье, подарки и даже до нѣкоторой степени имъ льститъ. Казачество, однако, въ большинствѣ теперь понимаетъ, что

выгоднѣе дружить съ Москвой, которая окрѣпла и могла справиться съ Заруцкимъ и потому не идетъ къ послѣднему, хотя Марина Мнишекъ съ сыномъ находятся еще у него. Этимъ объясняется, что Заруцкій, опасный постольку, поскольку его поддерживали казаки, кончилъ очень скоро и очень печально: Астрахань возмутилась противъ него и небольшой стрѣлецкій отрядъ (700 чел.), выгнавъ Заруцкаго изъ Астраханскаго кремля, гдѣ онъ заперся, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ съ Мариной Мнишекъ и ея сыномъ. Привезенный послѣ этого въ Москву Заруцкій и сынъ Марины были казнены, Марина же въ тюрьмѣ окончила свое бурное, полное приключеній существованіе, оставивъ по себѣ темную память въ русскомъ народѣ: всѣ воспоминанія его объ этой «еретицѣ» дышатъ злобою и въ литературѣ XVII в. мы не встрѣчаемъ ни одной нотки сожалѣнія, ни даже слабаго сочувствія къ ней.

Уничтоженъ былъ Заруцкій, умиротворены Волга и Донъ, оставалось покончить съ казачьими шайками внутри страны и на сѣверѣ. 1-го Сентября 1614 г. земскій соборъ, разсуждая объ этихъ послѣднихъ рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія архіепископа Герасима и князя Лыкова. Лыковъ, отправленный по рѣшенію собора, извѣщалъ, что казаки, то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ послѣ переговоровъ съ Лыковымъ, порѣшила идти къ Москвѣ. Подойдя къ ней они стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ и прислали къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить; когда же начали ихъ переписывать, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то время пришелъ къ Москвѣ съ сѣвера кн. Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы окольничій Измайловъ и напали на казаковъ. Казаки нѣсколько разъ были разбиты, послѣ чего и разбѣжались. Часть ихъ была переловлена и разослана по тюрьмамъ, а Баловень казненъ.

При такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось еще считаться съ Польшей. Находясь въ крайнихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, Сигизмундъ не могъ предпринять похода на Москву, но польскія шайки (иррегулярныя) дѣлали постоянные набѣги на русскія, даже сѣверныя области, воюя русскую землю «проходомъ», какъ мѣтко выражается лѣтопись; точно также поступали Малороссійскіе казаки или Черкасы. Противъ нихъ энергично дѣйствовали и жители областей и сама Москва. Правильной войны такимъ образомъ не было, но и по избраніи Михаила Θеодоровича Владиславъ все еще считался кандидатомъ на московскій престолъ, миръ формально не былъ заключенъ и отецъ царя Филаретъ Никитичъ находился въ плѣну. Еще въ 1613 г. (въ мартѣ) изъ Москвы для размѣна плѣнныхъ отправленъ былъ земскимъ соборомъ дворянинъ Аладьинъ. Чтобы не затянуть освобожденіе Филарета, Аладьину запрещено было говорить объ избраніи Михаила, въ случаѣ же если объ этомъ спросятъ, утверждать что это неправда. Аладьинъ видѣлся съ Филаретомъ и узналъ также, что Польша, къ выгодѣ Москвы, теперь совсѣмъ не

готова къ войнѣ. Это такъ обнадежило Москву, что было приказано воеводамъ кн. Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленскъ, но здѣсь имъ пришлось простоять безъ всякаго дѣйствія до іюня 1615 г. Бродившіе по Руси польскіе отряды были въ то же время стѣснены царскими войсками и только съ шайкой Лисовскаго не могли ничего подѣлать; онъ былъ положительно неуловимъ со своими «Лисовчиками». Противъ него отправили князя Пожарскаго, который и столкнулся съ Лисовскимъ около Орла, но здѣсь онъ чуть не погибъ со своимъ небольшимъ отрядомъ отъ 3000 Лисовчиковъ. Пожарскій тогда огородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ, а Лисовскій, не зная, что у него такъ мало людей, не посмѣлъ напасть, къ утру же къ Пожарскому явилась помощь. Смѣлый наѣздникъ, преслѣдуемый погоней какъ тѣнью, пробирался между городами, опустошая все на своемъ пути и дѣлая обширный кругъ: онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромой по Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тверью и Серпуховымъ до Алексина и т. д. вокругъ Москвы. Наконецъ онъ вернулся въ Литву послѣ своего изумительно скораго похода, много разоривъ и награбивъ.

Въ концѣ 1614 г. опять начались дипломатическіе переговоры съ Польшей. Она сама начала ихъ и предлагала съѣхаться посламъ на рубежѣ и начать переговоры о мирѣ. Изъ Москвы была отправлена съ Желябужскимъ отвѣтная грамота съ согласіемъ на съѣздъ и съѣздъ состоялся въ сентябрѣ 1615 г. недалеко отъ Смоленска. Со стороны русскихъ въ немъ приняли участіе: кн. Воротынскій, Сицкій и окольничій Измайловъ. Со стороны поляковъ: Ходкѣвичъ, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій (все знакомые русскимъ люди). Посредникомъ же служилъ императорскій посолъ Эразмъ Ганзеліусъ. Но переговоры эти длившіеся до января 1616 г., ничѣмъ не кончились, сношенія двухъ державъ продолжали оставаться неопредѣленными и это было тѣмъ болѣе тяжело, что такъ же неопредѣленны были и отношенія къ Швеціи. Послѣдняя тоже имѣла своего кандидата въ русскіе цари, королевича Филиппа, и вмѣстѣ съ тѣмъ состояла въ войнѣ съ Москвой. Какъ въ переговорахъ Россіи съ Польшей посредникомъ былъ нѣмецъ—Ганзеліусъ, такъ здѣсь ту же роль игралъ англичанинъ—Джонъ Мерикъ. Только Швеція раньше начала серьезную войну (осенью 1614 г.), хотя Густавъ-Адольфъ нуждался въ средствахъ, какъ и Сигизмундъ, не смотря на то, что онъ довольно удачно велъ войну и взялъ нѣсколько городовъ, онъ въ то же время съ удовольствіемъ согласился на мирные переговоры «продолжавшіеся цѣлый годъ, съ января 1616 по февраль 1617 г., сначала въ Дедеринѣ, а потомъ въ Столбовѣ. По Столбовскому договору 1617 г. рѣшено было слѣдующее: Густавъ-Адольфъ уступалъ русскимъ всѣ свои завоеванія, не исключая Новгорода, бралъ 20.000 руб. и оставлялъ за собою южный берегъ Финскаго залива съ Невой и городами: Ямомъ, Иванъ-городомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ, тѣми самыми городами, которые въ 1595 г. Борисомъ Годуновымъ были возвращены Русскимъ. Миромъ Густавъ-Адольфъ остался доволенъ: дѣйствительно, онъ избавился отъ одного

врага (ихъ оставалось теперь только два: Данія и Польша), кромѣ того онъ сильно нуждался въ деньгахъ и получилъ 20 тыс. Да и дипломатическія цѣли его были достигнуты: онъ не разъ хвастливо говорилъ на сеймѣ про Москву, что теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного корабля спустить на Балтійское море; большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море и, дастъ Богъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ. Но Столбовскимъ миромъ и Москва достигла своей цѣли: во-первыхъ, къ ней вернулась имѣющая большое для нея значеніе Новгородская область; во-вторыхъ, однимъ претендентомъ, какъ и однимъ врагомъ, стало меньше. Теперь можно было смѣлѣе обращаться съ Польшей.

И вотъ еще лѣтомъ 1616 г. Москва начала наступательную войну противъ Польши, которая, впрочемъ, никакихъ серьезныхъ послѣдствій не имѣла. И въ это же время Варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить Владислава добывать Москву, но дѣйствовать поляки не спѣшили и много силъ не тратили. Королевичъ выступилъ только черезъ годъ съ маленькимъ войскомъ, всего въ 11.000. Архіепископъ—примасъ Варшавскій сказалъ ему напутственную рѣчь, въ которой Владиславу, по примѣру славныхъ предковъ Мстислава и Ягелло, поручалъ «навести заблудшихъ (схизматиковъ-Москвичей) на путь мира и спасенія», на что Владиславъ рыцарски отвѣчалъ, что главной задачей своей онъ почитаетъ «славу Господа Бога» и также выгоды республики «питавшей его и отправляющей теперь для пріобрѣтенія славы».

Но теперь Москва снова не имѣла силы выступить даже противъ незначительнаго войска Владислава. Она расположила по городамъ сильные гарнизоны и ограничивалась одной обороной. Между тѣмъ славное войско Владислава, шедшее навести заблудшихъ на путь мира, не получало жалованья, а потому бунтовало и грабило, а Владиславъ тщетно просилъ помощи изъ Польши «его питавшей», пока въ 1618 г. сеймъ ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же годъ. Тогда лѣтомъ 1618 г. королевичъ сталъ дѣйствовать подъ Можайскомъ, чтобы, при движеніи къ Москвѣ, не оставить у себя въ тылу Лыкова съ войскомъ, который сидѣлъ въ Можайскѣ; онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ, но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло семь мѣсяцевъ, такъ что Владиславу для пріобрѣтенія славы оставалось ихъ только 5; изъ Варшавы же шли одни обѣщанія, и войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать, а потому въ сентябрѣ 1618 г. Владиславъ рѣшился идти на Москву, не взявъ Можайска; туда же шелъ съ юга и гетманъ Сагайдачный. Соединившись, они сдѣлали приступъ, но взять Москвы не могли, потому что Москвичи успѣли приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ и требовалъ ея сдачи, но также безуспѣшно. Наконецъ онъ вступилъ въ переговоры и заключено было въ деревнѣ Деулинѣ (около лавры) такъ называемое Деулинское перемиріе. Рѣ-

шили размѣняться плѣнниками; Польша удержала свои завоеванія (Смоленскъ и Сѣверскую землю), а Владиславъ отказался отъ претензій на Московскій престолъ. Тяжелы были условія для Москвы, но не велика и слава королевича. И вотъ 1-го іюня 1619 г. на рѣкѣ Поляновкѣ (около Вязьмы) произошелъ размѣнъ плѣнныхъ; вслѣдствіе этого Филаретъ Никитичъ и тѣ члены великаго посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. Увидали родную землю: Томило Луговскій, твердый и честный дѣятель посольства, Шеинъ, защитникъ посольства; но умеръ въ чужой странѣ «столпъ» русскаго боярства В. В. Голицынъ. Въ серединѣ іюня, черезъ двѣ недѣли послѣ освобожденія, Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ въ Москву, а 24 іюня онъ былъ поставленъ въ патріархи. Со смерти Гермогена (1612) въ Москвѣ не было патріарха, потому что патріаршество назначалось уже давно государеву отцу.

Съ пріѣздомъ его началось такъ называемое *двоевластіе*: Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца—патріарха. Но, чтобы понять разницу, отъ этого происшедшую, посмотримъ, что дѣлалось въ Москвѣ ранѣе возвращенія патріарха. Мы знаемъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ шестнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, понятно, что мы должны искать вліяній на него. Но среди бояръ нельзя различить такого преобладающаго лица, какимъ былъ Годуновъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, да и вообще о придворной жизни того времени можно лишь догадываться за неимѣніемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ человѣкъ умный, мягкій, но безхарактерный; можетъ быть за неимѣніемъ данныхъ, а можетъ быть такъ было и въ дѣйствительности, но передъ нами онъ является заурядным человѣкомъ, не имѣющимъ «личности». Въ дѣтствѣ онъ воспитывался подъ ферулой своей матери, Ксеніи Ивановны, урожденной Шестовой. Филаретъ Никитичъ былъ человѣкъ крутаго и жесткаго нрава, но жена его, въ этомъ отношеніи, пожалуй, еще превосходила его. Достаточно взглянуть на ея портретъ, на низко опущенныя брови, суровыя глаза, крупный съ горбиной носъ, а всего болѣе на насмѣшливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительныя губы, чтобы составить себѣ понятіе о ея умѣ, сильномъ характерѣ и волѣ, но эти признаки мало говорятъ о мягкости и добротѣ. Все пережитое ею до 1613 г., постоянныя лишенія, ссылка и монастырь, вынуждаемое смиреніе, столь несходное съ ея характеромъ, затѣмъ разлука съ мужемъ и сыномъ, безпрестанное безпокойство за ихъ жизнь,—все это еще болѣе закалило ея характеръ и глубже заставило почувствовать всю силу доставшихся ей свободы и власти.

Понятно, какое давленіе должна была оказывать такая энергичная мать на мягкій характеръ сына, который, вѣроятно, какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь, не выходилъ изъ ея воли, не противорѣчилъ ей,—она-то и дѣйствовала за нимъ, когда онъ сталъ царемъ. Сдѣлавшись царицей, Марѳа взяла весь скарбъ прежнихъ царицъ въ свои руки, дарила имъ боярынь, стала жить совершенно по царски и занималась больше всего религіей и благочестивыми дѣлами, какъ царственная монахиня, но имѣла также громадное вліяніе на дворцовую

жизнь, направляла ее, вліяла на государственную жизнь того времени, выдвигала на верхъ свою родню, ставила у дѣлъ и тѣмъ самымъ и давала ей возможность, пользуясь покровительствомъ всесильной старицы-царицы, дѣлать вопіющія злоупотребленія и оставаться безъ наказанія. Въ числѣ ея любимой родни были и Салтыковы, знаменитые своими интригами въ первые годы Михаила Өеодоровича. Но изъ всѣхъ креатуръ старицы Марөы, умѣвшихъ устраивать свои дѣла, ни одного не являлось такого, который умѣлъ бы устраивать дѣла государственныя и далъ бы твердое направленіе внутренней и внѣшней политикѣ. Московская политика того времени не имѣла опредѣленнаго пути и шла туда, куда толкали ее случайности. Земскіе соборы рѣшали тѣ дѣла, которыя давались имъ на разсмотрѣніе администраціей. Но не было въ администраціи человѣка, который бы зналъ, что нужнѣе дать на сужденіе собору, и часто ему передавалось рядомъ съ важными дѣлами и обсужденіе такихъ дѣлъ, которыя давно въ принципѣ были рѣшены и требовали лишь исполнительныхъ мѣръ (дѣло о казакахъ въ сентябрѣ 1614 г.)

Такъ стояли дѣла до 1619 г. Молодой царь не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ, за то вокругъ него были люди, способные на дворцовыя интриги и административныя злоупотребленія, на обманъ и «издоимание», какъ выражается Псковскій лѣтописецъ. Но дѣла въ Москвѣ перемѣнились, когда пріѣхалъ государевъ отецъ, личность умная, способная и привыкшая къ дѣламъ.

Филаретъ Никитичъ,—въ молодости первый красавецъ — щеголь въ Москвѣ, въ лучшіе годы былъ постриженъ въ монахи «неволею»; ему пришлось затѣмъ испытать и тюрьму и жизнь въ Тушинѣ и польскій плѣнъ, однимъ словомъ, пережить очень много, но это еще болѣе закалило его и безъ того сильный характеръ. Въ смутѣ онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ важнѣйшими государственными вопросами и пріобрѣлъ къ нимъ навыкъ,—сталъ государственнымъ человѣкомъ. Но та же жизненная школа, которая воспитала въ немъ волю и энергію и образовала умъ, сообщила жесткую неровность, суровость, даже деспотическій складъ его характеру.

Когда Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, ему присвоенъ былъ, какъ и царю, титулъ «Великаго Государя». Въ новомъ Великомъ Государѣ Москва сдѣлала большое пріобрѣтеніе, она получила то, въ чемъ болѣе всего нуждалась: умнаго администратора съ опредѣленными цѣлями. Даже въ сферѣ церковной Филаретъ былъ скорѣе администраторомъ, чѣмъ учителемъ и наставникомъ церкви. У насъ сохранились отзывы современниковъ о немъ, одинъ изъ нихъ говоритъ, что Филаретъ «божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ былъ (т. е. взялъ такую власть), яко и самому царю бояться его; бояръ же и всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томляше заключеніями.... и иными наказаніями; до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ» Дѣйствительно, пріѣхавъ въ Москву, Филаретъ завладѣлъ и ратными и всякими царскими дѣлами, и съумѣлъ, не нарушивъ семейнаго міра, очень скоро разо-

гнать тѣхъ, кого выдвинуло родство съ его женой. Первыми изъ подвергшихся опалѣ были Салтыковы; отправленные имъ въ ссылку по дѣлу Хлоповой. Послѣднее въ высшей степени интересно.

Еще ранѣе 1616 г. чадолюбивая Мароа позаботилась пріискать сыну невѣсту, при чемъ выборъ ея палъ на Марію Хлопову, изъ преданнаго Романовымъ рода Желябужскихъ; она жила при Мароѣ и въ 1616 г. была объявлена формально невѣстой царя. Но браку царя помѣшала вражда Салтыковыхъ къ Хлоповымъ, — въ нихъ царская родня увидала себѣ соперниковъ по вліянію. Поводомъ ко враждѣ послужилъ ничтожный споръ отца царской невѣсты съ однимъ изъ Салтыковыхъ. Незадолго передъ свадьбой произошла неожиданная болѣзнь невѣсты, пустая сама по себѣ, но получившая другой видъ, благодаря интригамъ Салтыковыхъ. Они воспользовались этой болѣзнью, Хлопова была сочтена «испорченой» и сослана вмѣстѣ съ родными, обвиненными въ обманѣ, въ Тобольскъ. По возвращеніи Филарета въ 1620 г, интрига царской родни была открыта и Хлопову рѣшено воротить изъ ссылки, особенно потому, что Михаилъ, этотъ мягкій и безличный для насъ юноша, все еще продолжалъ горячо любить свою бывшую невѣсту и, безпрекословно уступая матери во всемъ остальномъ, рѣшительно воспротивился ея желанію женить его на другой. Но Мароа, стоявшая за Салтыковыхъ, не пожелала возвращенія Марьи во дворецъ и настояла на томъ, что Хлопову оставили въ Нижнемъ-Новгородѣ, поселивъ на прежнемъ дворѣ Козьмы Минина. Салтыковы же были отправлены на житье въ свои вотчины. Не сразу отказавшись отъ Хлоповой, Михаилъ Өеодоровичъ женился только на 29 году своей жизни (случай крайне рѣдкій, потому что браки тогда обыкневенно совершались рано) на Маріи Владиміровнѣ Долгоруковой, скоро умершей, а затѣмъ во второй разъ на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой.

И такъ съ пріѣздомъ Филарета Никитича временщики должны были отказаться отъ власти и уступить вліяніе ему. Иначе и быть не могло, Филаретъ, по праву отца, ближе всѣхъ сталъ къ Михаилу и руководилъ имъ, какъ отецъ сыномъ. Такимъ образомъ началось двоевластіе и началось оффиціально: всѣ грамоты писались отъ лица обоихъ Великихъ Государей. Имя Михаила стояло въ нихъ впереди имени патріарха, но, зная волю и энергію Филарета, нетрудно отгадать кому принадлежало первенство фактически.

И вотъ началась энергичная и умѣлой рукой направленная работа надъ водвореніемъ порядка въ странѣ. Всѣ стороны государственной жизни обратили на себя вниманіе правительства. Съ участіемъ Филарета начались заботы о финансахъ, объ улучшеніи администраціи и суда и объ устройствѣ сословій. Когда въ 1633 г. Филаретъ сошелъ въ могилу, государство московское было уже совсѣмъ инымъ въ отношеніи благоустройства, — не все конечно, но очень много для него сдѣлалъ Филаретъ. И современники отдаютъ справедливость его уму и дѣламъ. Филаретъ, говоритъ одна лѣтопись «не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ; многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ никого не было

сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ непожалованъ, тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и никому не выдавалъ». Въ этомъ панегирикѣ современника много справедливаго: вновь возникшій государственный порядокъ въ самомъ дѣлѣ многимъ былъ обязанъ Филарету и этого мы не можемъ не признать, хотя, можетъ быть, наши симпатіи къ властительной личности патріарха могутъ быть и меньше, чѣмъ къ ея государственнымъ заслугамъ. Но должно признаться, что историкъ, чувствуя общее благотворное вліяніе Филарета въ дѣлѣ устройства страны, не можетъ точно указать границы этого вліянія, отличить то, что принадлежитъ лично Филарету и что другимъ. Въ жизни нашихъ предковъ личности было мало простора показать себя, она всегда скрывалась массою «Древняя Русь дѣйствовала больше кагаломъ», какъ выразился одинъ ученый. Здѣсь мы можемъ только указать на общее значеніе Филарета въ дѣлѣ успокоенія государства. Изъ общаго очерка государственной дѣятельности Михаилова правительства это значеніе выглянетъ яснѣе.

Нельзя сказать чтобы до Филарета не старались объ устройствѣ земли: земскіе соборы постоянно были заняты этимъ дѣломъ, но безъ опытнаго руководителя оно шло безъ системы; къ тому же приходилось боротся съ проявленіями смуты и устраиваться кое-какъ для того лишь, чтобы обезпечить миръ. Насколько можно судить по источникамъ, до Филарета у Московскаго правительства было два главныхъ интереса въ отношеніи внутренняго устройства, двѣ задачи: во-первыхъ, собрать въ казну какъ можно болѣе средствъ, и во-вторыхъ, устроить служилыхъ людей, другими словами, устроить войско. Для этихъ то цѣлей соборъ назначалъ два раза—въ 1615 и 1616 г.г. сборъ пятой деньги т. е. 20% съ годоваго дохода плательщика и посошное въ 1616 г. по 120 р. съ каждой сохи. Разница между той и другой повинностями состояла въ томъ, что 20% платилось со «двора», посошное же взималось съ мѣры пахатной земли, съ «сохи», Кромѣ того своимъ чередомъ платились обычныя подати. Между тѣмъ при такихъ громадныхъ сборахъ, при займахъ, къ которымъ сверхъ того прибѣгало правительство, у него все-таки не хватало средствъ и оно не могло давать льготъ податному сословію, не желало даже допускать недоимокъ. Подати собирались съ обычною въ то время жестокостью и, конечно, очень большимъ бременемъ ложились на народъ. Для второй же цѣли правительство посылало не разъ въ разныя мѣстности бояръ «разбирать» служилыхъ людей «верстать», т. е. принимать въ службу дѣтей дворянъ, годныхъ къ службѣ и надѣлять ихъ помѣстной землей. И для первой и для второй цѣли необходимо было знать положеніе частной земельной собственности въ государствѣ и вотъ посылались «писцы» и «дозорщики» для описи и податной оцѣнки земли. Но благодаря отсутствію, такъ сказать, хозяйскаго глаза, какимъ явился Филаретъ, всѣ намѣренія правительства исполнялись небрежно, съ массою злоупотребленій со стороны и администраціи и населенія: писцы и дозорщики однимъ мирволили, другихъ тѣснили,

брали взятки; да и населеніе, стремясь избавиться отъ податей, часто обманывало писцовъ, скрывало свое имущество и этимъ достигало льготной для себя, неправильной оцѣнки.

Какъ только Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Москву онъ возбуждаетъ уже важнѣйшіе государственные вопросы и ставитъ ихъ на разрѣшеніе собора. Первое, что обратило его вниманіе, была именно путаница въ финансовыхъ дѣлахъ, въ дѣлѣ взиманія податей. И вотъ въ Іюнѣ 1619 г. земскій соборъ постановляетъ замѣчательный приговоръ преимущественно по финансовымъ дѣламъ. Собору были поставлены на видъ указанія, сдѣланныя царю патріархомъ: съ раззоренной земли подати взимаются неравномѣрно, однѣ изъ раззоренныхъ земель облагаются податью по доворнымъ книгамъ; съ другихъ же, не менѣе раззоренныхъ, берется подать по писцовымъ книгамъ *); 2) при переписи земель допускаются постоянныя злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ; 3) бываютъ постоянныя злоупотребленія и со стороны тяглыхъ людей, которые массами или закладывались за кого-нибудь (т. е. входили въ особую рода домовую зависимость и тѣмъ самымъ освобождались отъ тягла и выходили изъ общины) или просто убѣгали изъ своей общины, предоставляя ей, въ силу круговой поруки, платить за выбывшихъ членовъ; 4) кромѣ этихъ податныхъ злоупотребленій многіе просятъ «отъ сильныхъ людей ихъ оборонить»; ибо сильные люди (т. е. администрація, вліятельное боярство и т. д.) «чинятъ имъ насильства и обиды». Вотъ объ этихъ то злоупотребленіяхъ государь и говорилъ на соборѣ «какъ бы то исправить и землю устроить». Соборъ постановилъ слѣдующее: 1) произвести снова перепись въ мѣстностяхъ нераззоренныхъ, писцовъ и дозорщиковъ выбрать изъ надежныхъ людей, привести ихъ къ присягѣ, взявъ обѣщаніе писать безъ взятокъ и работать «вправду», 2) тяглыхъ людей, выбѣжавшихъ и «заложившихся» за бояръ и монастыри, сыскать и возвратить назадъ въ общины, а на тѣхъ, кто ихъ держалъ наложить штрафы; 3) составить роспись государственныхъ расходовъ и доходовъ: сколько «по окладамъ» (т. е. по частнымъ росписямъ) числится тѣхъ и другихъ, сколько убыло доходовъ отъ раззоренія, сколько поступаетъ денегъ, куда ихъ расходовали, сколько ихъ осталось и куда они предназначаются; 4) относительно жалобъ на сильныхъ людей состоялся царскій указъ и соборный приговоръ: боярамъ Черкасскому и Мезецкому поручить сыскивать про обиды «сильныхъ людей». (Барсуковъ въ своемъ трудѣ «Родъ Шереметьевыхъ вѣрно предполагаетъ, что этимъ указомъ учредился въ Москвѣ постоянный «*Приказъ что на сильныхъ людей бьютъ челомъ*») наконецъ 5) рѣшили обновить составъ земскаго собора, замѣнивъ выборныхъ людей новыми.

---

*) Дозоръ—это податная оцѣнка имуществъ сообразно ихъ благоустроенности: здѣсь принимаются въ расчетъ обстоятельства, могущія дать льготы по уплатѣ податей (долги, пожары, раззоренье отъ враговъ и т. д.). Перепись—это простая податная оцѣнка имуществъ, при которой обращается вниманіе на благосостояніе плательщиковъ.

Въ этомъ приговорѣ собора рѣзко выдѣляются двѣ черты: прямо рисуется неудовлетворительное экономическое положеніе податныхъ классовъ и уклоненіе отъ податей, а затѣмъ неудовлетворительное же состояніе администраціи съ ея злоупотребленіями, о которыхъ свидѣтельствовали столь частыя челобитныя про «обиды сильныхъ людей». Всѣ послѣдующія внутреннія распоряженія правительства Михаила Θеодоровича и клонились именно къ тому, чтобы улучшить администрацію и поднять платежныя и служебныя силы страны.

Что касается до администраціи, то пользуясь слабостью надзора сверху, для котораго у правительства просто не было средствъ, и отсутствіемъ крѣпкихъ мѣстныхъ союзовъ внизу, въ областяхъ, воеводы и приказные дѣльцы позволяли себѣ рядъ насилій и беззаконій. До смуты мѣстное управленіе не имѣло одного однообразнаго типа. При Иванѣ IV, какъ извѣстно, желая ограничить злоупотребленія областныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей, правительство разрѣшало городскимъ и сельскимъ общинамъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей, при чемъ новыя выборныя власти получили названіе губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ, земскихъ судей и пр., Юстиція уголовная была поручена губному старостѣ, а другія дѣла были отданы въ руки прочихъ выборныхъ людей. Но это самоуправленіе было введено не вездѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на ряду съ выборными или даже и исключительно, управляли намѣстники. Во время смуты губной институтъ какъ—то повсюду исчезаетъ; смута, какъ военное время выдвигаетъ и военную власть—воеводъ въ роли областныхъ правителей; въ ихъ рукахъ въ началѣ XVII в. и сосредоточиваются всѣ отрасли управленія и суда; пользуясь этимъ, они обращали управленіе и судъ въ дѣло личной выгоды. По словамъ одной царской грамоты «въ городахъ воеводы и приказные люди (ихъ помощники) всякія дѣлаютъ не по нашему (царскому) указу: монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки всякіе; посулы, поминки и кормы берутъ многіе». Стоитъ только просмотрѣть рядъ челобитій того времени, въ которомъ ярко описываются всѣ «насильства и убытки», чтобы заключить о силѣ злоупотребленій мѣстной администраціи. Для примѣра разскажемъ о дѣйствіяхъ Мангазейскихъ (въ Сибири) воеводъ Григорія Кокорева и Андрея Палицина. Палицинъ доносилъ на Кокорева, что этотъ послѣдній, когда самоѣды привозятъ ясакъ (подать), спаиваетъ несчастныхъ и такимъ путемъ и ясакъ и деньги переходятъ въ руки ловкаго воеводы. Затѣмъ онъ часто устраивалъ пиры на которыхъ явства должно было приносить населеніе, а вслучаѣ, если кто либо мало приносилъ, приношеніе бросалось въ лицо приносителю и его прогоняли толчками. Если кто изъ богатыхъ людей не угождалъ воеводѣ, его неожиданно посылали на службу въ тундры, и только, давъ за себя выкупъ, можно было избѣгнуть такого рода ссылки. Мало того, Кокоревъ часто разыгрывалъ изъ себя невинность,—если неугодившій ему человѣкъ, желая умилостивить разгнѣваннаго воеводу являлся съ приношеніемъ, Кокоревъ сердился и ни за что не хотѣлъ брать взятки. Но тутъ на помощь являлся кто нибудь изъ пріятелей

воеводы и предлагалъ просителю обратиться «въ всемірной заступницѣ» (такъ называлъ онъ жену Кокорева), послѣдняя улаживала дѣло и принимала взятку. Кокоревъ въ свою очередь писалъ доносы на товарища, что тотъ держитъ корчму и спаиваетъ всѣхъ водкой. Мало по малу распря воеводъ разгорѣлась чуть ли не въ цѣлую войну: между обоими представителями администраціи произошла стычка, въ которой было убито нѣсколько человѣкъ посадскихъ. Не имѣя силъ избѣгнуть такого рода явленій, прекратить общій произволъ, завѣщанный смутой, правительство, карая отдѣльныхъ лицъ, въ то же время облегчало возможность челобитья на администрацію, учреждая въ въ 1619 г. «Приказъ» что на сильныхъ людей челомъ бьютъ», а въ 1621 г. обращаясь ко всей землѣ съ грамотою, въ которой оно запрещало общинамъ давать воеводамъ взятки, на нихъ работать и вообще исполнять ихъ незаконныя требованія. Въ случаѣ же неисполненія вышесказаннаго правительство грозило земскимъ людямъ наказаніемъ. Но послѣдующая практика показала недѣйствительность такого рода оригинальнаго обращенія къ землѣ. Воеводы продолжали злоупотреблять властью, и земскіе люди говорятъ на соборѣ 1642 г. стало быть, спустя лѣтъ двадцать послѣ указанныхъ мѣръ: «Въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ, Государевыхъ воеводъ». Воеводы слишкомъ близко стояли къ народу, неудовольствіе воеводы слишкомъ ощутительно отзывалось на городскомъ человѣкѣ и невольно заставляло его давать взятку и работать на воеводу, а управы на него искать было всетаки трудно: за управой необходимо было ѣхать въ Москву.

Въ 1627 г. правительство пришло къ мысли возстановить повсемѣстно губныхъ старостъ, предписывая выбирать ихъ изъ лучшихъ дворянъ, т. е. изъ болѣе самостоятельныхъ. Эта мѣра ограничивала кругъ вліянія воеводъ и многіе города воспользовались ею и просили, чтобы у нихъ не было воеводъ, а были только губные старосты, и это разрѣшалось. Такимъ образомъ губной староста сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ не однѣ уголовныя дѣла, а все областное управленіе, становился и земскимъ судьею. Но съ другой стороны города иногда оставались недовольны губными старостами и просили назначить имъ воеводъ,—такъ гор. Дмитровъ, просившій въ 1639 г. губного старосту, въ 1644 г. уже хлопочетъ о назначеніи ему воеводы. Городъ Кашинъ въ 1644 г. также просилъ себѣ воеводу (и даже указывалъ на Дементія Лазарева, какъ на лицо желаемое для этой должности), потому что Кашинскій губной староста „срамецъ и увѣченъ", а, прежде въ Кашинѣ были воеводы и губные старосты и такого воровства не было». И другіе города поступаются точно такъ же губнымъ правомъ изъ за непригодности извѣстной личности. Очевидно, что губной институтъ, это по нашему—«право», тогда не мыслился таковымъ. Нѣкоторыя общины однако сохранили и въ то время полное самоуправленіе: это было большею частію, въ такъ называемыхъ черныхъ земляхъ, преимущественно на сѣверѣ.

Таково было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ положеніе *мѣстнаго* управленія, носившаго слѣдовательно смѣшанный характеръ.

Что касается до *центральнаго* управленія при Михаилѣ Θеодоровичѣ, то оно возстановлялось въ Москвѣ по старымъ образцамъ, завѣщаннымъ XVI в. въ формѣ старыхъ приказовъ и только потребностями времени вызывались къ жизни новые приказы. Ихъ было много учреждено при Михаилѣ, но устраивались они опять таки по старымъ до—смутнымъ образцамъ, спеціализируя одну какую-нибудь отрасль вѣдѣнія какого-нибудь стараго приказа. Въ центрѣ управленія по прежнему стояла и всѣмъ руководила государева боярская дума.

Кромѣ заботъ объ администраціи въ Москвѣ очень заботились о поднятіи послѣ смуты общаго блага, стремленіе къ которому было, конечно, присуще и XVI вѣку; благосостояніе земли было необходимо правительству и для хорошаго устройства службы и тяготъ. Въ эту именно рамку отливались всѣ заботы правительства, которыя мы назвали заботами о благосостояніи.

Это приводитъ насъ къ вопросу объ устройствѣ сословій при Михаилѣ Θеодоровичѣ, такъ какъ государственныя повинности въ Московскомъ государствѣ носили сословный характеръ. Начнемъ съ служилаго сословія. Заботы правительства о немъ были двоякаго рода. 1) Заботы объ обезпеченіи служилыхъ землями или иначе—*вопросъ помѣстный*, и 2) заботы объ отношеніи служилыхъ людей къ крестьянству, или иначе, *вопросъ крестьянскій*. Какъ уже извѣстно, главнымъ средствомъ содержанія военнаго дворянскаго класса была земля, а на землѣ—крестьянскій трудъ. Смута должна была, конечно, поколебать и замутить правильность помѣстнаго землевладѣнія: масса дворянъ была согнана съ помѣстій, масса помѣстныхъ земель пустовала и вмѣстѣ съ тѣмъ множество дворцовыхъ и черныхъ земель перешло въ помѣстья.

Являлись новые помѣщики, которымъ помѣстья попали незаконно или неизвѣстно какъ. Ни наличнаго числа дворянъ годныхъ къ службѣ, ни степени обезпеченности ихъ правительство въ первые годы не знало. Въ горячее время первыхъ войнъ оно старалось кое-какъ привести въ извѣстность все это, отбирало незаконно захваченныя казенныя земли*), разбирало и «испомѣщало» служилыхъ людей, не прибѣгая къ строгой повѣркѣ правъ на землю того или другого помѣщика, давало раззореннымъ денежное жалованье, а для увеличенія служилаго класса верстало въ службу казаковъ, «которые отъ воровства отстали». Словомъ, оно приводило въ ясность свой служилый классъ и въ помѣстныхъ дѣлахъ руководилось старыми обычаями, издавало при случаѣ частные указы о помѣстныхъ дѣлахъ и наконецъ въ 1636 г. составило цѣлый сводъ изъ этихъ указовъ «помѣстное уложеніе». Но эта лихорадочная дѣятельность не могла сразу привести къ полному бла-

---

*) О редукціи есть два мнѣнія: одни совершенно отрицаютъ ея существованіе и говорятъ, что московское правительство укрѣпило землю за тѣмъ, за кѣмъ она находилась въ моментъ ревизіи (Бестужевъ-Рюминъ), другіе допускаютъ редукцію какъ въ Швеціи, гдѣ, когда борьба правительства съ дворянами окончилась полнымъ абсолютизмомъ, она приводилась съ неумолимою суровостью. Хотя такой редукціи у насъ не было, однако нельзя согласиться и съ первымъ, такъ какъ мы находимъ ясные и несомнѣнные признаки ея.

гоустройству. Положеніе служилыхъ фактически было чрезвычайно тяжело. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ «воровали» «оставались въ нѣтяхъ», т. е. не являлись по призыву на службу и это сходило съ рукъ по слабости надзора. Другіе же добросовѣстно служили, а служить имъ, между тѣмъ, какъ тогда говорили, было «не съ чего». И вотъ въ 1632 г. московскіе дворяне (т. е. высшій разрядъ дворянства) били челомъ, что на войну идти не могутъ: у однихъ нѣтъ земель, а у другихъ и есть, да пусты,—крестьянъ нѣтъ, а если и есть, то 3, 4, 5, или 6 душъ всего, а этого для службы слишкомъ мало. Правительство велѣло разобрать ихъ челобитья, причемъ признало, что служить помѣщикъ можетъ только *съ 15-ти крестьянъ*. Любопытно, что на соборѣ 1642 г. это число самими дворянами опредѣляется не 15-ью, а 50. Но если положеніе лучшаго дворянства было таково, то еще хуже было положеніе нисшихъ его слоевъ. Это мы видимъ изъ многихъ документовъ того времени и между прочимъ изъ челобитья, которое въ 1641 г. дворяне разныхъ городовъ, бывшіе на Москвѣ, подали объ улучшеніи ихъ быта. Они, описывая свое печальное экономическое положеніе, между прочимъ, указывали на то, что много дворянъ «не хотятъ съ ними государевы службы служити и бѣдности терпѣти и—*идутъ въ холопство*». Уже Судебникъ 1550 г. запрещаетъ находящимся на службѣ «верстанымъ» дворянамъ идти въ холопы, а теперь въ 1642 г. въ отвѣтъ на челобитье правительство запретило это и всѣмъ дворянамъ вообще. Переходъ дворянъ въ холопы, предпочтеніе зависимаго холопьяго состоянія свободному положенію землевладѣльца, конечно, рѣзкій признакъ тяжелаго экономическаго положенія. Сами дворяне склонны были видѣть причины своего положенія въ тяжести службы и въ злоупотребленіяхъ по службѣ, именно въ неравномѣрномъ распредѣленіи служебныхъ тяготъ между дворянами (на что они и указывали на соборѣ 1642 г.), а затѣмъ въ малой устойчивости крестьянскаго труда, которымъ они только и могли держаться. О такомъ то положеніи крестьянскаго труда говоритъ замѣчательное челобитье 1646 г. оно въ значительной степени посвящено незаконному переходу и переводу крестьянъ и кабальныхъ людей. Та борьба за крестьянина, которая шла въ XVI в., продолжается и въ XVII в.

Въ нашей бесѣдѣ о крестьянствѣ XVI в. мы пришли къ тому выводу, что подъ такъ называемымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ концѣ XVI в. нельзя разумѣть общей государственной мѣры, закрѣплявшей цѣлое сословіе, а нужно видѣть только ограниченіе перехода нѣкоторой части крестьянства и ограниченіе территоріи для перехода (указы Бориса Годунова). Въ XVII в. крестьяне переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому и заключаютъ съ ними такія же порядныя, какъ въ XVI в., но рядомъ съ этимъ есть разрядъ крестьянъ, которые переходить по закону уже не могутъ, а бѣгутъ и выводятся беззаконно. Трудно объяснить, что за разница была между этими двумя разрядами крестьянъ въ XVII в., на чемъ одни изъ нихъ основывали свое право свободнаго выхода, и на какомъ основаніи другіе были лишены этого права? Въ положеніи крестьянъ времени Михаила Θеодоровича для насъ еще очень много неяснаго, но вѣроятнѣе всего, что

въ основѣ такого дѣленія крестьянства лежали экономическія обстоятельства, денежныя ихъ отношенія къ замлевладѣльцамъ. Бѣглымъ крестьяниномъ становится тотъ, кто долженъ былъ уйти съ разсчетомъ, а ушелъ безъ него. Такихъ искали и возвращали къ старымъ землевладѣльцамъ въ XVI в. безъ срока, потомъ въ теченіи 5 лѣтъ послѣ побѣга (по указу 1597 г.), послѣ чего бѣжавшій былъ свободенъ. Но такъ какъ дворяне желали и просили увеличенія этого срока, то Михаилъ Θеодоровичъ въ 1615 и 1637 гг. въ видѣ частныхъ льготъ для нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ измѣняетъ эту давность на десятилѣтнюю. А въ 1642 г., благодаря дворянскому челобитью 1641 г., въ которомъ дворяне просили рѣшительной отмѣны срока, десятилѣтній срокъ становится уже общимъ правиломъ для бѣглыхъ крестьянъ, а пятнадцатилѣтній для крестьянъ, вывезенныхъ насильно другимъ землевладѣльцемъ. Это увеличеніе сроковъ шло, конечно, въ пользу помѣщиковъ для лучшаго ихъ обезпеченія, въ видахъ лучшаго исполненія ими службы. Здѣсь интересы крестьянъ принесены въ жертву интересамъ служилаго сословія.

Въ XVII в. встрѣчаются уступки и продажи крестьянъ безъ земель. Это совершалось такъ: если у одного помѣщика былъ убитъ крестьянинъ другого, то первый долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго однимъ изъ своихъ крестьянъ. Отсюда видно, что помѣщики владѣли крестьянами крѣпко. Однако не всѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Тѣ, которые не были вписаны въ писцовыя книги, а жили при своихъ родныхъ, могли переходить съ одной земли на другую и заключать порядныя. Но мы видимъ, что такой порядокъ продолжается недолго. Крестьяне заключаютъ договоры на вѣчныя времена а не на опредѣленные сроки. Вотъ то средство, которымъ помѣщики и остальную часть крестьянства закрѣпили за собою.

Перейдемъ теперь къ посадскимъ людямъ. Въ первой половинѣ XVII в. между крестьяниномъ, пахавшимъ въ уѣздѣ и посадскимъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на посадѣ, не было никакихъ почти различій по праву: посадскій могъ перейти въ уѣздъ на пашню, а крестьянинъ сѣсть въ посадѣ и торговать или промышлять. Разница была только въ томъ, что крестьянинъ платилъ подать съ земли, а посадскій—съ «двора». Руководясь этимъ только признакомъ, мы не можемъ говорить объ особомъ классѣ посадскихъ людей. Малочисленность этихъ послѣднихъ была просто поразительна. Во многихъ городахъ въ XVII в. совсѣмъ не было посадскихъ людей: въ Алексинѣ, напр. около 1650 г. «былъ посадскій человѣкъ», пишетъ воевода, «и тотъ умеръ». «На Кранивнѣ», пишетъ другой воевода «посадскихъ людей только три человѣка», и тѣ худы (т. е. бѣдны). Въ самой Москвѣ число посадскихъ послѣ смуты стало втрое меньше, чѣмъ было до нея. Малочисленность торговаго и промышленнаго класса указываетъ на слабое развитіе промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. Упадокъ торговли и промышленности въ XVI в. мы уже имѣли случай отмѣтить въ своемъ мѣстѣ. Что же обусловило продолженіе этого упадка и теперь въ первой половинѣ XVII в.? Конечно смута и печальныя послѣдствія этой эпохи—всеобщее раззореніе, далѣе тяжелыя

подати, сборы пятой и десятой деньги, насилія администраціи, затѣмъ сюда надо присоединить монополіи казны (напр. относительно продажи хлѣба за границу), откупа, наконецъ, отсутствіе частныхъ капиталовъ (исключеніе составляли только Строгановы). Далѣе, не послѣднимъ фактомъ, мѣшавшимъ поднятію русской торговли была, конкуренція иностранцевъ: англичанъ, которые въ самомъ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича получили право безпошлинной торговли внутри государства, и голландцевъ, которымъ съ 1614 г. дозволено было также торговать внутри страны съ половинной пошлиной. И вотъ съ 1613 и до 1649 г. мы видимъ рядъ челобитій русскихъ торговыхъ людей объ отнятіи торговыхъ льготъ у иностранцевъ. Жалуясь на плохое состояніе своихъ дѣлъ, они во всемъ винятъ иностранную конкуренцію. Хотя и не одна эта конкуренція вызывала упадокъ русской торговли, однако дѣйствительно въ XVII в. русскіе рынки попали въ иностранныя руки и это отзывалось плохо на оборотахъ русскаго торговаго класса. Почему въ льготномъ положеніи иностранныхъ купцовъ правительство видѣло пользу страны, рѣшить трудно.

Гораздо понятнѣе и правильнѣе поступало московское правительство, призывая на льготныхъ условіяхъ промышленниковъ иностранцевъ. Оно руководилось стремленіемъ привить въ Россіи разные промыслы, до тѣхъ поръ неизвѣстные. Среди промышленныхъ иностранцевъ на Руси мы встрѣчаемъ прежде всего такъ называемыхъ «рудознатцевъ», оружейниковъ и литейщиковъ. Такъ въ 1640 г. англичанинъ *Картрейтъ* взялся искать въ окрестностяхъ Москвы золотую и серебряную руду, но, конечно, ничего не нашелъ и долженъ былъ заплатить по своему обязательству всѣ издержки, сдѣланныя по этому поиску; а черезъ два года *Борисъ Рѣпнинъ* съ рудознатцами ѣздилъ въ Тверь для отыскиванія золотой руды, но его предпріятіе тоже не увѣнчалось успѣхомъ. Отыскивая руды, правительство заботилось тоже объ оружейномъ и литейномъ дѣлѣ: еще съ XVI в. Тула была извѣстна выдѣлкою оружія, а въ 1632 г. голландскій купецъ *Виніусъ* получилъ позволеніе построить тамъ заводъ для литья пушекъ, ядеръ и т. п.; въ товарищество къ нему впослѣдствіи вступилъ Марселисъ. Затѣмъ нѣсколько позже были посланы за границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Эмрендорфъ для найма мастеровъ, знающихъ литейное дѣло. Торговыя льготы и вообще гостепріимное отношеніе къ иностранцамъ московскаго правительства, ожидавшаго отъ нихъ экономической пользы для страны, привлекало въ страну много иноземцевъ. По отзыву бывшаго въ Москвѣ при Михаилѣ Өеодоровичѣ гольштинца Олеарія до 1,000 протестантскихъ семействъ жило тогда въ Москвѣ (съ протестантами наши предки уживались какъ-то легче, чѣмъ съ католиками). Къ иностранцамъ-промышленникамъ русскіе люди относились гораздо лучше, чѣмъ къ иностранцамъ-купцамъ, находили, что у нихъ есть чему поучиться.

Вотъ краткій обзоръ того, чѣмъ думало правительство Михаила Өеодоровича достигнуть поднятія экономическаго быта государства и улучшенія своихъ финансовъ.

И такъ, повторяемъ, въ правительственной дѣятельности времени Михаила Өеодоровича главной цѣлью было успокоеніе взволнованнаго смутой государства и этой цѣли правительство думало достигнуть двумя путями: 1) истребленіемъ административныхъ злоупотребленій и 2) мѣрами, направленными къ поднятію общаго благосостоянія.

Надо замѣтить, что при этомъ московскими правительственными людьми руководилъ, можетъ быть сознательно, а можетъ быть и безсознательно, одинъ принципъ: все должно быть по старинѣ, такъ, какъ было при прежнихъ царяхъ. Руководясь этимъ они ничего не хотѣли реформировать и вновь учреждать: возстановляя государство послѣ смуты они шли къ старымъ образцамъ и дѣйствовали старыми средствами.

Но московское правительство ни цѣлей своихъ не достигло вполнѣ, ни принципа своего ни провело строго. Возвращаясь къ старинѣ, возстановляя весь старый механизмъ управленія московскіе люди не думали что-либо мѣнять и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, напр., въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ власти временной становится постоянною и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскою властью. Далѣе, держась по старому помѣстной системы, торопясь привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ, «чего при старыхъ великихъ государяхъ не было». Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе служилому классу, все болѣе и болѣе обезпечивая его положеніе, мало по малу приходятъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, рейтарскіе полки. Въ войскѣ Шеина, шедшемъ въ 1632 г. подъ Смоленскъ было уже 15.000 регулярнаго войска, устроеннаго по иноземному. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно для доказательства, того, что дѣятельность правительства Михаила Өеодоровича, будучи по идеѣ консервативной, на фактѣ, по своимъ результатамъ была, если только умѣстно это слово, реформаціонной. Такимъ образомъ результаты противорѣчили намѣреніямъ; случилось же это потому, что смута внесла въ общественную жизнь и ея отношенія много такихъ перемѣнъ, которыя дѣлали невозможнымъ поворотъ къ старому, хотя это быть можетъ и не сознавалось современниками. Такъ смута создала для русскаго общества совсѣмъ исключительное положеніе въ государственныхъ дѣлахъ: земскій Соборъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ признавался существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, а въ этомъ фактѣ никакъ нельзя усмотрѣть консервативной тенденціи, ибо въ XVI в. верховная власть не могла такъ смотрѣть на соборы, какъ смотрѣлъ на нихъ Михаилъ Өеодоровичъ. И никто не противорѣчилъ этому факту общественнаго участія въ дѣлахъ государства, пока новыя условія жизни не упразднили его (см. Бѣляевъ, «Положеніе русскаго общества въ царствованіе Михаила Өеодоровича). По словамъ Бѣляева, съ 1613 г. во все время царствованія Михаила Өеодоровича власть государя стояла на ряду съ властью русской

земли; всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по царскому указу и соборному уложенію, о чемъ постоянно свидѣтельствуютъ окружныя грамоты, посылаемыя отъ имени собора.

Итакъ правительству Михаила Θеодоровича не удалось быть вѣрнымъ старинѣ, не удалось ему и добиться своей цѣли, т. е. исправить администрацію и устроить благосостояніе. Не смотря на это оно сдѣлало много, даже чрезвычайно много; внѣшніе враги Руси, Польша и Швеція, снова стали видѣть въ Москвѣ сильнаго врага; казачество смирилось, внутри страны стали забывать о смутѣ. Но экономически государство было такъ расшатано, что и въ концѣ царствованія Михаила Θеодоровича на земскихъ соборахъ въ 1632—34 г.г. (по поводу Польской войны) и 1637 г. (о Турецкихъ дѣлахъ) обнаруживается недостатокъ средствъ и даже людей у правительства. Въ 1632—33 г.г. по земскому приговору снова собирается пятая или «пятинная деньга» (такого рода сборъ производится уже третій разъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ) и она даетъ въ суммѣ менѣе чѣмъ давала прежде. На соборѣ же 1642 г. (по поводу Азовскаго вопроса) передъ правительствомъ очень ясно вскрылись нужды и желанія сословій. До насъ дошли письменныя мнѣнія или «сказки», представителей этого собора относительно Азовскаго дѣла. Особенно интересны «сказки» низшихъ служилыхъ и тяглыхъ людей. Первые въ своихъ сказкахъ обнаружили замѣчательный, по тому времени, политическій смыслъ и представляли цѣлые военные и финансовые проэкты. Собору было предложено два вопроса по поводу Азова: 1) принять ли Азовъ отъ Донскихъ казаковъ? 2) если принять, то какими средствами держать его? На первый вопросъ духовенство и меньшинство выборныхъ не дало своего опредѣленнаго мнѣнія, предоставляя рѣшеніе волѣ государя,—«а въ пріемкѣ города Азова, въ томъ его государева воля», говорятъ они. Остальное же большинство выбраныхъ прямо высказалось за принятіе Азова и, слѣдовательно, за разрывъ съ Турецкимъ султаномъ. Второй вопросъ былъ разработанъ членами собора, особенно мелкимъ дворянствомъ, очень обстоятельно. Но въ данную минуту для насъ всего интереснѣе тѣ мнѣнія выборныхъ, которыя на ряду съ проэктами защиты Азова, указываютъ правительству на всеобщую раззоренность и на злоупотребленія администраціи, единаго класса, которому жилось хорошо въ тѣ тяжелыя времена. Вотъ что говорятъ, между прочимъ, городскіе дворяне о дьякахъ: «твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и дома свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя, блаженной памяти при прежнихъ государяхъ у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить». Далѣе вотъ какъ рисуется положеніе торговаго класса, «мы халопы твои, гостишки и гостинной и суконной сотни торговые людишки городовые питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно и отъ безпрестанныхъ службъ

и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца, а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованіемъ съ великою прибылью,—гдѣ сбиралась при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше, а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы Нѣмцы и Кизильбашцы» (Персіяне). Одинаково интересна и «сказка» самыхъ мелкихъ — черныхъ сотенъ людей: «мы сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ и отъ пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ Государю въ Смоленскую службу (въ 1632—33 г.г.) и отъ поворотныхъ (съ воротъ, двора) денегъ и отъ городового земнаго дѣла и отъ твоихъ Государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь (выборныхъ) службъ, которыхъ мы, сироты, въ твоихъ государевыхъ, въ разныхъ службахъ на Москвѣ служили и гостьми и опричь гостей. И отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ». (Собр. Гос. Гр. и Дог. II № 113). Такія картины были недалеки отъ правды и не составляли большой новости для правительства. Жить было дѣйствительно трудно: государство требовало очень большихъ жертвъ, а обстоятельства не дозволяли сколько нибудь разжиться, разбогатѣть. Недовольное своимъ экономическимъ положеніемъ общество ищетъ причинъ своего раззоренія и, находя ихъ въ томъ или другомъ, бьетъ челомъ государю объ ихъ устраненія.

Разсматривая массу частныхъ и коллективныхъ челобитій средины XVII в. мы узнаемъ, чѣмъ особенно тяготилась и противъ чего вооружалась земщина. Служилые люди жаловались на тяжесть и неравномѣрность распредѣленія служебныхъ обязанностей между московскими и городскими людьми. Кромѣ того они были недовольны своимъ отношеніемъ къ крестьянству: крестьяне продолжали выбѣгать изъ за нихъ и отыскивать ихъ было трудно, несмотря на то, что при Михаилѣ Θеодоровичѣ была установлена для бѣглыхъ десятилѣтняя давность; крупные землевладѣльцы часто переманивали къ себѣ крестьянъ, результатомъ чего являлось неудовольствіе дворянства противъ бояръ и духовенства. Однимъ изъ пунктовъ недовольства дворянъ противъ духовенства было еще то, что послѣднее прибирало къ рукамъ земли служилыхъ людей, несмотря на запрещеніе 1584 г, а между тѣмъ съ выходомъ этихъ земель изъ службы, послѣдняя падала все тяжелѣе и тяжелѣе на остальную массу служилыхъ земель. Итакъ, облегченіе службъ и болѣе вѣрное обезпеченіе за собою крестьянскаго труда— вотъ заботы служилаго сословія.

Тяглые люди жаловались на тяжесть податей, кот. дѣйствительно большимъ бременемъ ложились на нихъ; особенно плохо приходилось

отъ сбора пятинной деньги, которая ихъ въ конецъ разоряла. Такого рода тяжелыя подати вызывали бѣгство тяглецовъ изъ общины, послѣдняя же, въ силу круговой поруки, должна была платить и за выбывшихъ членовъ. Для подобныхъ бѣглыхъ людей всегда былъ готовъ пріютъ въ боярскихъ и монастырскихъ владѣніяхъ, гдѣ существовали цѣлыя промышленныя слободы и вотъ бѣглые закладывались за бѣломѣстцевъ и, обходя такимъ путемъ законъ, освобождались отъ податной повинности. Вышеназванныя слободы, конкурируя въ торговлѣ и промыслахъ съ тяглыми общинами, еще болѣе подрывали благосостояніе послѣднихъ. Не ограничиваясь этимъ, бѣломѣстцы вторгались даже въ самые слободы и посады, покупая тамъ дворы и так. обр. обѣляя ихъ (т. е. освобождая ихъ отъ платежа податей). Так. обр. тяжесть податей и конкуренція въ промыслахъ были главнымъ зломъ для посада, кот. и стремился замкнуться такъ, чтобы и выходъ изъ общины и входъ въ нее были закрыты, а затѣмъ желалъ облегчить податную повинность. Мы уже видѣли, что собственно торговые люди имѣли еще новую непріятность въ видѣ торговой конкуренціи иностранцевъ.

Вообще же всѣ классы страдали одинаково отъ воеводскихъ насилій и приказной волокиты. Таково было положеніе общества, успѣвшаго избавиться отъ смуты и возстановить государство, когда умеръ Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Литературные памятники.

Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію фактовъ царствованія Алексѣя Михайловича, скажемъ нѣсколько словъ о литературныхъ памятникахъ, оставшихся отъ смутной эпохи и времени правленія Михаила Ѳеодоровича.

Протопопъ Терентій, личность интересная по своей безнравственности, полному отсутствію всякихъ принциповъ, служившій въ одно и то же время и Шуйскому и Лжедмитрію, оставилъ разсказъ «***О видѣніи въ Успенскомъ Соборѣ***», гдѣ разсказывается, что кто-то видѣлъ Христа, сидящимъ на престолѣ и грозящимъ истребить Русь за ея грѣхи и невѣріе. Это повѣствованіе вызвало на Руси трехдневный постъ.

Въ 1608 г. появилась «***Повѣсть приказнаго человѣка***», описывавшаго свое путешествіе и видѣвшаго знаменіе, предвѣщавшее близкое паденіе Шуйскаго.

Въ 1611 г. появилось «***Подметное письмо***», призывавшее жителей Москвы къ возстанію противъ Поляковъ.

Въ 1612 г. на окраинахъ Русскаго государства составленъ былъ плачъ «***О судьбѣ Московскаго государства***», рисующій критическое положеніе Руси и сожалѣющій объ ея паденіи.

Во время царствованія Михаила Ѳеодоровича очень многіе обращались къ смутной эпохѣ. Первый по времени литературный трудъ принадлежитъ Авраамію Палицыну, кот. въ 1620 г. соединилъ свои сочиненія въ одну книгу «***Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря***». Сборникъ начинается повѣствованіемъ о времени Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, В. Шуйскаго, далѣе слѣдуетъ разсказъ

объ осадѣ монастыря, объ изгнаніи Поляковъ изъ Москвы и походъ Владислава въ 1618 г. Это сочиненіе носитъ чисто публицистическій характеръ. Довѣрять этому автору вполнѣ нельзя. И. Е. Забѣлинъ въ своемъ трудѣ «Мининъ и Пожарскій» справедливо доказываетъ, что истина не всегда была исключительной цѣлью Авраамія Палицина. Слишкомъ много значенія онъ придаетъ въ дѣлахъ смуты и себѣ и своему монастырю и отъ этого обвиненія не освобождаетъ Палицына страстная апологія, написанная въ 1880 г. *Кедровымъ* (*Кедровъ «Авр. Палицынъ» М, 1880*). Однако не смотря на пристрастіе Палицына, его сказаніе богато историческимъ содержаніемъ, хотя его извѣстія иногда затемняются крайне риторическимъ изложеніемъ. Цѣль этого произведенія оправдать поведеніе Авраамія Палицына: онъ скомпрометировалъ себя тѣмъ, что принялъ подачку и милость отъ Сигизмунда и уѣхалъ изъ посольства на Русь *). Какъ ни старались оправдать его защитники, однако онъ по пріѣздѣ Филарета въ Москву, долженъ былъ отправиться въ Соловецкій монастырь и сложить съ себя должность келаря. Это сказаніе тщательно разработано, оцѣнено и имѣетъ большую литературу.

Не такъ посчастливилось другому историку-князю Котыреву-Ростовскому написавшему «*Повѣсть о смутѣ*». Авторъ обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Повѣсть эта до послѣдняго времени приписывалась перу Сергѣя Кубасова. Написана она въ 1626 г. довольно витіевато и торжественно, но была передѣлана, какъ думаютъ, оффиціально и стала извѣстна подъ именемъ «*Рукописи Филарета*». Объ этой рукописи историки отзываются какъ о поэмѣ. Дѣйствительно она производитъ впечатленіе поэмы, но чрезвычайно умной. Котыревъ-Ростовскій былъ виднымъ административнымъ и военнымъ дѣятелемъ въ смуту и при Михаилѣ Θеодоровичѣ, принималъ участіе въ убіеніи Лжедмитрія, въ 1608 г. измѣнилъ царю Василію Шуйскому, былъ сосланъ въ Сибирь, пробылъ тамъ до 1611 г. въ званіи Тобольскаго воеводы, вернулся въ Москву къ тому времени, когда зашелъ вопросъ объ избраніи царя и здѣсь дѣятельно поддерживалъ Михаила Θеодоровича. Однако карьеры своей онъ уже не могъ поправить, хотя и занималъ довольно видныя должности, причиной этого было то, что на Москвѣ помнили хорошо его измѣну Шуйскому: умеръ онъ въ 1641 г. бездѣтнымъ. Котыревъ-Ростовскій лично наблюдалъ важныя событія смуты, видѣлъ избраніе въ цари Бориса и Михаила Θеодоровича, но къ величайшему сожалѣнію его личныя впечатлѣнія мало отразились въ объективномъ изложеніи его благочестивой «Повѣсти» и только внимательное чтеніе открываетъ въ ней слѣды личныхъ симпатій и антипатій автора.

Сочиненіемъ Котырева-Ростовскаго пользовался князь Шаховской, которому принадлежатъ «*Записки отъ 1601 до 1649 г. г.*». Самъ онъ отличался литературною плодовитостью, писалъ посланія о разныхъ вопросахъ, богословскія разсужденія, *составилъ канонъ русскихъ чудотворцевъ, написалъ акаѳистъ св. Сергію*, описалъ «*Перенесеніе ризы*

*) Изъ-подъ Смоленска, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ В. В. Голицынымъ и Филаретомъ.

Господней въ Москву» и отправилъ *увѣщательное посланіе къ Персидскому шаху*. Обращаясь къ историческому сюжету мы находимъ три повѣсти, которыя отличаются общимъ недостаткомъ: въ нихъ приводится больше цитатъ, чѣмъ другихъ свѣденій. Ошибочны также взгляды и на Бориса Годунова.

Третій историкъ-*Хворостининъ*. Его считали за вольнодумца и еретика. О немъ извѣстно, что онъ былъ въ ссылкѣ за то, что читалъ латинскія письма и напился пьянымъ во время заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе, онъ былъ два раза подъ судомъ. Въ первый разъ онъ былъ сосланъ Шуйскимъ за близость къ самозванцу и сочувствіе къ Полякамъ. Хворостининъ отличался чванливостью, заносчивостью и эти качества онъ сохранилъ и во время ссылки. Но въ смутѣ онъ не игралъ важной роли, а своею безнравственностью испортилъ карьеру и на будущее время. Онъ былъ выразителемъ сочувствія къ формамъ польской жизни, къ русской же жизни относился отрицательно. За это отрицательное отношеніе онъ былъ сосланъ вторично въ монастырь. Ему написали: «*Отеческое увѣщаніе*», заставили подписать его и взяли клятву въ томъ, что онъ будетъ поступать согласно преподаннымъ наставленіямъ. Умеръ онъ въ 1625 г. Мемуары его, относящіеся ко времени смуты дошли до насъ въ отрывкѣ. Мѣстами эти мемуары представляютъ личныя воспоминанія автора, мѣстами же переходятъ въ историческое повѣствованіе; они богаты лирическими отступленіями и благочестивыми разсужденіями и заключаютъ въ себѣ любопытнѣйшія характеристики царя Бориса и патріарха Гермогена, которыхъ Хворостининъ очень уважаетъ. Шуйскаго же онъ очень не любитъ. Самомнѣніе Хворостинина, въ которомъ его упрекалъ князь Шаховской (тоже замѣтный писатель XVII в.), проглядываетъ кое-гдѣ въ его запискахъ.

Рядомъ съ частными историческими воспоминаніями о смутѣ Московское правительство вело полную лѣтопись событій; это—«*Новый лѣтописецъ*».—Онъ начался при патріархѣ Іовѣ, продолжался при слѣдующихъ патріархахъ и закончился при Филаретѣ. Составленъ онъ былъ изъ погодныхъ замѣтокъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича начали составляться и житія Дмитрія царевича. Ихъ существуетъ три редакціи. Собственно житія святыхъ не выдаются въ XVII в. какъ историческій источникъ. Въ нихъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ и книжники ихъ слогавшіе слѣпо повторяютъ пріемы знаменитыхъ слогателей житій XV вѣка Епифанія и Пахома. Въ XVII в. мы встрѣчаемъ за то стремленіе къ своду житій въ одно цѣлое. Такихъ попытокъ составленія Миней Четьихъ было нѣсколько. Существуютъ Минеи Германа Тулупова, монаха изъ Старицы, составленныя имъ въ 1627 г.—1632 г. по порученію Троицкаго архимандрита Діонисія. Тулуповъ часто приводитъ одну за другою разныя редакціи одного и того же житія безо всякихъ измѣненій, что очень удобно для историка. Далѣе сохранились Минеи Іоанна Михютина, попа изъ Троицкаго посада; надъ составленіемъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ трудились и его сыновья. Сводъ этотъ, нѣсколько сокращенный, болѣе обдуманъ и обработанъ и представляетъ менѣе интереса

для историка. Третьимъ сводомъ въ XVII вѣкѣ являются Минеи св. Дмитрія Ростовскаго, впервыя напечатанныя въ 1689—1705 гг. и принятыя въ церковномъ обиходѣ.

При Михаилѣ же Ѳеодоровичѣ началась литературная дѣятельность лучшаго стилиста XVII вѣка Симона Азарьина. Когда попадется его книга «*О новоявленныхъ чудесахъ Сергія*», то можно вполнѣ поручиться что вы прочтете ее до конца. Такъ живо и увлекательно его повѣствованіе. Онъ первый сообщаетъ, что Мининъ началъ возбуждать народъ идти на освобожденіе Москвы, потому именно, что Сергій явился ему во снѣ съ приказаніемъ идти противъ поляковъ. Это сочиненіе послужило предметомъ горячей полемики между Забѣлинымъ и Костомаровымъ съ одной стороны и Кедровымъ съ другой. Симону же Азарьину принадлежитъ житіе Діонисія, архимандрита Троицко-Сергіева монастыря. Личность Діонисія рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Симонъ Азарьинъ отбрасываетъ въ этомъ сочиненіи всѣ стилистическія особенности и тонкости, напираетъ преимущественно на фактическую сторону, изъ чудесъ приводитъ только такія, которыя имѣютъ историческое значеніе. Написавъ житіе онъ отдалъ его на поправленіе ключарю Ивану Насѣдкѣ, который кое-что въ строкахъ поправилъ и написалъ добавки.

Алексѣй Михайловичъ.

1645—1676.

Въ 1645 г. скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а черезъ мѣсяцъ, умерла и жена его, такъ что Алексѣй Михайловичъ остался сиротой. Ему было всего 16 лѣтъ и, конечно, онъ не самостоятельно началъ свое замѣчательное царствованіе: первые три года государствомъ правилъ его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Морозовъ былъ человѣкъ несомнѣнно способный, но, какъ умно выразился Соловьевъ, «не умѣвшій возвыситься до того, чтобы не быть временщикомъ». Три года продолжалось его «время», время лучшее, чѣмъ при Салтыковыхъ, но все-таки темное.

На бѣдную, еще слабую средствами Русь при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства наложили столько государственныхъ задачъ, поставили столько вопросовъ, требовавшихъ немедленно отвѣта, что невольно удивляешься исторической содержательности царствованія Алексѣя Михайловича.

Прежде всего внутреннее неудовлетворительное положеніе государства ставило правительству массу вопросовъ *юридическихъ и экономическихъ*. Выражаясь въ челобитьяхъ и волненіяхъ (т. е. пользуясь кк. законными, такъ и незаконными путями) при чемъ волненія доходили до размѣровъ Разинскаго бунта, оно вызвало усиленную *законодательную дѣятельность*, напряженность которой насъ положительно удивляетъ. Эта дѣятельность выразилась въ Уложеніи, въ Новоторго-

вомъ уставѣ, въ изданіи Кормчей книги и, наконецъ, въ массѣ частныхъ законоположеній.

Рядомъ съ крупными вопросами юридическими и экономическими поднялись *вопросы религіозно-нравственные:* вопросъ объ исправленіи книгъ и обрядовъ, перейдя на почву догмата, окончился, какъ извѣстно, расколомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сплелся съ вопросомъ о заимствованіяхъ и объ ограниченіи національности. Рядомъ съ этимъ выплылъ вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, ясно проглядывавшій въ дѣлѣ Никона, въ отношеніяхъ послѣдняго къ царю.

Кромѣ внутреннихъ вопросовъ въ это время назрѣлъ *политическій* вопросъ, исторически очень важный—вопросъ о Малороссіи. Съ ея присоединеніемъ начался процессъ присоединенія Руси съ отпавшими отъ нея областями и присоединеніе Малороссіи, так. обр. было первымъ шагомъ со стороны Москвы въ дѣлѣ ея исторической миссіи, къ тому же шагомъ удачнымъ. До сихъ поръ Литва и Польша играли въ отношеніи Руси наступательную роль; съ этихъ поръ она переходитъ къ Москвѣ.

Со всѣми этими задачами Москва, еще слабая, еще не готовая къ ихъ рѣшенію, однако, справлялась: государство, на долю котораго приходилось столько труда, не падало, а росло и крѣпло и въ 1676 г. оно было совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ 1645 г. оно стало гораздо крѣпче какъ въ отношеніи политическаго строя, такъ и въ отношеніи благосостоянія.

Только признаніемъ за Московскимъ государствомъ способности къ исторической жизни и развитію можно объяснить общія причины этого утѣшительнаго явленія. Это былъ здоровый организмъ, имѣвшій свои историческія традиціи, если не сознаваемыя, то все-таки чувствуемыя, упорно преслѣдовавшій сотнями лѣтъ свои цѣли.

Внутренняя дѣятельность правительства Алексѣя Михайловича.

Князь Яковъ Долгорукій, человѣкъ помнившій время Алексѣя Михайловича, часто говорилъ Петру Великому: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ томъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей—три: первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе,—«*въ семъ отецъ твой болѣе нежели ты сдѣлалъ*». Эти слова показываютъ, какое высокое мнѣніе сложилось у ближайшихъ потомковъ «тишайшаго» царя о его законодательной дѣятельности; его ставили даже выше Петра, хотя послѣдній въ нашихъ глазахъ своими реформами и переросъ отца.

Къ сожалѣнію вышеприведенныя слова Долгорукаго не могутъ быть относимы къ первымъ тремъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича, когда дѣла государства находились въ рукахъ вышеупомянутаго Морозова, который, будучи опытнымъ администраторомъ, не любилъ забывать себя и свою родню и часто общіе интересы приносилъ въ жертву своимъ выгодамъ. Бывъ съ 1629 г. дядькой Алексѣя Михайловича онъ пользовался большимъ вліяніемъ на него и большою

любовью Алексѣя. Имѣя въ виду обезпечить свое положеніе, онъ отстраняетъ родню покойной царицы и окружаетъ молодого царя «своими». Далѣе въ 1648 г. временщикъ роднится съ царемъ, женясь на Милославской, сестрѣ государевой жены. Опираясь на родство съ царемъ и на расположеніе Морозова, царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій, человѣкъ въ высшей степени корыстный, старался замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими, не менѣе корыстолюбивыми чѣмъ онъ, родственниками. Между послѣдними особую ненависть народа навлекли на себя своимъ лихоимствомъ начальникъ Пушкарскаго приказа—*Траханіотовъ* и судья Земскаго приказа—*Леонтьевъ*, дѣйствовавшіе для одной и той же цѣли слишкомъ уже явно и грубо. Въ началѣ лѣта 1648 года это вызвало общій ропотъ въ Москвѣ, случайно перешедшій въ открытое волненіе. Царь лично успокоилъ народъ, обѣщая ему правосудіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ отослать Морозова изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, а Траханіотовъ и Леонтьевъ были казнены. Въ связи съ московскими волненіями лѣтомъ, въ іюлѣ, произошли безпорядки въ Сольвычегодскѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: для сбора податей въ Сольвычегодскъ былъ посланъ подъячій Ѳеодоръ Приклонскій, вымогавшій деньги жестокимъ правежомъ, отъ котораго жители задумали откупиться посредствомъ взятки. Въ это время прошелъ слухъ о Московскихъ волненіяхъ и казни Траханіотова и Леонтьева, кк. результатѣ бунта. Заключивъ, что на грабителей нашлась управа, Сольвычегодцы, жалѣя денегъ, истраченныхъ на взятку, стали требовать ихъ у подъячаго обратно. Послѣдній денегъ, конечно, не отдавалъ. Тогда взволновавшійся народъ сталъ расправляться съ нимъ по своему: полумертвый Приклонскій былъ едва спасенъ матерью Ѳеодора Строганова изъ рукъ толпы. Въ то же лѣто произошелъ бунтъ въ Устюгѣ, причина котораго была тождественна причинѣ, вызвавшей волненіе въ Сольвычегодскѣ съ тою разницею, что здѣсь сумма, данная подъячему Михайлову, была крупнѣе.

Вскорѣ послѣ Московскихъ безпорядковъ правительство рѣшило приступить къ составленію законодательнаго кодекса. Это рѣшеніе невольно связывается въ нашемъ представленіи съ недавними безпорядками: такой давно невиданный фактъ кк. открытый безпорядокъ въ Москвѣ, конечно, настойчивѣе и яснѣе показалъ необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства. Такъ понималъ и тогда патріархъ Никонъ, онъ говорилъ, между прочимъ слѣдующее:

«Всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ (объ Уложеніи) не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Что въ то время (т. е. въ 1648—49 г.г.) Въ Москвѣ дѣйствительно чувствовали себя неспокойно, есть много намековъ. Въ началѣ 1649 г. одинъ изъ Московскихъ посадскихъ Савинка Корѣпинъ осмѣлился даже утверждать, что Морозовъ и Милославскій не сослали князя Черкасскаго «боясь насъ (т. е. народа), для того, что *весь міръ качается*».

Необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства чувствовалась на каждомъ шагу, въ каждую минуту и правительствомъ

и народомъ. О ней говорила вся жизнь и вопросомъ празднаго любопытства кажется вопросъ о томъ, когда было подано челобитье о составленіи кодекса, о которомъ (челобитьи) упоминается въ предисловіи къ Уложенію (этимъ вопросомъ много занимается Загоскинъ, одинъ изъ видныхъ изслѣдователей этого памятника). Причины, заставлявшія желать пересмотра законодательства, были двояки. Прежде всего была потребность кодификаціи законодательнаго матерьяла, чрезвычайно безпорядочнаго и случайнаго. Съ конца XV в. Московское государство управлялось Судебникомъ Ивана III, частными царскими указами и, наконецъ обычаемъ «пошлиною» государственною и земскою. Судебникъ былъ преимущественно законодательствомъ о судѣ и лишь мимоходомъ касался вопросовъ государственнаго устройства и управленія. Пробѣлы въ немъ постоянно пополнялись частными указами. Накопленіе ихъ послѣ Судебника повело къ составленію второго Судебника, именно Царскаго. Но и Царскій Судебникъ очень скоро сталъ нуждаться въ дополненіяхъ и потому дополнялся частными указами на разные случаи. Эти указы называются часто «дополнительными статьями къ Судебнику». Они собирались въ приказахъ (каждый приказъ собиралъ статьи по своему роду дѣлъ) и затѣмъ записывались въ «Указныхъ книгахъ». Указной книгой приказные люди руководились въ своей административной или судебной практикѣ; для нихъ указъ, данный на какой-нибудь отдѣльный случай, становился прецедентомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и такимъ образомъ обращался въ законъ. Такого рода отдѣльныхъ законоположеній иногда противорѣчащихъ другъ другу къ половинѣ XVII в. набралось огромное число. Отсутствіе системы и противорѣчія съ одной стороны затрудняли администрацію, а съ другой—позволяли ей злоупотреблять закономъ. Народъ же, лишенный возможности знать законъ, много терпѣлъ отъ произвола и «неправедныхъ судовъ». Въ XVII ст. въ общественномъ сознаніи ясна уже потребность свести законодательство въ одно цѣлое, дать ему ясныя формулы, освободить его отъ балласта и вмѣсто массы отдѣльныхъ законовъ имѣть *одинъ кодексъ*.

Но не только кодексъ былъ тогда нуженъ. Мы видѣли, что послѣ смуты при Михаилѣ Θеодоровичѣ борьба съ результатами этой смуты, экономическимъ разстройствомъ и деморализаціей была неудачна. Въ XVII в. всѣ обстоятельства общественной жизни вызывали общую неудовлетворенность: каждый слой населенія имѣлъ свои pia desideria и ни одинъ изъ нихъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Масса челобитій того времени ясно показываетъ намъ, что не частные факты безпокоили просителей, а что чувствовалась нужда въ пересозданіи общихъ руководящихъ нормъ общественной жизни. Просили не подтвержденія и свода старыхъ законовъ, которые не облегчали жизни, а ихъ пересмотра и исправленія сообразно новымъ требованіямъ жизни; была необходимость *реформъ*.

Къ дѣлу составленія новаго кодекса были привлечены выборные земскіе люди, съѣхавшіеся на соборъ изъ 120 городовъ (minimum). Служилыхъ людей насчитывали на соборѣ около 150 человѣкъ, посадскихъ болѣе 100, духовенства же и московскихъ служилыхъ людей

было мало. Боярская дума, конечно, участвовала въ соборѣ въ полномъ своемъ составѣ. По полнотѣ представительства этотъ соборъ можно назвать однимъ изъ удачнѣйшихъ земскихъ соборовъ. (Мы помнимъ, что на Соборѣ 1613 г. участвовали представители только 50 городовъ). Этимъ выборнымъ людямъ новое Уложеніе было «чтено», какъ выражается предисловіе новаго кодекса.

Разсматривая этотъ кодексъ, или, какъ его называли «Уложеніе» мы замѣчаемъ, что это, во-первыхъ, не Судебникъ, т. е. не законодательство исключительно о судѣ, а кодексъ всѣхъ законодательныхъ нормъ, выраженіе дѣйствующаго права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго. Состоя изъ 25 главъ и почти тысячи статей, Уложеніе занимаетъ собою всѣ сферы государственной жизни. Это былъ *сводъ законовъ*, составленный изъ старыхъ Русскихъ постановленій съ помощью права Византійскаго и Литовскаго, причемъ Литовскій Статутъ особенно ощутительно отразился на Уложеніи.

Во-вторыхъ, Уложеніе представляетъ собою не механическій сводъ стараго матерьяла а его переработку; оно содержитъ въ себѣ многія новыя законоположенія и, когда мы всматриваемся въ характеръ ихъ и соображаемъ ихъ съ положеніемъ тогдашняго общества, то замѣчаемъ, что новыя статьи Уложенія не всегда служатъ дополненіемъ или исправленіемъ частностей прежняго законодательства; онѣ, напротивъ, часто имѣютъ характеръ крупныхъ общественныхъ реформъ и служатъ отвѣтомъ на общественныя нужды того времени.

Такъ, Уложеніе отмѣняетъ урочныя лѣта для сыска бѣглыхъ крестьянъ и тѣмъ окончательно прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ. Отвѣчая этимъ настоятельной нуждѣ служилаго сословія. Уложеніе является тѣмъ самымъ крупною реформою одной изъ сторонъ общественной жизни. Далѣе, оно запрещаетъ духовенству пріобрѣтать вотчины. Еще въ XVI в. шла борьба противъ права духовенства пріобрѣтать земли и владѣть вотчинами. На это право боярство, да и всѣ служилые люди смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ. И вотъ сперва въ 1580 г. было запрещено вотчинникамъ передавать свои вотчины во владѣніе духовенства по завѣщанію «на поминъ души», а въ 1584 г. были запрещены и прочіе виды пріобрѣтенія духовенствомъ земель. Но духовенство, обходя эти постановленія, продолжало собирать значительныя земли въ своихъ рукахъ. Неудовольствіе на это служилаго сословія прорывается въ XVII в. массою челобитныхъ, направленныхъ противъ землевладѣльческихъ привилегій и злоупотребленій духовенства вообще и монастырей въ частности. Уложеніе удовлетворяетъ этимъ челобитьямъ, запрещая какъ духовнымъ лицамъ, такъ и духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать вотчины вновь (но прежде пріобрѣтенныя отобраны не были). Вторымъ пунктомъ неудовольствія противъ духовенства были различныя судебныя привиллегіи. И здѣсь новый законодательный сборникъ удовлетворилъ желанію населенія: онъ учреждаетъ Монастырскій Приказъ, которому съ этихъ поръ дѣлается подсуднымъ духовное сословіе наравнѣ съ свѣтскими людьми и ограничиваетъ прочія судебныя льготы духовенства.

Далѣе, Уложеніе впервые со всею послѣдовательностью закрѣп-

ляетъ и обособляетъ посадское населеніе, обращая его въ замкнутый классъ; такъ посадскіе становятся прикрѣпленными къ посаду. Изъ посада теперь нельзя уйти, за то и въ посадъ нельзя войти никому постороннему и чуждому тяглой общинѣ.

Изслѣдователи замѣчали, конечно, тѣсную связь между всѣми этими реформами и обычными жалобами земщины въ половинѣ XVII столѣтія но недавно только въ научное сознаніе вошла идея о томъ, что выборнымъ людямъ пришлось не только «слушать» Уложеніе, но и самимъ выработать его. По ближайшему разсмотрѣнію оказывается, что всѣ крупнѣйшія новины Уложенія возникли по коллективнымъ челобитьямъ выборныхъ людей, по ихъ иниціативѣ, что выборные принимали участіе въ составленіи и такихъ частей Уложенія, которыя существенно ихъ интересовъ не касались. Словомъ, оказывается, что во-первыхъ, работы по Уложенію вышли за предѣлы простой кодификаціи и во вторыхъ, что реформы, проведенныя въ Уложеніи, основывались на челобитьяхъ выборныхъ и проведены къ тому же согласно съ духомъ челобитій.

Здѣсь-то и кроется значеніе земскаго собора 1648—49 г.г.: насколько Уложеніе было реформой общественной, настолько оно въ своей программѣ и направленіи вышло изъ земскихъ челобитій и программъ. Въ немъ служилые классы достигли большаго, чѣмъ прежде обладанія крестьянскимъ трудомъ и успѣли остановить дальнѣйшій выходъ вотчинъ изъ служилаго оборота. Тяглыя посадскія общины успѣли добиться обособленія и защитили себя отъ вторженія въ посадъ высшихъ классовъ и отъ уклоненій отъ тягла, со стороны своихъ членовъ. Посадскіе люди этимъ самымъ достигли облегченія тягла, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Вообще же вся земщина достигла нѣкоторыхъ улучшеній въ дѣлѣ суда съ боярствомъ и духовенствомъ и въ отношеніяхъ къ администраціи. Торговые люди на томъ же соборѣ значительно ослабили конкуренцію иностранныхъ купцовъ посредствомъ уничтоженія нѣкоторыхъ льготъ. Такимъ образомъ, велико ли было значеніе выборныхъ 1648 года рѣшить не трудно, если судить по результатамъ ихъ дѣятельности. Оно было очень велико. Къ такому выводу пришли два нашихъ изслѣдователя, занимавшихся исторіей Уложенія: В. И. Сергѣевичъ и Н. П. Загоскинъ.

Въ дѣлѣ составленія Уложенія интересна между прочимъ, та частность, что готовыя статьи Уложенія обнародовывались въ видѣ отдѣльныхъ законоположеній и приводились въ исполненіе ранѣе выхода въ свѣтъ самаго Уложенія, напечатаннаго только въ маѣ 1649 г. Такимъ образомъ. въ Москвѣ знали о результатахъ законодательныхъ трудовъ комиссіи раньше 1649 г. и на многія реформы смотрѣли съ неодобреніемъ. Тѣ люди, противъ интересовъ которыхъ шли реформы, позволяли себѣ тихомолкомъ говорить непристойныя рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ волненіе въ Москвѣ было замѣтно настолько, что на 6-ое Января 1649 г. москвичи ждали безпорядковъ. Однако ихъ не было. Любопытно при этомъ, что недовольные реформами (много было недовольныхъ прикрѣпленіемъ посадскихъ) считали виновниками нововведеній «старыхъ непріятелей», Морозова и Милославскаго. Про нихъ

со злобой говорили, что «Государь молодой и глядитъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ».

Въ Москвѣ, однако, дѣло обошлось благополучно. Но черезъ годъ (въ началѣ 1650 г.) начались безпорядки въ Псковѣ, а за Псковомъ взволновался и Новгородъ. Бунтовали противъ бояръ (т. е. администраціи) и противъ Морозова съ его «пріятелями-нѣмцами». Въ это время по договору съ Швеціей правительство отпускало въ Швецію крупныя суммы денегъ и большіе запасы хлѣба. Вывозъ денегъ и хлѣба заграницу народъ счелъ за измѣну со стороны бояръ. «Бояре шлютъ хлѣбъ и деньги нѣмцамъ, а Государь того не вѣдаетъ», говорилъ народъ и задерживалъ «до государева указу» шведскихъ гонцовъ съ деньгами, а также не давалъ везти и хлѣбъ. Въ Новгородѣ мятежъ окончился скоро, но Псковскіе жители волновались гораздо упорнѣе. Замѣчательно, что во всѣхъ волненіяхъ начала царствованія Алекс. Мих. преимущественно участвовали промышленные слои населенія, посадскіе люди. Причину этого, конечно, надо искать въ очень тяжеломъ положеніи этихъ классовъ въ половинѣ XVII вѣка. Во Псковѣ мятежъ принялъ обширные размѣры и очень острый характеръ. Мѣстныя власти потеряли всякій авторитетъ. Псковичи творили насилія и надъ посланными изъ Москвы для разслѣдованія дѣла думными людьми. Тогда въ Москвѣ рѣшили въ видѣ острастки употребить противъ Пскова военную силу. Кн. Хованскій съ небольшимъ отрядомъ осадилъ Псковъ, но Псковичи не сдавались. Въ іюлѣ 1650 г. озабоченное мятежомъ московское правительство рѣшается отправить изъ Москвы епископа Рафаила Коломенскаго съ выборными Москвичами для увѣщанія мятежниковъ и это увѣщаніе подѣйствовало лучше войскъ Хованскаго. Псковичи послушались увѣщаній и принесли повинную. Какъ серьезно смотрѣло на этотъ мятежъ Московское правительство видно уже изъ одного факта созванія по поводу мятежа земскаго собора въ іюлѣ 1650 г. постановленія котораго, впрочемъ, неизвѣстны. Вѣроятно, онѣ отличались мягкостью. Правительство вообще избѣгало тогда крутыхъ мѣръ, можетъ быть потому, что въ то время была вездѣ наклонность къ волненіямъ; ни въ одно царствованіе не было ихъ такъ много, кк. въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Что волненія тогда были не въ одномъ Псковѣ и что въ Москвѣ было не совсѣмъ спокойно видно изъ того, что послѣ собора въ Посольскій приказъ были призваны Московскіе тяглецы, кот. получили здѣсь инструкціи «извѣщать Государя» о всякихъ людяхъ, которые станутъ воровскія рѣчи говорить».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда назрѣвалъ Малороссійскій вопросъ. Изъ за Малороссіи Россія съ 1654 г. втянулась въ войну съ Польшей. Не смотря на удачу войны, недостатокъ средствъ у правительства и плохое экономическое положеніе народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибѣгать къ экстреннымъ сборамъ; (въ 1662 и 63 гг. собиралась «пятая» деньга, какъ бывало при Михаилѣ Θеодоровичѣ), но и ихъ не хватало и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что всѣ такія попытки далеко не удовлетворяютъ желаемой цѣли, оно попробовало

извернуться изъ затруднительнаго положенія, произвольно увеличивая цѣнность ходившей монеты. Въ то время своихъ золотыхъ у насъ еще не было, а въ обращеніи были Голландскіе и Нѣмецкіе червонцы, причемъ Голландскій червонецъ имѣлъ цѣнность одного рубля, а серебряный ефимокъ (талеръ) ходилъ отъ 42 до 50 копѣекъ, и, перечеканивая его въ Русскую серебряную монету, правительство изъ Ефимка чеканило 21 алтынъ и 2 деньги, т. е. около 64 коп. и так. образ. на каждомъ ефимкѣ выгадывало 15—20 коп. (по словамъ Котошихина).

Въ этомъ, конечно, заключалась уже значительная выгода казнѣ. Но ее хотѣли еще увеличить и стали ефимкамъ придавать цѣнность рубля; съ этой цѣлью и клеймили ихъ; клейменный ефимокъ вездѣ принимался за рубль, неклейменные же ефимки ходили по обычной цѣнѣ 42—50 коп. Такая мѣра правительства неминуемо повела къ поддѣлкамъ клейма на ефимкахъ, а это послѣднее обстоятельство вызвало, въ свою очередь, вздорожаніе припасовъ вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ новой монетѣ. Тогда въ 1656 г. бояринъ Ртищевъ предложилъ проектъ, состоявшій въ томъ, чтобы пустить въ оборотъ, такъ сказать, металлическія ассигнаціи,—чеканить мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными и выпускать ихъ по одной цѣнѣ съ ними. Это шло довольно удачно до 1659 г. за 100 серебряныхъ копѣекъ давали 104 мѣдныхъ, затѣмъ серебро стало исчезать изъ обращенія и дѣло пошло хуже, т. что въ 1662 г. за 100 серебряныхъ давали 300—900 мѣдныхъ, а въ 1663 г. за 100 сереб. не брали и 1500 мѣдныхъ. Однимъ словомъ здѣсь произошла исторія, аналогичная той кот. 80 л. спустя случилась съ Джономъ Ло во Франціи. Почему же смѣлый проэктъ Ртищева, который могъ бы оказать большую помощь московскому правительству, такъ скоро привелъ его къ кризису?

Бѣда заключалась не въ самомъ проэктѣ, смѣломъ, но выполнимомъ, а въ неумѣньи воспользоваться имъ и въ громадныхъ злоупотребленіяхъ. Во-первыхъ, само правительство слишкомь щедро выпускало мѣдныя деньги и уже тѣмъ содѣйствовало ихъ обезцѣненію. По словамъ Мейерберга, въ пять лѣтъ выпущено было 20 милліоновъ рублей, громадная для того времени сумма. Во-вторыхъ, успѣху дѣла помѣшали громадныя злоупотребленія. Тесть царя, Милославскій, безъ стѣсненія чеканилъ мѣдныя деньги и, говорятъ, начеканилъ ихъ до 100 тыс. Лица, завѣдывавшія чеканкой монеты, изъ своей мѣди дѣлали деньги себѣ и даже позволяли за взятки дѣлать это посторроннимъ людямъ. Наказанія мало помогли дѣлу, потому что главные виновники и попустители (вродѣ Милославскаго) оставались цѣлы. Рядомъ съ этими злоупотребленіями должностныхъ лицъ развилась и тайная поддѣлка монеты въ народѣ, хотя поддѣлывателей жестоко казнили. Мейербергъ говоритъ, что когда онъ былъ въ Москвѣ, до 400 человѣкъ сидѣло въ тюрьмахъ за поддѣлку монеты (1661 г.), а по свидѣтельству Котошихина, всего «за тѣ деньги» были «казнены въ тѣ годы смертной казнью больше 7,000 человѣкъ». Сослано было еще больше, но зло не прекращалось; даже, говорятъ, изъ заграницы везли фальшивыя деньги.

Таковы были причины, обусловившія неудачу московской финансовой операціи. Прежде всего открытое недовѣріе къ мѣднымъ день-

гамъ появилось въ новоприсоединенной Малороссіи, гдѣ отъ московскихъ войскъ, получавшихъ жалованье мѣдными деньгами, вовсе не стали брать этихъ денегъ. И на Руси проявилось тоже самое: кредиторы, напр. требовали отъ должниковъ уплаты долга серебромъ и не хотѣли брать мѣди. Появилась съ обезцѣненіемъ мѣдныхъ денегъ страшная дороговизна, т. что многіе умирали сь голода, кк. говоритъ Котошихинъ, а въ то же время подати увеличивались платежемъ «пятой деньги» на Польскую войну. При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ замѣтно стало волненіе. Приписывая вину своего тяжелаго положенія нелюбимымъ боярамъ и обвиняя ихъ въ измѣнѣ и въ дружбѣ съ Поляками, въ іюлѣ 1662 г. народъ, знавшій о злоупотребленіяхъ при чеканкѣ монеты, поднялъ открытый бунтъ въ Москвѣ противъ бояръ и толпою пошелъ къ царю въ Коломенское просить управы на бояръ. «Тишайшій царь» Алексѣй Михайловичъ ласкою успѣлъ было успокоить толпу, но ничтожныя случайныя обстоятельства раздули волненія снова и тогда бунтовщики были усмирены военною силою.

Видя неудачный исходъ своего предпріятія и безъ мятежныхъ протестовъ, правительство рѣшило въ 1663 г. отмѣнить мѣдныя деньги, стало выдавать войску жалованье серебромъ и запретило частнымъ лицамъ не только производить разсчеты на мѣдныя деньги, но даже и держать ихъ у себя; предоставлялось на выборъ: или самимъ сливать мѣдныя деньги, или въ извѣстный срокъ представить въ казну и получить за каждый рубль мѣдный только десять денегъ серебряныхъ т. е. $^1/_{20}$ часть первоначальнаго курса. Эта неудачно окончившаяся операція очень тяжело отозвалась на благосостояніи народа, очень и очень многихъ приведя къ полному раззоренію.

Теперь умѣстно будетъ возвратиться къ обзору законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича, который мы начали оцѣнкою Уложенія 1648—49 гг.

Мы уже говорили о значеніи этого Уложенія, бывшаго не только сводомъ законовъ, но и реформой, давшей чрезвычайно добросовѣстный отвѣтъ на нужды и запросы того времени. Оно одно составило бы славу царствованія Алексѣя Михайловича, но законодательство того времени не остановилось на немъ. Отношенія между законодательствомъ и жизнью таковы, что послѣдняя всегда опережаетъ первое, общественная жизнь всегда ускользаетъ изъ рамокъ извѣстнаго кодекса. Законъ обыкновенно выражаетъ и закрѣпляетъ собою одинъ моментъ въ теченіи государственной жизни и общественныхъ отношеній,между тѣмъ кк. жизнь непрестанно развивается и усложняется, съ каждой новой минутой требуетъ новыхъ законодательныхъ опредѣленій, упраздняетъ частности въ законодательствѣ, словомъ, отражается на немъ. Чѣмъ содержательнѣе жизнь, чѣмъ быстрѣе она прогрессируетъ, тѣмъ скорѣе и глубже совершаются измѣненія въ законодательствѣ и наоборотъ, чѣмъ больше застоя въ жизни, тѣмъ неподвижнѣе законодательство. XVII вѣкъ далеко не былъ временемъ застоя. Со времени Алексѣя Михайловича уже рѣзкими чертами отмѣчается начало преобразовательнаго періода въ жизни московскаго

государства, является сознательное стремленіе къ преобразованію началъ нашей жизни, чего не было еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда правительство строило государство по старымъ до-смутнымъ образцамъ. Общество жило напряженно и эта напряженность жизни очень скоро отозвалась на Уложеніи тѣмъ, что оно стало отставать отъ жизни и требовало измѣненій и дополненій. И вотъ, начиная съ 1649 г. и вплоть до эпохи Петра Великаго, появляется множество такъ называемыхъ Новоуказныхъ статей, вносившихъ въ Уложеніе необходимыя поправки и дополненія. Полное собраніе законовъ, составленное Сперанскимъ, задавшимся мыслью вмѣстить въ него всѣ указы правительства, но не достигшимъ этой цѣли, за время съ 1649 по 1675 г. вмѣщаетъ 600 слишкомъ указныхъ статей, за время Ѳеодора Алексѣевича около 300, а съ 1682 по 1696 (т. е. до единодержавія Петра) до 625. Въ суммѣ это составляетъ до 1535 указовъ, дополняющихъ Уложеніе.

Большинство ихъ имѣло характеръ частныхъ указовъ,—указовъ на случай, возникшихъ путемъ дьячьихъ докладовъ въ боярскую думу, но среди этихъ частныхъ постановленій встрѣчаются часто, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ довольно обширныя и развитыя законоположенія общаго характера, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ быстраго государственнаго роста.

Изъ такихъ общихъ законоположеній, носящихъ характеръ отдѣльнаго кодекса постановленій, относительно одной какой нибудь сферы народной жизни, замѣчательны слѣдующія:

I. *Указъ о таможенныхъ пошлинахъ съ товаровъ. 25 Октября 1625 г.*, возникшій изъ челобитья торговыхъ людей. Надо сказать, что въ московскомъ государствѣ было замѣчательное разнообразіе торговыхъ пошлинъ. Товары, при ихъ передвиженіи, много разъ подвергались подробной оцѣнкѣ и оплачивались пошлинами. Купецъ платилъ повсюду: съ него брали явочную пошлину, ѣзжую и т. п. И вотъ въ XVII в. правительство стремится свести эти пошлины къ немногимъ видамъ. Значительная соляная пошлина 1646 г., обязанная своимъ происхожденіемъ любимцу царя Алексѣя—Морозову, является подобною попыткой, имѣвшею своимъ результатомъ неудовольствіе народа противъ ея виновника. Попыткой, аналогичной вышеупомянутой, представляется указъ 1653 года «О взиманіи таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ въ Москвѣ и городахъ съ показаніями по сколько взять и съ какихъ товаровъ», (Полн. Собр. Зак. т. 1-й № 107, стр. 302).

II. Такое стремленіе къ упрощенію пошлинъ сказалось и въ *«Уставной Грамотѣ» 30 апрѣля 1654 г.*, трактующей объ откупныхъ злоупотребленіяхъ и въ ограниченіи нѣкоторыхъ пошлинъ, особенно пріѣзжей, причемъ послѣдняя замѣнялась извѣстнымъ процентомъ съ каждаго рубля оцѣнки товара.

III. Въ извѣстномъ *«Новоторговомъ Уставѣ» 1667 г.* (Полн. Собр. Зак. № 408), замѣнившимъ всѣ торговые сборы прежняго времени однимъ сборомъ десяти денегъ съ рубля, съ особенной ясностью отражается вышеупомянутое желаніе правительства: вновь учрежденную пошлину въ 10 денегъ постановлено было взимать съ продавца при

продажѣ товара; но въ случаѣ, если онъ заплатилъ часть ея раньше при покупкѣ товара, онъ уплачивалъ при продажѣ его только то, что оставалось до 10 денегъ.

Новоторговый Уставъ, состоящій изъ 101-ой статьи (94 ст., † 7 дополнительныхъ) представляетъ собою цѣлое законодательство о торговлѣ. Въ немъ очень подробно разработаны правила относительно торговли Русскихъ купцовъ съ другими государствами и торговли иностранцевъ въ московскомъ государствѣ. Иностранцамъ была запрещена, между прочимъ, розничная торговля; продавать же оптомъ они могли только московскимъ купцамъ и купцамъ тѣхъ городовъ, гдѣ торговали иностранцы. Этимъ, конечно, старались провести товаръ черезъ возможно большее количество рукъ и тѣмъ способствовать таможеннымъ выгодамъ казны. Кромѣ положеній собственно о торговлѣ, Новоторговый Уставъ старается обезпечить торговыхъ людей отъ судебной волокиты и вообще отъ злоупотребленій администраціи.

Всѣ вышеприведенныя новоуказныя статьи имѣли въ виду торговое и промышленное населеніе и были, весьма вѣроятно, въ нѣкоторой связи съ волненіями первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

IV. Болѣе общимъ значеніемъ обладаютъ «*Новоуказныя статьи о татебныхъ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ*». (П. С. З. № 431), изданныя въ январѣ 1669 года и представляющія собою переработку и дополненіе XXI и XXII гл. Уложенія (XXI гл. «о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ» и XXII гл. «о смертной казни и наказаніяхъ»). Уголовное законодательство московскаго государства сказало здѣсь свое послѣднее слово. Къ 130 статьямъ Уложенія уголовнаго характера здѣсь оно прибавило 128 статей, изъ которыхъ часть есть ничто иное, какъ повтореніе предъидущаго, другая же часть представляетъ переработку и дополненіе дѣйствовавшаго кодекса.

Въ обзорѣ законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича необходимо упомянуть еще объ изданіяхъ такъ называемой *Кормчей книги* или *Номоканона*. Этимъ именемъ называются памятники греческаго церковнаго права, заключающіе въ себѣ постановленія Византійскихъ императоровъ и церкви относительно церковнаго управленія и суда. Греческіе Номоканоны, возникшіе въ Греціи съ XI в., очень рано (по мнѣнію А. С. Павлова еще въ XI вѣкѣ) перешли въ славянскихъ переводахъ на Русь и получили у насъ силу закона въ церковныхъ дѣлахъ. На Руси они дополнялись позднѣйшими церковными постановленіями и свѣтскими Русскими законоположеніями (наприм. къ нимъ прибавлялась въ полномъ составѣ «Русская Правда»). Эти послѣднія дополненія свѣтскаго характера вызывались необходимостью для духовенства слѣдить за развитіемъ нашего законодательства по дѣламъ уголовнымъ и особенно государственнымъ, такъ-какъ духовенство имѣло право судить населеніе жившее на его земляхъ и часто призывалось на совѣтъ къ государямъ по дѣламъ свѣтскимъ. Въ свою очередь и свѣтская власть нуждалась въ знаніи Номоканона, благодаря тому, что вошедшія въ Номоканонъ постановленія Византійскихъ императоровъ имѣли на Руси силу дѣйствующаго права. Извѣстныя

подъ именемъ *градскихъ законовъ*, эти постановленія примѣнялись у насъ въ сферѣ свѣтскаго суда и были приняты какъ источникъ при составленіи Уложенія. Въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ разослалъ для руководства воеводамъ выписки изъ этихъ градскихъ законовъ, находящихся въ Кормчей книгѣ. Таково было значеніе Номоканона въ древней Руси.

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ Кормчая была издана патріархомъ Іосифомъ въ 1650 году, но въ 1653 г. это изданіе было исправлено Никономъ, который нашелъ нужнымъ прибавить къ прежней Кормчей нѣкоторыя статьи, которыхъ раньше не было; между прочимъ имъ была прибавлена такъ называемая «*Donateo Constantini*», та самая подложная грамота Константина Великаго, которой папы старались оправдать свою свѣтскую власть. Подобная прибавка была сдѣлана Никономъ, конечно въ видахъ большаго возвышенія патріаршей власти.

Изъ нашего бѣглаго обзора уже видно, какою плодовитостью отличалась законодательная дѣятельность времени Алексѣя Михайловича. Хотя эта дѣятельность и отличалась искреннимъ желаніемъ народной пользы и постоянно прислушиваясь къ земскимъ челобитьямъ, давала, до сихъ поръ, по мѣрѣ возможности отвѣты на нихъ, тѣмъ не менѣе она не успокаивала государства, прямымъ доказательствомъ чего служатъ частые бунты и безпорядки въ продолженіи всего царствованія Алексѣя Михайловича.

Такого рода волненія, какъ мы помнимъ, происходили два раза въ Москвѣ, затѣмъ въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ; и въ этихъ волненіяхъ дѣйствовало вездѣ городское населеніе; «посадскіе людишки» вездѣ являются на первомъ планѣ. Нѣсколько другимъ характеромъ отличались позднѣйшіе безпорядки, въ которыхъ дѣйствовали другіе общественные элементы, хотя одни мотивы руководили и тутъ и тамъ (всѣ волненія того времени исходили болѣе или менѣе изъ экономической неудовлетворительности). Мы говоримъ о бунтѣ Стеньки Разина. Бунтъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ и серьезенъ и кромѣ того отличался значительно отъ предъидущихъ волненій. Тѣ имѣли характеръ мѣстный, между тѣмъ какъ бунтъ Разина имѣетъ уже характеръ общегосударственной смуты.

Онъ явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія, какъ то было въ прежнихъ безпорядкахъ, но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія, какъ мы знаемъ, не имѣли опредѣленныхъ программъ, онѣ просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ Разинцы, хотя и не имѣли *ясно* сознанной программы, но шли противъ «боярства» не только какъ администраціи, но и какъ верхняго общественнаго слоя; государственному строю они противоставляли казачій. Точно также и люди, участвовавшіе въ возстаніи, были не той среды: здѣсь уже не было, какъ раньше, на первомъ планѣ городское тяглое населеніе. Движеніе началось въ казачествѣ, затѣмъ передалось крестьянству и только отчасти городскимъ людямъ,—посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ.

Въ объясненіе причинъ этого крупнаго движенія мы имѣемъ два мнѣнія, прекрасно дополняющихъ другъ друга. Это мнѣнія: Соловьева и Костомарова.

Во время Алексѣя Михайловича, говоритъ Соловьевъ, не только не прекратился выходъ въ казаки извѣстной части народонаселенія, но, напротивъ, число бѣглыхъ крестьянъ и холопей, искавшихъ этимъ путемъ улучшить свое положеніе, еще увеличилось вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія народа. Съ присоединеніемъ Малороссіи бѣглецы направились было туда, но московское правительство, не желая признавать Украйну казацкою страною, требовало оттуда выдачи бѣжавшихъ. Такимъ образомъ вольною «сиротскою дорогою» оставалась только дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Народу на Дону поэтому все прибывало, а средства пропитанія сокращались, въ половинѣ XVII в. выходы изъ Дона и Днѣпра, т. е. Азовское и Черное моря были закрыты Польшей и Татарами: воевать казакамъ и «зипуновъ доставать» стало негдѣ. Впрочемъ оставалась еще Волга и Каспійское море, но устье Волги также находится въ рукахъ Московскаго Государства, тамъ стоитъ Астрахань. Однако казачество потянулось по Волгѣ: но сначала образуются, мелкія, разбойничьи шайки, приблизительно съ 1659 г. Скоро у этихъ шаекъ находится способный вождь и движеніе, начавшееся въ малыхъ размѣрахъ, все расширяется и изъ мелкихъ разбойничьихъ отрядовъ образуется огромная шайка, которая прорывается въ Каспійское море и тамъ добываетъ себѣ «богатые зипуны». Но возвращеніе изъ Каспійскаго моря на Донъ было возможно только хитростью: надо было мнимою покорностью достать себѣ пропускъ домой, обязавшись вторично не ходить на море. Этотъ пропускъ данъ, но казаки понимаютъ, что другой разъ похода на Касцій имъ безнаказанно не сдѣлать: послѣ ихъ первой продѣлки дорога съ Волги въ море закрыта для нихъ крѣпко. Лишась такимъ образомъ послѣдняго выхода, голытьба казацкая опрокидывается тогда внутрь государства и поднимаетъ съ собою низшіе слои населенія противъ высшихъ. «Таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина», заключаетъ Соловьевъ (См. Ист. Росс. т. XI, гл. I). Надо однако, замѣтить что его объясненія касаются только казачества и не объясняютъ тѣхъ причинъ, по которымъ казачье движеніе передалось и земскимъ людямъ.

Что касается Костомарова, то послѣдній видитъ въ бунтѣ эпизодъ исконной борьбы «двухъ коренныхъ укладовъ Русскаго быта, удѣльновѣчеваго и единодержавнаго» (въ XVII в. ихъ приличнѣе назвать государственнымъ и казачьимъ). Нашествіе Стеньки Разина неудалось потому, что казачество выдохлось, оно не могло стать «новымъ началомъ», внести въ жизнь что либо свѣжее, не могло потому, что само по себѣ было «старымъ укладомъ» и подверглось старческому разложенію. Надо при этомъ замѣтить, что Костомаровъ не считаетъ здѣсь казачества чѣмъ то отдѣльно существующимъ,— для него казачество не есть общество, образовавшееся внѣ государственной территоріи; для него оно — совокупность всѣхъ недоволь-

ныхъ общественнымъ строемъ и уходящихъ изъ этого строя на окраины государства. И такихъ въ XVII в. было очень много. Мастерскимъ, хотя и одностороннимъ, обзоромъ внутренняго состоянія московскаго государства, Костомаровъ показываетъ, «что причины побѣговъ, шатаній и вообще недовольства обычнымъ ходомъ жизни (т. е. вообще причины появленія казачества), лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка», и его изслѣдованіе достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ казачій бунтъ сталъ земскимъ. (См. Костомарова «Моногр. и изслѣдов.» т. II).

Вообще въ дѣлѣ Стеньки Разина необходимо различать эти двѣ стороны: казачью и земскую. Движеніе было сперва чисто казачьимъ и носило характеръ «добыванія зипуновъ», т. е. простого, хотя и крупнаго, разбоя, направленнаго противъ Русскихъ и Персіанъ. Вожакомъ этого движенія былъ Степанъ Разинъ, составившій себѣ шайку изъ т. наз. «голытьбы». Это были новые казаки, люди безпокойные, всегда искавшіе случая погулять на чужой счетъ. Число такого рода «галутвенныхъ» людей на Дону все увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и частью посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Вотъ съ такой то шайкой и сталъ разбойничать Стенька сперва на Волгѣ и затѣмъ на берегахъ Каспійскаго моря. Разгромивъ берега Персіи, казаки съ богатою добычею воротились въ 1669 г. на Волгу, а оттуда направились къ Дону, гдѣ Разинъ сталъ пользоваться громаднымъ значеніемъ, такъ какъ слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, все болѣе и болѣе распространялась и все сильнѣе привлекала къ нему голутвенныхъ людей. Перезимовавъ на Дону, Разинъ сталъ разглашать, что идетъ противъ Московскихъ Бояръ, и, дѣйствительно набравъ шайку, лѣтомъ 1670 г. двинулся на Волгу, уже не съ разбоемъ, а съ бунтомъ. Взявъ почти безъ боя Астрахань и устроивъ городъ по образцу казачьихъ круговъ, атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ и такимъ образомъ дошелъ до Симбирска. Здѣсь-то стала подниматься и земщина, повсюду примыкая къ казакамъ на ихъ пути, возставая противъ высшихъ классовъ «за царя противъ бояръ». Крестьяне грабили и убивали своихъ помѣщиковъ, соединялись въ шайки и примыкали къ казакамъ. Возмутились и приволжскіе инородцы, такъ что силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ; казалось все благопріятствовало его планамъ взять Нижній и Казань и идти на Москву, какъ вдругъ неудача постигла его подъ Симбирскомъ. Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Барятинскаго, у котораго часть войска была обучена европейскому строю. Тогда, оставивъ крестьянскія шайки на произволъ судьбы, Разинъ бѣжалъ съ казаками на югъ и попытался поднять весь Донъ, но здѣсь былъ схваченъ старыми казаками, всегда бывшими противъ него, свезенъ въ Москву и казненъ (въ 1671 г.). Вскорѣ было подавлено и земское возстаніе внутри государства, хотя крестьяне и холопы продолжали еще нѣкоторое время волноваться, да въ Астрахани еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ Васьки Уса. Но и Астрахань сдалась наконецъ боярину Милославскому, и главные мятежники были казнены.

Обратимся теперь къ дѣламъ въ сферѣ церковной времени царя Алексѣя. Значеніе тогдашнихъ церковныхъ событій было очень велико: тогда возникъ расколъ, остающійся и теперь еще вопросомъ не только исторіи, но и жизни; тогда же возникъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской властей. И тотъ и другой вопросы связаны съ дѣятельностью Никона. Поэтому прежде всего обратимся къ самой личности замѣчательнаго патріарха.

Патріархъ Никонъ, въ міру Никита, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ Русскихъ дѣятелей XVII в., родился въ маѣ 1605 г. въ крестьянской семьѣ, въ селѣ Вельемановѣ близъ Нижняго-Новгорода. Мать Никиты умерла вскорѣ послѣ его рожденія и ему, еще ребенкомъ, пришлось много вытерпѣть отъ мачихи, женщины очень злаго нрава. Уже тутъ Никита выказалъ присутствіе сильной воли, хотя постоянное гоненіе и не могло не оказать дурного вліянія на его характеръ. Никита обнаружилъ необыкновенныя способности, быстро выучился грамотѣ и книга увлекла его. Онъ захотѣлъ уразумѣть всю мудрость божественнаго писанія и удалился въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ и занялся прилежнымъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Но родня вызвала его изъ монастыря обратно. Никита женился, на двадцатомъ году былъ посвященъ въ священники и священствовалъ въ одномъ селѣ, откуда, по просьбѣ московскихъ купцовъ, узнавшихъ о его начитанности, Никита перешелъ въ Москву. Но тутъ онъ былъ не долго: потрясенный смертью всѣхъ своихъ дѣтей, умиравшихъ одинъ за другимъ, онъ ушелъ на Бѣлое море и постригся въ Анзерскомъ скиту подъ именемъ Никона. Поссорившись тамъ съ начальнымъ старцемъ, Елеазаромъ, Никонъ удалился въ Кожеозерскую пустынь, гдѣ и былъ игуменомъ съ 1642 по 1646 г. На третій годъ послѣ своего поставленія онъ отправился по дѣламъ пустыни въ Москву и здѣсь явился съ поклономъ къ молодому царю Алексѣю Михайловичу, какъ вообще въ то время являлись съ поклономъ къ царю настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился Кожеозерскій игуменъ, что патріархъ Іосифъ, по царскому желанію посвятилъ Никона въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, гдѣ была родовая усыпальница Романовыхъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства набожный царь часто ѣздилъ туда молиться за упокой своихъ предковъ и много бесѣдовалъ съ Никономъ. Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ сердечныхъ людей, которые не могутъ жить безъ дружбы, всей душой привязываются къ людямъ, которые имъ нравятся по своему складу и вотъ онъ приказалъ архимандриту пріѣзжать для бесѣды каждую пятницу во дворецъ. Пользуясь расположеніемъ царя, Никонъ сталъ «печаловаться» царю за всѣхъ обиженныхъ и утѣсненныхъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ въ народѣ славу добраго защитника и ходатая. Вскорѣ въ его судьбѣ произошла новая перемѣна: въ 1648 г. скончался Новгородскій митрополитъ Аѳанасій и царь предпочелъ всѣмъ своего любимца. Іерусалимскій патріархъ Паисій рукоположилъ Новоспасскаго архимандрита въ санъ митрополита Новгородскаго. Въ Новгородѣ Никонъ сталъ извѣстенъ своими прекрасными проповѣдями. Когда въ Новгородской землѣ начался

голодъ, онъ много помогалъ народу и хлѣбомъ и деньгами, да кромѣ того устроилъ въ Новгородѣ четыре богадѣльни. Въ 1650 г. вспыхнулъ народный мятежъ и въ образѣ дѣйствій Никона во время этихъ волненій мы уже видимъ проявленіе того крупнаго и рѣшительнаго характера, который мы увидимъ и въ дѣлѣ раскола: онъ сразу наложилъ на всѣхъ коноводовъ мятежа проклятіе и раздражилъ этимъ народъ настолько, что подвергся даже насилію со стороны бунтовщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ ходатайствовалъ передъ царемъ за Новгородцевъ.

Будучи новгородскимъ митрополитомъ Никонъ слѣдилъ, чтобы богослуженіе совершалось съ большою точностью, правильностью и торжественностью. А въ то время, надо сказать, несмотря на набожность нашихъ предковъ, богослуженіе велось въ высшей степени неблаголѣпно, потому что для скорости разомъ читали и пѣли разное, такъ что молящіеся ничего немогли разобрать. Для благочинія митрополитъ уничтожилъ это «многогласіе» и заимствовалъ Кіевское пѣніе вмѣсто очень неблагозвучнаго, т. наз. «раздѣльнорѣчнаго» пѣнія. Въ 1651 г., пріѣхавъ въ Москву, Никонъ посовѣтовалъ царю перенести мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву и этимъ загладить давній грѣхъ Ивана Грознаго передъ святителемъ. Царь послалъ (1652), въ Соловки за мощами, самаго Никона.

Въ то время, когда Никонъ ѣздилъ въ Соловки за мощами, скончался московскій патріархъ Іосифъ (1652). На престолъ патріаршій былъ избранъ Никонъ; онъ отвѣчалъ отказомъ на это избраніе, тогда въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами стали умолять митрополита не отказываться. Наконецъ Никонъ согласился, но подъ условіемъ: если царь, бояре, священный соборъ и всѣ православные дадутъ торжественный обѣтъ передъ Богомъ, что они будутъ сохранять «евангельскіе христовы догматы и правила св. апостолъ и св. отецъ и благочестивыхъ царей законы и будутъ слушаться его, Никона, во всемъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго». Царь, за нимъ власти духовныя и бояре поклялись въ этомъ и 25 іюля 1652 г. Никонъ былъ поставленъ патріархомъ.

Одной изъ первѣйшихъ его заботъ было исправленіе книгъ, т. - е. тотъ вопросъ, который привелъ къ расколу.

Мы знаемъ, что въ служебныхъ рукописныхъ книгахъ было много неправильностей. Еще Иванъ IV на Стоглавомъ соборѣ поставилъ вопросъ «*о божественныхъ книгахъ*»; онъ говорилъ собору, что «*писцы пишутъ книги съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ—не правятъ*». Хотя Стоглавый соборъ и обратилъ большое вниманіе на неправильности въ рукописныхъ книгахъ, тѣмъ не менѣе, въ своихъ постановленіяхъ онъ самъ впалъ въ погрѣшность, узаконивъ, напр. двуперстіе и сугубое аллилуія. Объ этихъ вопросахъ на Руси спорили еще въ XV в., не зная „двумя или тремя перстами креститься“, „пѣть аллилуія дважды или трижды“.

Въ первыхъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ при Иванѣ IV допущено было много ошибокъ: то же самое было и въ книгахъ, напечатанныхъ при Шуйскомъ. Когда же послѣ смуты былъ возстанов-

ленъ печатный дворъ, то прежде всего рѣшили исправить книги. И вотъ въ 1616 г. это дѣло было поручено Діонисію, извѣстному намъ архимандриту Троицкаго монастыря и монахамъ того же монастыря, Логгину, Филарету и др. «духовнымъ и разумнымъ старцамъ». Относительно Діонисія мы знаемъ, что это была за личность: добродушная и высокая его натура, умѣвшая будить въ массахъ патріотизмъ въ бѣдственное время смуты, оказалась неспособной къ практической обыденной дѣятельности; архимандритъ не могъ держать въ строгомъ повиновеніи себѣ братію. Большимъ, чѣмъ архимандритъ вліяніемъ пользовались въ монастырѣ пѣвчіе-монахи: Логгинъ и Филаретъ, оба съ удивительными голосами. Филаретъ былъ такъ невѣжественёнъ, что искажалъ не только смыслъ духовныхъ стиховъ, но и православное ученіе: по его мнѣнію Христосъ не прежде вѣкъ отъ Христа родился; Божество онъ почиталъ человѣко-образнымъ и т. д. Оба они ненавидѣли Діонисія, и вотъ съ такими то личностями пришлось архимандриту приняться за дѣло исправленія книгъ. Уже изъ одного того факта, что никто изъ «справщиковъ» книгъ не зналъ по гречески, видно, что дѣло исправленія не могло идти удовлетворительно. Да и мысль о повѣркѣ исправляемыхъ книгъ по старымъ русскимъ и греческимъ рукописямъ никому не приходила въ голову... Какъ бы то ни было принялись за исправленіе.... Между справщиками дѣло не обошлось безъ распрей, въ началѣ возникъ споръ по слѣдующему случаю: Діонисій вычеркнулъ въ молитвѣ водоосвященія ненужное слово «и огнемъ». Пользуясь этимъ Логгинъ, Филаретъ и ризничій дьяконъ Маркеллъ отправили на Діонисія въ Москву доносъ, обвинявшій его въ еретичествѣ.

Въ то время въ Москвѣ еще дожидались Филарета Никитича и дѣлами патріаршества управлялъ Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ неспособный какъ слѣдуетъ разсудить это дѣло. Онъ сталъ на сторону враговъ Діонисія. Кромѣ того вооружили противъ Діонисія и царскую мать старицу Марѳу, да и въ народѣ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые «огонь изъ мира хотятъ вывести». Дѣло кончилось осужденіемъ Діонисія на заключеніе въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но это заточеніе не было продолжительно. Вскорѣ въ Москву пріѣхалъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, при которомъ возвратился и Филаретъ Никитичъ и былъ поставленъ въ патріархи. Снова произвели дознаніе о дѣлѣ Діонисія и оправдали его; но въ Москвѣ продолжался споръ о т. наз. прилогѣ «и огнемъ». Филаретъ не успокоенный доказательствами Ѳеофана просилъ его, пріѣхавъ въ Грецію хорошенько разузнать объ этомъ прилогѣ. Ѳеофанъ исполнилъ его просьбу и вмѣстѣ съ Александрійскимъ патріархомъ прислалъ въ Москву грамоты, подтверждавшія, что прибавка «и огнемъ» должна быть исключена. Такимъ образомъ рѣшено было уничтожить прилогъ.

Исправленіе книгъ не прекращалось и при патріархахъ Филаретѣ (1619—1633) и Іосифѣ (1634—40); но на исправленіе смотрѣли какъ на дѣло домашнее, ограничиваясь исправленіемъ «ошибокъ пера», исправляя домашними средствами, т. е. не считая нужнымъ прибѣ-

гать къ сличенію нашихъ книгъ съ древнѣйшими греческими. Мысль о необходимости этихъ сличеній однако проскользнула еще при Филаретѣ: въ 1632 г. пріѣхалъ съ Востока архимандритъ Іосифъ и былъ опредѣленъ для перевода на славянскій языкъ греческихъ книгъ, необходимыхъ для церковныхъ нуждъ и книгъ на «латинскія ереси», да и кромѣ того его обязали» учити на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ». Но въ началѣ 1634 г. Іосифъ умеръ и школа его заглохла.

И при патріархѣ Іосифѣ (1642—1652) исправленіе шло все тѣмъ же путемъ, т. е. исправляли Русскіе люди, не обращаясь къ Греческимъ книгамъ. На дѣло исправленія много вліяли при Іосифѣ нѣкоторыя лица, ставшія потомъ во главѣ раскола; таковы протопопы Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора и Θеодоръ, все изъ кружка Степана Вонифатьева, близкаго къ патріарху Благовѣщенскаго протопопа и царскаго духовника. Можетъ быть по ихъ вліянію и было внесено и распространено при Іосифѣ много ошибокъ и неправильныхъ мнѣній въ новыхъ книгахъ, какъ напр. двоеперстіе, которое, стало съ тѣхъ поръ считаться единственнымъ правымъ крестнымъ знаменіемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, со времени Іосифа замѣчается поворотъ къ лучшему. Въ 1640 г. пришло предложеніе Петра Могилы, Кіевскаго митрополита, устроить въ Москвѣ монастырь и школу по образцу коллегіи западно-русскаго края. Затѣмъ въ 1645 г. приходитъ предложеніе Цареградскаго патріарха Парθенія черезъ митрополита Θеофана объ устройствѣ въ Москвѣ для печатанія греческихъ и русскихъ богослужебныхъ книгъ типографіи, а также и школы для русскихъ дѣтей. Но при Михаилѣ Θеодоровичѣ какъ то, такъ и другое предложеніе не всрѣтили сочувствія. Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича дѣла пошли иначе. Тишайшій царь писалъ (въ 1649 г.) преемнику Петра Могилы, кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося его прислать ученыхъ монаховъ и, согласно царскому желанію въ Москву пріѣхали Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій сдѣлавшійся впослѣдствіи первымъ ученымъ авторитетомъ въ Москвѣ. Они приняли участіе въ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ. Одновременно съ этимъ постельничій Θеодоръ Михайловичъ Ртищевъ устраиваетъ подъ Москвой Андреевскій монастырь, а въ немъ общежитіе ученыхъ кіевскихъ монаховъ, вызванныхъ имъ съ юга. Такимъ образомъ впервые входила къ намъ Кіевская наука.

Въ томъ же 1649 г. въ Москву пріѣхалъ Іерусалимскій патріархъ Паисій и присмотрѣвшись къ нашимъ богослужебнымъ обрядамъ, указалъ царю и патріарху на многія «новшества»; это произвело огромное впечатлѣніе, такъ какъ по понятіямъ того времени дѣло шло объ «ереси»; и вотъ возможность неумышленно впасть въ ересь побудила правительство обратить большее вниманіе на эти «новшества» въ обрядахъ и въ книгахъ. Результатомъ этого была посылка монаха Арсенія Суханова на Аθонъ и въ другія мѣста съ цѣлью изученія греческихъ рукописей. Черезъ нѣсколько времени Сухановъ прислалъ въ Москву извѣстіе, еще болѣе взволновавшее всѣхъ, извѣстіе о сож-

женіи на Аѳонѣ тамошними монахами богослужебныхъ книгъ русской печати, какъ признанныхъ еретическими. Въ то же время московская іерархія рѣшила обратиться за совѣтомъ къ цареградскому духовенству по поводу различныхъ, съ нашей точки зрѣнія не особенно важныхъ, церковныхъ вопросовъ, которые, однако, казались тогда «великими церковными потребами», главнымъ же образомъ по поводу вопроса о знакомомъ уже намъ «многогласіи», объ уничтоженіи коего сильно хлопотали между прочимъ, Ртищевъ и протопопъ Нероновъ. По совѣту съ Греками рѣшились, наконецъ въ 1651—52 гг. ввести въ церковныхъ службахъ единогласіе. Такимъ образомъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ пріобрѣталъ значеніе примѣръ и совѣтъ Восточной Греческой церкви.

Съ такимъ привлеченіемъ Кіевлянъ и Грековъ къ исправленію обрядовъ и книгъ въ этомъ дѣлѣ появился новый элементъ—«чужой» И понемногу перешли отъ исправленія незначительныхъ ошибокъ къ исправленію болѣе существенныхъ, которыми, по понятіямъ того времени присваивалось названіе ересей. Разъ дѣло принимало характеръ исправленія ересей и къ нему привлекалась чужая помощь, исправленіе теряло прежнее значеніе домашняго дѣла и становилось дѣломъ *междуцерковнымъ*.

Но вмѣшательство въ это дѣло чужихъ людей вызвало во многихъ Русскихъ людяхъ неудовольствіе и вражду противъ нихъ. Враждебное отношеніе проявилось не только къ Грекамъ, но и къ кіевскимъ ученымъ, къ кіевской латинской наукѣ. Такая непріязнь въ отношеніи къ Кіевлянамъ обусловливалась фактомъ Брестской уніи 1596 г. начиная съ того времени въ Москвѣ юго-западное духовенство стали подозрѣвать въ латинствѣ, много помогалъ этому и самый характеръ Кіевской Академіи, устроенной Петромъ Могилой по образцу іезуитскихъ коллегій запада. Въ ней какъ мы знаемъ, важную роль игралъ латинскій языкъ, а русскіе смотрѣли очень косо на изученіе латыни, языка Римской церкви, подозрѣвая, что изучающій латынь непремѣнно совратится въ «латинство». На всю южно-русскую интеллигенцію въ Москвѣ смотрѣли какъ на «латинскую». Знакомый намъ протопопъ Нероновъ говорилъ одинъ разъ Никону: «а мы прежде сего у тебя слышали, что многожды ты говорилъ намъ: гречане де, да и малые россіяне потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ». Но этими словами могло тогда выражаться враждебное отношеніе къ латинству не одного Никона, или Неронова, а очень и очень многихъ московскихъ людей. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и вліятельный кружокъ протопопа Вонифатьева, идеи этого кружка распространялись за его предѣлы и отозвались, напр. въ дѣлѣ маленькаго московскаго человѣка Голосова, который не хотѣлъ учиться у Кіевскихъ монаховъ, чтобы не впасть въ ересь и такъ говорилъ о Ртищевѣ: «учится у Кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. Кто по латыни научается, тотъ съ праваго пути совратится». Такіе люди какъ Голосовъ, не только самихъ Кіевлянъ считали еретиками, но и на тѣхъ людей, которые благоволили къ Кіевлянамъ и ихъ наукѣ, смотрѣли какъ на

еретиковъ. «Борисъ Ивановичъ Морозовъ, говорили Москвичи, началъ жаловать Кіевлянъ, а это уже явное дѣло, что туда уклонился, къ такимъ же ересямъ».

Такое же непріязненное отношеніе какъ къ людямъ, отступившимъ отъ православія, было и къ Грекамъ, — здѣсь оно обусловливалось Флорентійской Уніей и подданствомъ Греціи Туркамъ; для характеристики такого отношенія приведемъ слова одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени Арсенія Суханова о греческомъ духовенствѣ: «и папа не глава церкви и греки не источникъ, а если и были источникомъ, то нынѣ онъ пересохъ»; «вы и сами, говорилъ онъ грекамъ, страдаете отъ жажды, какъ же вамъ напоять весь свѣтъ изъ своего источника?» На Руси уже давно выработалось непріязненное и нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ Грекамъ. Когда палъ Константинополь и подпавшее Турецкому игу Греческое духовенство стало являться на Русь за «милостыней» отъ московскихъ государей, въ русскомъ обществѣ и литературѣ появилась и крѣпла мысль о томъ, что теперь значеніе Константинополя, какъ перваго православнаго центра, должно перейти къ Москвѣ, столицѣ единаго свободнаго и сильнаго православнаго государства. Съ чувствомъ національной гордости думали наши предки, что только независимая Москва можетъ сохранить и сохраняетъ чистоту православія, и что Востокъ въ XV в. уже не могъ удержать этой чистоты и покусился на соединеніе съ папой. Стѣсненное положеніе восточнаго духовенства при турецкомъ господствѣ служило въ глазахъ Москвичей достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что Греки не могутъ вѣровать право, какъ не могутъ право вѣровать русскіе люди въ Литвѣ и Польшѣ, находясь подъ постояннымъ давленіемъ католичества. Къ православнымъ иноземцамъ у очень многихъ московскихъ людей было недовѣрчивое и вмѣстѣ гордое отношеніе. На нихъ смотрѣли сверху внизъ, съ высоты самолюбиваго сознанія своего превосходства въ дѣлахъ вѣры.

И вдругъ эти православные иноземцы, греческіе іерархи и малороссійскіе ученые, становятся руководителями въ дѣлѣ исправленія обрядовъ и книгъ Московской церкви. Понятно что такая роль ихъ не могла понравиться московскимъ патріархамъ и вызвала въ самолюбивыхъ москвичахъ раздраженіе. Людямъ, имѣвшимъ высокое представленіе о церковномъ первенствѣ Москвы, казалось, что привлеченіе иноземцевъ къ церковнымъ исправленіямъ необходимо должно было выйти изъ признанія русскаго духовенства невѣжественнымъ въ дѣлахъ вѣры а московскихъ обрядовъ еретическими. А это шло въ разрѣзъ съ ихъ высокими представленіями о чистотѣ православія въ Москвѣ. Этимъ оскорблялась ихъ національная гордость и они протестовали противъ исправленій, исходя именно изъ этого оскорбленнаго національнаго чувства.

Никонъ, ставъ патріархомъ, повелъ дѣло исправленія болѣе систематично, занялся исправленіемъ не только ошибокъ, руководясь древними греческими списками, но и обрядовъ. По поводу послѣднихъ онъ постоянно совѣтовался съ Востокомъ. Исправленіе обрядовъ уже было, по понятіямъ того времени, вторженіемъ въ область вѣры, т. е.

непростительнымъ посягательствомъ.—Въ дѣлѣ исправленія Кіевляне и Востокъ стали играть активную, даже первенствующую, роль. Исправленіе стало окончательно дѣломъ междуцерковнымъ. Появился и рѣзкій *протестъ*.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію того, какъ пошло исправленіе книгъ и обрядовъ при Никонѣ и какъ появились противъ него первые протесты, посмотримъ, каковы были тѣ неправильности въ книгахъ, которыя пришлось исправлять Никону.

I. Въ текстѣ церковныхъ книгъ была масса описокъ и опечатокъ, мелкихъ недосмотровъ и разногласій въ переводахъ однѣхъ и тѣхъ же молитвъ. Такъ, въ одной и той же книгѣ одна и та же молитва читается разно, то «смертію смерть наступи», то,—«смертію смерть поправъ». Изъ этой массы несущественныхъ погрѣшностей болѣе вызывали споровъ и болѣе значительными считались слѣдующія: 1) Лишнее слово въ VIII членѣ Сим. Вѣры,—«и въ Духа Св. Господа *истиннаго* и животворящаго, 2) Начертаніе и произношеніе имени Іисусъ—*Ісусъ*. 3) Искаженіе церковныхъ отпусковъ на Богородичные и другіе праздники,—«Христосъ истинный Богъ нашъ», говоритъ священникъ, «молитвами Пречистыя Его матери, *честнаго и славнаго Ея рождества* и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ». Или «Христосъ молитвами Его матери *„честнаго и славнаго Ея введенія или благовѣщенія“* и. т. д.—На празднованіе честныхъ веригъ Апостола Петра (16 Января) говорили: «Христосъ... молитвами всехвальнаго Ап. Петра, *честныхъ его веригъ*» и т. д.

II. Наиболѣе выдающіяся отступленія нашей церкви отъ восточныхъ *въ обрядахъ*—были таковы: 1) проскомидія совершалась на 7 просфорахъ, вмѣсто 5; 2) пѣли *сугубую* аллилуія, т. е. два раза вмѣсто трехъ, т. е. трегубой, 3) совершали хожденіе *по-солонь* вмѣсто того, чтобы ходить противъ солнца, 4) отпускъ послѣ часовъ священникъ говорилъ изъ *царскихъ вратъ*, что теперь не дѣлается; 5) крестились *двумя* перстами, а не тремя, какъ крестились на Востокѣ и т. д.

Изъ этого перечня видно, что всѣ отступленія русской церкви отъ восточныхъ не восходили къ догматамъ, были внѣшними, обрядными. Но въ глазахъ нашихъ предковъ обрядъ игралъ большую роль и всѣмъ этимъ отступленіямъ они придавали огромное значеніе, смотря на нихъ, какъ на «ереси».

Перейдемъ теперь къ Никоновымъ реформамъ. Еще въ 1649 г., до вступленія Никона на патріаршій престолъ, пріѣхавшій въ Москву патріархъ Паисій Іерусалимскій указалъ, о чемъ сказано выше, новшества въ Русской церкви. Когда онъ отправился домой, то съ нимъ былъ отправленъ на Востокъ Арсеній Сухановъ для изученія восточныхъ обрядовъ и для сбора старинныхъ церковныхъ книгъ. Въ 1651 г. былъ въ Москвѣ митрополитъ Назаретскій Гавріилъ и тоже указалъ на отступленія обрядовъ Русской Церкви отъ восточныхъ. Тоже въ 1652 г. сдѣлалъ и патріархъ Константинопольскій Афанасій. Тогда же (1562 г.) пришло извѣстіе съ Аѳона, что тамъ старцы объявили еретическими и сожгли московскія печатныя книги съ двоеперстіемъ. Въ 1653 г. возвратился Сухановъ съ Востока и въ своемъ отчетѣ,

кот. носитъ названіе Проскинитаріи, констатировалъ разницу обрядовъ въ Москвѣ и на Востокѣ, хотя самъ относился скептически ко всему Востоку. Такая многочисленность указаній о различіяхъ московской церкви отъ восточной показала московской іерархіи необходимость провѣрки церковныхъ обрядовъ и ихъ исправленія, еслибы они оказались неправильными.

Ко времени вступленія на патріаршій престолъ у Никона созрѣла мысль о необходимости такой провѣрки и исправленія. Ставъ патріархомъ и разбирая патріаршую библіотеку, онъ нашелъ въ ней грамоту объ утвержденіи патріаршества, въ ней говорилось о необходимости полнаго единогласія православныхъ церквей и о строгомъ соблюденіи догматовъ. Это побудило его къ изслѣдованію, не отступила ли русская церковь отъ православнаго греческаго закона. Какъ въ Символѣ Вѣры, такъ и въ другихъ книгахъ онъ самъ увидѣлъ отступленія. Но рѣшиться сразу на гласную систематическую провѣрку всѣхъ такихъ отступленій было трудно по важности самаго дѣла и Никонъ началъ свои реформы частными мѣрами: онъ въ 1653 г. вмѣсто 12 сдѣлалъ 4 земныхъ поклона во время чтенія молитвы «Господи и Владыко живота моего». Эта молитва весьма не крупная, тѣмъ не менѣе показалась рѣзкою многимъ московскимъ попамъ, именно кружку Іосифовскихъ поповъ, въ центрѣ котораго были Стефанъ Вонифатьевъ-Благовѣщенскій протопопъ и Ив. Нероновъ—священникъ московскаго Казанскаго собора. Къ этому же кружку примыкали Юрьевскій протопопъ Аввакумъ, и др. Эти лица недовольные утратой того вліянія, какимъ они пользовались при Іосифѣ, недовольные постоянными толками объ исправленіяхъ и присутствіемъ Грековъ и Кіевлянъ, собрались обсуждать новую мѣру Никона и нашли ее еретическою. «Задумалися, сошедшися между собою», говоритъ Аввакумъ: „видимъ яко зима хочетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали“.

Увидѣли они, что толки объ исправленіяхъ начинаютъ переходить въ дѣло и, не сочувствуя этому, составили и подали царю челобитную на Никона. Въ челобитной говорилось не только о новой мѣрѣ Никона, но и о двоеперстіи, о кот. тогда еще не было рѣшено; Никонъ обвинялся въ ереси. Очевидно, что московскіе попы слыхали о намѣреніяхъ Никона, о готовящейся реформѣ и заранѣе протестовали противъ нея. Челобитная ихъ была безуспѣшна. Изъ за нея однако, между Никономъ и этимъ кружкомъ начались неудовольствія и произошелъ разрывъ, кот. привелъ къ ссылкѣ нѣкоторыхъ членовъ кружка.

На духовномъ Соборѣ въ 1653 г. разбиралось дѣло Логгина, судившагося по доносу воеводы Муромскаго за оскорбленіе святыни; на соборѣ протопопъ Нероновъ, вступившійся за Логгина высказалъ много горькаго и дерзкаго Никону и за это соборомъ былъ посланъ въ монастырь на смиреніе. Аввакумъ, поссорясь послѣ ссылки Неронова съ другими священниками Казанскаго Собора, устроилъ всенощную въ сараѣ (на томъ основаніи, какъ онъ говоритъ, что въ «нѣкоторое время и конюшня де иная церкви лучше». Онъ былъ арестованъ и осужденъ вмѣстѣ съ Логгиномъ какъ за это безчинство, такъ и за

то, что они подали царю на патріарха жалобу по поводу осужденія Неронова. Аввакумъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Это столкновеніе Никона съ вліятельнымъ кружкомъ московскихъ поповъ при самомъ первомъ шагѣ задуманныхъ имъ исправленій, показало ему всю невозможность дѣйствовать при церковныхъ исправленіяхъ одному. Его личныя распоряженія и въ будущемъ могли вызвать такое же противорѣчіе. Необходимо было поэтому *созвать соборъ*, который своимъ авторитетомъ поддержалъ бы и узаконилъ дѣло исправленія. И вотъ весною въ 1654 г. патріархъ съ государемъ созываютъ церковный соборъ; на немъ было: 5 митрополитовъ, 5 архіепископовъ и епископовъ, 11 архимандритовъ и игуменовъ и 13 протопоповъ. Соборъ начался рѣчью Никона, въ которой онъ указалъ на неисправность нашихъ книгъ и обрядовъ и доказывалъ необходимость ихъ исправленія. Соборъ призналъ, что исправленіе необходимо и постановилъ, что книги всѣ надо исправить, свѣряясь съ древними и Греческими книгами. Только епископъ Павелъ Коломенскій подалъ особое мнѣніе; противъ реформъ онъ ничего не имѣлъ, но въ частности былъ противъ вновь положеннаго количества поклоновъ за молитвой «Господи и Владыко живота моего». Это противорѣчіе собору не прошло Павлу Коломенскому даромъ: онъ былъ скоро сосланъ.

Но это самое противорѣчіе показывало, что опредѣленіе *Русскаго Собора* можетъ быть нѣкоторыми непризнано, что въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ исправленіе, нуженъ высшій авторитетъ. Никону стало ясно, что для болѣе успѣшнаго дѣйствія ему необходимо заручиться авторитетомъ всей восточной Церкви. Поэтому, начиная приводить въ исполненіе постановленія собора 1654 г. патріархъ и царь посылаютъ (1654) въ Константинополь свои грамоты, заключающія 26 вопросовъ по дѣлу исправленія и просятъ Константинопольскаго патріарха Паисія отвѣтить на эти вопросы. Паисій собралъ поэтому соборъ Константинопольскаго духовенства и «*дѣянія*» этого собора, вполнѣ одобряющія планы Никона и постановленія Московскаго собора 1654 г. послалъ въ Москву. Такимъ обр. Греческая церковь оффиціально была привлечена къ дѣлу исправленія Русскихъ книгъ.

Еще раньше, собирая въ Москву древнія славянскія книги, Никонъ теперь (1654 г.) вторично посылаетъ Арсенія Суханова на Востокъ собирать древнія Греческія книги. Благодаря сочувствію и содѣйствію Аѳонскихъ монаховъ, Суханову удается вывезти съ Аѳона до 500 книгъ. Съ такимъ же сочувствіемъ къ Никону отнеслись и патріархи Антіохійскій и Александрійскій; они со своей стороны присылали древнія книги въ Москву.

Одновременно съ собираніемъ новыхъ матеріаловъ для работъ по исправленію книгъ, во главѣ исправленій были поставлены новыя лица, Кіевскій іеромонахъ Епифаній Свавинскій, Арсеній Сухановъ и греки Діонисій «святогорецъ» съ Аѳона и Арсеній-Грекъ, учившійся въ Римѣ и Венеціи. Послѣдняго, когда онъ былъ въ Малороссіи и Греціи, греки и южане считали за еретика-католика, а потому, по прибытіи въ Москву, онъ былъ посланъ на три года въ Соловки на испытаніе. Когда Соловецкіе монахи признали его православнымъ,

Никонъ взялъ его къ себѣ въ справщики. Но молва о его еретичествѣ продолжала ходить по Москвѣ и его присутствіе соблазняло многихъ приверженцевъ старины (напр. Неронова).

Первая исправленная книга «Служебникъ»-трудъ новыхъ справщиковъ, была наконецъ выпущена въ 1655 г. Эта книга предварительно была прочтена на духовномъ соборѣ, нарочно для того созванномъ и одобрена присутствовавшими на немъ Греческими іерархами: патріархомъ Антіохійскомъ Макаріемъ и автокефальнымъ митрополитомъ Сербскимъ—Гавріиломъ.

Одновременно съ исправленіемъ книгъ совѣщались и объ исправленіи обрядовъ, для чего созывались соборы и на соборѣ 1656 г. впервые занялись вопросомъ о двуперстіи. Между тѣмъ въ народѣ проявлялся ропотъ на новшества: новыхъ книгъ мѣстами не хотѣли принимать, считая ихъ испорченными. Но людей могущихъ стать во главѣ протестующихъ, не было. Только Иванъ Нероновъ, который былъ въ ссылкѣ въ Спаско-Каменскомъ монастырѣ сталъ какъ бы центромъ движенія противъ Никона на сѣверѣ, гдѣ онъ возстановлялъ народъ на патріарха. Затѣмъ ему удалось бѣжать изъ ссылки въ самую Москву, здѣсь онъ долго скрывался отъ Никона и энергично пропагандировалъ противъ него. На соборѣ 1656 г. (онъ хотя и не былъ сысканъ) былъ осужденъ и преданъ анаѳемѣ вмѣстѣ со своими единомышленниками. Хотя потомъ Нероновъ самъ явился къ Никону и былъ Никономъ прощенъ, хотя эта распря окончилась примиреніемъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи (митроп. Макарій) это анаѳемствованіе считаетъ за начальный моментъ раскола

Такъ дѣло шло до оставленія Никономъ патріаршаго престола въ 1658 г. Соображая всѣ обстоятельства исправленія книгъ и обрядовъ и протесты противъ этихъ исправленій за время 1653—1658 гг.. (съ начала до удаленія Никона), мы можемъ сказать, что съ одной стороны Никонъ вполнѣ сознательно приступилъ къ дѣлу исправленія и былъ въ немъ активнымъ дѣятелемъ, но онъ не рѣшался своею властью дѣлать многаго и почти на всѣ свои мѣры требовалъ санкцію духовныхъ соборовъ и не только русскихъ, но и восточныхъ. Эта санкція всей каѳолической церкви касательно частныхъ дѣлъ Русской церкви придавалали дѣлу особую торжественность и сообщала ему характеръ общецерковнаго искорененія ересей въ Русской церкви. Взглядъ на старыя русскія обрядности, какъ на ереси, несомнѣнно существовалъ въ то время и сказался на соборѣ 1656 г. (противъ Неронова).

Гораздо легче относился къ отступленіямъ Русской Церкви Константинопольскій соборъ 1654—1655 г.

Въ свою очередь въ глазахъ поклонниковъ старинной обрядности поправки Никона прямо были ересями и протестовали эти люди противъ Никона именно потому, что онъ вводилъ «еретическія» новшества.

Не обращаясь къ протестамъ противъ Никона, мы должны замѣтить съ другой стороны, что въ промежутокъ времени съ 1653 г. по 1658 г. противодѣйствіе Никону не выражалось рѣзко и въ большихъ

размѣрахъ. Только Нероновъ со своими рѣзкостями явился опредѣленнымъ протестомъ. Замѣчательно, что противодѣйствіе исправленію проявлялось раньше, чѣмъ принимались мѣры исправленія,—протестовали тогда, когда еще существовали лишь проэкты реформъ (мы видѣли, что московскіе попы подали царю еще 1653 г. челобитье противъ Никона въ защиту двоеперстія, хотя двоеперстіе стало возбраняться лишь съ 1655—1656 г.г.). Это противодѣйствіе Никону исходило первоначально изъ одного кружка поповъ, кот. были вліятельны при Іосифѣ и потеряли вѣсъ при Никонѣ; явилось оно частью по личной непріязни къ Никону, частью изъ чувства національной гордости, оскорбленной тѣмъ, что дѣло исправленія переходило въ нерусскія руки. Далѣе это противодѣйствіе патріарху, повторяемъ, не перешло до 1658 г. въ открытый расколъ, не проявлялось рѣзко, хотя протестовавшему кружку поповъ тайно сочувствовали многіе (объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ, Павелъ Алеппскій, діаконъ патріарха Макарія Антіохійскаго, бывшій съ патріархомъ въ 50 годахъ XVII в. въ Москвѣ и оставившій любопытныя записки).

Такъ стояло дѣло въ моментъ удаленія Никона съ патріаршаго престола въ 1658 г. Послѣ же удаленія Никона противодѣйствіе реформамъ церковнымъ быстро разростается.

По удаленіи Никона во главѣ Русской церкви сталъ Крутицкій митрополитъ Питиримъ. Въ дѣлѣ исправленія первое мѣсто занимали справщики, оно велось въ томъ же направленіи; но безъ Никона въ дѣлѣ не было прежней энергіи. Протестъ противъ исправленій значительно подавляемый личными свойствами, громадной властью и вліяніемъ Никона, становится съ его удаленіемъ все яснѣе, смѣлѣе и настойчивѣе. Во главѣ его, какъ и прежде стоитъ Нероновъ, человѣкъ не глупый и рѣзкій, интриганъ, способный на доносъ; онъ былъ прежде избалованъ московскими властями и былъ вліятеленъ по своему положенію (протопопъ Московскаго-Казанскаго собора). Въ дѣлѣ противодѣйствія іерархіи онъ то приноситъ ей раскаяніе, то отъ нея отпадаетъ; нужно сказать, что онъ игралъ роль между протестующими больше благодаря своему положенію, нежели личнымъ достоинствамъ. Другой вожакъ протопопъ Аввакумъ. Это былъ крупный самородокъ, очень умный отъ природы, но необразованный человѣкъ. „Аще я и несмышленъ гораздъ, неученый человѣкъ", говорилъ онъ про себя самъ, „не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, яко же и апостолъ глаголетъ, аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ". Подобная самоувѣренность рѣчи вызывалась въ Аввакумѣ не самомнѣніемъ. Аввакумъ—фанатикъ (онъ видитъ видѣнія и вѣритъ въ свое непосредственное общеніе съ Богомъ), но онъ честенъ и не подкупенъ, онъ способенъ слѣпо проникаться однимъ какимъ нибудь чувствомъ, готовъ на мученія. Онъ спокойно говоритъ въ одной изъ свихъ челобитныхъ царю: «вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государь, отъ докуки нашей... Не сладко и намъ, егда ребра наши ломаютъ и, развязавъ насъ, кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ гладомъ... А все церкви ради Божія страждемъ" добавляетъ онъ и дальше повѣстствуетъ о всѣхъ своихъ страданіяхъ за вѣру. Онъ

и умеръ вѣрный себѣ, мученическою смертью. Въ его чрезвычайно интересныхъ сочиненіяхъ проглядываютъ иногда нетерпимость, изувѣрство, но есть въ нихъ и очень симпатичныя и вызывающія къ нему уваженіе, черты. Изъ новыхъ вожаковъ, выдвинувшихся уже послѣ удаленія Никона, извѣстны слѣдующія лица: епископъ Вятскій Александръ, прежде произносившій анаѳемы противъ Неронова, а потомъ приставшій къ протестующимъ; попъ Лазарь, сосланный въ 1661 г. за обличеніе новшествъ, личность очень несимпатичная; (извѣстный Сербъ Юрій Крижаничъ, знавшій Лазаря, рисуетъ его очень неприглядными чертами); Никита, по прозвищу Пустосвятъ, личность мелкая, самолюбивая и крайне непослѣдовательная. Рядомъ съ этими вожаками раскола стоятъ: діаконъ Ѳедоръ, довольно образованный богословски человѣкъ сравнительно съ прочими расколоучителями; далѣе ученикъ Неронова Ѳеоктистъ, Московскій игуменъ, тайно преданный расколу и, не выступившій въ роли учителя какъ другіе, но тѣмъ не менѣе много помогавшій дѣлу раскола. За этими лицами слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ дѣятелей, менѣе замѣтныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствуя въ 50-хъ и 60-хъ г.г. XVII столѣтія въ Москвѣ, пользовались большой поддержкою въ обществѣ и даже въ царскомъ теремѣ находили сочувствующихъ себѣ лицъ.

Сама царица Марья Ильинишна (Милославская) сочувствовала нѣкоторымъ изъ нихъ, а ея родня, боярыни Ѳеодосія Прокопьевна Морозова и Евдокія Прокопьевна Урусова были прямыми раскольницами и пострадали за свою приверженность старой обрядности (подробную біографію Ѳ. П. Морозовой см. у Забѣлина въ «Бытѣ Русскихъ царицъ», изд. 2, стр. 105—148).

Поддерживаемые сочувствіемъ въ обществѣ и бездѣйствіемъ властей, кот. сквозь пальцы смотрѣли на дѣятельность расколоучителей, противники церковной реформы во время отъ 1658 до 1666 г. дѣйствовали въ Москвѣ очень свободно и многимъ успѣли привить свои воззрѣнія. Первоначальный кружокъ противниковъ Никона въ это время перешелъ въ цѣлую партію противниковъ церковныхъ новшествъ; личные мотивы, много значившіе въ началѣ церковной распри, теперь изчезли и замѣнились чисто принципіальнымъ протестомъ противъ измѣненій въ обрядности, противъ новыхъ ересей. Словомъ начинался расколъ въ Русской церкви.

И не въ одной Москвѣ онъ проявлялся. Оппозиція церковнымъ исправленіямъ была во всемъ государствѣ, она являлась напр., во Владимірѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Муромѣ; на крайнемъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, еще съ 1657 г. обнаруживается рѣзкое движеніе противъ «новинъ», и переходитъ въ открытый бунтъ, въ извѣстное Соловецкое возмущеніе, подавленное только въ 1676 г. Огромное нравственное вліяніе Соловковъ на сѣверѣ Руси приводитъ къ тому, что расколъ распространяется по всему сѣверу. И нужно замѣтить, что въ этомъ движеніи за церковную старину, принимаютъ участіе не только образованные люди того времени (напр. духовенство), но и народныя массы. Писанія расколоучителей расходятся быстро и читаются всѣми. Изслѣдователей удивляетъ изумительно быстрое рас-

пространеніе раскола; замѣчая, что онъ, съ одной стороны, самостоятельно возникаетъ сразу во многихъ мѣстностяхъ безъ вліянія расколоучителей изъ Москвы, а съ другой стороны очень легко прививается ихъ пропагандой, гдѣ бы она не появилась, изслѣдователи вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ удовлетворительно объяснить причинъ такого быстраго роста церковной оппозиціи. Первоначальная исторія раскола и ходъ его распространенія не настолько еще изучены, чтобы можно было въ объясненіи причинъ раскола идти далѣе предположеній.

Однако въ научныхъ трудахъ по исторіи раскола вопросъ о причинахъ появленія раскола не разъ обсуждался; существуютъ въ объясненіи этихъ причинъ двѣ тенденціи: одна понимаетъ расколъ какъ явленіе исключительно церковное; другая видитъ въ расколѣ общественное движеніе не исключительно религіознаго содержанія, но вылившееся въ форму церковнаго протеста (Щаповъ). Различая въ этомъ дѣлѣ вопросъ о причинахъ возникновенія раскола отъ вопроса о его быстромъ распространеніи, можно сказать, что протестъ, приведшій къ расколу, возникъ исключительно въ сферѣ церковной по причинѣ особенностей реформы Никона, что доктрина раскола, высказанная расколоучителями въ ихъ сочиненіяхъ есть исключительно церковная доктрина, т. что мы не имѣемъ основанія разсматривать расколъ иначе, какъ явленіе *исключительно* церковное. Что же касается до вопроса о быстромъ распространеніи раскола, то здѣсь, кромѣ причинъ, лежавшихъ въ религіозномъ сознаніи нашихъ предковъ, косвеннымъ образомъ могли дѣйствовать и условія общественной жизни того времени; жизнь шла очень тревожно, какъ мы видѣли, и могла будить въ обществѣ чувство неудовлетворенности, кот. дѣлало людей воспріимчивѣе и въ дѣлахъ вѣры. Такимъ образомъ только, какъ кажется намъ, могли условія общественной жизни отразиться на распространеніи раскола.

Въ 60-хъ гг. XVII в., благодаря отсутствію энергіи у лицъ, ведшихъ послѣ Никона дѣло исправленія и благодаря тому, что власть терпимо относилась къ протестамъ, расколъ явно крѣпъ въ Москвѣ, къ нему открыто примыкали нѣкоторые іерархи (напр. Александръ Вятскій) и «соблазнъ» становился смѣлѣе годъ отъ году. Въ такомъ положеніи нъ 1666 г. въ Москвѣ рѣшили созвать о расколѣ церковный соборъ. Онъ состоялся весною въ 1666 г. Прежде всего на соборѣ занялись обсужденіемъ предварительныхъ вопросовъ: православны-ли Греческіе патріархи? Праведны ли и достовѣрны ли греческія богослужебныя книги? Праведенъ ли Московскій соборъ 1654 г., рѣшившій исправленіе книгъ и обрядовъ? При обсужденіи Соборъ на эти вопросы отвѣтилъ утвердительно и тѣмъ самымъ призналъ правильною реформу Никона, утвердилъ ее и осудилъ принципіально расколъ. Затѣмъ соборъ судилъ извѣстныхъ намъ расколоучителей и присудилъ ихъ къ лишенію священныхъ сановъ и къ ссылкѣ. Всѣ они (кромѣ Аввакума и діакона Ѳедора) принесли послѣ собора покаяніе и были приняты въ церковное общеніе. Послѣ суда соборъ составилъ окружную грамоту духовенству съ наставленіемъ слѣдовать церковной реформѣ, а затѣмъ разсмотрѣлъ и одобрилъ къ изданію ученую апологію церковной реформы, книгу извѣстнаго Кіевлянина Симеона Полоцкаго «Жезлъ

правленія» (Москва 1666), кот. направлена была противъ раскольничьихъ челобитій, о вѣрѣ, поповъ Никиты Пустосвята и Лазаря и начинаетъ собою рядъ послѣдующихъ полемическихъ сочиненій о росколѣ.

Тотчасъ послѣ собора 1666 г. состоялся въ Москвѣ въ 1666—67 гг. *«великій соборъ»* церковный съ участіемъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго. Соборъ былъ созванъ о дѣлѣ патріарха Никона, но занялся и расколомъ. Онъ одобрилъ всѣ постановленія предъидущаго собора, утвердилъ и благословилъ всѣ частности Никоновой реформы (хотя судилъ Никона, кк. увидимъ ниже) и изрекъ анаѳему на тѣхъ, кто ослушается его постановленій и не приметъ нововведеній Никона. Эта анаѳема въ исторіи нашего раскола, получила большое значеніе. Ею всѣ послѣдователи старой обрядности поставлены были въ положеніе еретиковъ; она до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для сближенія старообрядцевъ съ православіемъ, даже въ единовѣріи. Тогда же эта анаѳема, еще безформенное движеніе, хотя сильную, но шедшую въ разбродъ оппозицію, сразу превратила въ формальный расколъ и вмѣсто того, чтобы уничтожить смуту, кк. надѣялся соборъ 1667 г., только усилила и обострила ее. Съ той поры, съ 1667 г. мы наблюдаемъ съ одной стороны дальнѣйшее распространеніе раскола и внутреннее развитіе его доктринъ (въ концѣ XVII в. въ расколѣ стала формироваться двоякая организація: поповщинская и безпоповщинская), съ другой стороны рядъ мѣръ, принимаемыхъ противъ раскола церковью и государствомъ, пришедшимъ на помощь церкви. Эти мѣры были двухъ родовъ: увѣщательныя и карательныя. Первыя создали у насъ обширную полемическую литературу о расколѣ, вторыя же поставили раскольниковъ въ исключительное положеніе въ государствѣ.

До 50-хъ годовъ нашего вѣка о расколѣ знали только по догматически—полемическимъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ раскольниковъ. Научное же изслѣдованіе его, кк. историческаго явленія, стало возможно, по чисто внѣшнимъ условіямъ, только со второй половины нашего столѣтія.

Въ 60-хъ и частью 50-хъ г.г. изслѣдованіе раскола пошло очень оживленно, стали издавать памятники раскольничьей литературы, писать очерки раскольничьяго быта, изслѣдовать исторію раскола. Длинный рядъ историческихъ трудовъ о расколѣ открывается «Исторіей Русскаго раскола» (СПБ. 1855) Макарія, епископа Винницкаго, затѣмъ митрополита Московскаго. Изъ прочихъ трудовъ назовемъ трудъ А. П. Щапова, «Русскій расколъ старообрядчества», труды П. И. Мельникова «Письма о расколѣ» и «Историческіе очерки поповщины». [1]) Начальная исторія раскола вновь прекрасно разсмотрѣна въ XII томѣ «Исторіи Русской церкви» митрополита Макарія. Въ массѣ прочихъ трудовъ къ сожалѣнію весьма много спекулятивныхъ произведеній. Писали исторію и сами раскольники. Изъ ихъ историческихъ трудовъ стоитъ упомянуть: «Виноградъ Россійскій» Семена Денисова (XVIII в.),

[1]) Онъ же далъ превосходные бытовые очерки раскола въ своихъ своеобразныхъ романахъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» и въ отдѣльныхъ повѣстяхъ. Покойный Павелъ Ивановичъ былъ исключительный знатокъ раскола.

гдѣ заключаются свѣдѣнія о началѣ и распространеніи раскола и «Хронологическое ядро старообрядческой церкви» Павла Любопытнаго (перечень событій съ 1650 по 1819 г.). Но оба эти труда не научны.

Другимъ выдающимся фактомъ въ церковной сферѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ было такъ называемое «дѣло патріарха Никона». Подъ этимъ названіемъ разумѣется обыкновенно распря патріарха съ царемъ въ 1658—1666 г.г. и лишеніе Никона патріаршества. Ссора Никона съ царемъ, его удаленіе съ патріаршаго престола и судъ надъ Никономъ—сами по себѣ событія крупныя, а для историка они получаютъ особый интересъ еще и потому, что къ личной ссорѣ и церковному затрудненію здѣсь примѣшался вопросъ объ отношеніи свѣтской и церковной властей на Руси. Вѣроятно, въ силу такихъ обстоятельствъ это дѣло и вызвало къ себѣ большое вниманіе въ наукѣ и много изслѣдованій; очень значительное мѣсто дѣлу Никона, напр., удѣлилъ С. М. Соловьевъ въ XI т. «Исторіи Россіи». Онъ относится къ Никону далеко не съ симпатіей и винитъ его въ томъ, что благодаря особенностямъ его непріятнаго характера и неразумному поведенію, дѣло приняло такой острый оборотъ и привело къ такимъ печальнымъ результатамъ, кк. низложеніе и ссылка патріарха. Противъ взгляда, высказаннаго Соловьевымъ, выступилъ Субботинъ въ своемъ сочиненіи «Дѣло патріарха Никона» (М. 1862). Онъ группируетъ въ этомъ дѣлѣ черты, ведущія къ оправданію Никона и всю вину печальнаго исхода распри царя съ патріархомъ возлагаетъ на бояръ, враговъ Никона и на Грековъ, впутавшихся въ это дѣло. Во всѣхъ общихъ трудахъ по Русской исторіи много найдется страницъ о Никонѣ, но мы упомянемъ здѣсь только труды митрополита Макарія («Исторія Русской Церкви», т. XII. С.П.Б. 1883 г.), гдѣ вопросъ о Никонѣ разсмотрѣнъ по новымъ источникамъ и высказывается отношеніе къ Никону такое же почти какъ у Соловьева, и трудъ Гюббенета «Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона» (2 т. С.ПБ. 1882 и 1884 г.г.) объективно написанное и стремящееся возстановить въ строгомъ порядкѣ немного странную связь фактовъ. Изъ сочиненій иностранныхъ нужно упомянуть Англійскаго богослова Пальмера, который въ своемъ трудѣ «The Patriach and the Tzar» (London 1871—1876 г.) сдѣлалъ замѣчательный сводъ данныхъ о дѣлѣ Никона, переведя на англійскій языкъ отрывки изъ трудовъ русскихъ ученыхъ о Никонѣ и массу матеріала, кк. изданнаго, такъ и не изданнаго еще въ Россіи (онъ пользовался документами московской Синодальной библіотеки).

Обстоятельства оставленія Никонономъ патріаршаго престола и низложенія Никона мы изложемъ кратко въ виду того, что все дѣло Никона слагается изъ массы мелочныхъ фактовъ, подробный отчетъ о которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста. Мы уже видѣли, какъ Никонъ достигъ патріаршества. Нужно замѣтить, что онъ былъ почти на 25 лѣтъ старше Алексѣя Михайловича, эта разница лѣтъ облегчала ему вліяніе на царя. Это не была дружба сверстниковъ, а вліяніе очень умнаго, дѣятельнаго и замѣчательно краснорѣчиваго человѣка почтенныхъ лѣтъ, на мягкую впечатлительную душу юнаго царя. Съ одной стороны была любовь и глубокое уваженіе мальчика,

съ другой—желаніе руководить этимъ мальчикомъ. Энергичная, но черствая натура Никона не могла отвѣчать царю на его идеальную симпатію такимъ же чувствомъ. Никонъ былъ практикъ, Алексѣй Михаиловичъ—идеалистъ. Когда Никонъ сталъ патріархомъ съ условіемъ, что царь не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, значеніе Никона было очень велико: мало по малу онъ становится въ центрѣ не только церковнаго, но и государственнаго управленія. Царь и другіе, по примѣру царя, стали звать Никона не «великимъ господиномъ», какъ обыкновенно величали патріарховъ, а «великимъ государемъ», каковымъ титуломъ пользовался, только патріархъ Филаретъ, какъ отецъ государя. Никонъ стоялъ очень близко ко двору, чаще прежнихъ патріарховъ участвовалъ въ царскихъ трапезахъ и самъ царь часто бывалъ у него. Бояре въ сношеніяхъ съ патріархомъ по дѣламъ, называли себя передъ нимъ, какъ передъ царемъ, полуименемъ (напр. въ грамотѣ: «Великому Государю святѣйшему Никону патріарху.... Мишка Пронской, съ товарищами челомъ бьютъ». И самъ Никонъ величаетъ себя «великимъ государемъ», въ грамотахъ пишетъ свое имя рядомъ съ царскимъ, какъ писалось имя патріарха Филарета, а въ новоизданномъ Служебникѣ 1655 г. Никонъ помѣщаетъ даже слѣдующія слова: «да дастъ же Господь имъ государямъ (т. е. царю Алексѣю Михайловичу и патріарху Никону)... желаніе сердецъ ихъ; да возрадуются вси, живущіе подъ державою ихъ... яко да подъ единымъ государскимъ повелѣніемъ вси повсюду православніи народы живущи... славити имутъ истиннаго Бога нашего». Такимъ образомъ Никонъ свое правленіе называлъ державою и свою власть равнялъ открыто съ государевою. По современному выраженію, Никонъ, ставъ патріархомъ, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко». Его упрекали, такимъ образомъ въ томъ, что онъ забылся, возгордился. Онъ, дѣйствительно, держалъ себя гордо, какъ «великій государь» и было основаніе для этого: Никонъ достигъ того, что правилъ всѣмъ государствомъ, съ 1654 г., когда царь былъ на войнѣ и дума боярская слушала его, какъ царя. Политическое вліяніе Никона возросло до того, что, современники готовы были считать его власть даже большею, чѣмъ власть царя. Нероновъ говаривалъ Никону: «какая тебѣ честь, владыко святый, что всякому ты страшенъ, и другъ другу говорятъ грозя,—«Знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый—левъ или медвѣдь, или волкъ»? Дивлюсь: государевы—царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны; никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха»? И самъ Никонъ склоненъ былъ считать себя равнымъ царю по власти, если даже не сильнѣйшимъ,—разъ на соборѣ (лѣтомъ 1653 г). въ спорѣ съ Нероновымъ Никонъ опрометчиво произнесъ, что присутствіе на соборѣ царя, какъ этого требовалъ Нероновъ, не нужно «мнѣ и царская помощь не годна и не надобна», крикнулъ онъ и съ полнымъ презрѣніемъ отозвался объ этой помощи.

Но вліяніе Никона основывалось не на законѣ и не на обычаѣ, а единственно на личномъ расположеніи къ Никону царя (будь Никонъ не патріархъ, мы бы назвали его временщикомъ). Такое положеніе

Никона вмѣстѣ съ его поведеніемъ, гордымъ и самоувѣреннымъ, вызвало къ нему вражду въ придворной средѣ, въ боярахъ, потерявшихъ, благодаря его возвышенію, часть своего вліянія, (Милославскіе и Стрѣшневы), есть свидѣтельства (у Мейерберга), что и царская семья была настроена противъ Никона. При дворѣ на Никона смотрѣли, какъ на непрошеннаго деспота, держащагося единственно расположеніемъ царя. Если отнять это расположеніе, вліяніе Никона изчезнетъ и власть его уменьшится.

Не такъ, однако, думалъ самъ Никонъ. Онъ иначе и не представлялъ себѣ патріаршей власти какъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ ему удавалось ее осуществлять. По его понятію власть патріарха чрезвычайно высока, она даже выше верховной власти свѣтской: Никонъ требовалъ полнаго невмѣшательства свѣтской власти въ духовныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ за патріархомъ право на широкое участіе и вліяніе въ политическихъ дѣлахъ; въ сферѣ же церковнаго управленія Никонъ считалъ себя единымъ и полновластнымъ владыкой. Съ подчиненнымъ ему духовенствомъ обращался сурово, держалъ себя гордо и недоступно, словомъ, былъ настоящимъ деспотомъ въ управленіи клиромъ и паствой. Онъ былъ очень скоръ на тяжкія наказанія, легко произносилъ проклятія на провинившихся и вообще не останавливался передъ крупными мѣрами. По энергіи характера и по стремленію къ власти Никона охотно сравниваютъ съ папою Григоріемъ VII Гильдебрантомъ. Однако, во время своего управленія церковью Никонъ не истребилъ тѣхъ злоупотребленій и тягостей, которыя легли на духовенство при его предшественникѣ Іосифѣ и вызывали жалобы. Въ 1658 г. порядки, удержанные и вновь заведенные Никономъ, вызвали любопытное челобитье царю на патріарха. Хотя оно было подано противниками повшествъ, однако касается не только реформъ Никона, но и его админастративныхъ привычекъ и очень обстоятельно рисуетъ Никона, какъ администратора, съ несимпатичной стороны. По этому челобитью видно, что противъ него и въ средѣ духовенства былъ большой ропотъ. Про Никона надо вообще замѣтить, что его любили отдѣльныя лица, но личность его не возбуждала *общей* симпатіи, хотя нравственная ея мощь покоряла ей толпу.

До польской войны 1654 г. симпатіи юноши царя къ Никону не колебались. Уѣзжая на войну Алексѣй Михаиловичъ отдалъ на попеченіе Никона и семью и государство. Вліяніе Никона, казалось все росло и росло, хотя царю были извѣстны многія выходки Никона и то, какъ Никонъ отзывался о царской помощи, что она ему «не надобна», и то, что Никонъ не жаловалъ уложенія называя его «проклятою книгою» исполненною «беззаконій». Но во время войны царь возмужалъ, много увидѣлъ новаго, развился и пріобрѣлъ большую самостоятельность. Этому способствовали самыя обстоятельства военной жизни, имѣвшей вліяніе на впечатлительную натуру царя и то, что Алексѣй Михайловичъ въ походахъ освободился отъ московскихъ вліяній и однообразной житейской обстановки въ Москвѣ; но измѣняясь самъ, царь еще не измѣнялъ своихъ прежнихъ отношеній къ старымъ друзьямъ. Онъ былъ очень хорошъ съ Никономъ, по прежнему назы-

валъ его своимъ другомъ. Однако между ними стали происходить размолвки. Одна такая размолвка случилась на Страстной недѣлѣ въ 1656 году по поводу церковнаго вопроса (о порядкѣ Богоявленскаго водоосвященія). Уличая Никона въ томъ, что онъ слукавилъ, царь очень разсердился и въ спорѣ назвалъ Никона «мужикомъ и глупымъ человѣкомъ». Но дружба ихъ все еще продолжалась до Іюля 1658 г. до всѣмъ извѣстнаго столкновенія Хитрово съ княземъ Мещерскимъ на пріемѣ Грузинскаго царевича Теймураза. Въ Іюлѣ 1658 г. послѣдовалъ внезапный разрывъ.

Въ объясненіе причины разрыва, Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ, изслѣдователи нѣсколько расходятся, благодаря неполнотѣ фактическихъ данныхъ объ этомъ событіи. Одни (Соловьевъ, митрополитъ Макарій) объясняютъ разрывъ возмущеніемъ царя съ одной стороны и рѣзкостями въ поведеніи Никона съ другой; у нихъ дѣло представляется такъ, что охлажденіе между царемъ и патріархомъ происходило постепенно и само по себѣ, незамѣтно привело къ разрыву. Другіе (Субботинъ, Гюббенетъ и покойный профессоръ Дерптскаго университета П. Е. Медовиковъ, написавшій «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича» М. 1854 г.) полагаютъ, что къ разрыву привели навѣты и козни бояръ, которымъ они склонны придавать въ дѣлѣ Никона очень ужъ существенное значеніе. Надо замѣтить, что С. М. Соловьевъ также не отрицаетъ участія бояръ въ этомъ дѣлѣ, но ихъ интриги и «шептанія», какъ факторъ второстепенный, стоятъ у него на второмъ планѣ.

Когда царь не далъ должной, по мнѣнію Никона, расправы на Хитрово, обидѣвшаго патріаршаго боярина при въѣздѣ Теймураза и пересталъ посѣщать патріаршее служеніе, Никонъ уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь, отказавшись отъ патріаршества «на Москвѣ» и не дождавшись объясненія съ царемъ. Черезъ нѣсколько дней царь послалъ Трубецкаго и Лопухина спросить у патріарха, какъ понимать его поведеніе—совсѣмъ ли онъ отказался отъ патріаршества или нѣтъ? Никонъ отвѣчалъ царю очень сдержанно, что онъ не считаетъ себя патріархомъ «на Москвѣ» и далъ свое благословеніе на выборы новаго патріарха и на передачу патріаршихъ дѣлъ во временное завѣдываніе Питирима, митрополита Крутыцкаго. Никонъ затѣмъ просилъ прощенія у Алексѣя Михайловича за свое удаленіе и царь простилъ его. Поселясь въ Воскресенскомъ монастырѣ (отъ Москвы верстахъ въ 40 на сѣверо-западъ), принадлежавшемъ Никону лично, онъ занялся хозяйствомъ и постройками и просилъ Алексѣя Михайловича не оставлять его обители государевой милостыней. Царь со своей стороны милостиво обращался съ Никономъ и отношенія между ними не походили на ссору. Царю доносили, что Никонъ рѣшительно не хотѣлъ «быть въ патріархахъ» и царь заботился объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона. Въ избраніи патріарха тогда и заключился весь вопросъ; дѣло обѣщало уладиться мирно; но скоро начались неудовольствія. Никонъ узналъ, что свѣтскіе люди разбираютъ патріаршія бумаги, оставленныя въ Москвѣ, обидѣлся на это и написалъ по этому поводу государю письмо съ массою упрековъ, жалуясь

и на то, между прочимъ, что изъ Москвы къ Никону никому не позволяютъ ѣздить. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться, что его не считаютъ патріархомъ и очень разсердился на митрополита Питирима за то, что тотъ рѣшился замѣнить собою патріарха въ извѣстной церемоніи шествія на осляти (весною 1659). По этому поводу Никонъ заявилъ, что онъ не желаетъ оставаться патріархомъ «на Москвѣ», но опять не сложилъ съ себя патріаршаго сана. Выходило такъ, что Никонъ не будучи патріархомъ московскимъ, былъ все же патріархомъ Русской церкви и считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ церковныя дѣла; если бы на Москвѣ избрали новаго патріарха, то въ Русской церкви настало бы двупатріаршество. Въ москвѣ не знали, что дѣлать и не рѣшались избирать новаго пастыря.

Лѣтомъ 1659 г. Никонъ неожиданно пріѣхалъ въ Москву, не долго тамъ пробылъ, былъ принятъ царемъ съ большою честью, но объясненій и примиренія между ними не произошло; отношенія оставались неопредѣленными и дѣло не распутывалось. Осенью того же 1659 г. Никонъ съ позволенія царя поѣхалъ навѣстить два другихъ своихъ монастыря: Иверскій (на Валдайскомъ озерѣ) и Крестный (близъ Онеги). Только теперь, въ долгое отсутствіе Никона, рѣшился царь созвать духовный соборъ, чтобы обдумать положеніе дѣлъ и рѣшить, что дѣлать. Въ февралѣ 1660 года начало свои засѣданія Русское духовенство и по разсмотрѣніи дѣлъ опредѣлило, что Никонъ долженъ быть лишенъ патріаршества и священства по правиламъ св. апостоловъ и соборовъ, какъ пастырь, своею волею оставившій паству. Царь не вполнѣ довѣряя правильности приговора, пригласилъ на соборъ и Греческихъ іерарховъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Греки подтвердили правильность соборнаго приговора и нашли ему новыя оправданія въ церковныхъ правилахъ. Но ученый кіевлянинъ Епифаній Славенецкій не согласился съ приговоромъ собора и подалъ царю особое мнѣніе, уличая церковь въ невѣрномъ толкованіи церковныхъ правилъ и доказывая, что у Никона нельзя отнять священства, хотя и должно лишить его патріаршества. Авторитетъ Грековъ былъ, такимъ образомъ, поколебленъ въ глазахъ царя и онъ медлилъ приводить въ исполненіе соборный приговоръ, тѣмъ болѣе, что многіе члены собора (греки) склонны были оказать Никону снисхожденіе и просили объ этомъ государя. И такъ попытка распутать дѣло помощью собора не удалась и Москва оставалась безъ патріарха.

Никонъ же продолжалъ считать себя патріархомъ и высказывалъ, что въ Москвѣ новый патріархъ долженъ быть поставленъ имъ самимъ. Онъ воротился въ Воскресенскій монастырь, узналъ, конечно, о приговорѣ собора, о своемъ низложеніи и понялъ, что теперь ему не легко возвратить утраченную власть. Удаляясь изъ Москвы, онъ разсчитывалъ, что его будутъ умолять о возвращеніи на патріаршій престолъ, но этого не случилось, а соборъ 1660 г. показалъ ему окончательно, что въ Москву его просить не будутъ. Что вліяніе Никона пало совсѣмъ, это увидѣли и другіе: сосѣдъ Никона по землѣ, окольничій Боборыкинъ, вступилъ съ нимъ въ тяжбу, не уступая куска земли, когда то всесильному, патріарху. Недовольный тѣмъ, что Бобо-

рыкину дали судъ на патріарха, Никонъ пишетъ царю письмо, полное укоризнъ и тяжелыхъ обвиненій. Въ то же время онъ не ладитъ съ Питиримомъ, мало обращавшимъ вниманія на бывшаго патріарха, и даже предаетъ его анаѳемѣ. Вообще Никонъ не ожидавшій невыгоднаго для себя оборота дѣла, теряетъ самообладаніе и слишкомъ волнуется отъ тѣхъ непріятностей и уколовъ, какіе постигаютъ его, какъ всякаго павшаго виднаго дѣятеля. Но до 1662 г. противъ Никона не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго, хотя рѣзкія выходки его все больше и больше вооружаютъ противъ него его прежняго друга царя Алексѣя.

Въ 1662 г. пріѣхалъ въ Москву отставленный отъ своей должности Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, очень образованный грекъ, много скитавшійся по Востоку и пріѣхавшій въ Москву съ цѣлью лучше себя обезпечить. Въ XVII в. греческое духовенство очень охотно посѣщало Москву съ подобными намѣреніями. Ловкій дипломатъ, Паисій скоро успѣлъ пріобрѣсти въ Москвѣ друзей и вліяніе. Всмотрѣвшись въ отношеніе царя и патріарха онъ безъ труда замѣтилъ, что звѣзда Никона уже померкла и понялъ на чью сторону ему должно стать: онъ сталъ противъ Никона, хотя самъ пріѣхалъ въ Москву по его милостивому и любезному письму. Сперва по пріѣздѣ своемъ вступилъ онъ въ переписку съ Никономъ, обѣщалъ ему награду на небесахъ за его „неповинныя страданія“, но уговаривалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Никона смириться передъ царемъ. Но уже съ первыхъ дней онъ совѣтывалъ царю не медлить съ патріархомъ, требовать отъ него покорности и низложить его, если не покориться и не „воздержится отъ дѣлъ патріаршихъ“. Какъ ученѣйшему человѣку Лигариду предложили въ Москвѣ отъ имени боярина Стрѣшнева (врага Никона) до 30 вопросовъ о поведеніи Никона съ тѣмъ, чтобы Паисій рѣшилъ, правильно ли поступилъ патріархъ. И Лигаридъ всѣ вопросы рѣшилъ не въ пользу Никона. Узнавъ его отвѣты, Никонъ около года трудился надъ возраженіями и написалъ въ отвѣтъ Лигариду цѣлую книгу страстныхъ и очень мѣткихъ оправданій.

Очевидно подъ вліяніемъ Лигарида царь Алексѣй Михайловичъ въ концѣ 1662 г. рѣшился созвать второй соборъ о Никонѣ. Онъ велѣлъ архіепископу Рязанскому Илларіону составить для собора какъ бы обвинительный актъ, «всякія вины» Никона собрать и приказалъ звать на соборъ восточныхъ патріарховъ.

Никонъ, подавленный отношеніемъ царя къ нему и раньше искалъ мира, посылая къ царю письма и прося его перемѣниться къ нему «Господа ради», теперь же онъ рѣшилъ тайкомъ пріѣхать въ Москву и пріѣхалъ ночью (на Рождествѣ 1662 г.), чтобы примириться съ государемъ и предотвратить соборъ, но тою же ночью уѣхалъ обратно, извѣщенный, вѣроятно своими московскими друзьями, что его попытка будетъ напрасною. Видя, что примиреніе невозможно, Никонъ снова перемѣнилъ поведеніе. Лѣтомъ 1663 г. онъ произнесъ на упомянутаго Боборыкина (дѣло съ которымъ у него продолжалось) такую двусмысленную анаѳему, что Боборыкинъ могъ ее примѣнить

къ самому царю съ царскимъ семействомъ, что онъ и сдѣлалъ, не преминувъ донести въ Москву. Царь чрезвычайно огорчился этимъ событіемъ и тѣмъ, что на слѣдствіи по этому дѣлу Никонъ велъ себя очень заносчиво и наговорилъ много непристойныхъ рѣчей на царя. Объ этомъ, впрочемъ, постарались сами слѣдователи, выводя патріарха изъ себя своими вопросами и своимъ недовѣріемъ къ нему. Если царь Алексѣй Михайловичъ сохранялъ еще какое нибудь расположеніе къ Никону, то послѣ этого случая оно должно было исчезнуть вовсе.

Восточные патріархи, приглашеніе которымъ было послано въ декабрѣ 1662 г., прислали свои отвѣты только въ маѣ 1664 г. Сами не поѣхали въ Москву, но очень обстоятельно отвѣтили царю на тѣ вопросы, какіе царь послалъ имъ о дѣлѣ Никона одновременно со своимъ приглашеніемъ. Они осудили поведеніе Никона и признали, что патріарха можетъ судить и помѣстный (русскій) соборъ, почему присутствіе ихъ въ Москвѣ представлялось имъ излишнимъ. Но царь Алексѣй Михайловичъ непремѣнно желалъ, чтобы въ Москву пріѣхали сами патріархи и отправилъ имъ вторичное приглашеніе. Очень понятно это желаніе царя разобрать дѣло Никона съ помощью высшихъ авторитетовъ церкви; онъ хотѣлъ чтобы въ будущемъ уже не оставалось мѣста сомнѣніямъ и не было возможности для Никона протестовать противъ собора.

Но Никонъ не желалъ собора, понимая, что соборъ обратится на него. Онъ показывалъ видъ, что соборъ для него не страшенъ, но въ то же время сдѣлалъ открыто и гласно первый шагъ къ примиренію, чтобы этимъ уничтожить надобность собора: онъ рѣшился съ помощью, и можетъ быть по мысли, нѣкоторыхъ своихъ друзей (боярина Н. И. Зюзина), пріѣхать въ Москву патріархомъ такъ, какъ когда то уѣхалъ изъ нея. Ночью на 18-е Декабря 1664 г. онъ неожиданно явился на утреню въ Успенскій соборъ, принялъ участіе въ богослуженіи, какъ патріархъ и послалъ извѣстить государя о своемъ приходѣ говоря,— «сшелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ незванный». Однако Государь посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами, собранными тотчасъ же во дворецъ, не пошелъ къ Никону и приказалъ ему уѣхать изъ Москвы. Еще до разсвѣта уѣхалъ Никонъ, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, понимая, окончательное свое паденіе. Дѣло о пріѣздѣ его было разслѣдовано и Зюзинъ поплатился ссылкою. Никону приходилось ожидать патріаршаго суда надъ собою. Въ 1665 г. онъ тайкомъ отправилъ патріархамъ посланіе, оправдывая въ немъ свое поведеніе, чтобы патріархи могли правильнѣе судить о его дѣлѣ; но это посланіе было перехвачено и на судѣ служило вѣскою уликою противъ Никона, потому что было рѣзко написано.

Только осенью 1666 г. пріѣхали въ Москву патріархи: Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій (Константинопольскій и Іерусалимскій сами не пріѣхали, но прислали свое согласіе на пріѣздъ двухъ первыхъ и на судъ Никона). Въ Ноябрѣ 1666 г. начался соборъ, на который былъ вызванъ и Никонъ. Онъ держалъ себя какъ

обиженный, но призналъ соборъ правильнымъ; оправдывался онъ гордо и заносчиво, но повиновался собору. Обвинялъ его самъ царь, со слезами перечисляя «обиды» Никона. Въ Декабрѣ постановили приговоръ Никону, сняли съ него знаки патріаршества и отправили его въ ссылку въ Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь. Такъ окончилось «дѣло патріарха Никона».

Не спокойно выслушалъ Никонъ свой приговоръ: онъ сталъ жестоко бранить греческое духовенство, называя грековъ «бродягами». «Ходите всюду за милостынею», говорилъ онъ имъ и съ ироніею совѣтовалъ подѣлить имъ между собою золото и жемчугъ съ его патріаршаго клобука и панагіи. Иронія Никона многимъ была тогда близка и памятна. Греки дѣйствительно «всюду ходили за милостынею»; потрудившись надъ осужденіемъ Никона въ угоду могущественнѣйшему монарху и радуясь совершенію правосудія, не забывали они при этомъ высказывать надежду, что и теперь не оскудѣетъ къ нимъ милость царская. Въ видахъ этой милости они и до собора и на соборѣ 1666 г. старались возвеличить царскую власть и утвердить ея авторитетъ даже въ дѣлахъ церкви, ставя въ вину Никону его стремленіе къ самостоятельности въ сферѣ церковной. Никонъ, заносчивый непослѣдовательный и много погрѣшившій,—симпатичнѣе для насъ въ своемъ паденіи, чѣмъ Греки съ своими заботами о царской милости.

Соборъ единогласно осудилъ Никона, но когда стали формулировать приговоръ надъ нимъ, то произошло на соборѣ крупное разногласіе по вопросу объ отношеніяхъ властей, свѣтской и духовной. Въ приговорѣ, редактированномъ греками слишкомъ явно и рѣзко проводились тенденціи въ пользу первой: греки ставили свѣтскую власть авторитетомъ въ дѣлахъ церкви и вѣры и противъ этого возстали нѣкоторые русскіе іерархи, (какъ разъ бывшіе враги Никона) за что они и подверглись церковному наказанію. Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи властей принципіально былъ поднятъ на соборѣ 1666—1667 гг. и былъ рѣшенъ соборомъ въ пользу свѣтской власти.

Этотъ вопросъ необходимо долженъ былъ возбудиться на этомъ соборѣ: онъ былъ весьма существеннымъ въ дѣлѣ Никона и проглядывалъ гораздо раньше собора 1666 г. Никонъ боролся и палъ не только изъ за личной ссоры, но и изъ за принципа, который онъ проводилъ. Во всѣхъ рѣчахъ и посланіяхъ Никона прямо сказывался этотъ принципъ и его чувствовалъ самъ царь Алексѣй Михаиловичъ когда (въ 1662 г. въ вопросахъ Стрѣшнева Лигариду и въ 1664 г. въ вопросахъ патріархамъ) ставилъ вопросы о пространствѣ власти царской и архипастырской. Никонъ крѣпко отстаивалъ то положеніе, что церковное управленіе должно быть свободно отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти и церковная власть должна имѣть вліяніе въ политическихъ дѣлахъ. Это воззрѣніе рождалось въ Никонѣ изъ высокаго представленія о церкви, какъ о руководительницѣ высшихъ интересовъ общества; представители церкви, по мысли Никона, тѣмъ самымъ должны стоять выше прочихъ властей. Но такіе взгляды ста-

вили Никона въ полный разладъ съ дѣйствительностью: въ его время, какъ онъ думалъ, государство возобладало надъ церковью и необходимо было возвратить церкви ея должное положеніе: къ этому и шла его дѣятельность (См. Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской Исторіи», Кіевъ 1869 г.). По этому самому распря Никона съ царемъ не была только личною ссорою друзей, но вышла за ея предѣлы; въ этой распрѣ царь и патріархъ являлись представителями двухъ противоположныхъ началъ. Никонъ потому и палъ, что историческое значеніе нашей жизни не давало мѣста его мечтамъ и осуществлялъ онъ ихъ, будучи патріархомъ, лишь по стольку, по скольку ему это позволяло расположеніе царя. Въ нашей исторіи церковь никогда не подавляла и не становилась выше государства и представители ея и самъ митрополитъ Филиппъ Колычевъ (котораго такъ чтилъ Никонъ) пользовались только нравственной силой. А теперь, въ 1666—1667 гг., соборъ православныхъ іерарховъ сознательно поставилъ государство выше церкви.

Этимъ мы могли бы кончить обозрѣніе царствованія Алексѣя Михаиловича если бы для насъ не было важно отмѣтить еще нѣсколько фактовъ, которые отчасти характеризуютъ намъ настроеніе общества того времени. При Алексѣѣ Михаиловичѣ несомнѣнно существовало сильное общественное движеніе: съ нимъ, въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ, мы уже познакомились, мы видѣли, напримѣръ, какіе протесты вызвали экономическія и церковныя мѣры того времени. Но мы не касались одной стороны этого движенія, движенія культурнаго. Замѣчая это послѣднее одинъ изслѣдователь говоритъ о времени Алексѣя Михаиловича, что тогда боролось два общественныхъ направленія и борьба велась «во имя самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій и потому отличалась полнымъ трагизмомъ». Культурныя новшества спорили тогда съ неприкосновенностью старыхъ идеаловъ; они касались всѣхъ сторонъ жизни и кое гдѣ побѣждали. Но изслѣдователь, который захотѣлъ бы намъ представить полную картину борьбы стараго съ новымъ, оказался бы въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ борьба эта оставила мало литературныхъ слѣдовъ. Намъ приходится только отрывочно познакомиться съ разными теченіями общественной жизни и только намѣтить главныхъ ея представителей.

До XV вѣка Русь въ церковномъ отношеніи была подчинена Константинопольскому патріарху, а на Греческаго императора (цезаря, царя) смотрѣли какъ на верховнаго государя православнаго. Флорентійская унія въ 1439 г., грековъ съ католичествомъ, заронила въ русскихъ сомнѣніе въ чистотѣ греческаго исповѣданія. Паденіе Константинополя (въ 1453 г.) русскіе разсматривали какъ Божье наказаніе грекамъ за потерю православія. Въ XV в. исчезъ такимъ образомъ православный греческій царь, померкло греческое православіе отъ уніи и господства невѣрныхъ турокъ. А въ это время Московское княжество объединило Русь, государь Московскій достигъ большого могущества, митрополитъ Московскій былъ пастыремъ свободной и сильной страны. Для русскихъ патріотовъ было ясно, что Москва должна наслѣдовать Константинополю, должна имѣть и царя (цезаря) и патріарха. Выска-

занная на рубежѣ XV и XVI вв. мысль овладѣла умами и была осуществлена правительствомъ въ 1547 г. Иванъ IV сталъ царемъ, въ 1589 году московскій митрополитъ—патріархомъ. Но вызвавъ прогрессивное движеніе та же мысль въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи повела къ консервативнымъ взглядамъ. Если могущественная Греція пала благодаря ереси, то падетъ и Москва, когда потеряетъ чистоту вѣры. Стало быть необходимо беречь эту чистоту и не допускать перемѣнъ, могущихъ ее нарушить. Отсюда, естественно возникло стараніе сохранить благочестивую старину. Необразованный умъ тогдашнихъ мыслителей не умѣлъ отличить догмата отъ внѣшняго обряда и обрядъ, даже мелкій, стали ревниво оберегать, какъ залогъ вѣчнаго правовѣрія и національнаго благоденствія. Съ обрядомъ смѣшали обычай. и берегли обычаи свѣтскіе, какъ обряды церковные. Это охранительное направленіе мысли владѣло многими передовыми людьми и глубоко проникало въ массу. Такое направленіе мысли многіе и считаютъ характерной чертой московскаго общества, даже единственнымъ содержаніемъ его умственной жизни до Петра.

Стремленіе къ самобытности и довольство косностью развивалось на Руси какъ-то параллельно съ нѣкоторымъ стремленіемъ къ подражанію чужому. Вліяніе западно-европейской образованности возникало на Руси изъ практическихъ потребностей страны, которыхъ не могли удовлетворить своими средствами.

Нужда заставляла правительство звать иноземцевъ. Но призывая ихъ и даже лаская, правительство, вь то же время, ревниво оберегало отъ нихъ чистоту національныхъ вѣрованій и жизни. Однако знакомство съ иностранцами все же было источникомъ «новшествъ». Превосходство ихъ культуры неотразимо вліяло на нашихъ предковъ и образовательное движеніе проявилось на Руси еще въ XVI в. хотя и на отдѣльныхъ личностяхъ (Вассіанъ Патрикѣевъ и др.) Самъ Грозный не могъ не чувствовать нужды въ образованіи; за образованіе крѣпко стоитъ и политическій его противникъ, князь Курбскій. Борисъ Годуновъ представляется намъ уже прямымъ другомъ европейской культуры. Лжедмитрій и смута гораздо ближе чѣмъ прежде познакомили Русь «съ латынниками и лютерами», и въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ появилось и осѣло очень много военныхъ, торговыхъ и промышленныхъ иностранцевъ, пользовавшихся большими торговыми привилегіями и громаднымъ экономическимъ вліяніемъ въ странѣ. Съ ними ближе познакомились Москвичи и иностранное вліяніе такимъ образомъ усиливалось. Хотя въ нашей литературѣ и существуетъ мнѣніе, что будто бы насилія иностранцевъ во время смуты окончательно отвратили русскихъ отъ духовнаго общенія съ иностранцами, (с. Кояловича «Исторію русскаго народнаго самосознанія». СПБ. 1884 г.), однако никогда прежде московскіе люди не сближались такъ съ западными европейцами, не перенимали у нихъ такъ часто различныхъ мелочей быта, не переводили столько иностранныхъ книгъ, какъ въ XVII в. Общеизвѣстные факты того времени ясно говорятъ намъ не только о практической помощи со стороны иноземцевъ Московскому правительству, но и объ умственномъ культурномъ вліяніи западнаго люда,

осѣвшаго въ Москвѣ, на московскую среду. Это вліяніе уже замѣтное при царѣ Алексѣѣ въ XVII вѣкѣ (половинѣ), конечно образовалось исподоволь, не сразу и существовало ранѣе царя Алексѣя, при его отцѣ.

Въ половинѣ же XVII вѣка рядомъ съ культурными западно-европейцами появляются въ Москвѣ Кіевскіе схоластики и осѣдаютъ Византійскіе ученые монахи. Съ той поры три чуждыхъ московскому складу вліянія дѣйствуютъ на Москвичей: вліяніе русскихъ-кіевлянъ, болѣе чужихъ грековъ и совсѣмъ чужихъ нѣмцевъ. Ихъ близкое присутствіе сказывалось все болѣе и болѣе и при Алексѣѣ Михайловичѣ стало вопросомъ дня. Всѣ они несомнѣнно вліяли на русскихъ, заставляли ихъ присматриваться къ себѣ все пристальнѣе и пристальнѣе и дѣлили русское общество на два лагеря: людей старозавѣтныхъ и новыхъ. Одни отворачивались отъ новыхъ вѣяній какъ отъ «прелести бѣсовской» другіе же всей душой шли на встрѣчу образованію и культурѣ, мечтали «прелѣсть бѣсовскую» ввести въ жизнь, думали *о реформѣ*. Но оба лагеря не представляли въ себѣ цѣльныхъ направленій, а дробились на много группъ и поставить эти группы хотя въ какой нибудь порядокъ очень трудно. Легко опредѣлить каждую отдѣльную личность XVII вѣка, старый это или новый человѣкъ, но трудно соединить ихъ pia desideria въ цѣльную програму. Каждый думалъ совсѣмъ по своему и нельзя замѣтить въ хаосѣ мнѣній, какой тогда былъ, сколько нибудь опредѣленныхъ общественныхъ теченій.

Мы знаемъ, что время Алексѣя Михайловича богато было и гражданскими и церковными реформами. Въ этихъ реформахъ многіе видѣли новшества и ополчались противъ нихъ, конечно, эти многіе были старозавѣтными людьми. Противъ *церковныхъ новшествъ*, противъ Кіевлянъ и Грековъ шли знакомые намъ расколоучители и ихъ поддерживала значительная часть общества; этимъ создавалось, если умѣстно такъ выразиться, консервативно-національное направленіе въ сферѣ религіозной. Его дѣятели, люди по преимуществу религіозные, съ своей точки зрѣнія осуждали и подражаніе западу и брадобритіе и проч. «ереси». Рядомъ съ ними были люди недовольные *гражданскими* реформами, опять таки съ точки зрѣнія религіозной. Таковъ самъ Никонъ, который относился замѣчательно враждебно къ Уложенію и очень мрачными красками рисовалъ экономическое положеніе Руси въ своихъ писаніяхъ. «Нынѣ невѣдомо, кто не постится», писалъ онъ, «во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего и нѣтъ никого, кто былъ бы помилованъ. Нищіе, маломощные слѣпые, хромые, вдовицы, черницы и чернецы, всѣ обложены тяжкими данями... Нѣтъ никого веселящагося въ наши дни». Причину такого бѣдственнаго положенія онъ видитъ въ Уложеніи и въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, кот. шли за Уложеніемъ, за нихъ то Богъ и посылаетъ бѣды на Русь, ибо порядки эти еретичны, какъ думаетъ Никонъ. Тотъ же граждански консервативный Никонъ не любилъ и Нѣмцевъ и проповѣдывалъ противъ подражанія имъ. За такими сознательными консерваторами, гражданскими и церковными, стояла масса московскаго общества, косная, невѣжественная и гордая близорукимъ чувствомъ своего національнаго превосходства надъ всѣми. Въ этой массѣ мы

видимъ и мелкаго чиновника Голосова съ его компаніей, разсуждающихъ о томъ, что «въ греческой грамотѣ и еретичество есть» и многое множество прочаго люда, недовольнаго реформами.

Противъ нихъ стоятъ очень опредѣленныя фигуры ихъ противниковъ западниковъ XVII в., теоретиковъ и практиковъ, наукой и опытомъ познавшихъ сладость и превосходство европейской цивилизаціи. Эта сторона дала намъ двухъ писателей: Крижанича и Котошихина. Знаемъ мы многихъ ея практическихъ дѣятелей: Ртищева, Ордына-Нащокина, Матвѣева. Къ ней же принадлежало своею дѣятельностью и Кіевское монашество. (Симеонъ Полоцкій и др.)

Самымъ полнымъ теоретикомъ и самой любопытной личностью этого направленія, безъ сомнѣнія, былъ Крижаничъ. Родовитый Хорватъ, онъ печальнымъ положеніемъ своей родины былъ приведенъ къ мысли о необходимости единенія Славянъ и ненавидѣлъ ихъ утѣснителей—нѣмцевъ. Питая панславистскія мечты, онъ видѣлъ въ московскомъ государствѣ единую славянскую державу, способную воплотить его мечтанія въ дѣло. Но пріѣхавъ въ Москву онъ увидѣлъ, какъ невѣжественна и растроена эта держава и понялъ, что Москвѣ нужны реформы для того, чтобы стать на должную высоту и быть достойной своей исторической миссіи—объединенія славянства. Онъ и сталъ проповѣдывать эти реформы, совѣтуя русскимъ учиться у Нѣмцевъ, но учиться не ограничиваясь подражаніемъ внѣшнимъ формамъ жизни (это, по его мнѣнію лишнее), а заимствуя то, что можетъ поднять умственную культуру и внѣшнее благосостояніе страны. Въ политическихъ трактахъ, написанныхъ Крижаничемъ, частью въ Москвѣ, частью въ ссылкѣ въ Сибири, куда онъ попалъ за неправовѣріе, мы находимъ большія похвалы природнымъ способностямъ русскаго народа, изображеніе его дурныхъ свойствъ и невѣжества и вмѣстѣ съ тѣмъ полный планъ экономическихъ, преимущественно, реформъ, какія были необходимы для Руси по мнѣнію Крижанича. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого плана практикъ, царь Петръ сошелся съ теоретикомъ Крижаничемъ,—оба, напримѣръ, придавали громадное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ развитію промышленности.

Совсѣмъ иного склада человѣкъ былъ другой писатель, Григорій Карповичъ Котошихинъ. Онъ зналъ вообще немного, но служба въ посольскомъ приказѣ, который ставилъ своихъ дѣятелей близко къ иностранцамъ, развила въ немъ культурные вкусы. Еще болѣе увлекся онъ нѣмецкими обычаями, когда эмигрировалъ въ Швецію. Вспоминая въ своихъ сочиненіяхъ московскіе порядки, къ очень многому московскому онъ относится отрицательно, но это отрицаніе вытекаетъ у него только изъ сравненія московскихъ обычаевъ съ западно-европейскими и не является результатомъ какихъ либо опредѣленныхъ общественно-культурныхъ стремленій. Врядъ-ли ихъ и имѣлъ Котошихинъ.

Изъ названныхъ нами практическихъ дѣятелей, поборниковъ образованія, первое мѣсто принадлежитъ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину (о немъ ст. Иконникова въ Русск. Старинѣ за 1883 г. X и XI). Это былъ чрезвычайно даровитый человѣкъ, дѣльный дипломатъ и администраторъ. Его свѣтлый государственный умъ соеди-

нялся съ рѣдкимъ въ то время образованіемъ: онъ зналъ латинскій, нѣмецкій и польскій языки и былъ очень начитанъ. Его дипломатическая служба дала ему возможность и практически познакомиться съ иностранной культурой и онъ являлся въ Москвѣ очень опредѣленнымъ западникомъ; такимъ его рисуютъ сами иностранцы (Мейербергъ, Коллинсъ), дающіе о немъ хорошіе отзывы. Но западная культура не ослѣпила Нащокина: онъ глядѣлъ далѣе подражанія внѣшности, даже вооружался противъ тѣхъ, кто перенималъ одну внѣшность.

Гораздо болѣе Нащокина увлекался западомъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, другъ царя Алексѣя и тоже дипломатъ XVII в. Въ православной Москвѣ рѣшился онъ завести свой домашній театръ и обучалъ своихъ дворовыхъ людей „комедійному искусству“. Въ домѣ его была западно-европейская обстановка и появлялись западно-европейскіе обычаи: знакомые съѣзжались къ нему не для пира и попойки, а для бесѣды и встрѣчалъ гостей не одинъ хозяинъ, но и хозяйка, чего въ Москвѣ еще не водилось. Матвѣевъ и царя убѣдилъ выписать изъ заграницы актеровъ и Алексѣй Михайловичъ привыкъ забавляться театральными представленіями. Въ домѣ Матвѣева росла мать Петра Великаго, Наталья Кирилловна Нарышкина, внесшая въ царскую семью привычки „преобразованнаго“, какъ выражается С. М. Соловьевъ, дома Матвѣева.

Но рядомъ съ „нѣмецкимъ“ вліяніемъ развивалось вліяніе греческаго и кіевскаго—богословскаго образованія. Ученые кіевляне во второй половинѣ XVII в. стали очень вліятельными при дворѣ. (Изъ нихъ виднѣе всѣхъ сперва былъ Епифаній Славинецкій, затѣмъ Симеонъ Полоцкій). Всецѣло подъ вліяніемъ ихъ находился царскій постельничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, очень дружившій съ кіевлянами. Написанное какимъ то его другомъ «житіе» его интересно тѣмъ, что отмѣчаетъ въ Ртищевѣ черты религіозности и высокой гуманности преимущественно передъ его другими качествами. Дѣйствительно Ртищевъ мало оставилъ по себѣ слѣдовъ въ сферѣ государственной дѣятельности, хотя преданіе приписываетъ ему проэктъ знаменитой операціи съ мѣдными деньгами. Онъ намъ рисуется больше какъ любитель духовнаго просвѣщенія, весь отдавшійся богословской наукѣ и благочестивымъ дѣламъ и размышленіямъ. Это натура созерцательная.

За этими, выдающимися по способностямъ или по положенію, поклонниками западной жизни и просвѣщенія стояли другіе болѣе мелкіе люди, кот. проникались уваженіемъ къ наукѣ и западу или путемъ непосредственнаго знакомства съ западомъ или подъ вліяніемъ другихъ, знакомясь съ наукою. Въ числѣ такихъ можно напримѣръ упомянуть сына Ордына Нащокина, который до того увлекся западомъ, что бѣжалъ изъ Россіи, и сына русскаго резидента въ Польшѣ Тяпкина, который получилъ образованіе въ Польшѣ и благодарилъ короля Польскаго за науку въ высокопарныхъ фразахъ на латинскомъ языкѣ.

Москва не только присматривалась къ обычаямъ западно-европейской жизни, но въ XVII в. начала интересоваться и западной литера-

турой, впрочемъ съ точки зрѣнія практическихъ нуждъ. Въ посольскомъ приказѣ, самомъ образованномъ учрежденіи того времени, переводили вмѣстѣ съ политическими извѣстіями изъ западныхъ газетъ для государя и цѣлыя книги, по большей части руководства прикладныхъ знаній. Любовь къ чтенію несомнѣнно росла въ русскомъ обществѣ въ XVII вѣкѣ,—объ этомъ говоритъ намъ обиліе дошедшихъ до насъ отъ того времени рукописныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ, какъ произведенія московской письменности духовнаго и мірскаго характера, такъ и переводныя произведенія. Подмѣчая подобные факты, изслѣдователь готовъ думать, что реформа начала XVII в. и культурной своей стороной далеко не была совсѣмъ уже неожиданной новинкой для нашихъ предковъ.

И такъ мы намѣтили два основныхъ теченія общественной мысли при Алексѣѣ Михайловичѣ: одно національно-консервативное, направленное противъ реформъ, какъ въ церковной сферѣ, такъ и въ гражданской и одинаково непріязненно относившееся и къ грекамъ и къ нѣмцамъ, какъ къ иноземному, чужому элементу. Другое направленіе было—западническое, шедшее на встрѣчу греческой и кіевской наукѣ и западной культурѣ. Затѣмъ мы видѣли, что столкновеніе двухъ началъ—самодовольнаго застоя и подражательнаго движенія, создало много борцовъ, но тѣмъ не менѣе не успѣло еще соединить ихъ въ опредѣленныя группы, не успѣло выработать опредѣленныхъ міровоззрѣній и законченныхъ системъ, особенно же среди новаторовъ. Изъ западниковъ только одинъ Крижаничъ былъ ясенъ въ своихъ идеалахъ, надеждахъ и стремленіяхъ, остальныя личности мало опредѣлены: видно только, кто изъ нихъ больше тянетъ къ грекамъ и кіевлянамъ, какъ Ртищевъ, или кто дружитъ больше съ нѣмцами, какъ Ордынъ Нащокинъ.

Но среди западниковъ и старозавѣтныхъ людей, не принадлежа всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, стоитъ личность самого царя Алексѣя Михайловича. Эта замѣчательная личность достаточно ясна. О немъ сохранилось много свидѣтельствъ, рисующихъ его какъ всѣмъ интересующагося, съ живыми стремленіями человѣка. Кромѣ того, мы имѣемъ о немъ обстоятельные отзывы иностранцевъ; но всего лучше рисуютъ царя Алексѣя его письма; онъ очень любилъ писать и высказываться. Что-же это былъ за человѣкъ?

Послушаемъ сперва отзывы о немъ иностранцевъ, кот. описываютъ и его наружность и его нравъ. По ихъ словамъ, наружность царя Алексѣя всѣхъ располагала въ его пользу: это былъ человѣкъ достаточно высокаго роста, здоровый и полный, (онъ рано растолстѣлъ) съ привлекательнымъ лицемъ; въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась такая доброта, что его взглядъ, «никогда не возбуждалъ страха, но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ». Его румяное лицо, окаймленное русою бородою дышало добродушіемъ и въ то же время было серьозно, чинно и важно. Онъ усвоилъ себѣ степенную осанку и поступь, но его чинность и царственная важность не запугивала и не отталкивала отъ него. И не самомнѣніе выработало въ немъ такую манеру держать себя, а сознаніе святости сана, кот. Богъ на него возложилъ. Вообще

симпатичная внѣшность Алексѣя Михаиловича была отраженіемъ его хорошей души. Нѣмецъ Рейтенфельсъ, указывая на умъ, образованность, благочестіе и доброту царя говоритъ, что это «такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но не многіе имѣютъ». Врагъ царя Алексѣя, англичанинъ Коллинсъ такого же высокаго мнѣнія о личности государя, когда говоритъ, что этотъ царь могъ бы стать «наряду, съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями». Такимъ же лестнымъ образомъ отзывается о немъ Лизекъ: «Царь» говоритъ онъ, «одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями».

Такъ въ одинъ голосъ хвалятъ Алексѣя Михаиловича иностранцы, независимые отъ него и не обязанные льстить ему. «Гораздо тихимъ» склоненъ его считать и нашъ эмигрантъ Котошихинъ тоже независимый, ушедшій изъ подъ московской ферулы, человѣкъ.

Слѣдовательно современники считали царя Алексѣя хорошей свѣтлой личностью. По словамъ иностранца Лизека «онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько же любятъ его сколько и благоговѣютъ передъ нимъ».

Мы имѣемъ возможность провѣрить эти впечатлѣнія современниковъ по тому матеріалу, который болѣе непогрѣшимъ въ нашихъ глазахъ, чѣмъ всѣ отзывы и мнѣнія видѣвшихъ Алексѣя Михаиловича, мы разумѣемъ здѣсь письма и сочиненія «тишайшаго царя». Онъ любилъ писать и прозой и виршами; писалъ письма, сокольничьи уставы, даже мемуары (о польской войнѣ); и что всего драгоцѣннѣе, царь писалъ безъискусственно, безъ всякой риторики и высказывался откровенно, не тая своихъ мыслей; часто онъ впадалъ въ многословіе, любилъ и пространно пофилософствовать. Много его писаній изданы уже давно (Бартеневъ «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михаиловича». М. 1856; также въ «запискахъ отдѣленія Славянской и Русской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества», т: II) и не разъ эти писанія вызывали ученыхъ на характеристики Алексѣя Михайловича. Изъ такихъ характеристикъ отмѣтимъ характеристику Соловьева (въ концѣ XII тома его исторіи), Забѣлина (въ Опытахъ изученія Русскихъ древностей и исторіи») *Костомарова* (въ его «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ») Хмырова (Древняя и Новая Россія 1875 г.) и наконецъ Ключевскаго (въ его лекціяхъ). Всѣ онѣ ясно очерчиваютъ фигуру Алексѣя Михаиловича.

Попробуемъ и мы сами дать хотя бѣглую характеристику этой замѣчательной личности.

Когда вы читаете письма Алексѣя Михаиловича, первое заключеніе, какое Вы изъ нихъ дѣлаете этото, что Алексѣй Михайловичъ человѣкъ безспорно умный, чрезвычайно живой и воспріимчивый. Онъ всѣмъ интересуется: его занимаетъ и война и политика, и болѣзнь придворнаго и соколиная охота и садоводство и мелкій скандалъ въ его любимомъ монастырѣ, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и театральныя представленія.... И ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно, онъ плачетъ о смерти патріарха Іосифа и доходитъ до слезъ отъ простаго

буйства монаха. Онъ легко можетъ вспылить, можетъ браниться по пустому совершенно дѣлу, но этотъ гнѣвъ скоро проходитъ, онъ раскаивается въ томъ, что кого нибудь обидѣлъ и ласкаетъ его. Такъ, напр., было съ Родіономъ Стрѣшневымъ по слѣдующему поводу: однажды царь пустилъ себѣ кровь и когда почувствовалъ облегченіе, то предложилъ пустить кровь и окружавшимъ его придворнымъ, на что всѣ должны были согласиться. Одинъ только Стрѣшневъ, ссылаясь на свою старость, отказался отъ этого, за что царь сильно разсердился на него, при чемъ дѣло не кончилось одними словами. Но когда гнѣвъ прошелъ, то царь не зналъ, какими подарками заставить старика забыть нанесенную ему обиду. Въ другой разъ царь побилъ своего тестя Милославскаго за хвастовство, но этимъ только и ограничился, хотя много зналъ за Милославскимъ грѣховъ покрупнѣе. По своей природной добротѣ, мягкости царь и послѣ разрыва съ Никономъ забываетъ обиду и злобу на патріарха и какъ будто, хочетъ съ нимъ примириться,—ему непріятно имѣть «врага» и Алексѣй Михайловичъ засылаетъ къ Никону съ лаской и видимо желаетъ установить такія отношенія которыя не напоминали бы о ссорѣ. Доброта Алексѣя Михайловича, съ другой стороны, вызываетъ постоянную благотворительность: при дворцѣ жили разные «старики богомольцы», «юродивые», щедрая милостыня раздавалась «тишайшимъ царемъ»; по праздникамъ для бѣдныхъ устраивались «кормы»; тюрьмы очень часто видѣли въ своихъ стѣнахъ Алексѣя Михайловича, подававшаго тамъ милостыню «несчастнымъ» и освобождавшаго ихъ отъ наказаній. Царь не могъ равнодушно видѣть страданій, утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе. Это стремленіе высказывается, напримѣръ, въ письмѣ къ князю Одоевскому, по поводу смерти его сына. Доброта и добродушіе царя сказывались въ его лицѣ, глазахъ, въ ласковомъ обращеніи, въ беззлобной, свѣтлой шуткѣ какая часто мелькаетъ въ его письмахъ.

Но это же добродушіе и мягкая снисходительность мѣшали Алексѣю Михаиловичу быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что мы и видѣли раньше въ поведеніи царя относительно Милославскаго: отлично понимая этого человѣка, видя, что онъ не стоитъ его симпатіи царь тѣмъ не менѣе терпѣлъ его. Неоднократно по добродушію и даже противъ воли онъ уступалъ вліянію со стороны. Вспомнимъ, какимъ вліяніемъ на царя пользовался Никонъ, встрѣчавшій со стороны царя только пассивное сопротивленіе и рѣдко-рѣдко минутную вспышку активнаго протетса, проходившаго безъ послѣдствій. Алексѣй Михаиловичъ терпѣлъ подъ часъ очень рѣзкія выходки Ордына-Нащокина. Вообще у него *не доставало твердости характера*, хотя онъ и не былъ совсѣмъ безхарактернымъ, имъ нельзя было играть безнаказанно, что видно изъ судьбы Никона.

Такова была природа этого царя: живая, впечатлительная, добрая и мягкая. Любовь къ чтенію и размышленію еще болѣе развила свѣтлыя стороны его характера, Алексѣй Михаиловичъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей московскаго общества; слѣды его начитанности церковной и свѣтской разбросаны по всѣмъ

его писаніямъ. Онъ былъ прекрасно знакомъ съ литературою того времени и до тонкости усвоилъ себѣ книжный языкъ. Въ серьозныхъ письмахъ и сочиненіяхъ царь любилъ пускать въ ходъ книжные обороты, употреблять цвѣтистые афоризмы. Тѣмъ не менѣе онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, любившихъ кстати и некстати употреблять цитаты изъ Св. Писанія, часто даже не осмысливая ихъ; у царя каждый афоризмъ продуманъ, изъ каждой фразы глядитъ живая мысль. Онъ много читалъ и при этомъ думалъ и рѣчь его всегда отличалась продуманностью. Поэтому его умственный обликъ выступаетъ передъ нами ясно.

Чтеніе, кот. Алексѣй Михайловичъ чрезвычайно любилъ, развило въ немъ очень глубокую и очень сознательную религіозность. И этимъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь; онъ много молился, строго держалъ посты (нѣкоторые дни въ Великомъ посту даже ничего не ѣлъ), зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души и съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ, напоминая при каждомъ выговорѣ виновному, что тотъ губитъ душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, путь ко спасенію души Алексѣй Михайловичъ видѣлъ въ строгомъ исполненіи обрядовъ. Въ этомъ отношеніи для насъ любопытны записки діакона Павла Алеппскаго, кот. былъ въ Россіи въ 1655 г. съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ, какъ и изъ вопросовъ, которые царь задавалъ патріарху Макарію, всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ, какъ онъ ихъ зналъ и какъ слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и нѣкоторый аскетизмъ, не подавляли и не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича, изъ за формы онъ не забывалъ и содержанія, и религія у него была не только обрядомъ, но и нравственной дисциплиной. Будучи глубоко религіознымъ, онъ по его мнѣнію не грѣшилъ смотря комедію и лаская «нѣмцевъ». (Сами иностранцы свидѣтельствуютъ о «милостяхъ» къ нимъ царя Алексѣя Михайловича). Въ глазахъ его это не было и преступленіе противъ религіи, а совершенно позволительное и полезное, а въ тоже время и пріятное новшество. Онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и былъ, конечно, однимъ изъ православнѣйшихъ Москвичей; но дѣло въ томъ, что его ясный практическій умъ и начитанность позволяли ему не такъ узко понимать православіе, какъ понимало большинство.

Алексѣй Михайловичъ былъ философъ-моралистъ и его философское міровоззрѣніе было строго религіознымъ: онъ все судилъ съ религіозной точки зрѣнія и на всѣ окружающія явленія отзывался съ высоты своей религіозной морали. Но эта мораль, развившись въ мягкой, доброй свѣтлой душѣ являлась не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а сказывалась мягкимъ прочувствованнымъ, любящимъ словомъ или жизненнымъ, полнымъ яснаго смысла положеніемъ. Склонность къ мышленію и наблюденію (Алексѣй Михайловичъ былъ прекрасный наблюдатель, какъ большинство охотниковъ) вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью выработали

въ немъ замѣчательную для того времени тонкость чувства, почему и его мораль высказывалась имъ порою поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Такая теплота чувства сквозитъ, напримѣръ, въ каждомъ словѣ письма царя къ князю Одоевскому, о которомъ уже упоминали выше. «Да будетъ тебѣ вѣдомо» пишетъ Алексѣй Михайловичъ, судьбами всесильнаго и всеблагого Бога нашего и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ, Свѣтъ, взять сына твоего первенца, князя Михаила, съ великою милость въ небесныя обители; а лежалъ огневою три недѣли безъ двухъ дней, а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вишняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, я его такова радостна николи не видалъ; да лошадью онъ да князь Өеодоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: «потоль я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ? И онъ плачучи, да говоритъ мнѣ: «мнѣ-де, государь, тебя не видать здѣсь; возьми де, государь, для ради Христа, обрадуй, батюшка, и насъ, намъ же и до вѣка такова гостя не видать. И я видя ихъ нелестное прошеніе и радость несомнѣнную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба и послушаніе и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ, всѣмъ сердцемъ».

Описывая далѣе болѣзнь князя Михаила Одоевскаго царь обращается затѣмъ къ отцу его съ такими словами: «и тебѣ, боярину нашему и слугѣ, и дѣтямъ твоимъ черезъ мѣру не скорбѣть, а нельзя, что не скорбѣть и не прослезиться и прослезиться надобна, да въ мѣру, чтобы Бога наипаче не прогнѣвить и уподобиться бы тебѣ Іову праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго, діавола, пострадалъ, сколько на него напастей приводилъ? Не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ діавола, не опять ли ему далъ Богъ сыны и дщери? А за что? За то, что ни во устахъ не погрѣшилъ, не оскорбился, что мертва быша дѣти его. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ палатою подавилъ. Вѣдаешь ты, самъ, Богъ все на лучшее намъ строитъ, а взялъ его въ добромъ покаяніи.... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помощникъ; радуйся, что лучшее взялъ и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Родшую и на святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ и мы тебя не покинемъ и съ дѣтьми и, помня твое челобитье ихъ жаловали и впредъ радъ жаловати..... А князь Өедора я жаловалъ, отъ печали утѣшилъ, а на выносъ и на всепогребалонныя я послалъ сколько Богъ изволилъ, потому что впрямъ узналъ и провѣдалъ про Васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, никого у Васъ нѣтъ, и я радъ ихъ и васъ жаловать, только ты, кн. Никита, помяни Божію милость, а наше жалованье. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ... А прежде того мы жаловали, къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ, государю и вамъ боярамъ, и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ, великаго государя, быть надежнымъ; аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и съ внучатами по Бозѣ родители, аще требуете въ заповѣдехъ Господнихъ и всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помощники: *на то насъ Богъ и поставилъ, чтобы*

безпомощнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты; одно конечно послушать съ радостью, то и наша милость къ Вамъ безотступно». Окончивъ письмо, царь дѣлаетъ на немъ такую приписку: «Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ».

Въ этомъ письмѣ вы видите человѣка чрезвычайно добраго, умѣющаго любить, умѣющаго говорить, думать и чувствовать очень тонко. Та же склонность пониманія, та же способность нравственно оцѣнить свое положеніе и свои обязанности сказалась между прочимъ и тогда, когда Алексѣй Михайловичъ былъ душеприкащикомъ у патріарха Іосифа и не рѣшался ни взять ни купить себѣ что нибудь изъ вещей патріарха. Изъ послѣднихъ его особенно прельщала серебряная посуда, но онъ «воздержался» и пишетъ Никону, что не хочетъ ничего покупать. «Не хочу для того и отъ Бога грѣхъ, и отъ людей зазорно; а и какой я буду прикащикъ, самому мнѣ (вещи) имать, а деньги мнѣ платить себѣ-жъ».

Но нестѣснялся царь Алексѣй Михайловичъ, если ему приходилось кого нибудь не утѣшать, а бранить и наставлять; тогда онъ имѣлъ обычай въ своемъ посланіи очень пространно указывать вину и показывать, противъ чего именно и какъ много погрѣшилъ виновный. Рѣчь царя въ этихъ случаяхъ была строгой нравственной сентенціей, иногда очень жесткой и рѣзкой, но всегда доказательной. Въ такихъ посланіяхъ особенно ярко сказывается, какъ много царь думалъ и какъ основательно думалъ.

Мы не имѣемъ возможности обстоятельно излагать философскія воззрѣнія царя, хотя онѣ очень любопытны, и мы ограничимся здѣсь лишь отдѣльными примѣрами. Выходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ напр., имѣлъ ясное понятіе о значеніи царской власти, какъ власти происходящей отъ Бога и назначенной для того, чтобы «разсуждать людей вправду», и «безпомощнымъ помогать». Въ письмѣ къ князю Одоевскому царь разсуждаетъ о томъ, «какъ жить мнѣ, государю и вамъ, боярамъ», и пишетъ «Богомъ и государю и боярамъ дарованы люди... разсудите вправду, всѣмъ равно».

Слѣдовательно роль стоящаго при царѣ боярства, онъ оцѣниваетъ по своему. Вотъ и другой примѣръ: царь унимаетъ религіозное рвеніе Никона, когда послѣдній, во время пути въ Соловки за мощами митрополита Филиппа, насильно заставлялъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей молиться по монашескому обычаю. Въ письмѣ своемъ къ Никону по этому случаю Алексѣй Михайловичъ согласился съ тѣми, кто жаловался на Никона, «что никого-де силою не заставить Богу вѣровать». При такой вдумчивости и религіозномъ настроеніи была въ Алексѣѣ Михайловичѣ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности и въ тоже время многое въ немъ объясняющая. Алексѣй Михайловичъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его занятіяхъ соколиной охотой, а позже въ страсти къ сельскому хозяйству. Кромѣ обычнаго удовольствія охоты, помимо прямыхъ охотничьихъ ощущеній царь находилъ въ охотѣ удовлетвореніе и чувству красоты. Въ своемъ сокольничьемъ уложеніи,

носящемъ названіе «книга, глаголемая урядникъ», царь очень тонко разсуждаетъ о красотѣ ловчихъ птицъ, птичьяго лета и боя; видимо, охота для него есть въ то-же время и эстетическое наслажденіе. Тоже чувство красоты заставляло его далѣе любоваться благолѣпіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за «чиномъ его». Въ одномъ изъ писемъ къ князю Одоевскому, гдѣ онъ описываетъ перенесеніе мощей митрополита Филиппа въ Москву отражается то же чувство красоты; особенно ярко выдается оно при описаніи крестнаго хода; царя увлекаетъ мысль, что наконецъ то гонимый святитель Филиппъ съ подобающей честью возвращается къ своей паствѣ. Даже въ выборѣ любимыхъ мѣстъ у Алексѣя Михайловича сказывается это поэтическое чувство: онъ любилъ село Коломенское, отличающееся живописнымъ мѣстоположеніемъ, хотя далеко не величественнымъ, а изъ такихъ, свойственныхъ русской природѣ, которыя порождаютъ ощущенія спокойствія. Чрезвычайно любилъ онъ также Саввинъ Сторожевскій монастырь (около Звенигорода): это одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ около Москвы; но опять таки красота этого мѣста—мирная, веселая, спокойная, вполнѣ соотвѣтствующая характеру царя.

Своеобразное соединеніе глубокой религіозности съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ, оптимическимъ взглядомъ на жизнь, однако не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи царя. Въ немъ религія и молитва не исключаютъ удовольствій охотничьихъ и «комедійныхъ»; напротивъ, онъ сознательно допускалъ эти удовольствія, не считалъ ихъ преступленіями, не каялся послѣ нихъ, какъ дѣлалъ это Иванъ Грозный. И на удовольствія былъ у него свой собственный взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая», пишетъ онъ въ своемъ Урядникѣ «утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча». Далѣе въ томъ же сочиненіи онъ такъ наставляетъ охотниковъ: «будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою зѣло потѣшно, угодно и весело, да не одолѣетъ Васъ кручина и печали всякія». Этотъ взглядъ на охоту, какъ на противодѣйствіе печали — не случайно соскользнулъ съ пера у Алексѣя Михайловича; по его мнѣнію жизнь, не есть печаль и отъ печали надо лечиться, гнать ее: такъ и Богъ велѣлъ. Припомнимъ, что писалъ онъ Одоевскому: «нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвить». Но если жизнь не тяжелое, мрачное испытаніе, то и не сплошная забава. Цѣль жизни—спасеніе души и достигается эта цѣль хорошею и строгою благочестивою жизнью. Алексѣй Михайловичъ тогда бывалъ доволенъ собою, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, когда кругомъ все было весело и спокойно и все на мѣстѣ, «все по чину». Объ этомъ то внѣшнемъ порядкѣ и внутреннемъ равновѣсіи и заботился всего болѣе царь, мѣшая дѣло съ потѣхой, аскетизмъ съ удовольствіемъ. И эта его забота позволяетъ намъ сравнить его (хотя аналогія здѣсь можетъ быть лишь очень отдаленная) съ первыми, очень симпатичными эпикурейцами, искавшими душевнаго равновѣсія въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи. Если умѣстно здѣсь припом-

нить Гейне съ его дѣленіемъ людей на Эллиновъ и Іудеевъ, то мы можемъ сказать, что Алексѣй Михайловичъ былъ очень типичный Эллинъ. Въ своихъ общественныхъ симпатіяхъ Алексѣй Михайловичъ былъ передовой человѣкъ своего времени: онъ вполнѣ послѣдовательно проводилъ церковную реформу и не былъ противъ реформъ гражданскихъ. Онъ охотно принималъ кіевскую науку и былъ милостивъ къ кіевлянамъ и къ грекамъ какъ вообще иноземцамъ, но въ тоже время онъ оставался чисто русскимъ и православнымъ, не подвергаясь вліянію иноземцевъ (это случилось съ его сыномъ), не проводя новыхъ идей въ общество и не будучи дѣятелемъ партій (что опять таки было съ его сыномъ). И при концѣ своего царствованія, подавляя консервативный расколъ, Алексѣй Михайловичъ не терпѣлъ слишкомъ явныхъ подражаній западу. Онъ на все отзывался, но вполнѣ не отдавался ничему и въ этомъ отношеніи его можно назвать личностью, вполнѣ отражавшею въ себѣ все общество XVII вѣка.

Главные моменты въ исторіи Южной и Западной Руси въ XVI—XVII вѣкахъ.

Западныя и южныя Русскія области, какъ извѣстно, въ XIII и XIV в.в. стали достояніемъ литовскихъ великихъ князей. Внѣшняя опасность сплотила литовское племя, подняла въ немъ воинственный духъ и создала Литовское государство, въ которомъ стали жить совмѣстно и Литва и Русь. Но это государство созданное Литвою, становилось русскимъ, потому что Русь преобладала надъ Литвой, не только числомъ, но и культурою. Русскій языкъ сталъ господствующимъ въ Литвѣ, употреблялся при дворѣ и въ законодательствѣ. Православіе вытѣсняло древнюю религію Литвы, безо всякой острой борьбы; женатые на русскихъ княжнахъ, литовскіе князья были полурусскими по крови, русскими по языку и вѣрованіямъ. Созданная православіемъ и долгою историческою жизнью, русская культура дѣлала быстрые успѣхи среди полудикихъ литовцевъ. Словомъ, болѣе образованная русская народность успѣшно ассимилировала себѣ менѣе образованное Литовское племя.

Но Литва, вошедшая въ историческую жизнь позднѣе всѣхъ своихъ сосѣдей,—Поляковъ, Нѣмцевъ и Руси, чувствовала на себѣ не одно русское вліяніе. Нѣмцы съ двухъ сторонъ (Тевтоны и Меченосцы) крестили ее въ католичество и обращали въ своихъ рабовъ. Поляки, сперва враждебные, старались затѣмъ встать въ союзныя отношенія къ Литвѣ, своему прежнему недругу, чтобы съ помощью Литвы дѣйствовать противъ нѣмцевъ, одинаково ненавистныхъ имъ обоимъ. Путемъ для сближенія Польши съ Литвою могли служить браки Литовскихъ и Польскихъ владѣтелей. Они и заключались. Польскій король Казимиръ III женился на дочери Гедемина, но этотъ бракъ не имѣлъ политическихъ послѣдствій, за то имѣлъ ихъ бракъ Литовскаго великаго князя Ягелло на королевѣ польской Ядвигѣ. Онъ былъ заключенъ съ условіемъ *династической уніи* Литвы съ Польшей подъ властью Ягеллоновъ. Иниціатива этого брака и самой уніи вы-

шла не изъ Литвы, а изъ Польши. Польскимъ панамъ страшны были и Нѣмцы и Литва, отъ Литвы они желали получить нѣкоторыя области и союзъ противъ Нѣмцевъ. Династическая унія давала возможность постояннаго и крѣпкаго союза, давала надежду провести въ Литву Польское вліяніе. На этихъ возможностяхъ и надеждахъ и была построена въ Польшѣ политическая комбинація, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ для Польши. Въ 1386 г. Ягелло сталъ не только королемъ Польскимъ, но и католикомъ.

Унія Литвы съ Польшей заключена была на двухъ главныхъ условіяхъ: 1) внутреннее устройство и управленіе государствъ остается прежнимъ, независимымъ отъ союзнаго государства; 2) дипломатическія сношенія ведутся обоими государствами сообща. Такимъ образомъ, внутренняя автономія Литвы была сохранена. И однако Литовско-Русское общество было страшно недовольно уніей. Перемѣна религіи Ягелломъ, дозволеніе его обращать въ католичество языческую Литву и другія уступки Польшѣ вызвали рѣзкій протестъ Литвы и Руси. Оскорбленное народное чувство поддержало притязанія Витовта, сильнѣйшаго удѣльнаго князя въ Литвѣ, и доставило ему полное господство надъ Литвою и титулъ великаго князя Литовскаго, еще при жизни Ягелло.

Витовтъ довелъ могущество Литовскаго государства до высшаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало его упадку. Онъ былъ весьма популяренъ въ Литвѣ и католики, и православные и язычники считали его своимъ. Это помогло Витовту совершить рядъ подвиговъ, поднявшихъ значеніе его государства. Но желаніе ладить со всѣми, отсутствіе яснаго взгляда на значеніе въ судьбѣ Литвы католичества и Польши, привели Витовта къ тому, что онъ не смогъ датъ отпора Польскому вліянію, не съумѣлъ отгадать на кого онъ долженъ былъ опереться, и въ концѣ концовъ оттолкнулъ отъ себя русское населеніе Литвы. Это обстоятельство поработило Литву Польшѣ и обусловило паденіе Литвы.

Въ 1410 г. въ Грюнвальдской битвѣ соединенныя силы Литвы и Польши сломили могущество Нѣмцевъ, чѣмъ и былъ оправданъ союзъ этихъ государствъ. Но въ 1413 г. на общемъ сеймѣ Литвы и Поляковъ въ Городлѣ рѣшено было уже не только династическое но и *реальное* соединеніе Польши съ Литвой, причемъ особенности Польскаго государственнаго строя переносились на Литву. Литовское дворянство, принявшее католицизмъ, получило устройство и права польской шляхты; въ Литвѣ учреждались сеймы и должности на подобіе Польскихъ. Этотъ Городельскій актъ, подчинивъ Литву Польскимъ порядкамъ, не былъ вызванъ никакою политическою необходимостью, не оправдывался исторіей. Витовтъ, сближаясь съ Польшей, искалъ опоры противъ Нѣмцевъ и Руси, покровительствуя католичеству, онъ былъ прельщенъ королевскимъ титуломъ, который могъ придти къ нему только съ католическаго запада. Но онъ чуствовалъ, что въ своемъ государствѣ, о славѣ котораго онъ такъ заботился, онъ создавалъ почву для религіознаго междуусобія, тѣмъ болѣе опаснаго, что за религіозною рознью стояла рознь національная.

После Витовта (1430) въ XV и XVI в. не смотря на Городельскій актъ, Литва строго оберегала свою независимость и автономію въ политическомъ отношеніи. Полякамъ не удавалось добиться признанія реальной уніи отъ Литовско—Русскаго общества: въ Литвѣ на Поляковъ смотрѣли, какъ на иностранцевъ, старались имѣть отдѣльнаго отъ нихъ князя и неохотно допускали Поляковъ въ Литву. Католичество распространялось далеко не съ тою быстротой, какъ желали бы Поляки. За Русскія земли Волынь и Подолію Литва держалась крѣпко и не хотѣла уступать ихъ Польшѣ. Словомъ государственная унія не удавалась полякамъ, несмотря на то, что въ 1501 г. Литовскій князь и Польскій король Александръ сдѣлалъ рѣшительную попытку настоять на уніи. Лучше удавалось Полякамъ культурное вліяніе на Литовское общество. Съ Городельскаго сейма въ Литвѣ привились нѣкоторыя черты Польскаго общественнаго порядка. До 1413 г. устройство Литвы близко подходило къ русскому: подъ великимъ княземъ правили удѣльные, вокругъ нихъ группировалась дружина, города имѣли вѣчевое устройство, крестьянство свободно передвигалось. Съ введеніемъ Польскихъ порядковъ, съ 1413 г., въ Литвѣ начинаетъ образовываться шляхта на манеръ Польской и среди нея распространяется католичество и польскіе нравы; города получаютъ «Магдебургское право Польскихъ городовъ», крестьянство близится къ крѣпостной зависимости. Въ Литвѣ являются сеймы и сеймики (мѣстные сеймы), какъ были они въ Польшѣ, появляются и пожизненныя должности по Польскому образцу: гетманъ, (Hauptman) начальникъ войска и судья военныхъ людей, которому были подчинены малые или польные гетманы; канцлеръ хранитель государственной печати, государственный секретарь; подскарбіи земскій—министръ финансовъ и надворный—княжескій казначей. Областями управляли воеводы, во власти которыхъ находились всѣ мѣстные управители: старосты, кастеляны державцы. Представителями шляхты и ея сеймовъ были маршалки: земскій (представитель шляхты всего княжества); повѣтовый (областной) и дворной (представитель придворныхъ княжескихъ дворянъ). Представителями городскаго самоуправленія были войтъ и бурмистры: первый назначался королемъ изъ дворянъ, вторые избирались гражданами (мѣщанами) изъ ихъ среды. Необходимо замѣтить, что рядомъ съ городами свободными, княжескими, было много городовъ, принадлежавшихъ на частномъ правѣ Литовской аристократіи. Такимъ образомъ съ развитіемъ Польскаго строя въ Литвѣ, дворянство получило преобладающее значеніе; оно постепенно закрѣпило за собою крестьянство и часть мѣщанства, надъ другою же его частью являлось управителемъ.

До второй половины XVI в. изложенное нами общественное устройство только формировалось, мало по малу вытѣсняя старыя русскія формы быта. Болѣе всего Польскому вліянію поддавалось Литовское дворянство, стремившееся занять въ Литвѣ то-же положеніе, какое Польская шляхта занимала въ Польшѣ. Но для полученія Польскихъ правъ дворянамъ нужно было стать католиками, а принятіе латинства вело за собою полное ополяченіе. Отступленіе отъ вѣры

возбуждало протестъ со стороны тѣхъ, кто оставался вѣренъ православію; стремленіе завладѣть крестьянскимъ трудомъ открывало бездну между католикомъ—дворяниномъ и православнымъ—крестьяниномъ; желаніе получить политическія права въ странѣ возбуждало противъ литовской шляхты Литовскую аристократію, потомковъ удѣльныхъ князей Литовско—Русскихъ. Такъ польское вліяніе вносило въ жизнь Литовско — Русскаго государства рядъ острыхъ антагонизмовъ и могучая партія верхъ, и низъ Литовскаго общества сильно противилась всякому сближенію съ Польшей.

Съ первой половины XVI в. Московское Государство рѣзко поставило Литвѣ вопросъ о возвращеніи Москвѣ старинныхъ Русскихъ «отчинъ»—западныхъ Русскихъ земель. Много сочувствія возбудила Москва въ Литвѣ, много западно-Русскихъ владѣтелей охотно переходило подъ власть Москвы (князья Черниговo-Сѣверскіе, Новосильскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Глинскіе и т, д). Москва счастливо добывала себѣ земли войнами и простымъ принятіемъ подданства со стороны Литовской знати, уходившей отъ католичества и Польши. Существованіе Литвы подвергалось опасности; тянувшіе Литовцы къ Польшѣ крѣпче стали держаться Польскаго союза. Но до уніи съ Польшей было еще далеко, если бы не наступили въ Москвѣ времена Грознаго и не началось обратное движеніе княжатъ изъ Москвы въ Литву.

Въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ развивался порядокъ демократическій и строго-монархическій, и Литовская знать оказалась въ такомъ положеніи, что должна была выбирать или потерю политическаго вліянія съ присоединеніемъ къ Москвѣ, или потерю религіознонравственной самостоятельности съ присоединеніемъ къ Польшѣ. Средины не было, потому что и Польша и Русь наступательно шли на Литву. Въ срединѣ XVI в., въ 60-хъ годахъ, Московскія войска взяли Полоцкъ и хозяйничали въ Литвѣ, а послѣдній Ягеллонъ Сигизмундъ II Августъ настаивалъ на уніи съ Польшей. На протестъ Литвы, Польша отвѣчала угрозой оставить Литву на жертву Грозному царю. Сеймъ 1569 г. въ Люблинѣ полгода разсуждалъ объ уніи; Литовскіе послы уѣхали даже съ сейма, но важнѣйшіе западно-Русскіе вельможи (князь Острожскій и др). стали за унію и она состоялась. Власти Ивана Грознаго была предпочтена потеря національной самостоятельности.

Условія реальной уніи 1569 г. были таковы: Литва и Польша сливались въ одно нераздѣльное государство, имѣли одного монарха, общій сеймъ, общій сенатъ (по литовски рада), но особые законы, особыхъ правительственныхъ лицъ и отдѣльныя войска. Часть западно—Русскихъ земель (Волынь, Украйна, Подляхія) присоединялась отъ Литвы къ Малой Польшѣ. Поляки не считаются иностранцами въ Литвѣ и имѣютъ право занимать тамъ должности, пріобрѣтать земли. При такихъ условіяхъ Польскія формы быта быстро переходили въ Литву; Литовская шляхта, не имѣвшая еще большого политическаго вліянія подъ давленіемъ сильной Литовской аристократіи, быстро достигала его на общихъ сеймахъ съ Поляками;. крестьяне были формально закрѣпощены, города рѣзче замыкались въ узкія

мѣщанскія корпораціи и наводнялись иноземцами, особенно евреями. За то Польша помогла Литвѣ противъ Москвы и воспрепятствовала присоединенію западныхъ Русскихъ областей къ восточной Руси.

Трудно передать отчаяніе части западно-русскаго общества, которая не сочувствовала Польшѣ и понимала всю опасность Польскаго гнета; говорятъ, что представители Литвы на колѣняхъ со слезами просили Сигизмунда Августа не губить Литвы присоединеніемъ къ Польшѣ. Однако это соединеніе совершилось волею короля и согласіемъ вельможъ и имѣло два роковыхъ послѣдствія для Литвы и Литовско-Польской Руси,—во первыхъ, острую религіозную борьбу, во вторыхъ острую общественную борьбу. Первая породила религіозную унію, вторая—рядъ крестьянско-казацкихъ возстаній. Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ послѣдствій·

I) Хотя актомъ Люблинской уніи предоставлена была свобода вѣры, но Польско-Литовскіе государи не сочувствовали этой свободѣ; пока западная Русь была православной, она не могла прочно слиться съ Польшей. Для слiянія народностей необходимо было единство религіи, и потому Польское правительство желало искорененія православія. Но въ его владѣніяхъ развился протестантизмъ, зашедшій изъ Германіи и особенно радушно принятый въ Литвѣ. Для борьбы съ нимъ, въ Польшу и Литву явились въ 1565 г. іезуиты и съ помощью правительства скоро задушили протестанство, не успѣвшее еще пустить прочныхъ корней. Когда іезуиты сладили съ протестантами, они обратили свои силы на «схизматиковъ» — православныхъ. Трудно рѣшить, они ли натолкнули Стефана Баторія на мысль извести греческую схизму, или Стефанъ Баторій указалъ эту цѣль изъ политическихъ видовъ. Интересы Польши въ этомъ совпадали съ желаніемъ папской куріи. Стефанъ Баторій былъ одновременно и дальновиднымъ польскимъ политикомъ и вѣрнымъ союзникомъ папы желая распространенія католичества на Руси

Дѣло въ томъ, что у папства въ ту эпоху была вѣковая идея, которую папы желали ввести въ общее сознаніе Европы,—идея крестоваго похода для изгнанія Турокъ изъ Европы. Эта идея владѣла и недюжиннымъ умомъ Стефана Баторія. Планъ борьбы съ Турками одинаково прилежно разрабатывался и въ Римѣ и въ Польшѣ. И тамъ и тутъ полагали, что для успѣха дѣла необходимо привлечь къ нему въ качествѣ орудія Москву, а чтобы удобнѣе пользоваться этимъ орудіемъ нужно было его подчинить папѣ. Иванъ Грозный высказывался сочувственно о борьбѣ съ Турками, но не хотѣлъ и слышать объ уніи съ католиками, а это дѣлало союзъ его для Римской церкви ненадежнымъ. Москвѣ нужно было навязать католика государя,—такъ думали Стефанъ Баторій и Поссевинъ, считая это лучшимъ средствомъ окатоличить Москву и заручиться ея помощью. Православіе же въ западной Руси можно, какъ предполагали, легко истребить и прямо.

Такъ широкая политическая утопія сплеталась съ реальными интересами Польши и католичества въ западной Руси и вызвала въ ней оживленную пропаганду католичества. Іезуиты принялись за истребленіе православной схизмы сперва выступивъ съ печатнымъ

словомъ; появилась книга «О единствѣ Церкви Божьей», Петра Скарги, который проводилъ мысль о необходимости церковной уніи съ католическими догматами и православной обрядностью, потомъ настала очередь и практической пропаганды. Народное образованіе переходило въ руки іезуитовъ и православное юношество воспитывалось въ католическихъ взглядахъ. Создавалась масса непріятностей православнымъ во всѣхъ сферахъ ихъ жизни и дѣятельности, отъ запрешенія крестныхъ ходовъ, до простыхъ уличныхъ побоевъ. Много лицъ изъ высшаго дворянскаго класса прямо совращалось въ католичество и это совращеніе шло такъ успѣшно, что скоро въ православіи осталось меньшинство западно-русскаго дворянства.

Православные люди почувствовали опасность и поняли необходимость энергическаго отпора. На правительство они не могли надѣяться и въ Стефанѣ Баторіи. и въ его преемникѣ Сигизмундѣ III они видѣли гонителей своей вѣры. Православная іерархія въ западной Руси не стояла на высотѣ своего положенія, по распущенности нравовъ, чисто свѣтскимъ стремленіямъ и разладу въ своей средѣ; къ тому же она не имѣла политическаго значенія въ странѣ. Общество такимъ образомъ было предоставлено собственнымъ силамъ. Сперва его поддерживала западно-русская аристократія,—кн. Константинъ Острожскій напримѣръ заводилъ школы и типографіи для печатанія православныхъ книгъ и всячески заботился о поддержаніи православія. Но аристократія вслѣдствіе пропаганды іезуитовъ мало по малу переходила въ католицизмъ, съ помощью чего и получила большія политическія права. Съ измѣной аристократіи борьба всей тяжестью легла на мелкій западно-русскій людъ. Онъ и вынесъ ее на своихъ плечахъ, пользуясь для борьбы тѣми средствами, какія давала ему церковная организація. Городское населеніе западной Руси, имѣло свои *братства* рачителей и покровителей церкви. Они создались въ условіяхъ городскаго самоуправленія (на Магдебургскомъ правѣ) и получили большое развитіе въ нѣкоторыхъ городахъ (Львовъ, Кіевъ и др. Заботясь о благосостояніи церквей, братства приняли на себя и заботу о цѣлости и чистотѣ православія и привлекли къ этому дѣлу не только горожанъ, но и дворянъ, уцѣлѣвшихъ оть латинства. Въ борьбѣ своей съ католиками, стараясь о сохраненіи своей вѣры, о развитіи просвѣщенія, объ исправленіи нравовъ, братства не могли не замѣтить недостатковъ своихъ іерарховъ. Виднѣйшія западно-русскія братства, въ видахъ исправленія іерархіи получили отъ восточныхъ патріарховъ право контроля и суда надъ своими архіереями (въ концѣ XVI в.). Обороняясь отъ латинства, они преслѣдовали свою іерархію и этимъ невольно создавали антагонизмъ въ средѣ православныхъ.

Преслѣдованіе со стороны паствы сдѣлало положеніе православныхъ пастырей невозможнымъ: ихъ тѣснили и свои люди и католики и правительство. Не желая передѣлывать свою жизнь на болѣе строгій ладъ, но желая пріобрѣсти лучшее положеніе въ государствѣ, нѣкоторые православные епископы задумали добиться этого путемъ уніи съ католичествомъ. Мысль объ уніи созрѣла въ головѣ Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, понравилась многимъ епископамъ и

встрѣтила поддержку у Брестскаго епископа Ипатія Потѣя и Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы. Готовность къ уніи была заявлена королю Сигизмунду подъ строгой тайной, а затѣмъ Терлецкій и Потѣй поѣхали въ 1595 г. въ Римъ и отъ всѣхъ западно-русскихъ епископовъ заявили папѣ готовность подчиниться его авторитету.

Когда западная Русь узнала о дѣлѣ своихъ епископовъ, она не пристала къ нему и готова была оружіемъ противиться введенію уніи. На варшавскомъ сеймѣ русскіе вельможи потребовали сверженія епископовъ за самовольную унію. Въ западно-русской церкви произошелъ такимъ образомъ открытый расколъ, который думали потушить церковнымъ соборомъ въ Брестѣ осенью 1596 г. здѣсь этотъ расколъ былъ только оформленъ: православные лишили епископовъ уніатовъ ихъ сана, уніаты же наложили проклятіе на духовенство, вѣрное православію. Унія такъ и не состоялась.

Но папство имѣло право считать и считало унію состоявшеюся, потому что имѣло въ своихъ рукахъ грамоту на унію отъ лица всей западно-русской іерархіи. На эту точку зрѣнія стало и польское правительство: оно разсматривало теперь православныхъ, какъ еретиковъ, ослушниковъ и своей іерархіи и польскаго правительства.

Полноправная литовско-русская религія обратилась въ «презрѣнную хлопскую схизму», (ибо исповѣдывалась по преимуществу нисшими классами) и подлежала преслѣдованію, которое тотчасъ же и началось. Православные не имѣли священниковъ, богослуженіе совершалось въ поляхъ, ибо въ городахъ было запрещено, дѣтей возили крестить за 100 верстъ, въ иныхъ мѣстахъ церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые облагали богослуженіе въ нихъ и требы произвольными поборами. Уніатъ епископъ Полоцкій Іосафатъ Кунцевичъ выбрасывалъ изъ могилъ православныхъ на съѣденіе собакамъ. Но и при такихъ условіяхъ православные держались и отстояли за собою Кіево-Печерскую Лавру и митрополичью кафедру въ Кіевѣ, устроили въ Кіевѣ духовную академію (трудами Петра Могилы); добиваясь нѣкоторыхъ постановленій, благопріятныхъ для православія на сеймахъ, заводили школы и благотворительныя учрежденія. Все это были легальные способы борьбы съ польско-католическимъ гнетомъ. Но были и нелегальные—возстанія, въ которыхъ главная роль принадлежала казачеству.

II. Казачество на окрайнахъ Литовско-Польскаго государства формировалось довольно ровно. Съ появленіемъ Крымской орды, на степныхъ границахъ Литовско-Польскихъ стали появляться вольныя общины, какъ бы пограничная милиція для борьбы съ Татарами. Они не только отбивали татарскіе набѣги на Литву и Польшу, но и сами нападали на Крымъ и Турцію. Они считались подданными Литвы и Польши и не повиновались своему государству. Ихъ борьба съ татарами была полезна для государства, но ихъ разбои на Черномъ морѣ вели къ крупнымъ непріятностямъ для Польши со стороны Турціи и Крыма. И то и другое обстоятельство заставляло Польское правительство въ XVI в. дать днѣпровскимъ казакамъ правильную организацію и забрать ихъ подъ контроль. Сигизмундъ I и Сигигиз-

мундъ II Августъ старались организовать казаковъ, но достигъ этого только Стефанъ Баторій. Онъ далъ казакамъ право самоуправленія: они выбирали гетмана, войсковую старшину (судья, писарь, полковники и др.), и раздѣлялись на полки (округи), но въ полкахъ было лишь опредѣленное число (600) полноправныхъ казаковъ, называемыхъ реэстровыми, т. е. занесенными въ списки (реестры). Остальное населеніе Поднѣпровья считалось какъ бы простыми крестьянами— Хлопами. Въ 1590 г. были приняты стѣснительныя мѣры противъ всего казачества, съ цѣлью обуздать его своеволіе и въ особенности противъ нереэстровыхъ казаковъ, ихъ включили въ хлопство и начали вмѣстѣ съ землями отдавать Польской шляхтѣ, селившейся въ казачьей Украйнѣ. А между тѣмъ отъ этого хлопства, отъ усилившагося гнета Польши и пановъ, крестьянство спасалось именно на Днѣпрѣ, выходя изъ Польши и Литвы.

Особенности Польскаго строя водворились въ Украйнѣ, послѣ Люблинской уніи въ 1569 г., когда она стала Польскою областью. Но въ тоже время эти особенности стали торжествовать и во всемъ Литовскомъ государствѣ; и въ самой Польшѣ аристократическій дворянскій порядокъ обозначался все болѣе и болѣе рѣзкими чертами. Эти обстоятельства вызывали усиленное выселеніе недовольныхъ людей изъ средины государства въ южную степь, а Польское правительство усиленно старалось завладѣть этою степью. Такимъ образомъ Украйна переставала быть убѣжищемъ недовольныхъ какъ разъ тогда, когда число недовольныхъ возросло И это вызвало крупные общественные безпорядки. Нереестровые казаки отъ панскихъ рукъ уходили все южнѣе, ближе къ татарамъ и образовали за порогами Днѣпра своеобразный оплотъ казачества—*Сѣчь Запорожскую*. Тамъ развивалась казаческая традиція, продолжалась борьба съ магометанскимъ міромъ, туда стремились всѣ недовольные государственными порядками въ Польшѣ и Украйнѣ. Когда же Польша думала наложить руку и на Запорожье, поднялся рядъ извѣстныхъ казачьихъ возстаній. Подъ предводительствомъ своихъ гетмановъ (Косинскій, Лабода, Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Остраница), казаки бросались на Польшу, дѣйствуя во имя религіозной и гражданской независимости Русской народности. Эти возстанія не удавались и Поляки раззоряли даже сѣчь, забирали крѣпче и крѣпче Украйну, больше и больше давили народъ. Послѣ усмиренія возмущенія обыкновенно усиливался приливъ Польскаго элемента,—пановъ и ксендзовъ въ Украйну и казачество обращалось въ хлоповъ этихъ пришельцевъ. Такой порядокъ конечно не могъ удовлетворить жителей украйны, общая бѣда тѣснѣе связывала казаковъ съ хлопами; возстанія принимали характеръ не исключительно казачьихъ, а земскихъ и поддерживались крестьянами всей западной Руси.

Къ половинѣ XVII вѣка недовольство не только за порогами, но и во всей Украйнѣ возросло до крайней степени. Когда въ 1648 г. съ помощью Крымскихъ Татаръ войсковой писарь Богданъ Хмельницкій поднялъ новое возстаніе казачества, на его сторону стала вся Украйна и казачья и крестьянская. Поднялась вся народность, за на-

родную свободу и вѣру. Сказались, словомъ результаты религіознаго и общественнаго Польскаго режима.

Съ помощью татаръ Хмѣльницкій побѣдилъ Поляковъ и подъ Зборовымъ заставилъ короля Яна Казиміра согласиться на возвращеніе казачеству его прежнихъ вольностей. Число реестровыхъ казаковъ было доведено до 40000.

Но это не могло удовлетворить Украйну, потому что возстала вся Украйна, а улучшилось положеніе однихъ казаковъ, остальные же русскіе и православные люди должны были снова стать подъ власть поляковъ. По этому возстаніе поднялось снова и во главѣ опять былъ Хмѣльницкій. Союзникъ казаковъ, Крымскій ханъ измѣнилъ Хмѣльницкому, и подъ Бѣлой Церковью былъ заключенъ съ Поляками невыгодный для казачества договоръ, уменьшившій число казаковъ на 20000. Для Хмѣльницкаго было ясно, что этимъ дѣло не кончится. Но ясно было и то, что у Украины нѣтъ силъ одной бороться противъ Польши. Естественнѣе всего было искать помощи въ единовѣрной Москвѣ.

Въ 1651 г. Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю съ просьбою принять «Малороссію подъ свою руку». Въ Москвѣ не рѣшились сразу на присоединеніе Польской области и стало быть, на войну съ Польшей. Царь Алексѣй дипломатическимъ путемъ заступился за Малороссію, но это не привело ни къ чему. Хмѣльницкій былъ вынужденъ снова воевать и снова просилъ Москву о подданствѣ. Тогда земскій соборъ въ Москвѣ рѣшилъ въ 1653 г. принятіе Малороссіи, и 8 января 1654 г. Украйна присягнула царю Алексѣю. Число казаковъ опредѣлено было 60000. Малороссіи оставлено было ея общественное устройство и самоуправленіе, гетману—право дипломатическихъ сношеній (кромѣ Польскихъ и Турецкихъ). Соединенныя силы Украйны и Москвы нанесли Полякамъ въ 1654—1656 г. рядъ сильныхъ пораженій, поставившихъ Польшу на край погибели, тѣмъ болѣе, что на нее одновременно наступали и Шведы. Но Польша была спасена раздоромъ Россіи и Швеціи и добилась перемирія съ Россіей уступивъ Малорусскія и Бѣлорусскія земли.

Такъ пріобрѣла Москва русскія земли, давно утерянныя Русью. Но удержать эти земли было не легко при тѣхъ затрудненіяхъ, какія создавались и самой Малороссіей и ея сосѣдями. Въ Малороссіи вся вторая половина XVII вѣка была временемъ смуты; въ этой, прежде неустроенной, казачьей Украйнѣ въ XVI и XVII вв. подъ вліяніемъ Польско-Литовскаго государства сложился извѣстный общественный порядокъ; рядомъ съ казачествомъ вольнымъ, записаннымъ въ реестры появляется Польское панство, закабалявшее себѣ казаковъ, незаписанныхъ въ реестры; умножается городское населеніе получавшее особыя права; изъ среды самого казачества выдѣляется классъ болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ людей «старшина», которая стремится отождествить себя съ дворянствомъ. Когда произошло отдѣленіе Украйны отъ Польши и изчезло Польско-Литовское дворянство изъ Малороссіи, новые владѣтели дворянскихъ земель («старшина») стремятся выдѣлиться изъ казачества, «или въ видѣ шляхты Польской,

или въ видѣ дворянства Московскаго», по выраженію С. М. Соловьева. Такое стремленіе ихъ къ преобладанію въ странѣ встрѣчаетъ отпоръ въ остальной массѣ освободившагося отъ панства казачества. Между казачествомъ демократическимъ и старшиною идетъ глухая борьба. Города Малороссійскіе заботятся лишь объ утвержденіи Московскихъ правъ и тамъ, гдѣ ихъ интересы сталкиваются съ казачьими, не жалѣютъ послѣднихъ. Духовенство поступаетъ, какъ города. Въ Малороссіи все идетъ врозь и каждая общественная группа добивается у Москвы обезпечиванія исключительно своихъ правъ и интересовъ въ ущербъ другимъ. Въ этой «войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ» Москвѣ приходится играть роль примирительницы и умиротворительницы, удовлетворяя однихъ и возбуждая недовольство другихъ. Медленно справлялась Москва со своей задачей въ Малороссіи, не имѣя твердой опоры въ странѣ и утверждая свое вліяніе лишь на симпатіи демократическихъ слоевъ, тогда какъ верхніе слои населенія большей частью тянули къ Польшѣ съ ея аристократическимъ складомъ. Не смотря на постоянныя смуты «измѣну», Малороссіянъ Москвѣ, Москва крѣпко держится за Малороссію и все крѣпче и крѣпче привязываетъ ее къ себѣ (особенно лѣвый берегъ Днѣпра).

Уже и въ 1657 г. казачья старшина стала давать себя знать Москвѣ. По смерти Богдана Хмѣльницкаго—гетмантство было захвачено писаремъ Иваномъ Выговскимъ, человѣкомъ Польскихъ симпатій, представителемъ казачьей старшины. Но противъ него всталъ Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, простое казачество и Запорожье. Началось междоусобіе, въ которомъ погибъ Пушкарь и восторжествовалъ Выговскій. Въ 1658 г. Выговскій передался Польшѣ и нанесъ въ 1659 г. страшное пораженіе Московскимъ войскамъ подъ Конотопомъ. Но онъ былъ свергнутъ самими казаками и гетманомъ сталъ Юрій Хмѣльницкій, который присягнулъ Москвѣ, но когда началась вторая война у Москвы съ Польшей, передался Полякамъ. Однако лѣвая сторона Днѣпра осталась вѣрною Москвѣ и избрала въ 1662 г. особаго гетмана запорожца Брюховецкаго.

По Андрусовскому перемирію въ 1667 г. между Польшей и Россіей, лѣво-бережная Украйна осталась на вѣки за Москвой. Брюховецкій явился покорнымъ подданнымъ и самъ хлопоталъ объ уменьшеніи Малороссійской автономіи. Но это вызвало общее недовольство на Украйнѣ, которое увлекло самого Брюховецкаго въ 1668 г. къ отпаденію отъ Москвы. Не имѣя твердой политики Брюховецкій скоро погибъ въ смутахъ и населеніе лѣваго берега снова потянуло къ Москвѣ не желая польскихъ порядковъ. Представителемъ этихъ демократическихъ симпатій явился гетманъ Многогрѣшный, кот. старшина успѣла свергнуть, оклеветавъ его въ Москвѣ. Только съ 1672 г. съ гетманствомъ Ивана Самойловича, наступило внутреннее спокойствіе на лѣвомъ берегу Днѣпра.

За то явилась внѣшняя опасность. Правая Польская сторона Днѣпра отъ Польши передалась Турціи. Турецкій султанъ Магометъ IV въ 1672 г. предпринялъ походъ для покоренія всей Украйны, такимъ образомъ началась война Москвы съ турками, продолжавшаяся

до 1681 года, театромъ ея былъ правый берегъ Днѣпра, который Москвѣ не удалось пріобрѣсти, за то она крѣпко завладѣла лѣвымъ берегомъ.

И въ этомъ заключался уже громадный успѣхъ Москвы. Присоединеніе Малороссіи было первымъ важнымъ наступательнымъ шагомъ Московскаго государства относительно Польши. До сихъ поръ Москва почти всегда оборонялась и перевѣсъ силъ былъ по большей части на сторонѣ Польши; съ этого же момента отношенія сосѣдокъ окончательно мѣняется. Москва явно сильнѣе Польши и наступаетъ на нее, мстя за прежнія обиды и возвращая старинныя свои земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще недавно обезсиленная смутой она теперь съ каждымъ годомъ выростаетъ въ глазахъ прочихъ своихъ сосѣдей и получаетъ все большій и большій дипломатическій вѣсъ, не смотря на внутреннія свои затрудненія. Московскіе дипломаты, дѣйствовавшіе въ то время, могли быть вполнѣ довольны своею дѣятельностью.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

(1676—1682 г.).

Въ борьбѣ стараго и новаго порядка побѣда скоро склонилась на сторону новшествъ, получившихъ право гражданства въ умахъ и перешедшихъ въ жизнь при сыновьяхъ Алексѣя Михаиловича. Для того, чтобы узаконить новшества, необходимо было, чтобы Московскій государь склонился на сторону новаго порядка, сталъ за него самъ— и мы видимъ, что оба сына Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ и Петръ, стояли очень опредѣленно на его сторонѣ. Но исторія культурной реформы при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сильно отличается отъ послѣдующей преобразовательной эпохи.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ реформа не выходила изъ Москвы и придворнаго міра, она касалась только верхнихъ слоевъ Московскаго общества и только въ нихъ развивалась. Въ глазахъ народа, въ это время государственныя мѣропріятія еще не были реформацiей.

Затѣмъ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и характеръ реформы былъ иной, чѣмъ при Петрѣ. При первомъ мы наблюдаемъ вліяніе Кіевское и Греческое и культурныя новшества служатъ преимущественно интересамъ церкви, а заимствованіе съ запада идетъ, какъ прежде, при Алексѣѣ Михайловичѣ еще безъ системы и удовлетворяя лишь частнымъ практическимъ нуждамъ государства, что мы видимъ напримѣръ въ устройствѣ войска по европейскому образцу. При Петрѣ Великомъ дѣйствуетъ не только кіевское вліяніе, но и западное; въ то же время и область реформы расширяется, не ограничиваясь одной церковной сферой и высшимъ классомъ, новшества систематически охватываютъ всѣ стороны жизни, весь государственный организмъ.

Но и при Ѳеодорѣ и при Петрѣ, какъ уже замѣчено, для успѣха новшества необходима была не одна санкція, но и починъ верховной власти. Хотя само русское общество въ значительной своей части

и понимало необходимость реформы, тѣмъ не менѣе своими силами оно не могло ей идти на встрѣчу, такъ какъ оно не представляло въ себѣ никакихъ крѣпкихъ и самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, которые могли бы осуществить реформу, мѣстные же союзы, установленные государствомъ, всѣ существовали въ интересахъ послѣдняго, не проявляя самостоятельной дѣятельности. Только отдѣльныя лица въ предѣлахъ своей частной жизни могли вводить новшества, но это такъ и оставалось личнымъ дѣломъ, (какъ это и бывало при Алексѣѣ Михайловичѣ), и не развивалось, если само правительство не сочувствовало реформѣ. Поэтому осуществить реформу могло одно только правительство своимъ авторитетомъ.

Слабый и больной Θеодоръ Алексѣевичъ немного сдѣлалъ въ этомъ направленіи, но драгоцѣнно и то, что онъ личными симпатіями опредѣленнѣе своего отца сталъ на сторону реформы. Воспитанникъ Симеона Полоцкаго, знавшій польскій и латинскій языки, слагавшій вирши, Θеодоръ самъ сталъ Кіевляниномъ по духу и далъ просторъ Кіевскому вліянію, которое вносило къ намъ съ собою и нѣкоторыя, мало впрочемъ замѣтныя польскія черты.

Θеодоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ четырнадцати лѣтъ. Еще мальчикомъ смотрѣлъ онъ чрезвычайно хилымъ и болѣзненнымъ. Въ царской семьѣ господствовалъ раздоръ, происходила борьба между двумя партіями: съ одной стороны стояла партія Натальи Кирилловны Нарышкиной, мачихи Θеодора, съ другой—сестеръ и тетокъ царя, около которой группировалась родня первой жены царя Алексѣя, Марьи Ильинишны,—Милославскіе. Послѣдніе одержали верхъ, результатомъ чего было паденіе Артамона Сергѣевича Матвѣева. За приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, и отправленъ въ ссылку въ Пустозерскій острогъ. Но вліяніе Милославскихъ, погубившихъ Матвѣева, не долго длилось, ихъ замѣнили любимцы царя Θеодора, постельничій Языковъ и стольникъ Лихачевъ, люди образованные, способные и добросовѣстные. Близость ихъ къ царю и вліяніе на дѣла были очень велики. Немногимъ меньше было значеніе князя В. В. Голицына. Въ наиболѣе важныхъ внутреннихъ дѣлахъ времени Θеодора Алексѣевича необходимо нужно искать почина этихъ именно лицъ, какъ руководившихъ тогда всѣмъ въ Москвѣ.

Въ первое время царствованія Θеодора Московское правительство всецѣло было поглощено внѣшними дѣлами, вмѣшательствомъ Турокъ въ малороссійскія дѣла и безпорядками въ самой Малороссіи. Съ большими только усиліями удалось (въ 1681 г.) удержать за собою новоприсоединенный край. И благодаря такимъ внѣшнимъ усложненіямъ, во внутренней дѣятельности правительства при Θеодорѣ незамѣтно никакого почти движенія до послѣднихъ лѣтъ его царствованія. За то въ самомъ его концѣ, подъ вліяніемъ новыхъ любимцевъ царя оживилась эта внутренняя дѣятельность и оставила по себѣ нѣсколько любопытныхъ мѣръ и проэктовъ.

Въ самые послѣдніе дни царствованія Θеодора Алексѣевича былъ, напримѣръ, составленъ проектъ высшаго училища или такъ называемой

Греко-Латинской Академіи. (Этотъ проэктъ напечатанъ въ VII томѣ Древней Россійской Вивліоѳики). Онъ возникъ такимъ образомъ: съ востока въ Москву пріѣхалъ монахъ Тимоѳей сильно тронувшій царя разсказомъ о бѣдствіяхъ греческой церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, такъ необходимой для поддержанія на востокѣ православія. Это подало поводъ учредить въ Москвѣ духовное училище на 30 человѣкъ, начальникомъ котораго былъ сдѣланъ самъ Тимоѳей, а учителями два грека. Мыслью этого предпріятія было такимъ образомъ поддержаніе православія. Но этимъ небольшимъ училищемъ не довольствуются,—и вотъ появляется проектъ Академіи, характеръ которой выходитъ далеко за предѣлы простой школы. Въ ней должны были преподаваться: грамматика, піитика, риторика, діалектика и философія «разумительная», «естественная» и «правая». Учителя Академіи должны были всѣ быть съ востока и кромѣ того съ ручательствомъ патріарховъ. Но этимъ еще не исчерпывалась задача Академіи: Академія должна была слѣдить за чистотою вѣры, быть орудіемъ борьбы противъ иновѣрцевъ, изъ нея должны были выходить апологеты православія, ей присвоивалось право разсужденія о правовѣріи всякаго, и иноземца и русскаго. «Московская Академія по проекту царя Ѳеодора», говоритъ Соловьевъ, «это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюститель съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи»,—и костеръ запылаетъ для преступника. (Ист. Россіи, XIII, гл. II). Нужно замѣтить, что Академія была учреждена послѣ смерти Ѳеодора, и первыми ея учителями были вызванные съ востока ученые братья Лихуды (Іоанникій и Софроній).

Другимъ замѣчательнымъ актомъ царствованія Ѳеодора было уничтоженіе мѣстничества. Въ концѣ 1681 г. въ Москвѣ были собраны двѣ коммиссіи; одна состояла изъ выборныхъ отъ служилаго сословія и была призвана съ цѣлью обсужденія лучшаго устройства военныхъ силъ или, какъ сказано въ указѣ, «для устроенія и управленія ратнаго дѣла», а другая состояла изъ выборныхъ отъ тяглыхъ людей и занималась выработкой новой системы податей.

Этотъ съѣздъ выборныхъ давалъ полный контингентъ для земскаго собора, но коммиссіи тѣмъ не менѣе не соединялись въ соборъ ни разу и засѣдали въ разное время, хотя представитель у нихъ былъ одинъ и тотъ же, именно Василій Васильевичъ Голицынъ. Тяглая коммиссія кончилась ничѣмъ, хотя показала лишній разъ неудовлетворительность податной системы Московскаго государства и дала собою лишній прецедентъ Петру Великому при замѣнѣ поземельной подати подушнымъ окладомъ. Служилая коммиссія напротивъ имѣла важныя послѣдствія: кромѣ того, что ею были проэктированы различныя реформы въ военномъ устройствѣ, выборные люди въ своихъ работахъ пришли къ мысли подать государю челобитье объ уничтоженіи мѣстничества. По этому поводу 12 января 1682 г. государь созвалъ торжественное собраніе духовенства, думы и выборныхъ придворныхъ чиновъ для обсужденія челобитья и уничтоженія «мѣстъ». Можетъ по-

казаться страннымъ съ перваго раза, почему въ засѣданіи участвовала не служилая коммиссія, а только выборные высшихъ чиновъ; но дѣло въ томъ, что во первыхъ государь зналъ изъ самаго челобитья мнѣніе коммиссіи относительно этого вопроса, а во вторыхъ, именно въ высшихъ слояхъ мѣстничество и было крѣпко; высшіе слои преимущественно практиковали его и были наиболѣе заинтересованы въ вопросѣ объ уничтоженіи этого обычая. На вопросъ царя о мѣстничествѣ духовенству патріархъ отвѣчалъ: «азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе». Бояре же и придворное дворянство сами просили его уничтожить «мѣста»,—«для того въ прошлые годы во многихъ ратныхъ посольствахъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованіе, а между нами (служилыми) богопротивное дѣло—великія, продолжительная вражды. «Руководствуясь подобными отвѣтами, царь указалъ сжечь разрядныя книги, въ которыхъ записывались мѣстническія дѣла и отъ нынѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ». На это собраніе единодушно отвѣчало: «да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь... во вѣки». Такъ передаетъ Соборное Уложеніе 1682 г. объ уничтоженіи мѣстничества. Но еще за 70—80 лѣтъ передъ тѣмъ боярство очень крѣпко держалось за право мѣстничества, а бояре говорили: то имъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть». По какой же причинѣ нарушился старый обычай безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ которые шли когда-то подъ опалу и въ тюрьму, отстаивая родовую, честь? Дѣло въ томъ, что «мѣста» были относительны; само по себѣ низкое мѣсто не безчестило родовитаго человѣка, «если только такіе же мѣста занимали съ нимъ одинаково родовитые люди. По этому, чтобы считаться мѣстами надо было помнить относительную честь стародавнихъ честныхъ родовъ. Но въ XVII в. родовитое боярство или повымерло (одними изъ знатнѣйшихь въ то время считались князья Одоевскіе, кот. въ XVI в. далеко небыли родовиты) или же упало экономически, (у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же Одоевскихъ не было ни помѣстій, ни вотчинъ). Вслѣдствіе этого при частыхъ пробѣлахъ въ рядахъ боярства и при многихъ захудалыхъ линіяхъ считаться мѣстами было очень трудно. Далѣе въ счеты родовитой знати въ XVII и. впутывается постоянно неродовитое дворянство, поднявшееся по службѣ, благодаря упадку стараго боярства. (Въ 1668 г. напр изъ 62 бояръ и умныхъ людей только 28 принадлежали къ тѣмъ старымъ родамъ, которыхъ предки въ XVI в. были въ Думѣ). Но хотя это новое дворянство и мѣстничилось, однако оно врядъ ли могло дорожить этимъ обычаемъ, для него было выгоднѣе замѣнить повышеніе помощью мѣстничества началомъ выслуги. Старое же боярство, затрудненное въ своихъ счетахъ убылью и пониженіемъ своихъ членовъ, проигравшее на службѣ при столкновеніи съ новыми передовыми чинами Московской администраціи, равнодушно смотрѣло на частыя отмѣны мѣстъ», которыя постоянно бывали въ XVII в. Мѣстничество практически ста-

новилось неудобнымъ вслѣдствіе распаденія стараго боярства и именно поэтому теряло свою цѣну для стараго боярства, не пріобрѣтая живаго смысла для новой служебной аристократіи. Ключевскій по этому поводу справедливо замѣчаетъ, что «не боярство умерло, потому что осталось «безъ мѣста», чего оно боялось въ XVI в., а мѣста исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ». (Бояр. Дума, изд. I, 535 г.). Въ связи съ уничтоженіемъ мѣстничества тотъ же Ключевскій ставитъ возникшій при Ѳеодорѣ такъ называемый «Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ». Этотъ проектъ впервые ясно выразилъ необычную въ Московскомъ государствѣ мысль о полномъ раздѣленіи гражданскихъ и военныхъ властей. Съ другой стороны этотъ проектъ предлагалъ учрежденіе постоянныхъ намѣстничествъ (Владимірскаго, Новгородскаго и друг.) и устанавливалъ строго старшинство одного намѣстника надъ другимъ. Однако всѣ эти предначертанія не были осуществлены и замѣны родоваго старшинства (въ мѣстничествѣ) старшинствомъ служебнымъ (по должности) не послѣдовало.

Ошибки и опечатки въ I выпускѣ.

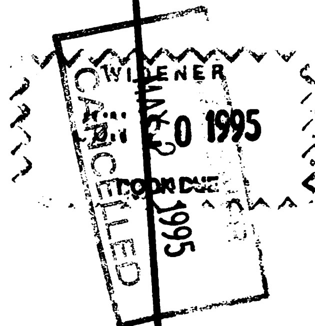
Страница:	*Строчка*:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
1	3	значеніе	знаніе
3	13	франуйаскому	французскому
17	38	въ древне-русскомъ быть	въ древне-русскомъ
20	40	изъ XVII въ XVII в.	изъ XVII въ XVIII в.
26	25	Своимъ достоинствомъ	Своимъ достоинствомъ
33	30	разрабатыоаетъ	разрабатываетъ
33	46	четыреперыхъ	четыре первыхъ
36	38	вышс-приведенную	выше-приведенную
37	14	изслѣдованісмъ	изслѣдованіемъ
39	7	въ XV вѣку	къ XV вѣку.
39	42	русской итторіи	русской исторіи
40	37	чудошворцевъ	чудотворцевъ
—	47	нзслѣдователямъ	изслѣдователямъ
47	5	не владѣла	не владѣли
—	11	управлявшееся	управляемое
—	12	не останавливаемсс	не останавливаемся
49	4	частями	людьми
51	38	сѣдатъ	сидятъ
52	43	оно значило ъ XII вѣкѣ	оно значило въ XII вѣкѣ
59	41	и напіональнаго	и національнаго
62	10	съ нетвердыми	съ нетвердымъ
64	46	случайность приводили	случайность приводила
65	19	Кіевкіи	Кіевскій
66	45	обязая	обязалъ
69	7	давалъ землю	давали землю
69	22	услойіяхъ	условіяхъ
69	24	пзъ стремлеғія	изъ стремленія
72	5	отличались	не отличались
82	25	старому—вѣче,	старому
84	1	владѣлч	владѣвъ
—	31	отягивать	оттягивать
90	24	сосщавляющщее	составляющее
92	10	управлннія	управленія
95	1	вся строчка лишняя	
97	45	являтеся	является
100	10	ремеслеяниками	ремесленники
104	1	политичесвой	политической
104	19	пѣлью	цѣлью
106	13	звѣстіемъ	извѣстіемъ
108	20	нервыми	первыми
115	24	Олькердъ	Ольгердъ
—	27	съ сювeро-восточною	съ сѣверо-восточною
—	29	въ неми	въ немъ
116	19	Танненберомъ	Танненбергомъ
120	37	князяхъ	княвьяхъ
121	1	зъ ними	съ ними
121	4	въ Москвѣ	въ Литвѣ
121	15	королеоство	королевство
121	33	запрещать	запрещаетъ
122	7	Предшеспвенники	Предшественники

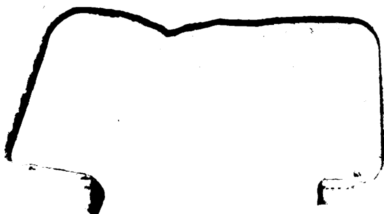
Прилагаемыми 95—96 страницами слѣдуетъ замѣнить тѣ же страницы I выпуска.

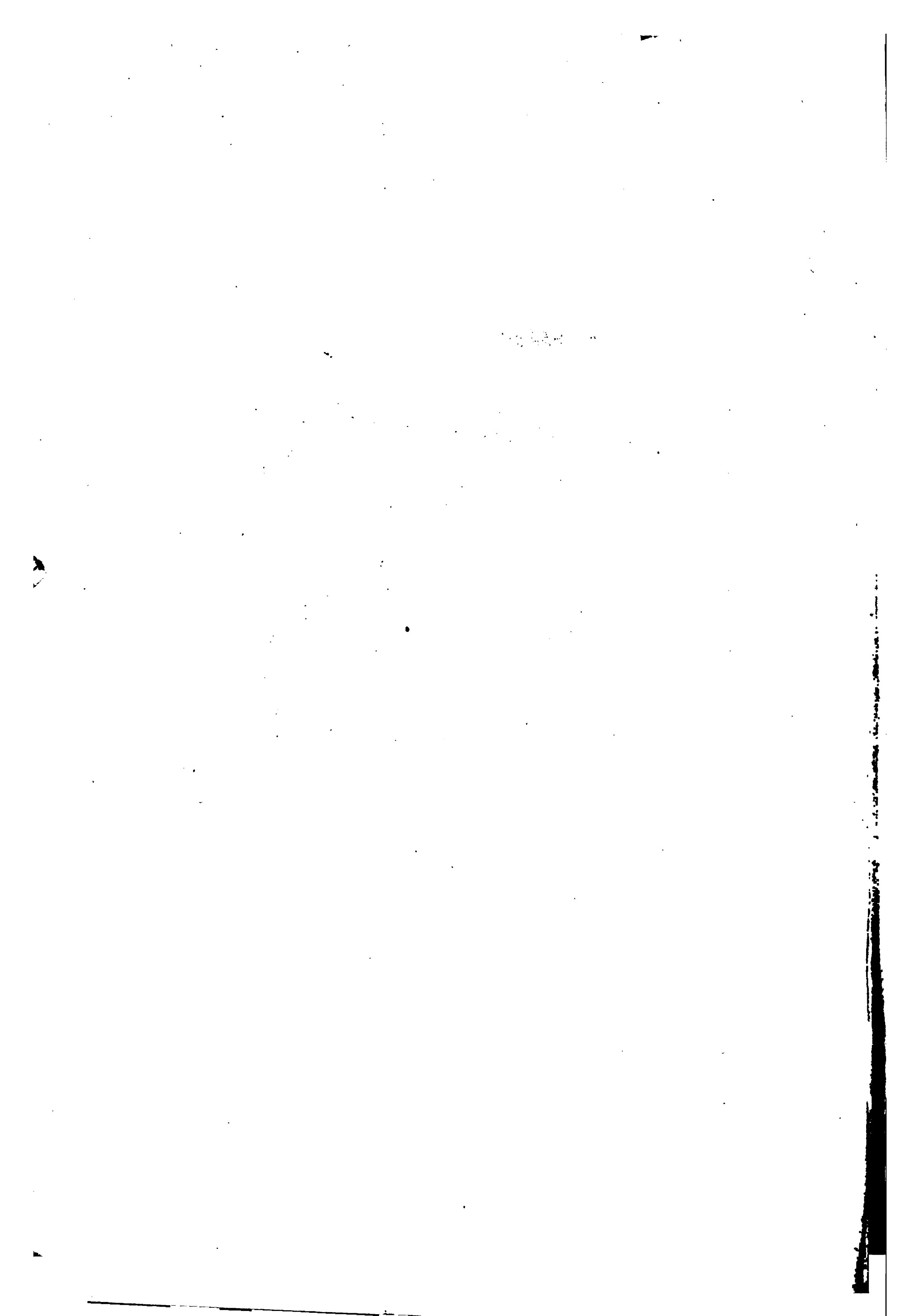
Ошибки и опечатки въ II выпускѣ.

Страница:	*Строчка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	46	характерныхъ	характерныхъ
6	28	вотчинку	вотчину
11	37	дворѣ	дворцѣ
14	4	Частые	Частные
14	7	готударя	государя
17	23	мала	мало
18	6	значенія	значеніе
19	20	затлючался	заключался
20	30	дворцовую	дворцовою
21	15	теченіе	теченіе
—	—	риспространеніе	распространеніе
—	40	1585 году	1585 году или верстали на постоянную службу.
22	18	особами	способами
—	28	этой	этомъ
—	33	болѣ	болѣе
—	37	замель	земель
—	46	помѣстныя	помѣстный
23	23	огветственности	отвѣтственности
—	32	единою	единую
24	5	Неизбежимымъ	Неизбѣжнымъ
—	16	прикрѣплеціе	прикрѣпленіемъ
—	26	владеніе	владѣнія
25	14	стали	сталъ
—	19	обезпеченіе	обезпечиванія
—	26	быле	были
—	36	возникали здѣсь	возникали
26	5	переселятся	переселяться
—	28	хороше,	хорошее
28	7	разорялись	разсорялись
—	21	молги	могли
30	26	не совѣршененъ	несовершененъ
—	35	держать	держать
33	—	стрлемненій	стремле нiй
35	8	не	ни
—	38	поддерживалось	поддерживалась
—	37	закончилось	закончилась
36	17	двухъ	духѣ
—	21	сочетаніямъ	сочетаніемъ
37	3	Weacth	Wealth
41	31	всенардно	всенародно
42	13	едѣсь	здѣсь
—	29	нбъ	объ
—	44	сямоубійства	самоубійства
44	11	сылъ	слылъ
46	44	была	были
47	16	своа	свое
—	32	впечатленіе	впечатлѣніе
48	3	современнука	современника
—	43	семскихъ	земскихъ

Страница:	*Строчка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать.*
54	33	опальчвномъ	опальчивомъ
55	40	человѣкомъ	не человѣкомъ
57	5	объяснившійся	объяснявшійся
63	29	политическихъ	политической
—	31	нетрпѣніемъ	нетерпѣніемъ
65	40	сложеть	сложетъ
66	8	предается	придается
—	35	парицы	царицы
67	14	переносить	переносить
—	16	въ средства	въ средство
71	12	съ нимв.	съ нимъ
—	40	усобенно	особенно
—	43	въ главѣ	во главѣ
78	29—30	духовные и свѣтскіе	духовния и свѣтскія
82	38	окнчательно	окончательно
83	25	объ избѣжаніи	объ избраніи
—	41	по заключенію	по заключеніи
—	—	принисеніи	принесеніи
85	32	отъ король	отъ короля
—	37	которые	которыя
87	39—40	можно соединиться	можно было соединиться
—	41	движиніе	движеніе
97	35	организаціею	организацію
100	17	въ оной	въ одной
105	21—22	накокнецъ	наконецъ
107	47	во время послѣдующей	во время послѣдующее
108	38	не однимъ	не одними
109	3	на правомъ планѣ	на первомъ планѣ
154	16	которыми	которымъ,
167	35	Крутыцкаго	Крутицкаго
174	15	„Прелѣсть бѣсовскую“	„Прелесть бѣсовскую“
178	41	этото	это то
180	4	афформизмы	афоризмы
182	37	филиппа	Филиппа
188	19	правовославія	православія
190	48	Сигигизмундъ	Сигизмундъ

WIDENER
1995
CANCELLED
1995

WIDENER
JUN 20 1995
BOOK DUE
CANCELLED